

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК
XVII

ВЫПУСК
XVII

USSR ACADEMY OF SCIENCES
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR
ORIENTAL COMMISSION

Countries and Peoples of the East

Under the general editorship
of the Corresponding Member
of the Academy of Sciences of the USSR
D. A. OLDEROGGE

VOL. XVII

COUNTRIES AND PEOPLES
OF THE PACIFIC BASIN

B o o k 3

Compiled and edited by Y. V. MARETIN

«NAUKA» PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1975

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XVII

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Составитель и ответственный редактор
Ю. В. МАРЕТИН

Данный сборник охватывает широкий круг вопросов, связанных с историей географических открытий, этнографией и политической историей стран и народов бассейна Тихого океана. В нем впервые публикуются новые архивные материалы и оригинальные исследования о первых ученых и путешественниках, побывавших на крайнем Востоке нашей родины, о выходе русских к берегам Тихого океана, чему в начале XVIII в. способствовала деятельность Петра I. Серия статей посвящена истории и этнографии стран Восточной и Юго-Восточной Азии, относящихся к Тихоокеанскому региону. Статьи основаны на многолетних изысканиях, в том числе в архивах страны, и полевых исследованиях.

С $\frac{013(02)-75}{20901-146}$ 136-75

---

*Мы ничего больше не желаем, как чтоб
чрез прилежность, которую мы прила-
гать будем, науки в лутчий цвет при-
весть.*

Из ответа Петра I Парижской
Академии наук, избравшей его
в 1717 г. своим действительным
членом.

Ю. В. Маретин

**ПРЕДИСЛОВИЕ. ГЕОГРАФО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ЭПОХУ
ПЕТРА ПЕРВОГО И ДАЛЬНЕЙШЕЕ ИЗУЧЕНИЕ СТРАН
ТИХООКЕАНСКОГО БАССЕЙНА**

Представляемая читателям книга — третья из числа посвященных странам и народам бассейна Тихого океана в серии «Страны и народы Востока». Публикуемые здесь работы охватывают широкий круг проблем по истории географических открытий, этнографии, политической истории этого региона земного шара — от снежной Чукотки до загадочного о-ва Пасхи на юге Тихого океана. Они показывают роль российских путешественников XVII в. в исследовании крайнего Северо-Востока и Дальнего Востока нашей Родины; значение научных экспедиций XVIII в., инициатором которых был Петр I и которые проводились Академией наук, им основанной; вклад российских мореплавателей в изучение Тихоокеанского бассейна, в первую очередь его северной части, на протяжении первой половины XIX в. Ряд работ отражает растущий интерес советских ученых, продолжающих труды своих предшественников, к малоизвестным сторонам истории, этнографии и культуры стран Тихоокеанского бассейна.

ЦК КПСС в октябре 1973 г. принял специальное постановление «О 250-летнем юбилее Академии Наук СССР». Создание Академии, основанной Петром I, «явилось крупным событием в истории развития науки, образования, культуры нашей страны»¹. В связи с 250-летием Академии Наук СССР (январь 1974 г.) и недавно исполнившимся 300-летием со дня рождения основателя Академии Наук Петра I (30 мая, или 9 июня по новому стилю, 1972 г.), отмеченным общественностью в СССР² и, по решению ЮНЕСКО, во всем мире, Восточная комиссия Географического общества СССР подготовила настоящий сборник.

В первой четверти XVIII в. в территориальных границах России произошли очень серьезные изменения как в ее европейской части, так

---

¹ «Правда», 2. II. 1974.

² См., например, изданные институтами Академии наук СССР и издательством «Наука» работы «Россия в период реформ Петра I» (М., 1973), «Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века» (Л., 1974), «Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования» (М., 1973), «Уставы Академии наук СССР. 1724—1971» (М., 1974), «Портрет Петровского времени» (Л., 1970) и др.

и за Уральским хребтом, вплоть до Чукотки и Камчатки. Эти изменения были связаны с решением важных государственных и общенациональных внешнеполитических и внутривнутриполитических проблем. Огромную роль в их решении сыграл Петр I, «этот действительно великий человек», как охарактеризовал его Ф. Энгельс³.

Не касаясь политических аспектов его деятельности, отметим, что заслуги его исключительно велики и в развитии науки, в том числе в исследовании дальневосточных районов нашей родины. Значение деятельности Петра I в этом отношении определяется не только тем, что он поставил многие насущные географические задачи и лично содействовал их разрешению, но и тем, что он создал Академию наук, ставшую со времени основания и на долгие последующие годы, особенно на протяжении всего XVIII в., центром географических знаний в России, «когда именно деятельность Академии во многом определяла не только направление географических исследований, но и состояние географической мысли»⁴.

Петр I, равно как и большинство его сподвижников, выдвинутых им, хорошо понимал задачи, стоявшие перед крепнувшим Российским государством после столетий татаро-монгольского ига и длительных кровавых феодальных междоусобиц. Предстояло упрочить внутреннее положение, укрепить границы, приобщиться к техническому и культурному уровню стран Запада. Более того, Петр I понимал значение своих государственных и научных мероприятий и для будущего развития страны, и во многом оказался прав. Академик К. Бэр так сказал о научных заслугах Петра I в работе «Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний»: «Идеи, руководившие его при назначении ученых экспедиций, носят на себе печать величия и прозорливости: гениальный взор его провидел плоды их в отдаленной будущности»⁵. В то же время Петр I, как показали советские историки, оставаясь выдающимся государственным деятелем, был фанатиком идеи государственности и служения государству⁶ и, проводя эту идею, содействовал укреплению крепостничества и бюрократии.

Довольно широко распространена точка зрения, будто деятельность Петра I как политическая, так и научная осуществлялась по прямому настоянию и даже под руководством иностранных ученых и государственных деятелей. Это неверно. Движение на Восток и повышенный интерес к изучению восточных окраин России и сопредельных стран были вызваны естественными потребностями государства, а не

³ Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма,— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 22, стр. 20.

⁴ Н. Г. Сухова. Академия Наук и развитие географической науки в России,— ИВГО, т. 106, 1974, вып. 3, стр. 185. См. также: «История Академии наук СССР», т. I (1724—1803), М.—Л., 1958, т. II (1804—1917), М.—Л., 1964; П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862.

⁵ Подготовленный к 175-летию со дня рождения Петра I доклад был прочитан на заседании Русского географического общества в январе 1848 г. и напечатан позднее (ЗРГО, кн. III, 1849, стр. 217—253; ЗИРГО, кн. IV, 1850, стр. 260—283). К. Бэр вернулся к работе четверть века спустя: в 1872 г., к 200-летию со дня рождения Петра I, работа вышла на немецком языке как монография (К. Е. von Baer, Peter's des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse.

Herausgegeben bei Gelegenheit der Feier der vor 200 Jahren erfolgten Geburt Peter's des Grossen,— «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens», т. XVI, St. Petersburg, 1872, XV, 290 стр.) Являющаяся в сущности историей географических исследований в России в XVII—первой половине XVIII в., но незаслуженно забытая, эта работа еще ждет своего исследователя и может быть полезной при изучении Петровской эпохи. Цитата приведена по русскому варианту.

⁶ См., например: Н. И. Павленко, Петр I (К изучению социально-политических взглядов),— «Россия в период реформ Петра I», стр. 40 и сл.

предложениями и советами тех или иных иностранцев. Прав К. Бэр, который писал по поводу тех, кто полагал, что Петр I «был руководим иностранцами»: «Защитники этой мысли забывали, что человек с характером вполне самостоятельным мало способен действовать по внушениям других... Петр отправил экспедиции с ученою и торговою целью в Китай и Индию, когда сам еще не переступал границы своего царства. Вообще история географических экспедиций при Петре доказывает, что руководившая его при этом мысль была его собственная; что если средства выполнения и бывали несовершенны, то цель всегда была велика; предприятия бывали иногда чрезвычайно отважны, но всегда вызваны обстоятельствами данного момента. Инструкции писал он очень часто сам, иногда даже на походе...»⁷ Естественно, рекомендации иностранцев — независимо от ранга и положения советующих — учитывались Петром I и его сподвижниками, но лишь в той мере, в какой они отвечали нуждам бурно развивающегося государства, вышедшего на правах равного на европейскую арену и стремившегося преодолеть былую отсталость и замкнутость.

Академик Л. Н. Майков среди изданных им высказываний Петра I приводит и такое: «Ограждая отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее Голландцев и Англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских?»⁸

Именно выход россиян на Тихий океан в середине XVII в., а главным образом научные экспедиции петровского времени и 30-х годов XVIII в. и сделанные ими открытия послужили фундаментом для дальнейших интенсивных исследований и первой половины XIX в., когда ареал их распространился далеко на юг и ознаменовался открытием Антарктиды и ряда островов в Тихом океане, и второй половины XIX в., отмеченной в первую очередь именем выдающегося ученого и гуманиста Н. Н. Миклухо-Маклая⁹. После революции эстафету прогрессивных исследований подхватили советские ученые, особенно широко развернувшие работу по изучению стран Тихоокеанского бассейна с середины 50-х годов. В эту работу включилась и Восточная комиссия Географического общества Академии наук СССР.

Географические исследования на крайнем Востоке нашей страны, а также изучение истории этих исследований — область, где советские ученые располагают фактической научной монополией. Значительную часть данного сборника составляют оригинальные исследования, основанные на неопубликованных архивных материалах и забытых источниках. Статьи сборника призваны показать научную сторону мероприятий, задуманных Петром I на крайнем Востоке нашей родины и осуществленных (и осуществляемых!) главным образом после его смерти.

Широкой проблеме изучения Востока в целом и расширения знаний о странах Востока в Петровскую эпоху посвящена статья А. Х. Рафикова.

Подтверждением неуклонного стремления Петра I к укреплению дальневосточных границ России и к установлению контактов с Амери-

⁷ К. М. Бэр. Заслуги Петра Великого... — ЗРГО, кн. III, стр. 218.

⁸ Л. Н. Майков. Рассказы Нартова о Петре Великом, — «Записки Академии Наук», т. LXVII, приложение № 6, 1891, стр. 99 (рассказ № 149).

⁹ 125-летию со дня его рождения и 100-летию со дня высадки на неизведанный северо-восточный берег Новой Гвинеи, названный впоследствии Берегом Маклая, Восточная комиссия посвятила XIII сборник из серии «Страны и народы Востока» («Страны и народы бассейна Тихого океана», кн. 2, М., 1972).

кой служит статья Б. П. Полевого об истории решения проблемы, «сошлася ли Америка с Азией», для чего специально была снаряжена Камчатская экспедиция под начальством Витуса Беринга. Автор выдвигает оригинальное и убедительное объяснение содержания инструкции Петра I, данной им экспедиции. Интерес к этому поистине грандиозному научному предприятию, начатому указом Петра I в 1725 г. и завершенному в 1743 г., не ослабевает, в том числе и за рубежом. Историк В. Е. Возгрин дает обзор иностранной литературы о Беринге и его экспедиции — по большей части это почти неизвестные у нас работы на датском и шведском языках. Продолжением этого цикла является работа В. М. Пасецкого об участии российских мореплавателей первой половины XIX в. — И. Ф. Крузенштерна, О. Е. Коцебу, декабриста В. П. Романова, Ф. П. Литке, Ф. П. Врангеля и др. — в исследовании и доказательстве существования Северо-Западного прохода, т. е. прохода морским путем из Атлантического океана в Тихий вокруг северных берегов Северной Америки.

Статья И. С. Вдовина об изучении ительменов и коряков в первые десятилетия XVIII в. (по неопубликованным материалам А. П. Горланова), большая работа И. И. Огрызко о торговле на Камчатке в XVIII — начале XX в., насыщенная интересным фактическим материалом из архивов и являющаяся, в сущности, очерком истории освоения этого края, публикация неизвестной рукописи академика Г. И. Лангсдорфа о Камчатке, в которой объективно рисуется положение населения этого края в начале XIX в., а также статья Е. П. Орловой о верованиях камчадалов-ительменов — таков второй, камчатский, цикл работ, включенных в настоящий сборник.

Заключают общий дальневосточный комплекс статей работа Б. П. Полевого и Ч. М. Таксами, суммирующая первые известия о нивхах, полученные еще в середине XVII в., статья О. П. Петровой, посвященная выявлению первых сведений о Японии, которые были получены в России в эпоху Петра I, и статья С. В. Иванова о верованиях чукчей.

Этнография стран Тихоокеанского бассейна, лежащих за пределами границ СССР, представлена написанной на основании эрмитажных коллекций работой В. Т. Дашкевич о культурных связях Японии с Европой в XVI—XIX вв., статьями об общинных отношениях в корейской деревне XIX в. (Ю. В. Ионов), о «доме холостяков» в Юго-Восточной Азии и социальном значении этого института (С. А. Маретина). К циклу этнографических статей примыкают статья В. С. Старикова о китайско-киданьской билингве чжурчжэньского времени и работа И. К. Федоровой о рапануйском письме с о-ва Пасхи.

Интересные этнографические и исторические материалы о Яве конца прошлого века содержатся в дневнике С. Г. Навашина, о котором рассказывают Е. И. Гневушева и В. А. Жаров.

История стран Тихоокеанского бассейна помимо некоторых статей дальневосточного цикла, названных выше, представлена работами о захвате европейцами Тайваня в XVII в. (М. Ф. Чигринский), о малоизученной странице истории яванской империи Маджапахит в Индонезии (Л. М. Демин); большая работа В. А. Цыганова рассказывает о системе просвещения в Нидерландской Индии в 1900—1945 гг. и о связи ее с национально-освободительным движением в указанные годы.

Статьи сборника в комплексе позволяют более точно осветить многие неясные страницы истории географических открытий в бассейне Тихого океана, роль российских ученых и путешественников в исследовании в первую очередь северной его части, дают новые материалы по этнографии и истории народов и стран тихоокеанского региона.

А. Х. Рафиков

ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОКА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Говоря о Петре I как о выдающемся государственном деятеле, нельзя не отметить его роль в установлении политических и экономических связей России со странами Востока. Петр I стремился укрепить позиции России на Востоке, сделать ее посредником в торговле между Востоком и Западом. Выполнение этой задачи требовало прежде всего установления нормальных дипломатических отношений со странами Востока, изучения их экономики, политики и культуры. Так, Петр I неоднократно посылал туда дипломатические и духовные миссии, организовал караванную торговлю с Китаем.

Еще по Нерчинскому договору 1689 г. между Россией и Китаем купцам обеих стран было разрешено «приезжать и отъезжать для своих дел и для покупки и продажи товаров» [1, 63], а в 1698 г. в Китай был отправлен и первый казенный караван. В «паспорте», выданном Петром I комиссару каравана, говорилось, что разрешается «купить всяких потребных китайских товаров; сего ради его богдыханова величества китайского дружно просим... того комиссара нашего с казною и со всеми при нем будущими людьми и вещами через границы китайския и во град Пекин свободно и со вспоможением пропустить и тамо позволение ему, пока он те посланные с ним вещи повольною ценою продаст или променит и тамошние... товары искупить возможит, и оные ему свободно и вывезть» [15, 159].

В 1714 г. Петр I, отправляя в Китай первую духовную миссию во главе с архимандритом Иларионом Лежайским, включил в ее состав семь студентов, которые должны были изучить китайский язык и ознакомиться с религией и обычаями китайцев. Миссия пробыла в Пекине с 1716 по 1719 г. Поскольку на миссию, по-видимому, не были возложены дипломатические обязанности, в том же, 1719 г. в Китай было отправлено особое посольство, состоящее из светских лиц и возглавлявшееся гвардии капитаном Львом Измайловым. Секретарем был назначен Лоренц Ланг, занимавшийся изучением китайской науки и литературы и много сделавший для пополнения китайского фонда библиотеки Академии наук. Посольство Л. Измайлова должно было добиться согласия китайского правительства на учреждение в Пекине русского консульства, но не достигло своей цели. Однако Петр I, стремясь наладить с Китаем нормальные дипломатические и торговые отношения, начал готовить новое посольство во главе с опытным дипломатом С. Л. Владиславичем-Рагузинским. В состав посольства снова был включен Лоренц Ланг. Это посольство было отправлено уже после смерти Петра I, в конце 1725 г.

Вместе с Рагузинским прибыли в Китай ученики Московской духовной академии Лука Воейков, Федор Третьяков и Иван Пухатр и присоединившиеся к ним в Иркутске ученики Монгольской школы Герасим Шульгин, Иларион Россохин и Михаил Пономарев.

Согласно Кяхтинскому договору, подписанному С. Л. Рагузинским в 1727 г., Россия добилась права иметь в Пекине постоянную православную духовную миссию с возложением на нее дипломатического представительства. В ст. 5 этого договора говорилось: «Для русских в Пекине выстроить дом, в котором будут жить трое священников и шесть учеников для узнания китайского языка». Лука Воейков и его товарищи стали первыми учениками этой миссии. Они числились в ведомстве коллегии иностранных дел и получали жалованье по 200 рублей в год и проездные деньги по 50 рублей [3, 169]. Русская духовная миссия, начав свою деятельность по указу Петра I, подготовила немало переводчиков с китайского и маньчжурского языков. Первые русские китаеведы вышли именно из этой миссии.

Необходимо отметить, что для успешного ведения торговли и выполнения дипломатических поручений Петру I нужны были люди, знающие восточные языки. Так, в указе от 18 июня 1700 г. он подчеркивал, что на вакантную должность сибирского митрополита необходимо назначить «пастыря не только доброго и благого непорочного жития, но и ученаго, который бы при том в помощь себе взял в Сибирь несколько образованных, способных изучить языки китайский и сибирских инородцев» [цит. по: 3, 167].

В то же время Петр I принимал меры и по организации изучения японского языка. По его указу от 16 апреля 1702 г. в Приказ артиллерии был направлен японец по имени Денбей, потерпевший кораблекрушение у берегов России и проживавший на Камчатке, «а как он, Денбей, русскому языку и грамоты изучится,—повелевал Петр I,—и ему, Денбею, учить своему японскому языку и грамоте робят чело-век четырех или пять» [14, 55—56].

В 1711 г. во исполнение распоряжений сената с Камчатки в Якутск, а оттуда в Петербург был отправлен еще один японец, по имени Санима, тоже потерпевший кораблекрушение. Он прибыл в столицу в 1714 г. и был назначен помощником Денбея [3, 158, 15, 56]. После смерти Денбея и Санимы учителями японского языка стали еще два японца, попавшие в Россию таким же путем, как Денбей и Санима.

Указом Синода 1724 г. предписывалось открыть при Вознесенском монастыре в Иркутске школу сначала для изучения монгольского языка, а вслед за этим и китайского [3, 173]. В указе говорилось, что школа открывается «для распространения православной веры в Сибири и для сношения с соседями» [3, 181].

Понятно, что значительно больше внимания на Востоке Петр I уделял Персии. Торговля с ней для России представляла особую важность. Через Россию проходил торговый путь Запада в Персию, и, кроме того, именно русским купцам еще в 1664 г. персидский шах Аббас II предоставил право свободной торговли во всех персидских городах. Наконец, Петр I надеялся, используя связи с Персией, расширить русскую торговлю на Востоке. В 1715 г., отправляя посланником в Персию А. Волинского, он поручил ему узнать, «не возможно ли через Персиду учинить купечество в Индии, и о том пути и о торгах, какие у них индийцев с персами обретаются и какие товары им потребны и от них вывожены быть могут» [15, 200]. В январе 1716 г. сенатским указом к Волинскому были посланы пять учеников из Московской духовной академии для изучения турецкого, арабского и пер-

сидского языков. Петр I хотел избавиться от услуг персидских толмачей, подготовив своих переводчиков. В 1723 г. в Петербурге был подписан договор с Персией, который провозглашал установление постоянной дружбы и свободы торговли между обеими странами.

Из стран Востока наибольшее внимание Петра I привлекала Турция, дважды в течение его царствования воевавшая с Россией и представлявшая для нее постоянную угрозу. Необходимость постоянной готовности к новым столкновениям с Османской империей настоятельно требовала всестороннего изучения Турции, состояния ее экономики, вооруженных сил, знания законов и обычаев, культуры и быта. Большая заслуга в этой области принадлежит сподвижникам Петра I графу П. А. Толстому, князю Д. Кантемиру и С. Л. Владиславичу-Рагузинскому (турецкому подданному, бежавшему в Россию). С именами этих лиц связано появление у нас первых работ о Турции.

П. А. Толстой, находясь в Турции в качестве посла, с помощью С. Л. Рагузинского собрал ценные сведения о турецких владениях на побережье Черного моря. В этом труде, оставшемся в рукописи и названном автором «Списком со отписки и со описания, каковы посланы к великому государю из Константинополя от посла, ближняго стольника и наместника алаторскаго, Петра Андреевича Толстова 1707 году, февраля в 24 день», содержится «подробное географическое и статистическое описание всех городов и поселений турецких владений по берегам Черного моря» [10, т. 1, 222].

П. А. Толстой занимался и переводами. Хорошо зная итальянский язык, он перевел сочинение Рикардо «О настоящем состоянии Оттоманской империи» (у Пекарского — «История о настоящем управлении турецкой империи»). Эта книга осталась недопечатанной. М. Вандербех, работавший при Петре I главным начальником военных госпиталей в Санкт-Петербурге, писал следующее об этом переводе П. А. Толстого: «Многолетние наблюдения над этой страной (Турцией.— А. Р.) дали ему возможность сделать в своем переводе много замечаний и объяснений. Проницательнейший император, при своей жизни, удостоил прочтения это полнейшее в своем роде произведение» [2, 30—31].

Самым лучшим знатоком состояния дел в Турции в петровское время был князь Д. Кантемир, бывший господарь Молдавии, перешедший на сторону русских во время Прутского похода Петра I. С детских лет он жил в султанской столице. Кантемир прекрасно знал турецкий, арабский, персидский, греческий, итальянский и французский языки, а свои книги писал на латинском языке. Его перу принадлежит более десяти работ. Почти все они посвящены Турции, в том числе четырехтомная «История Оттоманской империи» на латинском языке, переведенная на европейские языки; «Книга систима, или Состояние мухаммеданския религии», написанная и изданная по повелению Петра I в переводе И. Ильинского. В «Книге систима...» изложены основные положения Корана, регулирующие общественную и семейную жизнь мусульман, подробно рассмотрены шариатские нормы, обряды и обычаи турок, приведены обстоятельные сведения о дервишских орденах, являвшихся очагами обскурантизма и фанатизма. В книге показано состояние науки и просвещения в Османском государстве, довольно много говорится о турецкой музыке, литературе и поэзии, о народных и религиозных праздниках.

«Книга систима...» была первой оригинальной работой о Турции, изданной в России по повелению Петра I. С полным основанием можно утверждать, что князь Д. Кантемир является первым тюркологом в России, что именно он положил начало научному изучению Турции.

Не случайно он был избран членом Берлинской академии. Так, М. Вандербех писал: «То, что он сделал, не даст ему умереть и за гробом продлит его жизнь... Его произведение всегда будет иметь цену» [2, 31]. Научная деятельность Кантемира проходила под постоянным покровительством Петра I. Не без участия Кантемира, надо полагать, «повелением царского величества» в 1716 г. был издан на русском языке Коран под названием «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий», переведенный с французского П. В. Постниковым (который пользовался переводом А. Дю Рие, напечатанным во Франции в 1647 г.) [8, 176].

Надо сказать, что Петр I, стремясь распространить научные знания в России, много сделал для перевода на русский язык научно-популярных сочинений европейских ученых, посвященных, в частности, Востоку, и особенно Турции. По приказу Петра I братья Лихуды, жившие в Новгороде, перевели с итальянского на русский язык сочинение Сигизмунда Альбергера «Об артиллерии и способах победить турок на море» [10, т. 1, 216]. В 1725 г. П. А. Толстым был завершён перевод с польского книги бывшего секретаря английского посольства в Турции Пауля Рикота «Монархия турецкая...» [7, 223], но эта книга осталась в рукописи и была напечатана только в 1741 г. [7, 105].

Всячески поощряя изучение Турции, Петр I в то же время не забывал о практическом применении приобретенных знаний. Так, готовясь к Персидскому походу, царь поручил князю Кантемиру оборудовать и возгласить походную типографию¹ с арабским шрифтом, при помощи которой можно было бы напечатать на турецком языке, понятном населению Закавказья, царский манифест о предстоящей войне. «Манифест» Петра I был напечатан по пути в Астрахань под руководством Кантемира, который, по-видимому, был и его составителем². В своем донесении от 14 июля 1722 г. кабинет-секретарю Макарову Кантемир просил узнать у Петра I, достаточно ли 1000 экземпляров «Манифеста», будет ли он подписан, указывать ли в нем дату и место напечатания [10, т. 2, 653].

«Манифест» Петра, датированный 15 июля 1722 г., распространялся в Дербенте, Шемахе и Баку. В нем излагались причины и цели войны, мусульманам предлагалось оставаться на месте, не помогать противнику, давались заверения в том, что население не будет притесняться, если будет лояльно относиться к русской армии.

«Манифест» Петра I является первым произведением, напечатанным арабским шрифтом в России. Однако арабский шрифт, отлитый по приказу Петра, мог быть использован в то время только для печат-

---

¹ Как сообщает переводчик Д. Кантемира И. Ильинский, князь, выполняя приказ Петра I, ездил 1 апреля 1722 г. «в Преображенское, и тогда же велено на турецкие литеры делать пунсоны» [10, т. 2, 652]. Арабский шрифт был отлит пунсонным мастером, приглашенным из Голландии, где книгопечатание арабским шрифтом было введено еще в первой четверти XVII в. В походной типографии был один печатный станок, до 50 пудов различных литер (арабских, латинских, греческих); персонал состоял из одного пунсонного мастера, наборщика и пяти мастеровых [12, 123].

² В приведенном Пекарским архивном документе говорится, что имеется «копия манифеста с турецкого на латинский, а с латинского на русский от слова до слова переведенного» [10, т. 2, 578]. Речь здесь идет, конечно, не о копии, а о первоначальном тексте манифеста. По-видимому, перевод на русский и турецкий языки был сделан с латинского оригинала (иначе невозможно объяснить появление текста на этом языке). Но именно на латыни, как уже упоминалось, писал свои сочинения Кантемир. По сведениям Пекарского, «Манифест» был напечатан и на персидском языке [10, т. 1, 250], но он нигде не обнаружен. Ничего не известно и о других изданиях походной типографии. По окончании войны все типографское оборудование и шрифты были возвращены в Московскую типографию. Печаталось ли там что-либо арабским шрифтом, неизвестно.

тания царских указов, манифестов и прокламаций. Говорить о применении арабского шрифта в интересах просвещения мусульманского населения России не приходится, так как для этого еще не было условий. Такая возможность появилась лишь во второй половине XVIII в.

Петр I не забывал и об обучении русских турецкому языку. 28 августа 1724 г. во исполнение указа царя сенат приказал «для посылки в Царь-град ради обучения турецкого языка выбрать... из учеников Московской Академии четырех человек... выдать им на проезд и для тамошнего их житья и на дачу учителем каждому на первый год по двести рублей человеку, а впредь повсягодно, пока они тамо совершенно обучатся, отдавать в Иностранную Коллегию для отсылки к ним из Штатс же Канторы по сту рублей на год каждому» [4, 28—29].

Деятельность Петра I, направленная на всестороннее изучение Востока, не ограничивалась перечисленными выше мероприятиями. Будучи ревностным собирателем древних памятников материальной и духовной культуры, Петр I в 1718 г. издал особый указ о доставлении в Кунсткамеру предметов древности. В этом указе говорилось: «Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи... старые надписи на камнях, железе или меди, или какое старое, необыкновенное оружие, посуду и прочее, все, что зело старо и необыкновенно,— такожь бы приносили, за что будет довольная дача» [11, 598]. Во исполнение этого указа со всех концов России в Кунсткамеру поступали различные древние предметы, монеты, в том числе восточные. Я. Штелин сообщает, что среди драгоценных предметов были японские, китайские и индийские кинжалы с золотыми рукоятками знатных татарских князей, выкопанные по царскому повелению в курганах в Сибири времен Чингиз-хана и Золотой орды [16, 488]. Об этом имеется указание и М. Вандербека. «Даже из самой Сибири,— писал он в письме к другу,— ежедневно прибывают греческие и римские тени, которые по любви к древностям, откапываются жителями в могилах их предков» [2, 23].

Немецкий резидент Ф. Х. Вебер, посетивший Кунсткамеру и Императорскую библиотеку в 1716 г., отмечал, что видел там древности, найденные у Каспийского моря, которые состояли «из всякого рода жертвенной утвари и ветхих, но разборчивых еще рукописей на пергаменте... и ученый, сведущий в древних восточных языках, в древностях и мифической теологии, будучи допущен к изучению этих сокровищ, может многие разъяснить для всего ученого мира» [6, 1420].

Петр I, требуя, чтобы эти памятники бережно хранились и изучались, сам положил начало их изучению. По его указанию один из свитков неизвестных рукописей, доставленных из Сибири, был послан с директором библиотеки Шумахером в Парижскую академию (почетным членом которой состоял Петр I) для перевода (в Петербурге в то время этого сделать никто не мог). Просьба Петра I была выполнена королевским переводчиком ориенталистом Мишелем Фурмоном, за что последний был вознагражден³.

Большую роль в становлении востоковедения в России сыграла организованная Петром I экспедиция в Сибирь доктора Д. Г. Мессершмидта (1685—1735)⁴. В Тобольск Д. Г. Мессершмидт прибыл в апре-

---

³ М. Фурмон, полагая, что рукопись на тангутском языке, «сделал вымышленный перевод» [16, 218—222]. Это было установлено при Анне Иоанновне русскими переводчиками, обучавшимися китайскому и маньчжурскому языкам в Пекине. Оказалось, что рукописи, присланные Петру I из Сибири, были на маньчжурском языке.

⁴ Д. Г. Мессершмидт занимался в Данциге медициной, знал восточные языки. Петр I обратил на него внимание, когда в 1716 г. находился в Данциге, и заключил с

ле 1720 г. В письме к князю Черкасскому, сибирскому губернатору, он сообщал, что приехал с царским поручением собирать «к древности принадлежащая вещи... древния калмыцкия и татарския письма и их праотеческия письма; также каменные и кружечные могильные образы» [10, т. 1, 353].

В Тобольске Д. Г. Мессершмидт встретился с пленным шведским офицером И. Ф. Таббертом-Страленбергом. Последний во время частных поездок собрал материалы, позволившие ему составить карту Сибири и написать известное сочинение о России «Северная и Восточная часть Европы и Азии», изданное в Стокгольме в 1730 г. С этим ученым Мессершмидт совершил путешествие из Тобольска на юго-восток к калмыцким и монгольским границам [10, т. 1, 354—355].

Надо сказать, что Д. Г. Мессершмидт для отыскания древностей широко привлекал пленных шведов. Ими была найдена, между прочим, неизвестная до того времени науке рукопись Абулгази Бахадур-хана «Родословное древо тюрков» («Шеджере-и тюрк»). Рукопись была прислана в Петербург Мессершмидтом «вместе с несколькими мусульманско-богословскими [книгами] и немалозначительным собранием древностей и монет» [13, 127] и привлекла внимание известного историка В. Н. Татищева, который обращался к Шумахеру с просьбой организовать ее перевод наряду с другими рукописями. «Мне же оныя для изъяснения русской гистории весьма нужны... иногда читая, могу неясности или сумнительства во оных от русских, польских и татарских гисторий изъяснить», — писал он [9, 492].

Пекарский сообщает, что в бумагах Мессершмидта было обнаружено написанное им по-монгольски поручение ламе Карабанди доставать монгольские, тунгусские и китайские рукописи. Поручение это было выполнено, о чем свидетельствует, по словам Пекарского, имеющееся в делах Мессершмидта донесение ламы, написанное на монгольском языке [10, т. 1, 359].

В результате деятельности Мессершмидта было собрано значительное количество памятников материальной культуры и восточных рукописей, пополнивших коллекции Кунсткамеры и библиотеки. Так стараниями Петра I в Петербурге постепенно накапливались драгоценные материалы для научного изучения Востока.

Путешествие Мессершмидта, отправленного Петром I для изучения Сибири, можно назвать первой русской научной экспедицией в Азию. Перед ним были поставлены не только практические, но и большие научные задачи, которые были успешно выполнены.

Петр I проявлял большой интерес к древневосточным памятникам и заботился об их сохранности. Любопытен в этом отношении эпизод, имевший место в 1722 г. в Казани, куда он прибыл, направляясь к театру военных действий Персидского похода. Узнав, что в 30 верстах от города находятся развалины столицы Волжско-Камской Болгарии — г. Булгара Великого, Петр I решил их осмотреть. Он обратил внимание на надгробные и настенные надписи, которые были сделаны на арабском, татарском и армянском языках, и тут же приказал с точностью списать и перевести их на русский язык, а потом отослать в Петербург в Кунсткамеру. Над переводами этих надписей, которых насчитывалось около 50, трудились армянин Иван Васильев, татары Кадир-Мухамед Сюнчалеев и Юсуф Ишбулатов [13, 126—127; см. 16, 172—173]. Необходимо отметить, что в данном случае Петром I пре-

---

ним контракт. Мессершмидт обязывался ехать в Сибирь и заниматься географией и натуральной историей страны, описанием сибирских народов и их языками, памятниками и древностями [10, т. 1, 350—351].

следовалась определенная научная, а не практическая цель. Русский перевод этих надписей можно считать первым востоковедческим трудом, положившим начало восточной эпиграфике в России.

Забываясь о дальнейшей судьбе памятников столицы Булгарского государства, Петр I в июле того же, 1722 г. (уже из Астрахани) дал указание казанскому губернатору направить каменщиков для укрепления развалин. По распоряжению Петра губернатор должен был следить за состоянием памятников, для чего велел бы их каждый год осматривать, чтобы сколько-нибудь не допускать их до падения» [16, 173].

Во время Персидского похода Петра I сопровождали по крайней мере два востоковеда. По его поручению князь Кантемир занимался описанием древних стен кавказских крепостей, а К. Ф. де Патрон Боден — древностями и сравнительным языкознанием [10, т. 1, 350].

Интерес Петра I к Востоку сказался и на подборе книг для основанной им в 1714 г. общедоступной научной библиотеки. Петр I хотел, чтобы в ней были сосредоточены книги по всем отраслям знания и чтобы она была центром просвещения и служила базой для научных изысканий ученых. В создании первоначального книжного фонда библиотеки Петр I участвовал лично. По его указанию приобретались частные коллекции и покупались научные книги за границей. Одна из первых партий книг была привезена Петром из Курляндии. В ней, согласно каталогу, хранящемуся в Архиве АН СССР, насчитывалось свыше 30 названий ценнейших книг по Востоку. К ним относятся описание путешествий в Россию и Персию Адама Олеария (это сочинение, издававшееся много раз в Европе, при Петре I было переведено на русский язык) [10, т. 1, 339], описание путешествия в Японию Арнольда Монтаниуса, описание Африки, Сирии и Палестины, Азии и Китая известного голландского географа Ольферта Далпера, описание путешествия через Москву и Персию в Индию Корнелиуса де Бруина, а также его сочинение «Через Малую Азию» и др. Среди книг, поступивших из Курляндии, мы видим и атласы Меркатора, выдающегося фламандского картографа XVI в., и географические карты Азии и Африки, изданные в Париже Н. Самоном в 1652 и 1656 гг. Особо следует отметить сочинение австрийского дипломата Бусбека о Турции, вышедшее в Париже в 1646 г. и переведенное на многие европейские языки. Бусбек был одним из первых европейцев, сообщившим много нового о турках.

Большой интерес представляют «Медицинский канон» Авиценны, изданный в Венеции в двух томах в 1608 г. на латинском языке, и римское издание этого произведения на арабском языке, напечатанное в типографии Медичи в 1593 г.⁵ Последнее, по-видимому, следует считать первой арабской книгой, поступившей в Императорскую библиотеку.

Из исторических сочинений, находившихся среди книг, полученных из Курляндии, необходимо отметить «Историю Эфиопии», опубликованную в Париже в 1614 г., и «Историю великих везиров», вышедшую в Амстердаме в 1676 г. Обе книги напечатаны на французском языке.

В 1718—1719 гг. по распоряжению Петра I для пополнения книжного фонда Императорской библиотеки были приобретены частные библиотеки Виниуса, Питкейна, лейб-медика Арескина и др.

Значительное количество редчайших книг о Востоке было в книжном собрании Виниуса, переданном в библиотеку в 1718 г. В нем так-

⁵ ААН СССР, ф. 158, оп. 1, № 210, л. 7, 14, 32—36, 55.

же преобладают описания путешествий, и они почти все на голландском языке. Среди них были экземпляры уже упоминавшихся книг Олеария, Даппера, Монтаниуса, Бруина, а также «Северная и Восточная Татария» Н. Витсена, записки Избранта о путешествии в Китай, «Описание Малабара и острова Цейлон» Балдеи, «Путешествие в Турцию, Персию и Индию» Тавернье, книги о путешествиях в Сиам, на Арабский Восток и др.

В коллекции Виниуса были также Коран, напечатанный в 1664 г. в Нюрнберге на латинском языке, две работы Пауля Рикота: «Турецкая монархия», изданная в Риме в 1678 г. на польском языке, и «История трех последних турецких султанов», опубликованная в Амстердаме в 1684 г. [см. 10, т. 1, 208—209]⁶.

В библиотеке Питкейна насчитывалось десять названий книг по Востоку. В числе их мы видим «Путешествие в Китай» Избранта на английском языке, изданное в 1706 г. в Лондоне, «Историю Турецкой империи» П. Рикота, опубликованную в Лондоне на английском языке в 1680 г., «Историю Индии» И. Массея, напечатанную в Кельне в 1590 г., и др. Питкейн интересовался и восточной медициной. В его коллекции были, например, венецианское издание «Медицинского канона» Авиценны в двух томах и такие редчайшие книги на латинском языке, как «Египетская медицина», изданная в Венеции в 1591 г., и «Индийская медицина», опубликованная в Париже в 1646 г.⁷

В 1722 г. по распоряжению Петра I в Европе была закуплена новая крупная партия книг. Она содержала значительное количество новейших изданий, посвященных Востоку. Среди них были «Путешествие Олеариуса», изданное в Лейдене в 1719 г., «Путешествие по Персии и Восточной Индии» А. Манделсло, выпущенное в Лейдене в 1719 г., «История Византии», опубликованная в Париже в 1648 г., «Шпион во дворцах христианских принцев» в 16 томах, напечатанных в Кельне в 1715 г., «Путешествие Франсуа Кареала» в трех томах, вышедшее в Амстердаме в 1722 г.⁸

Кроме указанных необходимо отметить еще два очень ценных и редких издания. Одно из них, напечатанное в Голландии в 1634 г., — «История Тимура» Ахмеда ибн Арабшаха (на арабском языке)⁹, другое, изданное в Париже в 1697 г., — «Восточная библиотека»¹⁰. «История Тимура», переведенная тогда же на все европейские языки, считается второй печатной арабской книгой, поступившей в Императорскую библиотеку. Приобретение этого сочинения и других восточных рукописей свидетельствует о том, что литературе на восточных языках придавалось такое же значение, как и литературе о Востоке на западноевропейских языках. Петр I верил, что в недалеком будущем в России появятся свои ученые-востоковеды, которые будут изучать Восток, используя эту литературу. Исключительную ценность для будущих востоковедов представляла «Восточная библиотека», написанная известным ориенталистом Эрбело. Эта первая энциклопедия Востока, состоящая из 1032 страниц большого формата, является универсальным справочником по мусульманскому Востоку и содержит статьи по истории, политике, религии, морали, биографии ученых и политических деятелей, сведения о восточных языках, литературе, науках, книгах, законах, обычаях и т. д.

⁶ Там же, № 212 л. 2, 4, 5.

⁷ Там же, № 213, п. 5, 7, 8, 13, 15, 33.

⁸ Там же, № 255, л. 1 об., 2 об., 3, 5 об., 6, 8.

⁹ Там же, л. 4.

¹⁰ Там же, л. 2.

Ценные книги по ориенталистике были также и в книжном собрании Шафирова, переданном в библиотеку по распоряжению Петра I¹¹.

Таким образом, благодаря неустанной заботе Петра I из года в год из разных источников пополнялся фонд литературы о странах Азии и Африки. В нем были собраны все известные в то время произведения знаменитых западноевропейских путешественников и ученых-ориенталистов, постепенно накапливались восточные рукописи и печатные книги на восточных языках. Состав фонда определялся теми задачами, которые были поставлены Петром I перед Академией наук. Одной из задач ее было научное изучение истории, литературы и языков восточных народов. С этой целью в самом начале деятельности Академии наук (1725) из Германии был приглашен ориенталист Г. З. Байер (1694—1738). Ему было поручено возглавить кафедру восточных древностей и языков, которая должна была стать центром распространения востоковедческих знаний в России. К этому времени в Библиотеке Академии наук и Кунсткамере усилиями Петра I было накоплено достаточное количество книг и памятников материальной культуры и, кроме того, подготовлено некоторое количество переводчиков с восточных языков. Все это создавало благоприятные условия для изучения Востока.

Спустя восемь лет после смерти Петра I (в 1733 г.) появился даже проект учреждения Восточной академии [5, 203], автором которого был Георгий Яковлевич Кер (1692—1740), известный ориенталист, прибывший из Германии в январе 1732 г. по приглашению графа Остермана. В своем проекте Кер писал, что академия будет готовить ученых «по разным специальным знаниям Востока». Он упоминал до десяти петербургских ориенталистов и драгоманов, подготовленных стараниями Петра I, которые с успехом могли бы работать в проектируемой академии, указывал на наличие книжной базы для изучения Востока и т. д. Несмотря на то что проект Кера остался неосуществленным, само появление его свидетельствует о той большой предварительной работе, которая была проделана при Петре I по созданию условий для изучения Востока.

В петровское время еще не могла быть поставлена задача глубокого и всестороннего изучения Востока. В основном речь шла лишь о практическом знании Востока. Интерес к нему вызывался насущными потребностями русского государства. Для успешного выполнения политических и коммерческих задач Петр I считал необходимым прежде всего хорошо знать Восток, культуру, язык, обычаи восточных народов. По этим соображениям он впервые ввел в России обучение русских восточным языкам; люди, сведущие в восточных языках, нужны были ему не только для выполнения дипломатических поручений и ведения коммерческих дел, но и для административного управления районами, населенными восточными народами. При личном участии Петра I был создан первоначальный фонд восточной литературы, необходимой для изучения Востока, было положено начало собиранию восточных рукописей, монет и других памятников материальной культуры народов Востока. По указу Петра I была организована первая в России типография с арабским разборным шрифтом. Так заботами Петра I постепенно подготавливались условия для всестороннего научного изучения Востока в будущем.

---

¹¹ Там же, № 215, л. 1, 2 об., 3, 5 об., 6, 8. Все книги о Востоке, приобретенные при Петре I, хранятся и сейчас в Фонде редкой книги Библиотеки АН СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, Казань, 1882.
2. [Вандербеx М.] Настоящее состояние просвещения в России, в послании изображенное Михаилом Шенудом Фандербеxом,—«Сын отечества», ч. 1, 1842, № 1.
3. Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России,—«Труды 3-го международного съезда ориенталистов», т. I, СПб., 1879—1880.
4. ЖМНП, 1853, ч. LXXX, октябрь — декабрь, отд. 7.
5. ЖМНП, 1856, LXXXIX, февраль.
6. Записки Вебера,—«Русский архив», 1872, № 7.
7. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. 1, Л., 1965.
8. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения, т. 1. М.—Л., 1955.
9. Материалы для истории Императорской академии наук, т. 7, СПб., 1886.
10. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1—2, СПб., 1862.
11. Пекарский П. Петербургская старина,—«Современник», т. 83, 1860, № 10.
12. Пятницкий В. К истории книгопечатания арабским шрифтом в Европейской России и на Кавказе,—«Публичная библиотека им. В. И. Ленина», сб. 1, М., 1928.
13. Савельев П. Восточные литературы и русские ориенталисты,—«Русский вестник», т. 2, 1856, отд. «Современная летопись».
14. Сгибнев А. Об обучении в России японскому языку,—«Морской сборник», т. XCIX, 1868, № 12 (неофициальный отдел).
15. Ульяницкий В. А. Исторический очерк русских консульств за границей,—«Сборник Московского главного архива МИД», вып. 6, 1899.
16. Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом, ч. 1. М., 1787.

Б. П. Полевой

**ПЕТР ПЕРВЫЙ, НИКОЛАЙ ВИТСЕН И ПРОБЛЕМА
«СОШЛАСЯ ЛИ АМЕРИКА С АЗИЕЙ»**

Общеизвестно, что вопрос «сошлася ли Америка с Азией» длительное время интересовал Петра I. Ради решения этой проблемы Петр I в 1719 г. направил на Камчатку и Курильские острова экспедицию И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лукина, положившую начало инструментальной геодезической съемке русского Тихоокеанского побережья. С целью достижения берегов Америки со стороны Дальнего Востока были организованы и исторические экспедиции Витуса Беринга: Первая Камчатская (1725—1729), с деятельностью которой связано появление seriously уточненной карты русского Тихоокеанского побережья от Камчатки до Берингова пролива; Вторая Камчатская (1732—1743) — самая ранняя комплексная научная экспедиция, во время которой русские мореходы открыли морской путь от Камчатки к далеким северо-западным берегам Северной Америки и часть Алеутской гряды — островного «ожерелья», соединяющего Америку с Азией. Поэтому мы отнюдь не преувеличим, если скажем, что увлечение Петра I проблемой «сошлася ли Америка с Азией» положило начало новой эпохе в истории северной части Тихого океана и оставило заметный след в истории географических и этнографических открытий в этом регионе.

Многие исследователи уже давно стремятся выяснить: кто же впервые заинтересовал Петра I указанной проблемой и во имя каких практических целей глава Российского государства стал столь энергично добиваться ее разрешения.

Часто в литературе утверждается, что первым возбудил у Петра I интерес к данной тихоокеанской проблеме Г. В. Лейбниц [3; 4; 5]. Но при этом, к сожалению, забывают, что в России интерес к этой проблеме возник еще задолго до знакомства Петра I с Г. В. Лейбницем. Забывают также, что этой же проблемой еще с 60-х годов XVII в. заинтересовался голландский географ и политический деятель Николай Корнелий Витсен (1641—1717), которого Петр I считал своим другом. Витсен не раз затрагивал эту тему и в личных беседах с Петром I, и в своих письмах, и, наконец, во многих своих географических трудах¹.

¹ Уже четверть века в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая ведется успешная работа по переводу богатейшего литературного наследия Н. Витсена. За это время знаток староголландского языка Вильгельмина Герардовна Трисман смогла перевести все второе издание гигантского труда Н. Витсена «Северная и Восточная Татария» [29], его дневников «Московского путешествия 1664—1665 гг.» [28, ч. 1—2], полный текст законченного еще в 1668 г. перво-

Настоящая статья и ставит своей задачей выяснить, как во второй половине XVII — начале XVIII в. менялись взгляды Н. Витсена по проблеме «сошлася ли Америка с Азией» и какое влияние его представления оказали на Петра I.

Впервые у Н. Витсена интерес к проблеме плавания вокруг Северной Азии к странам Дальнего Востока пробудился после поездки в Россию в 1664—1665 гг. (т. е. еще до рождения Петра I). Витсен тогда считал, что такое плавание вполне возможно, а это одно уже говорит о том, что в конце 60-х годов Витсен не сомневался, что Азия отделена от Америки. В этом нет ничего удивительного: ведь в те времена почти на всех географических картах было показано, что Северная Азия — и с севера, и с востока — всюду омывается морями. Именно так Северная Азия изображалась в атласах Ортелиуса и Меркатора, Хондия и Блау, а также на известных картах Аньезе, Сансона и многих других западноевропейских картографов. И это делалось несмотря на то, что ни западноевропейские, ни японские, ни китайские мореплаватели в этих зонах Тихого океана никогда не бывали и, следовательно, тогда ни в Западной Европе, ни в Японии, ни в Китае не было никаких достоверных сведений о дальнем северо-востоке Азии.

Уже в середине 60-х годов XVII в. Н. Витсену было известно, что русские смогли успешно пересечь всю Северную Азию и выйти на восточные и северные берега Сибири. Поэтому он и решил, что надежную информацию об этих далеких районах он сможет получить только в России. И хотя в 1665 г. во время своего пребывания в Москве Н. Витсену не удалось узнать ничего определенного, он все же завел знакомства, которые оказались для него весьма полезными впоследствии. Так, уже в 1668 г. при посредничестве голландского купца Яна фан Сведена, жившего в России с 1646 г., он получил сделанные московским живописцем Станиславом Лопуцким копии географических чертежей, входивших в состав чертежа Сибири 1667 г. Один из них — сводный общий чертеж — изображал Сибирь в виде четырехугольника, омываемого с севера и востока морями. Вместе с тем его ввел в заблуждение дополнительный региональный чертеж низовьев Оби. На нем Новая Земля была ошибочно изображена в виде полуострова. Это дало основание Н. Витсену в письме к мореплавателю Фоссиусу неосторожно высказать предположение о том, что тот, кто стремится попасть в Тихий океан, должен обогнуть Новую Землю с севера [1, 58; 24, т. II, 442—443]. Фоссиус опубликовал это ошибочное сообщение Витсена в трудах английского Королевского общества [26, 3—4]. И это вскоре привело к роковым последствиям: в 1676 г. при попытке обогнуть Новую Землю с севера погибло судно «Спидвел» капитана Джона Вуда [1, 58—59]. В 80-х годах XVII в. Витсен убедился в том, что он содействовал распространению в Европе явно ошибочных сведений о Новой Земле, поэтому в начале 90-х годов XVII в. он счел необходимым признать свою ошибку в печати [24, т. II, 252]. Однако к этому времени Н. Витсен получил из России несколько сообщений о существовании на северо-востоке Сибирской земли какого-то далеко уходящего в море каменного хребта, конец которого так и не был обнаружен. Очевидно, что одним из первых источников подобных сведений была дошедшая до Витсена «роспись» чертежа Сибири 1673 г. В ней этот хребет был назван «каменной переградой» [2, 53]. На сохранив-

---

го географического сочинения Витсена о России [28, ч. 3] и, наконец, многие письма Витсена к своему другу бургомистру г. Денвентера Хайсберту Кюперу [24]. Автор выражает В. Г. Трисман свою благодарность за предоставление ему возможности использовать эти переводы в настоящей статье.

шейся до наших дней ремезовской копии общего чертежа Сибири 1673 г. также на востоке изображен полуостров, около которого написано: «Камень конца не имат». Вне всякого сомнения, здесь нашло графическое отражение старое известие М. В. Стадухина о том, что на крайнем северо-востоке Сибири имеется «камень-утес, конца каменю не знают» [16, 116]. Затем Н. Витсену стало известно аналогичное известие, полученное от Н. Г. Спафария в конце 70-х годов XVII в. Еще в описании своего путешествия по Сибири Н. Г. Спафарий писал о хребте, который «идет до окиянского моря и в море также прошел, будто стеною, и никто его конца не знает, а проводить нельзя; льды и погода не пустят, многожды ходили с Лены проводить, а суды разбило, и сказывают, что тот камень идет до самой Западной Индии, до Нового Света...» [20, 123].

Тогда же Витсеном были получены из России и географические чертежи с изображением на северо-востоке то одного, то двух носов-полуостровов, далеко простиравшихся в море. Поэтому он и счел необходимым на своей большой карте Татарию, законченной в 1690 г., дать на северо-востоке Сибири два подобных уходящих в море недорисованных длинных полуострова. Один из них был изображен между Индигиркой и легендарной рекой «Ковычей» с надписью: «Саер Табин, vermits dese en de Yskaep, noyt. Om geraren werden, is onbekent hoe verre sy sig uyt strecken» («Мыс Табин. Поскольку его и Ледяной мыс никто не огибал, неизвестно, как далеко он простирается»). Второй полуостров находился между Ленским и Амурским морями и имел следующую надпись: «Ys Саер. Het uyt Eyndt van dit Hoost is onbekendt» («Ледяной мыс. Конца никто не знает»).

Большая «карта Татарию» Н. Витсена произвела очень сильное впечатление на ученых Западной Европы: ведь она впервые почти вся была основана на сведениях, полученных из России. Поэтому в Европе многие отнеслись с доверием и к явно произвольному изображению двух «мысов», которые вскоре попали и на многие другие западно-европейские карты (К. Алларда, П. Схенка и др.). Таким образом, еще с 1690 г. Н. Витсен во многом способствовал распространению в ученом мире версии о существовании на северо-востоке Азии длинных «мысов», которые, возможно, соединяют Азию с Америкой. Характерно, однако, что сам Н. Витсен отнюдь не был уверен в достоверности этих известий. В его книге «Северная и Восточная Татария» 1692 г. имеются отдельные фразы, указывающие на то, что он все-таки и тогда допускал возможность плавания северным морским путем из Европы к берегам Японии и Китая. Так, в предисловии к этой книге Витсен писал: «Хотя северный путь в Японию кажется короче, чем южный, все же легче и менее опасно идти южным океаном. Из-за опасности я не только не советую идти северным путем, но и настойчиво предупреждаю о риске потерять корабли и самую жизнь» [28а, VI].

Большое значение для Витсена имела встреча с участниками знаменитого русского «великого посольства» — с Петром I и его сподвижниками. В ходе беседы Ф. С. Салтыков, в прошлом (в 1690—1692 гг.) служивший стольником вместе со своим отцом, воеводой Тобольска С. И. Салтыковым, указал, что на большой карте Н. Витсена северо-восток Сибири изображен неверно. Салтыков выразил твердую уверенность в том, что и с севера, и с востока Сибирь омывается морями, и на этом основании отверг предположение о наличии перешейка, соединяющего Азию и Америку. Салтыков утверждал даже, что «можно от реки Енисей, мимо Лены, дойти до Амура». Помешать такому плаванию, по его словам, могло лишь «большое скопление льда» [29, 656]. Важно от-

метить, что сам Петр I был непосредственным участником этой интересной географической дискуссии².

Царь обещал регулярно снабжать Витсена новейшими географическими известиями о всей Сибири, в том числе и о Тихом океане. Уже в 1698 г. голландский географ получил из России ряд новых сведений, подтверждающих, что вокруг северо-востока Азии можно плавать. Некоторые из них он в 1705 г. поместил во второе издание своей знаменитой книги «Северная и Восточная Татария». Вот одно из таких сообщений: «Промышленные люди попадают в Ледовитое море с Лены. Некоторые полагают, что они огибают Ледяной мыс и достигают берегов около реки Камчатки, где они бьют китов и тюленей. Для того чтобы проехать туда и обратно и взять добычу, им требуется три — три с половиной или четыре месяца» [3, 676].

Вскоре к Н. Витсену поступили новые русские географические чертежи Сибири. На них северо-восток Азии также был и с севера и с востока ограничен морями. Один из таких чертежей — общий чертеж Сибири Е. Избранта был впервые опубликован Н. Витсеном в 1704 г. Если же мы обратимся ко всем дошедшим до нас русским чертежам Петровской эпохи, то убедимся, что среди них вообще уже не было ни одного, на котором Азия была бы соединена с Америкой³. Лишь на некоторых из них один или два дальневосточных «носа» были обрваны рамкой чертежа⁴.

Новые географические материалы окончательно убедили Витсена в том, что никакого перешейка между Азией и Америкой не существует. 8 февраля 1714 г. Н. Витсен писал Х. Кюперу: «Когда я делал свою первую карту, я написал внизу: неизвестно, не соединен ли один полуостров с Америкой. Но с тех пор я получил более подробные сведения и теперь уже твердо знаю, что все это разделено, так что я сам в свою карту внес теперь поправку (здесь Витсен имел в виду свою вторую большую карту Татарии, которую он так и не сумел закончить.— *Б. П.*)» [24, т. II, 376].

---

² Весьма любопытно, что глава Сибирского приказа А. А. Виниус в том же, 1697 г. в «наказной памяти» новому воеводе Якутска, Д. А. Траурнихту, указывал на необходимость «всякими мерами накрепко» выяснить, можно ли «из реки Лены» проплыть морем в Тихий океан. Траурнихту предписывалось при первой возможности «к такому морскому пути сделать суды удобные со всякими судовыми запасами» [10]. Очевидно, в правительственных кругах России уже тогда не считали, что на северо-востоке Азии есть некая «каменная переграда», соединяющая Азию с Америкой.

³ Следует добавить, что уже упоминавшийся Ф. С. Салтыков в 1713—1714 гг. подал царю особую записку «Изъявление прибыточные государству», в которой высказался за «взыскание свободного пути морского от Двины реки даже до Амурского устья и до Китай», предлагая Петру I «построить корабли на Енисейском устье и на иных реках, понеже оной реки устье позади Ледовитого моря и в Сибири от Енисейского устья до Китая все надлежит Вашему владению оной морской берег» [17, 656].

Все это позволяет нам полностью присоединиться к П. И. Небольсину (1849 г.) и В. И. Грекову (1960 г.), по мнению которых Петр I и его ближайшие сподвижники были уже в начале XVIII в. уверены в том, что Азия не соединяется с Америкой сушей, и лишь хотели установить, в каком именно месте Америка сблизилась с Азией. Очевидно, в этом смысле Петр I и употреблял глагол «сошлась».

⁴ На чертежах С. У. Ремезова, так же как и на первой витсеновской карте Татарии, на северо-восточных берегах Сибири помечены «носы», далеко простирающиеся в море. На этом основании некоторые исследователи относят автора этих чертежей к числу тех, кто допускал возможность «соединения Азии с Америкой». С этим нельзя согласиться. Использование Ремезовым термина «нос», по нашему мнению, убедительно свидетельствует, что указанные географические объекты, в его представлении, были полуостровами, но никак не перешейком, соединяющим два континента. «Необходимыми» эти «носы» назывались им или из-за их громадных размеров, или из-за скопления льдов, мешавших их обойти. На всех поздних копиях ремезовских «чертежей новой Камчадальской земли» морской путь и вокруг Чукотки, и вокруг Камчатки был показан свободным.

Рис. 1. Старинная голландская гравюра «Петр I у Н. Витсена»

Но в то же время Н. Витсен был твердо убежден, что берега Америки и Азии должны где-то близко подходить друг к другу. Близость эта, по убеждению ученого, была столь значительной, что в зимний период между континентами должна быть переправа по льду. Этот вывод он сделал, обратив внимание на большое сходство между животным миром Северной Америки и Северной Азии: там и тут были волки, медведи, бобры и другие звери одного вида. Обитание же в Тихом океане китов, которые были похожи на китов Ледовитого океана, по мнению Витсена, служило дополнительным доказательством того, что эти океаны не были разделены каким-либо перешейком.

Первоначально Н. Витсену казалось, что Америка могла подходить к Азии где-то с северной стороны. Но позже, с 90-х годов XVII в., главное его внимание стало сосредоточиваться на районе... южных Курильских островов!

Как же возникли подобные представления у Витсена?

В XVII в. в далекой Калифорнии какие-то прибывшие с севера индейцы уверили испанцев в том, что морской берег Америки будто бы поворачивает резко на запад и идет в этом направлении весьма далеко. Витсену это сообщение показалось вполне правдоподобным: необычайно теплый климат Калифорнии он объяснял наличием на севере больших хребтов, которые ограждали эту страну от проникновения с севера холодного воздуха. Так сложилось впечатление, что западный североамериканский берег далеко простирается в сторону Азии. В конце 80-х годов XVII в. до Витсена дошли новые известия, которые, казалось, полностью подтверждали это предположение. Речь шла о путешествии, предпринятом японским судном в 1684 г. с восточного берега о-ва Ниппон (Хонсю). «После долгого плавания к востоку,— излагал это сообщение Н. Витсен,— между 40 и 50 широтами [японские мореходы] пристали к твердому берегу, который приняли за Америку. Там они перезимовали в заливе, собрали неопределенные сведения о местоположении северо-западного побережья. После этого в Японии решили не исследовать эти чужие области» [29, 63].

Эти сведения заставили Н. Витсена, да и других голландских ученых, поверить в гипотезу голландского морехода Г. де Фриса, который принял открытый в 1643 г. западный берег «Земли Компании» (о-в Уруп) за... берег Северной Америки! И Витсен решил, что «пролив де Фриса» между открытыми голландцами «Землей Штатов» и «Землей Компании» является не чем иным, как легендарным «проливом Аниан», отделяющим Азию от Америки [29, 63]. При этом ему показалось, что будто бы существует прямая связь между названиями «Аниан» и «Анива» (южносахалинский залив, в котором побывал в 1643 г. Г. де Фрис)⁵. Но эту гипотезу Н. Витсена поддержал только немецкий исследователь XIX в. Х. Зандлер [27, 406]⁶.

---

⁵ Н. Витсен даже утверждал, что в Японии, например, в храме Симми (Symmi) имеется несколько географических карт, на которых был изображен пролив Аниан [29, 63].

⁶ Немецкий историк О. Пешель [25, 248] и советский географ Л. С. Берг [3, 12—24] безоговорочно утверждали, что название «Аниан» обязано своим происхождением Марко Поло, в трудах которого упоминается «провинция Аниа» (совр. Аннам). Последняя гипотеза подтверждается тем, что на самых ранних картах XVI в., на которых был изображен «пролив Аниан», имелся ряд других названий, заимствованных из труда Марко Поло. Однако до сих пор нет еще убедительного объяснения, каким образом сведения об Аннаме были позднее отнесены к арктическим районам Азии. В этой связи нельзя не обратить внимания еще на одну гипотезу, которая впервые была высказана в России в XIX в. и теперь поддерживается советским географом А. З. Алеиным. Согласно этой гипотезе, распространенное в Европе название «mare-oceanus» породило в России знаменитое выражение «море-акиан», которое будто бы создало у

Итак, уже с конца XVII в. благодаря географическим трудам Н. Витсена в Европе стали распространяться две разные версии относительно возможного места сближения Азии с Америкой. По ранним данным Витсена, оно относилось к арктическим районам — или у «Ледяного мыса», или у «мыса Табин». По более поздним сведениям Витсена, место сближения Америки с Азией находилось где-то в районе Южных Курил. Благодаря тому что первая версия, как мы уже отмечали, нашла свое отражение на большой карте Татарии Н. Витсена 1690 г. и затем на многих аналогичных западноевропейских картах, она получила наибольшее распространение. В нее поверили многие ученые Западной Европы. Уверовал в нее и Г. В. Лейбниц. Получив в 1694 г. от Н. Витсена экземпляр карты Татарии, Г. В. Лейбниц особенно заинтересовался двумя большими недорисованными «мысами» — «Ледяным» и «Табином», направленными в сторону Америки. Поэтому уже в 1697 г. он решил включить в подготовленную им для передачи Петру I записку с перечнем полезных для России и науки мероприятий пожелание выяснить на месте, «соединяется ли Азия с Америкой или они разделены проливом» [3, 7] (к сожалению, до сих пор остается неизвестным, была ли передана эта записка Петру I). Позже Г. В. Лейбниц каким-то образом узнал о том, что Петр I отдал распоряжение якутскому воеводе обследовать район «Ледяного мыса», и в 1711 г. ученый просил знаменитого сподвижника Петра Я. В. Брюса сообщить ему результаты похода русских к «Ледяному мысу». Само название «Ледяной мыс», не употреблявшееся в России, Лейбниц явно заимствовал из карты Витсена.

23 сентября 1712 г. Лейбниц писал Брюсу: «Большая полоса земли тянется далеко на север к так называемому, хотя еще неизвестному Ледовитому мысу, и нужно было бы исследовать, существует ли этот мыс и оканчивается ли им та полоса земли» [цит. по: 4, 146—147; 5, 248—249].

В 1716 г. Г. В. Лейбниц снова рекомендовал Петру I выяснить, можно ли плавать вокруг Азии или же «Ледяной мыс» сомкнулся с Америкой [5, 360].

Как уже отмечалось выше, в исследовательской литературе часто утверждается, что все эти высказывания Г. В. Лейбница оказали весьма большое влияние на Петра I. Однако при этом упускается из виду, что Петр I, вопреки настойчивым советам Лейбница обратиться

иностранцев впечатление, что на русском Севере существует море под названием «Аниан» (искаженное «акиан»). Если учесть, что Н. Витсен в своем первом сочинении по географии России (1668—1669 гг.), опираясь на известия, полученные из России от голландского купца Яна фан Сведена, готов был отнести «пролив Аниан» к району, расположенному несколько восточнее Новой Земли [28, ч. 3, 334—335, 376, 380—381, 383], то эта гипотеза может показаться правдоподобной. Конечно, в дальнейшем это русское название могло быть кем-то сопоставлено с данными Марко Поло о провинции Аниа. В результате «накладки» одного названия на другое и могла возникнуть легенда о существовании морского «пролива Аниан». Однако при всей своей заманчивости эта гипотеза остается недоказанной, и потому вопрос о происхождении названия «пролив Аниан» пока еще никак нельзя считать окончательно решенным. При исследовании данного вопроса необходимо учесть, что само изображение «пролива Аниан» на географических картах XVI—XVII вв. давалось порою в совершенно различных районах: то в районе севернее Кореи, то севернее Калифорнии, то севернее Японии, но отнюдь не в районе Берингова пролива, как это часто неверно утверждается в исследовательской литературе: ведь до русских открытий середины XVII в. ни один географ мира не предполагал, что северо-восточные берега Азии могли быть расположены в столь отдаленных северных районах. Поэтому никак нельзя согласиться с часто повторяющимся в литературе мнением Л. С. Берга: «Пролив этот на картах XVI—XVII столетий помещали именно там, где впоследствии был открыт Берингов» [3, 11]. На самом же деле предположение, что он мог находиться примерно в районе Берингова пролива, могло возникнуть лишь после появления большой карты Татарии Н. Витсена 1690 г.

особое внимание на северные районы, отнесся с большим доверием к поздним взглядам Н. Витсена и первоначально решил искать место, где сближалась Америка с Азией... южнее Камчатки! Он не только направил И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина на Камчатку, но с Камчатки послал их на юг вдоль Курильских островов с заданием «описать тамошние места: сошлася ли Америка с Азией». И это, конечно, не случайно: ведь Н. Витсен полагал, что западная часть Северной Америки могла подойти к южной группе Курильских островов⁷.

Неудача экспедиции И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина не обескуражила Петра I. Он продолжал верить, что из всех русских дальневосточных владений Камчатка наиболее близко расположена к Америке. Спутник Петра I по походу на Каспийское море в 1722 г. Ф. И. Соймонов еще более укрепил его веру. Он тоже внушал Петру I, что «до самой Америки на западном берегу остров Калифорния, уповательно, от Камчатки не в дальнем расстоянии найтись может...» [цит. по: 19, 552]. Именно поэтому в 1724 г. Петр I и Витуса Беринга решил послать на Камчатку с заданием искать берега Америки. Секретная инструкция Петра I Берингу гласила:

«1). Надлежит на Камчатке или в другом тамош месте сделать один или два бота с палубами.

2). На оных ботах [плыть] возле земли, которая идет на норд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3). И для того искать, где она сошлась с Америкой; и чтоб доехать до какого города европейских владений, или, ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной куст [берег] называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды» [23, 59].

Вполне очевидно, что в этой инструкции главной задачей было открытие северо-западных берегов Северной Америки со стороны Дальнего Востока. Кроме этого, как справедливо писал А. И. Чириков, инструкция обязывала В. Беринга дойти «до испанского владения Мексиканской провинции» [23, 206]. Ближе этих городов «европейских владений» на северо-западном побережье Северной Америки не было.

Какие же цели преследовал Петр I, посылая экспедицию В. Беринга искать берега Америки?

В истории освоения Сибири XVII в. всегда особо важное значение имело открытие новых земель, промысловые богатства которых могли бы принести русской казне наиболее крупные «прибытки». После того как были исчерпаны промысловые богатства «златокопящей» Мангазеи, русские власти живо заинтересовались «Второй Мангазеей» —

---

⁷ К сожалению, еще недавно некоторые исследователи безапелляционно заявляли, что в задачу И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина поиски берегов Америки не входили, так как посылок данной экспедиции Петр I преследовал особые, секретные цели, в частности поиски серебряных руд [см. 2]. Конечно, вряд ли можно сомневаться в заинтересованности Петра I в открытии любого месторождения серебра. Но это была лишь побочная задача экспедиции. Важно отметить, что и в данном случае сказалось влияние Н. Витсена: именно он первым указал царю на возможность нахождения серебряной руды в этом районе. В книге «Северная и Восточная Татария», посвященной Петру I, Витсен упоминал, что с южных Курил была вывезена «валяльная белая глина», из которой «после многократного промывания выделились мелкие кусочки металла размером в булавочную головку» [29, 146]. Голландцы считали, что это было серебро. После того как Иван Козыревский в 1713 г. на Парамушире получил от айна Сатаноя (с о-ва Итурупа) глухие сведения, подтверждавшие, что на юге имеется какая-то руда, Петр I действительно еще более заинтересовался сведениями голландцев о серебре на Курилах. А это еще раз доказывает, что Петр I при организации новых экспедиций на Тихом океане учитывал многие из известий Витсена.

Ленским краем. Затем, в конце 90-х годов XVII в. и в начале XVIII в., последовали большие успехи в освоении промысловых богатств Камчатки. Острая потребность в пополнении казны в связи с расходами на Северную войну привела к тому, что Петр I обратил свой взор к островам Тихого океана, в первую очередь к Курильским и Шантарским. Но Петр I со свойственной ему государственной прозорливостью понимал, что еще больше доходов российская казна получит в том случае, если русские, продолжая свое естественное продвижение на восток, смогут начать освоение «неизвестных земель» северо-западной части Северной Америки⁸. Для многих европейских ученых было очевидно (и они неоднократно сообщали об этом Петру I), что до этих областей раньше всех смогут дойти русские, для чего им следует лишь открыть морской путь от берегов Азии к северо-западному побережью Северной Америки. И, естественно, Петр I не мог не заинтересоваться подобной возможностью дальнейшего расширения русских владений в восточном направлении⁹.

Первый шаг в этом направлении — открытие морского пути в Америку — и должен был сделать В. Беринг. В этом свете становится понятной и забота Петра I о плавании «до какого города европейских владений» или о встрече с каким-либо европейским судном. Он был заинтересован в том, чтобы факт появления русских в Северной Америке с северной стороны был подтвержден самими европейцами, там осевшими. Это позволило бы России в дальнейшем претендовать на северные земли Америки по праву их первооткрывателя.

К сожалению, в тексте инструкции Петра I не вполне ясно излагалось, как В. Беринг должен был достигнуть берегов Америки. Особенно странным казалось задание плыть «возле земли, которая идет на nord и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки».

По мнению Беринга, эта часть инструкции Петра I обязывала его плыть с Камчатки на север к Чукотскому полуострову. Он считал, что последний — это именно «земля та, о которой мнение было, что сходится с Америкой» [18, 19]. Беринг не случайно пишет в прошедшем времени — «было»: знакомясь в Сибири с новыми картами, он убедился, что этот взгляд давно уже опровергнут. Так, историк Первой Камчатской экспедиции А. П. Соколов писал: «По крайней мере по приезду в Сибирь Беринг уже не сомневался в существовании пролива меж-

---

⁸ В начале XVIII в. в ходе войны за испанское наследство (1700—1713) решались и дальнейшие судьбы северо-восточных районов Америки (французских владений в Канаде). Северо-западная же ее часть была тогда недоступна не только англичанам и французам, но и испанцам, незадолго до этого завладевшим «островом» (полуостровом) Калифорния.

⁹ М. В. Ломоносов в своей известной поэме «Петр Великий» вложил в уста ее героя мечту о том времени, когда «наша досягнет в Америку держава» [8, 703]. Выражая уверенность, что это направление петровской политики еще принесет плоды, М. В. Ломоносов писал: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке» [7, 498]. Последняя часть фразы Ломоносова в какой-то мере повторяла мысль самого Петра I.

Хорошо понимал замысел Петра I и видный русский дипломат начала XIX в., один из руководителей Российско-Американской компании — Н. П. Резанов. Говоря о территории, расположенной севернее п-ова Калифорния, он писал 17 июня 1806 г. министру коммерции Н. П. Румянцеву: «Ежели б ранее мыслило Правительство о сей части света, ежели б уважало ее как должно, ежели б беспрерывно следовало прозорливым видам Петра Великого, при малых тогдашних способах Берингову экспедицию для чего-нибудь начертавшего, то утвердительно сказать можно, что Новая Калифорния никогда б не была Гишпанскою принадлежностью, ибо с 1760 года только обратили они внимание свое и предприимчивостию одних миссионеров сей лутчей краж земли навсегда себе упрочили» [цит. по: 22, Приложение, 267].

ду материком Азии и Америки» [18, 9]. Но в прошлом — в XVII в. в России все же имелись отдельные географические чертежи, на которых оконечность Чукотки была обрезана рамкой чертежа. Поэтому Беринг решил, что именно так мог себе представлять Чукотку Петр I. Окончательно он уверовал в это после того, как в Енисейске он впервые благодаря любезности известного исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта смог познакомиться с большой картой Татарию Н. Витсена, посвященной Петру I [9, 127]. Изображенный на ней на северо-востоке Сибири «мыс Ледяной» с недорисованным концом ввел В. Беринга в заблуждение. Он решил, что это и есть именно та земля, о которой упоминал в инструкции Петр I, находившийся, по мнению В. Беринга и его спутников, под влиянием карты Н. Витсена. В. Беринг решил, что карта Н. Витсена помогла ему понять истинный смысл странной фразы в инструкции Петра I.

Так у Беринга и его спутников и состоялось впечатление, что им вменяется в обязанность плыть с Камчатки к берегам Чукотки. И когда экспедиция миновала восточную оконечность Чукотского полуострова и дошла до параллели $67^{\circ}18'$, Беринг решил: «Понеже земля более к северу не простирается, а к концу оной (Чукотскому или Восточному углу) другой земли никакой не подошло» [23, 64], то он выполнил волю Петра I¹⁰.

В. Беринг и его спутники вполне искренне считали, что они действовали строго в соответствии с инструкцией Петра I. Но правительство взглянуло на результаты Первой Камчатской экспедиции совершенно иными глазами. Беринга прямо обвинили в том, что он не выполнил инструкции Петра I. С одной стороны, он напрасно плывал на север «даже до ширины 67 градусов», тогда как «по данной... императора Петра Великого собственноручной инструкции капитану-командору Берингу в бытность его, Беринга, в той экспедиции было искание, где б Камчатская земля с Америкой сошлась» [15, 1004]. *Камчатская земля, а отнюдь не Чукотка!* С другой стороны, Беринг в 1728—1729 гг. так и не дошел до берегов Америки, несмотря на то что это было главной задачей его экспедиции. Широко известны слова правительственного указа: «Император Петр Великий для курьезите посылал осведомиться от обоих берегов, сходятся ли берега американские с берегами Азии; но тогда оное в действо не произошло» [3, 90]. Именно поэтому и решено было в 30-х годах XVIII в. организовать Вторую Камчатскую экспедицию с главным заданием исполнить все ту же инструкцию Петра I. Однако направление плавания указывалось совершенно иное: не на север — к Чукотке, а от южной оконечности Камчатки на юго-восток-восток. Было ли это пересмотром инструкции Петра I? В Петербурге так не считали. Наоборот, решено было, что именно этого направления требует сам подлинный текст инструкции Петра I. И внимательное изучение всех первоисточников эпохи убедило нас в том, что такое толкование справедливо.

В распоряжении Петра I в 1724 г. в момент составления его инструкции имелись печатная карта «Камчадалии», сделанная по заказу Петра I в Нюрнберге И. Б. Гоманом в 1722 г., и карта Дальнего Востока, срочно выполненная для Петра I Иваном Кириловым, на ко-

¹⁰ Но, как известно, тогда с этим мнением В. Беринга не согласился его помощник Алексей Чириков. Полагая, что Н. Витсен, возможно, называл «Ледяным мысом» Шелагский мыс, Чириков заявил, что им для окончательного опровержения старой версии о «соединении Ледяного мыса с Америкой» необходимо еще совершить плавание по Чукотскому морю на запад. Он так и писал: «Не можем достоверно знать о разделении Азии с Америкой, ежели не дойдем до устья р. Колымы или до льдов, понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды» [18, 19].

торых Чукотка всюду омывалась морями. Да и в самом тексте инструкции Петра I вообще не шла речь о поиске пролива на севере. Наконец, нет оснований думать, что Петр I мог бы В. Берингу на одну навигацию дать задание, явно неосуществимое в столь короткий срок: побывать на крайнем севере русских дальневосточных владений, затем отправиться на юг вдоль берегов Америки до района испанской Мексики («европских городов») и затем вернуться на Камчатку. Да и зачем Петру I потребовалось бы для этой цели делать Камчатку исходным пунктом для такого предприятия, когда проведать северный морской путь в обезд Чукотки в тогдашних условиях было безусловно легче со стороны Лены и Колымы, на что не раз и указывал Беринг¹¹. Кроме того, в 1724—1725 гг. Петр I не мог на этот район смотреть глазами старой карты Витсена: ведь он хорошо помнил, как еще в 1697 г. в его присутствии Ф. С. Салтыков смог доказать Н. Витсену, что тот совершенно неверно изобразил берега северо-востока Сибири и что там нет никаких перешейков, соединяющих Азию с Америкой. Как отмечалось, сам Витсен позднее признал ошибочность своего изображения.

Вывод ясен: В. Беринг и его спутники не поняли истинного значения наказа Петра I следовать «возле земли, которая идет на норд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки». Но как же в таком случае правильно истолковать эту фразу?

Уже несколько раз в печати [11; 12; 14] мы указывали, что истинный ее смысл удивительно просто раскрывается при ознакомлении с картами «Камчадалии» и Северной Америки нюрнбергского картографа И. Б. Гомана, по которым составлялась сама инструкция Петра I.

На печатной карте «Камчадалии» 1722 г. вблизи восточных берегов Камчатки изображена большая безымянная мифическая земля. Петр I, давно уже живо интересовавшийся различными островами Тихого океана, которые могли быть присоединены к России, естественно, не мог не обратить на это внимания: ведь совсем рядом с Камчаткой оказывалась гигантская «новая земля», которая не была еще освоена русскими. Тем более что, согласно карте Северной Америки того же И. Б. Гомана, эта большая земля могла оказаться даже частью Северной Америки. Правда, И. Б. Гоман севернее «острова» (?) Калифорния нанес пунктиром «пролив Аниан» [12, 112], давая тем самым понять, что эта земля при дальнейших исследованиях может оказаться не частью Америки, а самостоятельной землей. На карте Северной Америки эта таинственная мифическая земля имела несколько названий. Одно из них — «*Terra Borealis*» («Земля Северная») — явно соответствует определению Петра I: «земля, которая идет на норд» (на карте она действительно шла от Америки на север). Второе — «Земля Жоана де Гама» — по имени мореплавателя, который, по данным португальского картографа Тексейры (1649 г.), якобы открыл в этих северных водах Тихого океана какую-то большую землю. Третье — «*Terra Esonis*» — было явно японским заимствованием («эзо» или «иэдзо» по-японски означает «дикие» — так в Японии называли айнов и другие народности Тихого океана). Последнее, как уже отме-

¹¹ Еще в Енисейске он сетовал на то, что его зря послали ради решения этого вопроса на Камчатку, так как с меньшими затратами его можно разрешить северным морским путем, спустившись вниз по Лене, с дальнейшим переходом к устью Колымы. Беринг так и писал из Енисейска: «Ежели б определено было итти с устья Колымы до Анадыря, где всемерно пройти возможность надеюсь, о чем новые Азийские карты свидетельствуют, и... сказывают, что преж сего сим путем хаживали, то могло б быть исполнено желаемое с меньшим коштом» [18, 9].

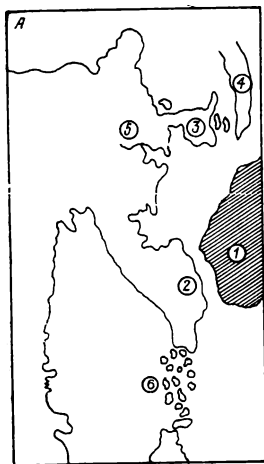
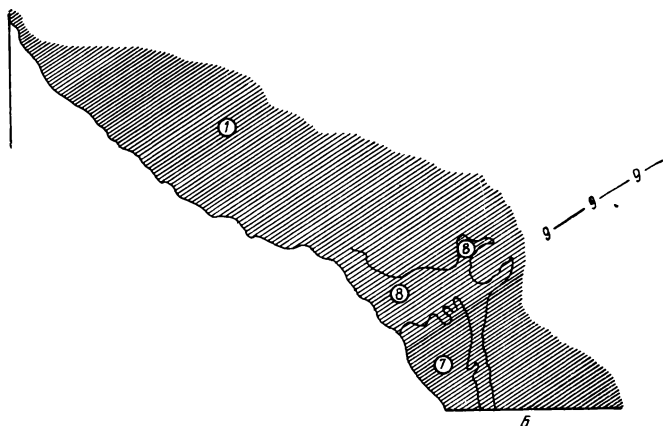

Рис. 2. Схема географических чертежей, помогающих раскрыть смысл инструкции Петра I Берингу
А — схема карты Камчатки, напечатанной картографом И. Б. Гоманом в 1722 г. по русскому чертежу; Б — схема северо-западной части карты Северной Америки И. Б. Гомана: 1 — Земля, которая идет на nord («Terra borealis», «Terra Esoris», «Земля де Гамы»), 2 — Камчатка, 3 — Чукотский полуостров, 4 — «Большая Земля» (Аляска, принимавшаяся за остров), 5 — Анадырь, 6 — Курильские острова, 7 — Калифорния, 8 — пролив Аниан, 9 — граница новой Мексики

чалось, в какой-то мере соответствовало и поздним представлениям Н. Витсена, сложившимся на основании информации, полученной им из Японии (рис. 2).

Итак, если считать именно эту землю «землей, которая идет на nord», весь текст инструкции Петра I становится вполне понятным и сама экспедиция вполне выполнимой за одну навигацию. Для этого В. Берингу отнюдь не требовалось идти на север, а он должен был плыть на юго-восток — кратчайшим путем до американских берегов: от южной части Камчатки вдоль южных берегов «Земли северной» (де Гама) к тому загадочному месту, где у И. Б. Гомана пунктиром был изображен возможный «пролив Аниан». Конечно, тут и должен был В. Беринг попытаться выяснить, является ли эта «Земля северная» (или «земля, которая идет на nord») частью Америки. Здесь он и должен был «искать, где она сошлась с Америкой»¹².

В свете всего сказанного выше становится очевидным, что поручение Второй Камчатской экспедиции отправиться не на север — к берегам Чукотки, а на восток — от южной оконечности Камчатки с обходом с южной стороны мифической «Северной земли» — являлось не изменением, а разъяснением инструкции Петра I. Идя именно этим путем, Берингу и его сподвижникам и удалось выполнить главную зада-

¹² Именно так трактовал этот вопрос А. И. Чириков, который в декабре 1741 г., говоря о мифической «Земле Иан де Гаммы», напоминал, как в прошлом «чаели, что она — часть Америки» [23, 273], а ведь Петр I о ней и писал: «по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки». Нельзя не вспомнить и рассказ А. К. Нартова о том, как Петр I во время беседы с Ф. М. Апраксиным при обсуждении своей инструкции указывал, что «на сей морской карте продолженной путь, называемой Аниан, назначен не напрасно» [3, 11]. Ранее исследователи не знали, о какой же конкретно карте здесь шла речь. На карте же Северной Америки И. Б. Гомана «пролив Аниан» действительно изображен как «продолженной». На других картах, которыми пользовался Петр I при составлении своей инструкции, вообще не было «пролива Аниан». Не было его и на большой карте Татарии Н. К. Витсена.

чу экспедиции — дойти в июле 1741 г. до берегов Северной Америки¹³.

Теперь уже достоверно известно, что и в распоряжении Беринга имелось немало экземпляров печатной карты «Камчадали» И. Б. Гомана 1722 г. Он даже оказался в состоянии передать несколько экземпляров дипломату С. Владиславичу-Рагузинскому [6, 30; 13, 103—104]. И все же, несмотря на наличие этой карты, В. Беринг не смог установить истинное значение инструкции Петра I.

Во многом объясняется это тем, что на печатной карте «Камчадали» И. Б. Гомана 1722 г. изображенная рядом с Камчаткой громадная мифическая земля была дана без какого-либо названия. Для определения же ее названия Берингу надо было обратиться уже к другой карте И. Б. Гомана — к карте Северной Америки. Но он этого не сделал. В. Берингу и его спутникам показалось более правдоподобным, как мы уже отмечали, что Петр I дал свое задание по карте Татари Н. Витсена, тем более что последняя была посвящена Петру I.

В какой-то мере В. Беринга ввела в заблуждение и официальная версия организации Первой Камчатской экспедиции. Петр I, хотя и объявил ее секретной, все-таки сознавал, что ему трудно будет скрыть от иностранцев сам факт организации столь большой экспедиции. Поэтому были приняты все меры для распространения версии, согласно которой эта экспедиция организовалась с чисто научной целью — исполнить давнее желание иностранных ученых: выяснить, соединяется ли Азия с Америкой, собрать информацию о возможности плавания северным морским путем из Европы в страны Дальнего Востока. Болезнь не позволила Петру I побеседовать с Берингом о целях экспедиции. И официальная версия дезориентировала самого Беринга: он невольно в тексте инструкции увидел то, чего в ней не было.

Отстаивая правильность своего толкования, Беринг и его спутники в конце концов посеяли сомнения в Петербурге: уж не существуют ли реально перешейки, изображенные на большой карте Татари Н. Витсена? В результате этого участникам отряда Второй Камчатской экспедиции, направленного в крайние восточные районы сибирского севера, было даже дано задание выяснить: нет ли на дальнем севере перешейков, уходящих от Азии к Америке. «А буде такое место придет, что сибирский берег с американским сошелся и потому нельзя до Камчатки пройти (от устья Лены.— *Б. П.*),— гласил указ Сената 1732 г.,— то следовать подле того берега, сколько возможно, который пойдет к северной стране... и притом выведывать, далеко ль на другой стороне земли Полуденное или Восточное море, и притом возвратитца

---

¹³ Важно также отметить, что именно на основании карты Северной Америки И. Б. Гомана участники этого исторического плавания смогли убедиться в том, что они достигли берегов Северной Америки [см. 14, 104; 33, 274—275]. Поскольку с новых изданий карты Северной Америки И. Б. Гомана исчезло пунктирное изображение «пролива Аниан», участники плавания уже были освобождены от задания искать, где «сошлась Земля северная» с Америкой. Собранные же ими на обратном пути данные доказали несостоятельность самой версии о существовании в этом районе этой мифической земли. На ее месте были обнаружены лишь отдельные острова — часть Алеутской гряды. Требование же инструкции Петра I о походе до «городов европейских» было отменено еще 16 февраля 1733 г. «По рассуждению адмиралтейской коллегии, хотя по намерению его императорского величества блаженныя и высокославныя памяти по тогдашнему случаю ему, Берингу, о походе до вышепомянутых европейского владения мест определение было,— гласило соответствующее решение,— однако ж ныне того похода чинить за полезно не признается...». Мотивировалось это, во-первых, тем, что «ежели от того места, где обшут Америку, еще им следовать до европейских владений, то уже возвратиться к камчатским берегам в одно лето никак не можно...» — так велико расстояние, во-вторых, тем, что посещать владения испанцев небезопасно [см. подробнее: 23, 29—30].

в Ленское устье и в Якуцк... а ежели такого соединения американских земель не найдут, то отнюдь не возвращатца, но обходить угол и притти до Камчатки...» [23, 93].

Обнаружить несуществующее было, естественно, невозможно. Но все-таки долгое время в XVIII в. на некоторых русских картах Шелагский мыс изображался непропорционально большим. И версия о возможности существования в этом районе перешейка, соединяющего Азию с Америкой, смогла дожить, по существу, до начала XIX в.— до знаменитой экспедиции Врангеля.

Позднее, когда уже было забыто, какими картами пользовался Петр I при составлении своей инструкции Берингу, стало казаться, что и в 1724 г. Петр I находился под влиянием взглядов Г. В. Лейбница (а он, как мы убедились, повторял старые взгляды Н. Витсена). Именно тогда у многих исследователей создалось впечатление, что толкование инструкции Петра I Берингом и его спутниками отнюдь не было ошибочным, тем более что смысл этой инструкции пытались толковать по картам, на которых уже не было мифической «Земли северной». К тому же многим казалось, что если Г. Ф. Миллер нашел отписки С. И. Дежнева только в 1736 г., то до этого в России будто бы господствовала вера в «соединение Азии с Америкой». Конечно, при таком толковании фактов нетрудно было уверовать в то, что Петр I в 1724—1725 гг. еще мог находиться под влиянием ошибочных ранних представлений Н. Витсена и вслед за Лейбницем верить в возможность «соединения Ледяного мыса с Америкой». Все содержание настоящей статьи ясно показывает несостоятельность подобных утверждений.

Теперь уже стало вполне очевидным, во-первых, что сами сподвижники Петра I заставили Н. Витсена окончательно отказаться от веры в возможность «соединения Ледяного мыса с Америкой», во-вторых, что Петр I во многом под влиянием географических трудов Н. Витсена исходил в своих инструкциях из предположения о наибольшей близости американских берегов к русскому Дальнему Востоку именно у Камчатки. Вот почему Петр I и счел нужным направить на Камчатку (а не Чукотку) экспедицию И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина, а в 1725 г. и В. Беринга.

Таким образом, изучение географического наследия Н. Витсена позволяет лучше понять и замыслы самого Петра I.

Все изложенное в настоящей статье еще раз доказывает, как далеки были от истины те историки, которые утверждали, что по инструкции Петра I якобы «плавание в Америку не являлось обязательным» и было лишь... «подсобной задачей». Опровергается и утверждение, что главной целью экспедиции В. Беринга был поиск пролива, соединяющего Ледовитый океан с Тихим. Говоря это, мы, конечно, не отрицаем того, что Петра I интересовали и установление морской связи североморским путем между европейским севером и Тихим океаном и открытие морской торговли со странами Тихого океана. Но эти вопросы отступали на второй план по сравнению с проблемой дальнейшего расширения русских владений в бассейне Тихого океана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Один из русских корреспондентов Ник. Витсена,— сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932». Л., 1934.
2. Баскин С. И. Путешествие Евреинова и Лужина в Курильский архипелаг (1719—1722),— ИВГО, вып. 4, 1952.
3. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга (1725—1742), М.—Л., 1946.

4. Герье В. Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в ганноверской библиотеке, СПб., 1871.
5. Герье В. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому, СПб., 1873.
6. Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг., М., 1960.
7. Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию,— Полное собрание сочинений, т. 6, М.—Л., 1952.
8. Ломоносов М. В. Петр Великий,— Полное собрание сочинений, т. 8, М.—Л., 1952.
9. Новлянская М. Т. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири, Л., 1970.
10. Полевой Б. П. Водный путь из Ледовитого океана в Тихий. Забытый наказ А. А. Винниуса 1697 года,— «Природа», 1965, № 5.
11. Полевой Б. П. Главные задачи Первой Камчатской экспедиции по замыслу Петра I,— «Вопросы географии Камчатки», вып. 2; Петропавловск-Камчатский, 1964.
12. Полевой Б. П. Из истории открытия северо-западной части Америки (от первого известия сибирских землепроходцев от Аляски до петровского плана поиска морского пути к Америке),— сб. «От Аляски до Огненной Земли. История и этнография стран Америки», М., 1967.
13. Полевой Б. П. О картах Северной Азии Н. К. Витсена,— ИАН СССР, серия географическая, 1973, № 2.
14. Полевой Б. П. О карте «Камчадали» И. Б. Гомана,— ИАН СССР; серия географическая, 1970, № 1.
15. Полное собрание законов Российской империи, т. VIII (1728—1732), СПб., 1830.
16. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов, Л.—М., 1952.
17. [Салтыков Ф. С.] «Изъявление прибыточные государству Федора Салтыкова 1714 год»,— Н. П. Павлов-Сильванский, Проекты реформ в записках современников Петра Великого, СПб., 1897.
18. [Соколов] А. П. Первая камчатская экспедиция Беринга 1725—1729 года — «Отечественные записки», т. 75, 1851, № 3, отд. VIII.
19. Соколов А. П. Русская морская библиотека,— «Записки гидрографического департамента», т. X, СПб., 1852.
20. [Спафарий Н.] Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году,— ЗИРГО по отделению этнографии, т. X, вып. 1, 1882.
21. Титов А. Сибирь в XVII в., М., 1890.
22. Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени, т. 2, СПб., 1863.
23. Экспедиция Беринга. Сборник документов, М., 1941.
24. Gebhardt J. F. Het leven van Mr. Nicolaas Cornelisz Witsen, 1641—1717, т. I — II, Utrecht, 1881—1882.
25. Peschel O. Geschichte der Geographie, München, 1865.
26. Philosophical Transactions of Royal Society, т. IX, 1674, № 101.
27. Sandler Ch. Die Anian-Strasse und Marco Polo,— «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde», т. 24, Berlin, 1894.
28. Witsen N. Moscovische Reyse 1664—1665, Journal en aentekeningen, т. I—III. 's-Gravenhage, 1966—1967.
- 28 a. Witsen N. Noord en oost Tartaye, Amsterdam, 1692.
29. Witsen N. Noord en oost Tartarve, Amsterdam, 1705.

В. Е. Возгрин

ВИТУС ИОНАССЕН БЕРИНГ

(Обзор зарубежной литературы)

Вклад Витуса Ионассена Беринга в историю географических открытий огромен. Его научные изыскания стали достижением всего человечества; именем Беринга названы море, пролив, остров. О жизни Беринга, предпринятых им двух великих путешествиях и значении его открытий для мореплавания, экономики, культуры, географии, этнографии и т. д. написано множество книг и статей как у нас, так и за рубежом. Однако до сих пор нет исчерпывающего обзора этих трудов, если не считать вышедшей небольшим тиражом в 1941 г. в Дании брошюры архивариуса из Орхуса Е. Стенсгора [62]. Но этот обзор весьма краток, охватывает работы лишь датских ученых (за небольшим исключением) и, кроме того, естественно, несколько устарел.

В настоящей статье сделана попытка дать обзор зарубежной литературы, посвященной Берингу. В него включены труды западноевропейских и американских ученых XVIII—XX вв., причем из работ, уже упомянутых в библиографических приложениях к отечественным изданиям, автором рассматриваются лишь те, которые представляют особый интерес.

Самым ранним печатным известием о Первой Камчатской экспедиции В. Беринга, бесспорно, является краткая корреспонденция из Ингерманландии, появившаяся в 1730 г. в одной из копенгагенских газет [3]. Автором этой заметки, по мнению некоторых датских исследователей, мог быть сам Беринг или кто-нибудь из его окружения [62, 5]. Ввиду краткости этого сообщения автор позволит себе привести здесь его основную часть: «Ингерманландия. В 1725 году 5 фев. капитан Беринг, согласно указанию царя Петра I, в сопровождении большой группы офицеров, геодезистов, а также матросов и солдат отправился в Камчатку. Для учинения этого похода [он] приказал весной 1727 года построить первый корабль в Охотской (Охотске.— В. В.), который расположен на внешних границах Сибири, на котором он смог плыть через Пенсин[ское] (название полустерто.— В. В.) море на Камчатку, где он на протекающей там реке того же названия указал строить весной 1728 года второй корабль. Поскольку данный ему четкий приказ [предписывал], далее, исследовать северо-восточные границы этой полосы земли, чтобы увидеть, принадлежит ли эта земля, как считают некоторые, северной части Америки или найти свободный морской проход, [то] он предпринял на этом же корабле рейс на северо-восток и продолжал его до 67 градуса 19 минуты северной широты, где он обнаружил, что действительно существует се-

веро-восточный проход, так что от Лены можно идти на корабле, насколько это позволяет лед на севере, на Камчатку...» [3, 254—256].

После этой заметки в Западной Европе в течение 17 лет не появляется никакой информации о Беринге, за исключением публикации в 1735 г. в Париже [24] карты Сибири от Тобольска до Камчатки, составленной экспедицией Беринга в 1730 г. и подаренной впоследствии польскому королю (в том же году карта была напечатана еще в одном французском издании [19]). В работе Ж. Делиля упоминается, что 20 октября 1743 г. во Франции было опубликовано небольшое сообщение из России о Второй Камчатской экспедиции, содержащее первые краткие сведения о связанных с ней основных событиях [см. 14].

Поскольку информация из России в XVIII в. была недостаточной (это объясняется тем, что экспедиционные материалы после смерти Беринга задержались в Сибири, а когда дошли до Петербурга, то были почти без всякой обработки погребены в архиве Адмиралтейства, где и оставались долгие годы практически недоступными для зарубежных исследователей), в западной литературе XVIII — середины XIX в. публиковались в основном лишь дневники и воспоминания участников экспедиций и компиляции из них.

В 1747 г. в Дании вышли мемуары П. Хавена, секретаря Бредаля — норвежца, служившего адмиралом в русском флоте. Посвященная Берингу часть воспоминаний невелика по объему, но содержит объективные данные о его открытиях, в частности о том, что Беринг достиг Америки [29, 35]. В этом отношении они выгодно отличаются от изданных в то время в России трудов французца Ж. Делиля и немца Г. Миллера (оба они были на русской службе). Последний утверждал, что Беринг не до конца прошел Северо-Восточный пролив, а первый — что он умер, не достигнув Америки.

После первых сообщений об открытиях Беринга о нем заговорили в Европе. Безвестный ранее пастор из рода Берингов, тоже Витус, издает в 1749 г. родословную своего рода [4], а еще через три года в Германии выходит книга физика И. Г. Гмелина, участника Второй экспедиции [20]. Это подробный дневник сухопутной части путешествия с мая 1733 по сентябрь 1743 г., т. е. до возвращения в Петербург. Книга снабжена многочисленными зарисовками, на которых изображены представители сибирских народов, их орудия труда, а также записями нот народных песен чукчей, бурят и других племен. Кроме того, там помещены подробные карты похода через Европейскую часть России, Сибирь и основанные уже на материалах экспедиции карты береговой черты Тихого и Ледовитого океанов. В 1779 г. книга Гмелина вышла и на французском языке.

Немного позже, в 1753 г., издает свой труд «первый географ короля Франции» Ф. Бюаш [8]. Он достоверно излагает содержание основных открытий Беринга и даже вступает по этому поводу в полемику со своим старым другом Делилем-старшим. Бюаш прилагает к книге более десяти цветных карт, часть которых сделана им самим. По ним можно проследить историю изменения представлений о северной части Тихого океана. Так, Бюаш помещает в книге старые французские и английские карты с мифическими островами и землями и даже зарисовки береговой черты некоторых из них («земли Компании») с реками и водопадами, а рядом, для сравнения с ними — карты Беринга.

Одновременно с трудом Бюаша во Франции издаются две работы астронома и географа Петербургской Академии наук Ж. Делиля [14; 15]. Эти работы, искажавшие, как уже отмечалось, исторические факты, были подвергнуты современниками заслуженной критике [64].

В 1770—1793 гг. в Германии выходят и основные труды Г. В. Стеллера [59; 60; 61] (из них в плане рассматриваемой нами тематики особенно интересны два последних), и немецкий перевод книги П. С. Палласа [52], из которой видно, что автор даже в 80-х годах сомневался, был ли американским берег, виденный В. Берингом и А. Чириковым [см. 44].

В Дании в 1756 г. издается ряд не публиковавшихся до того документов, связанных с Берингом. Это письмо путешественника к тетке с описанием его первой экспедиции и распоряжения о передаче всего наследства, оставшегося от родителей Беринга, его родному городу Хорсенсу для учреждения дома бедных [30, 248—253].

Там же в 1784 г. выходит книга известного популяризатора научных открытий М. Халлагера. Издатель и переводчик, талантливый публицист, М. Халлагер, основываясь на дневниках спутников Беринга, написал увлекательный рассказ о трудностях и победах экспедиций, изложил сведения о природе и населении новооткрытых земель вдоль тихоокеанского побережья Сибири, в Америке и Японии (рейс Шпанберга) [25].

И в XIX в. большинство зарубежных трудов о Беринге было написано в Дании (за исключением небольших работ американских и шведских ученых о том новом, что внесли экспедиции Беринга в картографию [10; 50; 23] и геодезию [57], а также о различных историко-ведческих вопросах, возникавших при работе с дневниками участников экспедиции [11]). В числе датских изданий можно назвать как научно-популярные [47; 38] и юбилейные [43] статьи, так и новые серьезные исследования, внесшие известный вклад в изучение истории экспедиций Беринга. На первом месте здесь стоят труды страстного поклонника Беринга Петера Лауридсена (1846—1923), талантливого писателя, получившего блестящую историко-географическую подготовку, горячего патриота Дании, творившего в период подъема антинемецкого национального движения. Эти качества в сочетании с холодным умом, трудолюбием и настойчивостью серьезного ученого позволили Лауридсену открыть своими произведениями новую эру в изучении наследия Беринга за рубежом. В 1883 г. автор первым из западноевропейских ученых начал работу в русских архивах при поддержке и покровительстве директора Гидрографической секции министерства морского флота, видного русского морского историка адмирала Ф. Ф. Веселаго. На основании архивных данных был написан главный труд П. Лауридсена — «Витус Беринг и русские экспедиции 1725—1743 гг.» [41], который, по словам Кнуда Расмуссена, является книгой «пылкой и убедительной» [62, 3]. После ряда попыток принизить роль открытий Беринга и его личные заслуги в них [см. 14; 15] автор впервые в западноевропейской литературе в полной мере воздал должное герою русского флота, поведал сначала Дании, а затем и всему миру (книга была переведена в Америке [42]) о величии подвига своего земляка (Лауридсен, как и Беринг, был родом из Южной Ютландии). Глубокое знание русских архивов позволило Лауридсену включить в книгу массу документального материала различного содержания (рапорты и карты участников экспедиции, в том числе копии карт Беринга, М. Шпанберга, А. Чирикова, С. Хитрова). В сокращенном переводе был дан и широко известный теперь рапорт Беринга из Охотска от 5 декабря 1737 г. В книге напечатаны гравюры памятника Берингу в Охотске, план Охотска (по С. П. Крашенинникову) и т. д.

Остальные работы Лауридсена, вышедшие до и после этой книги [38; 39; 40; 43; 44 и др.], носили научно-популярный характер и лишь

уточняли, дополняли и развивали отдельные положения его основного труда.

До конца 20-х годов XX в. в Дании, кроме Лауридсена, никто не занимался Берингом, зато снова усиливается интерес к нему в США и Франции. Впрочем, французских ученых Беринг интересует, как и раньше, лишь в связи со своими земляками Делилями. Так, А. Инар рассказывает в своей статье о судьбе [32] привезенной Ж. Делилем из России коллекции карт и документов, среди которых были и копии карт первой экспедиции Беринга; Х. Омон [51] исследует ряд писем Ж. Делиля, среди них есть и сообщения о результатах Первой Камчатской экспедиции; Х. Фруадево [18] и Г. Кан [9] пишут о тех же письмах.

Гораздо более интересны для изучения истории экспедиций Беринга американские работы этого же периода. Географ Дж. Дэвидсон в своей статье [13] делает попытку скоординировать местоположение кораблей «Св. Петр» и «Св. Павел» (после того как они разошлись) с современной картой Аляски и вычерчивает уточненные курсы этих кораблей.

Крупнейшей американской работой об экспедициях Беринга до сих пор является двухтомник Ф. Голдера [22]. Опираясь, как и Лауридсен, на собственные изыскания в русских архивах (Ф. Голдер работал в основном в фонде Беринга Архива Военно-морского флота), автор, и ранее занимавшийся проблемой освоения Россией побережья Тихого океана [см., например, 21], публикует теперь тщательно им обработанные основные документы экспедиции, до этого в полном виде не публиковавшиеся. Среди них — корабельные журналы пакетбота «Св. Петр» и гукора (парусное судно) того же названия, пакетбота «Св. Павел», рапорты лейтенанта С. Вакселя о походе «Св. Петра» и А. Чирикова о походе «Св. Павла». Кроме того, весьма ценны и вводные статьи Ф. Голдера, Е. Бертольфа, Л. Стайнегера и Джорга. Второй том включает стеллеровское описание Второй Камчатской экспедиции, перевод которого сделан с изданий 1784—1793 гг. [см. 61], выправленных Голдером в соответствии с найденной им в архиве Петербургской академии наук рукописью Стеллера.

В связи с приближением 250-летия (1931) со дня рождения Беринга в конце 20-х годов XX в. в Дании появляется ряд статей [46; 5; 26], целью которых была популяризация великого мореплавателя, забытого на родине. Некоторые авторы, например известный полярный исследователь К. Расмуссен [55] и Г. Хатт [27], как бы заново знакомят читателя с подвигом Беринга и значением его для человечества, для науки, другие подходили к этому сюжету с совершенно новых точек зрения (так, В. Рердам [56] делал попытку исследовать психологию Беринга в различные периоды его жизни).

В конце 30-х годов в Дании разворачивается широкая подготовка к 200-летию со дня смерти Беринга (1941), в ходе которой в Копенгагене и Хорсенсе были напечатаны новые работы датских исследователей [1; 7; 28; 33] и известного американского естествоиспытателя (норвежца по происхождению) Л. Стайнегера [58].

Несмотря на оккупацию Дании в апреле 1940 г. фашистской Германией, юбилей В. Беринга был отмечен публикацией ряда новых работ. Из крупнейших изданий можно назвать юбилейный сборник [65] и биографию Беринга, написанную И. Петерсеном [54]. Последняя работа особенно интересна. Подробное, составленное на основе опубликованных и неопубликованных материалов описание как общественной, так и глубоко личной жизни Беринга является, пожалуй, самым полным из всех, до сих пор изданных за рубежом. Петерсен

проявил глубокое понимание исторического положения России в конце XVII — первой половине XVIII в. С большой симпатией относится автор к русскому народу. Беринг у Петерсена — не «примадонна» (термин автора.— В. В.), а талантливый руководитель, никогда не чувствовавший себя обособленно от «глубокого, могучего моря, моря русского народа» [54, 29—30], это герой, который в свершении своего великого подвига очень многим обязан русскому народу: преданно служа своей второй родине, он понимает и ценит своих русских сподвижников [54, 83] и, выбрав однажды свой путь, «даже среди опасностей и ужасов никогда не раскаивается в этом» [54, 29].

Как и в годы, предшествовавшие празднованию 250-летия со дня рождения Беринга, в 1941—1942 гг. в Дании в числе статей, посвященных 200-летию со дня его смерти, были как типично юбилейные [см., например: 2; 16; 31; 34; 37; 53], так и содержащие информацию о новых достижениях в исследовании истории экспедиций Беринга. Это статьи шведа К. Бьёркбома [6] о двух старинных копиях с беринговской карты Сибири, обнаруженных им в стокгольмской Королевской библиотеке; датского писателя А. Фалька [17], в которой дан интересный анализ личных качеств Беринга; профессора Х. Йохансена [35; 36], работавшего в 20-х годах на Командорских островах и отметившего, в частности, изменения, происшедшие в природе этой части земного шара со времен Беринга.

13 мая 1942 г. в Копенгагене, в условиях немецкой оккупации, состоялся юбилейный вечер, организованный датским Королевским географическим обществом и Государственным радио, где с речами о Беринге выступили великий датский физик Н. Бор, профессор Н. Нильсен и ряд других представителей датской интеллигенции (впоследствии эти речи были опубликованы). Выступавшие не только отметили огромное общечеловеческое и научное значение подвига Беринга, но и высоко оценили (проф. Н. Нильсен) его верность долгу, которая «стала национальным символом» [49, 2].

Нельзя не отметить, что подчеркивание некоторыми авторами, писавшими в период оккупации, верной службы Беринга России (особенно отчетливо это видно в книгах И. Петерсена [54; 54a] и Е. Стенсгора [62]) требовало известного гражданского мужества. В оккупированной стране лучшие представители датской интеллигенции помнили, что их великий соотечественник нашел вторую родину в России, и в эти тяжелые для обеих стран годы само имя Беринга превращалось в символ традиционной дружбы Дании и России, уходящей своими корнями в глубину истории.

В послевоенные годы интерес за рубежом к истории путешествий Беринга несколько ослабевает. В 1952 г. в Лондоне выходит перевод с русского издания дневника Вакселя [66]; в 1948 г. датский исследователь Е. Стенсгор опубликовал небольшую статью о русских последователях Беринга [63], а также интересную брошюру [64], посвященную так называемым пушкам Беринга. Изданная в связи с открытием в сентябре 1957 г. в Хорсенсе парка им. В. И. Беринга, эта брошюра содержит рассказ автора о том, как им еще в довоенные годы была установлена связь с соответствующими советскими организациями в связи с находкой на о-ве Беринга пушек со «Св. Петра». И хотя во время войны эта связь прервалась, автор еще в 1942 г. нашел возможность переслать в Советский Союз собранные им материалы, посвященные празднованию юбилея Беринга в Дании. В 1956 г. пушки Беринга были доставлены в Копенгаген на борту крейсера «Серго Орджоникидзе» и установлены в мемориальном парке Беринга в г. Хорсенсе.

Такова зарубежная литература о Витусе Беринге, великом сыне Дании, офицере русского флота, подвиги которого одинаково чтут в России и Дании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Amburger E. Vitus Berings Nachkommen in Russland,— «Personalhistoriske Tidsskrift», t. III, 1936, стр. 35—38.
2. Andersen O. Søfareren Vitus Bering.— «Højskolebtadet», 1941, N 66, стр. 578—580.
3. [Bering V.] [Kerrespondance fra] Ingermanland,— «Nye Tidender om Laerde og Curieuse Sager», 20. IV. 1730, стр. 254—256.
4. Bering V. Fortegnelse over Provsterne og de i Aaret 1749 levende Praester i Sundsherred, Praesterne i Ollerup siden Reformationes og Delimatio stirpis Beringianae, [6. m.], 1749.
5. Birket-Smit K. Vitus Bering og hans Rejser,— «Geografisk Tidsskrift», т. 31, 1928, стр. 131—138.
6. Björkbohm K. Two Berings Maps in the Royal Library at Stockholm,— «Ethnos», 1941, N 4, стр. 128—131.
7. Brink A. En glemt dansk Søfarer,— «Gads Danske Magasin», 1938, стр. 20—27.
8. Buache Ph. Considerations géographiques et phisiques sur les nouvelles découvertes au nord de la grande mer appelée vulgairement la Mer du Sud, avec des cartes qui y sont relatives, Paris, 1753.
9. Cahen G. Les cartes de la Sibirie au XVIII siècle,— «Archives des missions scientifiques et litteraires», 1911, стр. 174.
10. [Dahlgren E. W.] Berings karta öfver Sibirien,— «Ymer», 1890, стр. 111—169; 1894, стр. 93—94.
11. Dall W. H. A critical Review of Berings First Expedition, 1725—1730, together with a Translation of his Original Report upon it,— «National Geographic Magazine», 1890, № 2, стр. 111—169.
12. D'Anville. Atlas général de la Chine, Paris, 1735.
13. Davidson G. The Tracks and Land-Falls of Bering and Chirikov on the North-West Coast of America, [San Francisco], 1931.
14. Delisle J.-N. Explication de la carte des nouvelles decouvertes au nord de la Mer du Sud, Paris, 1752.
15. Delisle J.-N. Nouvelles cartes des découvertes de l'amiral de Foute et autres navigateurs, Paris, 1753.
16. Erichsen M. Vitus Bering og hans Rejser,— «Nordisk Tidsskrift», Ny serie, t. 17, 1941, стр. 534—550.
17. Falk A. Vitus Bering, København, 1941.
18. Froidevaux H. Les études géographiques de Josef-Nicolas Delisle sur l'Empire Russe,— «La Géographie», 1920, № 3, 219—228.
19. «Gazett du France», 16. IX. 1743.
20. Gmelin J. G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743, Göttingen, 1751—1752, т. 1—4.
21. Golder F. A. Russian Expansion on the Pacific 1641—1850, Cleveland, 1914.
22. Golder P. A. Berings Voyages, t. 1—2, New York, 1922—1925.
23. Greely A. W. The Cartography and Observations of Berings First Voyage,— «National Geographic Magazine», 1891—1892, № 3, стр. 205—230.
24. Halde I. B. du. Description géographique, chronologique, politique, et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise, Paris, 1735.
25. Hallager M. Udførlige og troevaerdige Efterretninger om de fra Rusland af lands Kysterne af Ishavet til Søes giorte Opdagelser at Vitus Bering, København, 1784.
26. Hatt G. Vitus Bering,— «Vikingen», т. 4, 1929, № 1, стр. 3—5.
27. Hatt G. Vitus Bering,— «Naturens Verden», т. 13, 1929, стр. 66—88.
28. Hauch-Fausbøll Th. Et lille Bidrag til Søfareren Vitus Bering Biografi,— «Personalhistoriske Tidsskrift», т. II, 1935, стр. 278.
29. Haven P. von. Efterretninger om Capitein Commandeur Bierings og Capitein Spangenberg's Rejser fra Kamshiatka,— ero же, Nye og forbedrede Efterretninger om det russiske Rige, т. 2, København, 1747, № 3, стр. 17—43.
30. Hofman H. de. Samlinger af publice og private Stiftelser, Publikationer og iGavebreve, т. 2, København, 1756.
31. Ipsen P. Vitus Johassen Bering,— «Tidsskrift for Søvaesen», т. CXII, 1941, стр. 513—539.
32. Isnart A. Josef-Nicolas Delisle. Sa biographie et sa collection de cartes géographiques à la Bibliotheque Nationale,— «Bulletin de la Section de Géographie du Comité des Travaux Historiques et Scientifiques», т. 30, 1915, стр. 34—164.

33. Jensen J. K. Vitus Jonassen Bering [Saertryk at «Horsens Social-Demokrat»], Horsens, [1939].
34. Jensen J. V. Vitus Bering,—«Mindets Tavle», København, 1941, crp. 39—45.
35. Johansen H. Vitus Bering og hans Expeditioner i Nordasien og til Nordamerika,—«Danmarksposten», December 1941, crp. 1—8.
36. Johansen H. Vitus Bering und seine Expeditionen,—«Petermanns geografische Mitteilungen», t. 88, 1942, crp. 128—135.
37. Kragh G. Vitus Bering, Alaskas Opdager,—«Vikingen», t. 18, 1951, № 17—19.
38. Lauridsen P. Vitus Jonassen Bering,—«Hationaltidende», 8. V. 1880.
39. Lauridsen P. Et lille Tillaeg til Nordøstpassagens Historie,—«Naer og Fjern», 6. VI. 1880.
40. Lauridsen P. Vitus Jonassen Bering,—«Geografisk Tidsskrift», 1882, crp. 89—98.
41. Lauridsen P. Vitus Bering og de russiske Opdagelsesrejser fra 1725—1743, København, 1885.
42. Lauridsen P. Vitus Bering; the discoverer of Bering Strait, Chicago, 1889.
43. Lauridsen P. Vitus Bering,—«Illustreret Tidende», t. 33, № 12, 1891.
44. Lauridsen P. Vitus Bering og W. H. Dall,—«Geografisk Tidsskrift», t. 11, 1891—1892, crp. 41—57.
45. Lettre d'un Officier de la marine Russe à un Seigneur de la cour concernant la carte des nouvelles découvertes, Paris, 1752.
46. Liisberg B. Vitus Bering and the discovery of Bering Strait,—«American-Scandinavian Review», t. 16, 1928, crp. 345—352.
47. Mouritzen S. N. Russiske Opdagelsesrejser i Sibirien,—«Højskolebladet», 1889, № 2—5.
48. Müller G. F. Voyages et découvertes faites par les Russes le long des côtes de la Mer Glaciale et sur l'Océan Oriental, tant vers le Japon que vers l'Amérique, Amsterdam, 1766.
49. Nielsen N. Vitus Berings Stordaad,—«Danmarksposten», 1942, N 6.
50. Nordenskjöld A. E. Den första på verkliga iakttagelser grundade karta öfver norra Asien,—«Ymer», 1887, crp. 133—144.
51. Omont H. Lettres de J. N. Delisle au Comte de Maurepas et à l'Abbé Bignon sur ses travaux géographiques en Russie (1726—1730),—«Bulletin de la Section de Géographie du Comité des Travaux Historiques et Scientifiques», t. 32, 1917, crp. 130—164.
52. Pallas P. S. Nachrichten von den russischen Entdeckungen zwischen Asia und Europa,—«Büschings Magazin für die Neue Historie und Geografie», t. 16, 1782, crp. 235—286.
53. Petersen J. Vitus Bering,—«Danmark», t. I, 1941, crp. 797—801.
54. Petersen J. Søfareren Vitus Bering, København, 1941.
- 54 a. Petersen J. Vitus Bering, der Seefarer, Hamburg, 1947.
55. Rasmussen K., Dansk Udiaengsel, København, 1931.
56. Rørdam V. Vitus Bering,—«Danmarksposten», 1931, № 8.
57. Schott C. A. On the Magnetik Observations of Bering during his First Expedition,—«Appendix, № 5, U. S. Coast and Geodetic Survey Report for 1891», Washington, 1892.
58. Stejneger L. Et Nordmans Ord om Vitus Bering,—«Berlingske Aftenavis» 11. VIII. 1939.
59. Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten, herausgegeben von I.B.S. [cherer], Frankfurt und Leipzig, 1774.
60. Steller G. W. Topographische und physikalische Beschreibung der Beringinseln, welche im östlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt,—«Neue Nordische Beyträge», t. 2, 1781, crp. 235—301.
61. Steller G. W. Tagebuch seiner Seereise aus dem Petripauls Hafen in Kamtschatka bis an die westlichen Küsten von Amerika, und seiner Begebenheiten auf der Rückreise,—«Neue Nordische Beyträge», t. 5, 1793, crp. 129—236; t. 6, 1793, crp. 1—20.
62. Stensgård E. Den danske Søfarer og Opdagelsesrejsende Vitus Bering 1681—1741 i den danske Litteratur og Presse, Aarhus, 1941.
63. Stensgård E. Vitus Berings russiske Efterkommere,—«Horsens Folkeblad», 23. IX. 1948.
64. Stensgård E. Fra BeringØen til Horsens Vitus Bering Park, Horsens, 1957.
65. Vitus Bering. 1741—1941. København, 1942.
66. Waxel S. American expedition, London, 1952.
67. Wolff O. Levningsefterretninger om den berømte Søemand og udødelige Landopdager Commandeur Vitus Jonassen Bering, København, 1822.

В. М. Пасецкий

**РОЛЬ РОССИЙСКИХ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В ИССЛЕДОВАНИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРОХОДА**

В первой четверти XVIII в. проблема морского сообщения между Тихим и Атлантическим океанами через моря Ледовитого океана была поставлена Петром I в число важных задач Российского государства. Им были задуманы великие географические предприятия, воплотившиеся в Первой и Второй Камчатских экспедициях, участники которых, по словам М. В. Ломоносова, вслед за промышленниками XVII в. доставили «полное доказательство» того, что «Северный Сибирский океан с Атлантическим и Тихим непрерывное соединение имеет и что Азия от Америки отделена водами» [8, 450].

Необходимо отметить, что дальнейшие поиски в этом направлении в первой половине XIX в. были отмечены выдающимися достижениями, которые, однако, оставались мало изученными в отечественной и в особенности в зарубежной литературе. В последнем освещении роли России в решении данного вопроса ограничивается описанием всемирно известных плаваний С. И. Дежнева и В. Беринга. Более поздние экспедиции О. Е. Коцебу, М. Н. Васильева, А. Ф. Кашеварова, как правило, не упоминаются [18; 20; 21].

Правда, в 10-х и 20-х годах XIX в. английская пресса много писала о том, что русские уверенно лидируют в полярных исследованиях на берегах и морях, прилежащих с севера к Берингову проливу. Кроме того, английские исследователи Дж. Барроу и Дж. Бурней (Барни) добивались неофициальными путями получения более широкой и разносторонней информации об исследованиях М. М. Геденштрама, О. Е. Коцебу, М. Н. Васильева и Ф. П. Врангеля. В частности, Дж. Бурней через русского консула в Портсмуте просил у О. Е. Коцебу предоставить ему данные о течениях, которые наблюдали с корабля «Рюрик» в Беринговом проливе, справедливо видя в этом одно из доказательств сообщения между двумя океанами. Дж. Барроу получал через И. Ф. Крузенштерна и Н. П. Румянцева материалы о плавании С. И. Дежнева, об экспедиции на «Рюрике», а также сведения о Новосибирских островах. По заданию британского адмиралтейства для сбора сведений о русских исследованиях был послан лейтенант Д. Кокрен, который безуспешно пытался принять участие в экспедиции Ф. П. Врангеля.

Однако спустя 10—15 лет после того, как русское правительство утратило интерес к исследованию Северо-Западного прохода (так в географической литературе именуют морской путь вдоль северных берегов Аляски и Канады), на Западе началось игнорирование вклада России в решение этой задачи. Характерным в этом отношении было

обсуждение вопроса о необходимости возобновления исследований северного пути между Тихим и Атлантическим океанами, начавшееся в английском Королевском географическом обществе в 1835 г. Выступавшие в его ходе Дж. Барроу, Д. Ричардсон, Дж. Франклин и другие английские полярные исследователи, приводя доказательства существования Северо-Западного прохода, ни словом не упомянули о том, что они добыты русскими моряками и что не Англия, а Россия первой в XIX в. приступила к решению этой проблемы. По этому поводу И. Ф. Крузенштерн писал: «Здесь я должен упомянуть об одном обстоятельстве, которое не должно быть упускаемо из виду. Русские первыми возобновили отыскание Северо-Западного прохода в 1815 году отправлением корабля «Рюрик»; не прежде, как спустя три года после того, англичане начали посылать экспедиции для разрешения сего вопроса»¹. Более того, русские первыми окончательно доказали существование сообщения между Тихим и Атлантическим океанами через Северный Ледовитый океан.

Однако это открытие оказалось забытым. В зарубежной литературе утвердилось мнение, что исследование Северо-Западного прохода было возобновлено благодаря настояниям секретаря британского адмиралтейства Дж. Барроу. По словам же последнего, снаряжение английских экспедиций было вызвано опасением британского кабинета, что Россия, приступив первой к разрешению этой важнейшей географической проблемы, не только добьется укрепления своего авторитета как могущественной державы мира, но и усилит свои позиции на севере Американского континента. Этот факт в еще более обнаженной и откровенной форме отмечался в письмах русского посла в Лондоне Х. А. Ливена, адресованных Н. П. Румянцеву и И. Ф. Крузенштерну. В них он неоднократно обращал внимание на тот факт, что исследование экспедиции на бриге «Рюрик» для поисков Северо-Западного прохода подхлестнуло самолюбие британского правительства и что благодаря начинаниям Н. П. Румянцева наука обогатится интересными открытиями².

В чем же конкретно состоял вклад русских исследователей в решение проблемы Северо-Западного прохода?

Сразу же после завершения первого русского кругосветного плавания И. Ф. Крузенштерном на повестку полярных исследований России был поставлен вопрос об участии ее моряков и ученых в поисках Северо-Западного прохода (а следовательно, и в исследовании берегов севера Америки).

Особый интерес правительственных кругов России в 10—20-х годах XIX в. к этому вопросу обуславливался не только научными, но и в первую очередь политическими соображениями³.

Притязания Англии на север Американского континента, так же как и на северо-западные берега Америки, не были секретом для государственных деятелей России. Английские полярные экспедиции XVIII в. в отдельные районы Северо-Западного прохода, как отмечал историк Г. Вильямс, имели отнюдь не коммерческие задачи. По его словам, английское правительство хорошо понимало стратегическое значение северного пути в Тихий океан и поэтому его исследование возложило на британское адмиралтейство [21, 142].

Большую роль играли и соображения юридического порядка.

---

¹ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 75, л. 1.

² Там же, д. 223, л. 119.

³ ЦГАДА, разряд XI, д. 184, л. 1.

Привилегиями, которые были дарованы Российско-Американской компании на 20 лет в 1799 г., не были определены границы русских владений на севере Америки. Компании разрешалось вести промыслы и устраивать поселения «до Берингова пролива и за оный... и занимать земли, которые не были заняты другими народами» [13, 342]. Такая неопределенность формулировки имела сильную и слабую стороны, так как, с одной стороны, давала компании свободу действий на севере Американского континента, но, с другой — эта «неозначенность» оставляла юридически неприкрытой северную границу Русской Америки.

В России не могли не учитывать того обстоятельства, что точно так же могла поступать и английская Компания Гудзонова залива. Хотя ее деятельность как будто бы и ограничивалась территорией, прилежащей к Гудзонову заливу, но в то же время хартия, дарованная компании Карлом II в 1670 г., разрешала ее акционерам заниматься монопольной торговлей, добычей пушнины и минеральных богатств на прибрежных землях северных морей [5, 162].

Необозначенность границ русских владений на севере континента и возможность выхода английских промышленников со стороны р. Маккензи в район Берингова пролива в начале XIX в. вызывали озабоченность не только у Российско-Американской компании, но и у государственного канцлера, председателя Государственного совета Н. П. Румянцева. В связи с этим он в 1810 г. предполагал организовать поиски Северо-Западного морского пути сначала со стороны Берингова пролива на восток, а через год — со стороны Баффинова залива на запад.

Руководителем «атлантической» экспедиции Н. П. Румянцев хотел назначить какого-либо предприимчивого морехода из Америки, о чем уже велась переписка. Но И. Ф. Крузенштерн убедил Н. П. Румянцева воздержаться от снаряжения этой экспедиции до возвращения в Россию корабля, который будет заниматься поисками Северо-Западного прохода со стороны Берингова пролива, тем более что в случае удачи можно будет не прибегать к услугам американцев.

Однако в преддверии «грозы двенадцатого года» Н. П. Румянцеву не удалось приступить к выполнению даже первой части своего плана. Его главный советник по этим вопросам И. Ф. Крузенштерн писал впоследствии: «Политическое состояние России еще и прежде ужасной войны 1812 и 1813 годов исключало всякую возможность подобного предприятия даже со стороны самого правительства»⁴.

И только после того как армии Наполеона и его союзников потерпели сокрушительное поражение под Лейпцигом (1813 г.), Н. П. Румянцев предпринял конкретные действия, решив снарядить экспедицию для поисков Северо-Западного прохода за свой счет. Для этой цели был построен бриг «Рюрик». Во главе экспедиции был поставлен лейтенант О. Е. Коцебу.

Но прежде чем перейти к описанию этой экспедиции, необходимо определить, какой точки зрения на возможность разделения Азии и Америки придерживались английский мореплаватель Дж. Кук и его спутники по третьему плаванию (1778—1779 гг.), так как это поможет нам правильно осветить вклад России в решение одной из важнейших проблем полярных исследований.

Автор труда по истории исследования Северо-Западного прохода Л. Нитби считает, что окончательное решение вопроса о разделении материков и, следовательно, о существовании Северо-Западного про-

⁴ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 52, л. 53.

хода принадлежит Дж. Куку [20, 51]. Однако Л. Нитби упускает из виду тот факт, что Дж. Кук пришел к противоположному выводу.

По мнению спутников Дж. Кука, английский мореплаватель предполагал, что «сии два материка соединяются у полюса». Когда экспедиция Дж. Кука находилась в районе Ледяного мыса, в ее журнале 18 августа 1778 г. была сделана запись о том, что корабли остановлены сплошной стеной льда высотой 10—12 футов. «Дальше на Север она кажется выше» [17, 417]. В донесении британскому адмиралтейству Дж. Кук отмечал, что «в Ледовитом море имеется больше земли, чем об этом нам пока ведомо; там источник льда, и полярная часть океана отнюдь не является открытым морем» [17, 1532].

В следующем, 1779 г. английские корабли были остановлены льдами на 67° с. ш. Английские мореплаватели при этом обнаружили «некоторые обстоятельства, заставляющие многих думать, по тем наблюдениям, какие были сделаны в этом и в прошлом году, что море, как его теперь называют к северу и востоку от Сердца-Камень,— это всего лишь залив, образованный перешейком, соединяющим оба материка» [17, 1332].

Возможность соединения Азии и Америки подчеркивалась в документах английских мореплавателей неоднократно. При этом делалась оговорка, что если даже материки не соединяются, то лед является непреодолимым препятствием для плавания в этих местах. Наиболее характерной в этом плане была известная гипотеза участника экспедиции Кука Дж. Бурнея, защищавшего идею соединения Азии и Америки и ставившего под сомнение плавание С. И. Дежнева из Колымы вокруг Чукотского полуострова.

В Англии того времени широко было распространено мнение, что «экспедиции 1778—1779 годов оказали всему свету то благодеяние, что они его навсегда вылечили от сумасбродной мысли, что подобные открытия (т. е. открытие Северо-Западного прохода.— В. П.) возможны» [1, 90].

Анализируя имевшиеся сведения о третьем плавании Дж. Кука, И. Ф. Крузенштерн писал, что это путешествие «положило, казалось, конец всем сомнениям о возможности северного прохода» [4, VI].

Авторитет Дж. Кука был очень велик. Три кругосветных плавания и целая серия выдающихся географических открытий и достижений в изучении Мирового океана сделали его одним из выдающихся мореплавателей. Естественно, что всякое суждение или утверждение Дж. Кука воспринималось в то время как последнее слово истины. Точка зрения Дж. Кука и его спутников по третьему плаванию нашла сторонников и в Англии, и в России. В некоторой степени ее придерживались Г. А. Сарычев, М. М. Геденштром, Н. П. Румянцев. Но тем не менее, по справедливому замечанию декабриста В. П. Романова, вопрос о том, «соединяется ли материк Азии с Америкой или море разделяет их», продолжал стоять и являлся к 20-м годам XIX в. важнейшей арктической проблемой, привлекая внимание мореходов и ученых всех стран⁵.

Формулируя цели первой в XIX в. экспедиции для поисков Северо-Западного прохода, И. Ф. Крузенштерн⁶ исходил из убеждения, что мореплавателям едва ли удастся проникнуть дальше к северу, чем это удалось Куку и Кларку⁷. Поэтому он считал целесообразным ис-

⁵ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2595, л. 2.

⁶ Из всего сказанного здесь ясно видно, что И. Ф. Крузенштерн занялся проблемой Северо-Западного прохода минимум на 10 лет раньше Дж. Барроу.

⁷ Кларк возглавил экспедицию после гибели Кука.

следовать в первую очередь берега Америки к северу и югу от Берингова пролива, так как они оставались на значительном пространстве неосмотренными. Он надеялся, что в этих районах удастся найти бухту, имеющую непосредственное сообщение либо с Баффиновым заливом, либо с реками Маккензи и Коппермайн, впадающими в Ледовитый океан. И. Ф. Крузенштерн полагал, что таким путем будет удобнее достигнуть Атлантического океана, нежели через Берингов пролив к Ледяному мысу. Как бы маловероятным ни казалось это предположение, его можно будет окончательно отвергнуть только в том случае, когда, по словам Крузенштерна, будут исследованы огромные белые пятна побережья Америки в районе к северу и в особенности к югу от Берингова пролива, где осталось неосмотренным пространство берега на протяжении более 100 миль. Эти доводы И. Ф. Крузенштерна оказали большое влияние на направление русских поисков прохода из Берингова пролива в Атлантику. В районах Америки, указанных И. Ф. Крузенштерном, после плавания О. Е. Коцебу вели исследования Ф. Колмаков, П. Корсаковский, В. С. Хромченко и А. К. Этолин, М. Н. Васильев, А. П. Авинов и др.

Вместе с тем намечаемой экспедиции надлежало убедиться в невозможности проникнуть далее к северу, чем это удалось Куку, и, следовательно, удостовериться в несуществовании оттуда морского прохода в Атлантическое море» [4, IX]. В случае же, если не удастся морем достигнуть широты, до которой доходил Дж. Кук, Коцебу предписывалось предпринять сухопутное путешествие по арктическому побережью Америки и выяснить, как далеко к северу простирается Ледяной мыс и где берег принимает восточное направление. Эти направления и способы поисков прохода из Берингова пролива в Атлантику были подробно развиты И. Ф. Крузенштерном в «Мореходной инструкции, данной флота лейтенанту О. Е. Коцебу» и затем неоднократно рассматривались в его многочисленных (1823, 1824, 1829, 1835 гг.) проектах, первоначально направленных на поиски, а затем на исследование Северо-Западного прохода.

Бриг «Рюрик» отправился 30 июля 1815 г. из Кронштадта и ровно через год находился у Гвоздевых островов в Беринговом проливе. 30 июля 1816 г. экспедиция приступила к исследованию северо-западных берегов Америки. Через два дня путешественники обнаружили вход в огромный залив, который О. Е. Коцебу принял за вход «в Северо-Восточный через Берингов пролив проход, бывший предметом столь многих поисков» [4, 108]:

Записи в журнале путешествия и в других документах свидетельствуют о том, что О. Е. Коцебу находился в плену утверждений английских мореплавателей об отсутствии сообщения между Тихим и Атлантическим океанами к северу от Ледяного мыса (северное побережье Аляски). В результате он 18 дней пытался отыскать этот проход в районе Берингова пролива. Итог его поисков хорошо известен. Вместо входа в Северо-Западный проход он открыл залив, ныне носящий его имя (см. схему). Но вместе с тем на основе наблюдений над течениями в Беринговом проливе, направленными к северо-востоку и достигавшими скорости около трех миль в час, О. Е. Коцебу пришел к выводу, что существует сообщение между двумя океанами. Зная, что вблизи Баффинова залива течение направлено к югу, он считал, что «вода, входящая в Берингов пролив, имеет течение вокруг Северной Америки к югу»⁸. По мысли мореплавателя, дальнейшее исследование Берингова

---

⁸ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2531, л. 18.

пролива должно было принести большую пользу не только наукам, но и торговле.

В его рапорте на имя морского министра И. И. де Траверсе неоднократно подчеркивалась важность укрепления позиций России на севере Америки, и в частности в заливе Коцебу. «Мне кажется,— писал О. Е. Коцебу,— что не должно русским упускать времени занятием сего места, английская Гудзонская компания, которая весьма далеко к западу внутрь Америки от сих заселений распространяет торговлю, уже имеет в весьма недалеком расстоянии от сего зунда (залива.— В. П.) фактории и, конечно, вскоре привлечет сих диких, будет господствовать в Беринговом проливе»⁹.

Таким образом, был поставлен вопрос не только о развитии торговых отношений, но и о насущной необходимости закрепления за Россией важных стратегических пунктов, являвшихся ключом к Северо-Западному и Северо-Восточному морским путям.

Последующие мероприятия русского правительства по исследованию северной части Тихого океана и районов к северу от Берингова пролива, несомненно, имели связь с экспедицией на «Рюрике». Весьма интересен тот факт, что Н. П. Румянцевым предпринимались шаги по организации еще одной экспедиции, которая должна была направиться на север из района Чаунской губы или Шелагского Носа, чтобы убедиться, «нет ли вблизи за Ледовитым океаном матерого берега, который бы имел протяжение свое против Сибири, или не существует ли там островов» [11, 148]. Он просил П. И. Рикорда, управлявшего Камчатской областью, подготовить возможно скорее такую экспедицию и снабдить ее необходимыми инструкциями. 13 февраля 1817 г. Н. П. Румянцев сообщил П. И. Рикорду, что высылает 3 тыс. руб. и товары для участников будущих поисков с капитаном В. М. Головинным, который готовился в это время к кругосветному плаванию на шлюпе «Камчатка». 7 февраля 1818 г. Н. П. Румянцев снова напомнил П. И. Рикорду о своей просьбе послать людей, которые проверили бы, на каком расстоянии к северу от берегов Сибири и о-ва Св. Лаврентия находится берег Америки, и выяснили бы, «точно ли Азия от Америки Беринговым проливом отделена... Для пояснения сего вопроса я должен Вам, милостивый государь мой, донести, что некто Бурней, который, коли не ошибаюсь, сопровождал Кука, утверждает, что Азия с Америкой одну составляют матерую Землю, а что почитается Беринговым проливом, он считает за пространый залив, коего берега льдом обложены» [11, 152]. Он просил П. И. Рикорда попытаться «точные сведения отыскать» о плавании С. И. Дежнева, так как они помогут либо подтвердить предположения Дж. Бурнея, либо их отвергнуть. Своим просьбам Н. П. Румянцев придавал столь важное значение, что это письмо П. И. Рикорду отправил двумя okazиями: один экземпляр — через Российско-Американскую компанию, а другой — через сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля.

П. И. Рикорд выполнил просьбу Н. П. Румянцева. Им в 1819 г. была организована экспедиция, участники которой смогли пройти 100 верст по льдам к северу от Чукотки, но не обнаружили ни перешейка, ни «матерого берега».

Представляет интерес и тот факт, что И. Ф. Крузенштерном еще за год до возвращения «Рюрика» из плавания по предложению Н. П. Румянцева был разработан обстоятельный проект поисков Северо-Западного прохода со стороны Баффинова залива, но его осу-

---

⁹ Там же, л. 21.

ществование было отложено в связи с тем, что британское адмиралтейство объявило о посылке полярной экспедиции в тот же самый район.

Английское правительство в 1817 г. решило принять меры, чтобы «перегнать Россию и нейтрализовать ее операции в Арктике» [19, 76]. В сферу экспедиционной деятельности британского флота (с 1818 г.) было включено арктическое побережье Канады, Гренландия и земли, которые могут быть открыты в Северном Ледовитом океане¹⁰.

Англия всеми доступными путями старательно собирала сведения о русских открытиях не только на севере Америки, но и в районах, лежащих к северу от Восточной Сибири.

По словам историка Л. П. Кирвана, полярные экспедиции Англии были тесно связаны с «расширением британской территории» и захватом тех полярных областей, куда она, «хорошо зная своих потенциальных соперников, не могла допустить проникновения какой-либо другой державы». Особенно англичане опасались усиления русского арктического мореплавания у северных берегов Америки, тем более что русские владели районом, замыкающим сообщение между Тихим и Атлантическим океанами.

В октябре 1817 г. Дж. Барроу, имевший доступ к разведывательным данным о действиях русских в Арктике, обратил внимание британского адмиралтейства на то, что русских ученых и моряков уже некоторое время занимает вопрос о свободном плавании из Тихого океана в Атлантический вдоль берегов Америки. Он опасался, и притом весьма серьезно, что русские опередят англичан в решении главной задачи полярных исследований, которая привлекала англичан с XVI в.

Та же тревога прозвучала в его книге, посвященной истории полярных исследований. Англия, по словам автора, допустит непоправимую ошибку, если останется безразличной к исследованиям русских. Пока не поздно, необходимо опередить Россию в ее усилиях «совершить едва ли не единственное великое открытие, которое осталось сделать в географии» [14, 364].

Включение Англии в поиски морского сообщения между Атлантическим и Тихим океанами знаменовало собой начало нового этапа англо-русского соперничества в изучении северных берегов Американского континента. В 1818—1825 гг. Англия направила в Арктику экспедиции Дж. Росса, Д. Бьюкенена, Дж. Франклина, Э. Парри и др. Даже английские историки признают, что, поскольку экспедиции в Арктику финансировались английским правительством и осуществлялись военно-морским флотом, при этом «неизбежно примешивались соображения политики и стратегии» [19, 76].

Все это не составляло секрета для русского правительства, которое отдавало себе отчет в том, что Англия не только старается не допустить усиления России в Европе, но и стремится совместно с США подорвать положение русских поселений в Америке.

Морским министерством России в 1818 г. была начата разработка основных задач морских исследований, которые должны были охватить весь север Евразии, тихоокеанские берега Восточной Сибири от Берингова пролива до Амура и все побережье Русской Америки. Одновременно Г. А. Сарычев, И. Ф. Крузенштерн, О. Е. Коцебу, И. И. де

---

¹⁰ Бесспорно, что Англия, направившая в XVII—XIX вв. около 60 экспедиций в различные районы Северо-Западного прохода, внесла немаловажный вклад в его исследование.

Траверсе составили ряд документов, в которых определили задачи русской экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив. Первоначально в ней должны были участвовать два корабля. Затем число их было увеличено до четырех и они разделены на два отряда: первый — южный («Мирный» и «Восток»), направлявшийся на поиски земли у Южного полюса, и второй — северный («Открытие» и «Благонамеренный»), который должен был следовать в Берингов пролив. Руководителем северного отряда и командиром шлюпа «Открытие» был назначен М. Н. Васильев. Шлюпом «Благонамеренный» командовал Г. С. Шишмарев, участвовавший в плавании на бриге «Рюрик» в 1815—1818 гг.

Суда экспедиции М. Н. Васильева предприняли два плавания в Северный Ледовитый океан в 1820 и 1821 гг. (см. схему). Рассматривая результаты этой экспедиции, исследователи, как правило, концентрируют свое внимание на том, что она не прошла Северо-Западным морским путем из Тихого океана в Атлантику. При этом они упускают из виду, что, согласно инструкции, М. Н. Васильев, достигнув Берингова пролива, должен был употребить «всемерное старание к разрешению великого вопроса касательно направления берегов и прохода в сей части нашего полушария» [6, 76]. Перед экспедицией отнюдь не стояла задача по осуществлению плавания из Тихого океана в Атлантику. Экспедиции предстояло, с одной стороны, предпринять плавание в район мыса Ледяного и убедиться, действительно ли берег Америки в этом районе принимает западное направление (это было показано на ряде русских карт того времени), поскольку, по представлениям того времени, не исключалась возможность соединения Азии и Америки и еще более было распространено мнение о том, что берег Америки от Ледяного мыса протянулся далеко на запад и, возможно, даже соединяется с Гренландией. Не исключалось, что полярная часть океана скована вечным неподвижным льдом, о чем свидетельствуют как иностранные, так и отечественные карты. С другой стороны, ей предстояло повторить плавание С. И. Дежнева, только из Берингова пролива к устью Колымы, чтобы окончательно доказать, что Азия не соединяется с Америкой. В инструкции дважды подчеркивалось, что экспедиция должна «сколько возможно определить положение берегов, найти проход и проникнуть каким бы то ни было средством в Северное море сей части Америки» [6, 77]. Такое настойчивое подчеркивание главной задачи, заключавшейся в поисках прохода из Тихого в Северный Ледовитый океан, свидетельствовало о том, что русское правительство считало чрезвычайно важным проверить выводы английских мореплавателей, согласно которым этот проход был закрыт не то перешейком, не то барьером из непроходимого льда.

В свете поставленных перед экспедицией М. Н. Васильева задач следует считать, что она прошла успешно.

Наблюдения русских моряков опровергли выводы английских мореплавателей Кука, Кларка, Кинга, Бурнея и других о вечном льде, якобы покрывающем эту часть полярного моря, и о том, что за этим льдом находятся либо земля, либо перешеек, соединяющий Америку и Азию.

И. Ф. Крузенштерн писал, что наблюдения М. Н. Васильева в районе Ледяного мыса, которыми были установлены сильные течения к востоку, являются «обстоятельством, доказывающим неоспоримо свободное сообщение с морем, лежащим по сему направлению, что берег около Ледяного мыса не заперт льдом, так что при продолжительном южном ветре сей берег может быть совершенно чист от льду, а потому нет препятствий к тому, чтобы пройти вдоль сих берегов к восто-

ку»¹¹. Эта мысль И. Ф. Крузенштерном повторена многократно в различных документах.

Кроме того, экспедиция Васильева открыла группу островов «Благонамеренного», о-в Нунивак и установила, что не существует о-вов Преображения и Андерсена, Рико-де-Ора и Рико-де-Плата.

Пройдя 70 верст за мыс Ледяной, М. Н. Васильев проник так далеко к северу от Берингова пролива, как еще никому не удавалось. Экспедиция выяснила, что мыс Ледяной был неверно положен Дж. Куком на карту. Берег между мысами Лисбурн и Крузенштерна был достоверно картирован. К этому следовало присовокупить обследование Чукотки в районе мыса Сердце-Камень и мыса Восточного (Дежнева), опись о-ва Св. Лаврентия, пролива Гатемейстера, заливов Бристольского и Добрых Вестей, о-вов Павла и Георгия.

Рассматривая полярные исследования России начала 20-х годов, декабрист А. О. Корнилович с полным основанием отнес экспедицию М. Н. Васильева к числу выдающихся географических предприятий [3, 334].

Как справедливо отметил Ф. П. Литке, экспедиция М. Н. Васильева одновременно с мореходами В. С. Хромченко и А. К. Этолиным¹² открыла выступающий к западу на 150 миль п-ов Аляска и начала его подробное исследование, которое было успешно завершено моряками шлюпа «Моллер» под командой М. Н. Станюковича (1828 г.), описавшими северный берег п-ова Аляска. Выполненные работы позволили нанести на карту истинное положение этого обширного района Русской Америки¹³.

Лейтенанты Г. С. Шишмарев и А. П. Лазарев, мичманы К. К. Гильсен и Н. Д. Шишмарев, капитан М. Н. Васильев и натуралист Ф. Штейн оставили записки, которые через многие десятилетия донесли до нас точные описания жизни, занятий и обычаев народов Чукотки, Русской Америки и других земель.

Сравнение «Записок» А. П. Лазарева с дневником Дж. Кука, изданным в Петербурге в 1810 г., показало, что первые гораздо глубже и разностороннее по важности наблюдений и строгости научного подхода к объяснению различных природных явлений [12, 65].

Главное же состояло в том, что в результате экспедиции М. Н. Васильева был опровергнут или исправлен целый ряд ошибочных представлений, порожденных третьим плаванием Дж. Кука, продолженным Кларком и Кингом. Экспедиции О. Е. Коцебу и М. Н. Васильева добыли новые доказательства, свидетельствующие о существовании Северо-Западного прохода.

В окончательном решении этой проблемы выдающаяся роль принадлежит также одной из самых блестящих арктических экспедиций XIX в., которую возглавлял лейтенант русского флота Ф. П. Врангель (см. схему). Ее в определенном смысле можно рассматривать как сухопутный отряд экспедиции М. Н. Васильева.

Действительно, для доказательства отсутствия перешейка, соединяющего Азию и Америку (т. е. существования Северо-Западного прохода), нужно было, помимо того, что было сделано экспедицией М. Н. Васильева, либо совершить плавание из Тихого океана через Берингов пролив к устью Колымы (такая задача перед Васильевым была поставлена, но не была выполнена), либо исследовать северный

¹¹ АВПР, ф. 339, оп. 88, д. 312, л. 8 об.

¹² В. С. Хромченко и А. К. Этолин в 1821—1822 гг. обследовали северо-западные берега Америки.

¹³ ЦГАВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 14, л. 76.

берег Азии от устья Колымы до района Берингова пролива. Значительная часть этого побережья оставалась в то время белым пятном. Именно это и дало возможность Дж. Бурнею гальванизировать имевшую весьма почтенный возраст идею о соединении Азии и Америки перешейком¹⁴.

Как известно, северными отрядами Второй Камчатской экспедиции был описан берег Ледовитого моря от Белого моря до мыса Большой Баранов. Поскольку же опись не была доведена до Берингова пролива, «выяснение существования прохода в Тихий океан» осталось нерешенным [2, 100]. Поэтому одной из задач экспедиции Ф. П. Врангеля, по словам Ф. П. Литке, являлась опись неисследованных берегов северо-востока Азии, с тем чтобы разрешить «навсегда гипотезу о соединении Азии с Америкой» [7, 82].

Уже после того, как в марте 1821 г. Ф. П. Врангель, продвигаясь со стороны Колымы, достиг мыса Шелагского и не обнаружил признаков перешейка, стало очевидным, что «между Азией и Америкой нет связи и Берингов пролив есть действительный пролив» [1а, 124]. Но Ф. П. Врангель считал, что последнее слово еще не сказано, ибо, для того чтобы доказать это «совершенно», необходимо было достигнуть района Северного мыса, до которого простиралась опись со стороны Берингова пролива.

Эта задача была решена в 1823 г. Достигнув Колючинской губы, Ф. П. Врангель доказал отсутствие перешейка, соединяющего Азию и Америку. И не случаен тот факт, что после экспедиций О. Е. Коцебу, М. Н. Васильева и Ф. П. Врангеля перед русскими экспедициями ставится вопрос не об открытии Северо-Западного прохода, в чем, по словам И. Ф. Крузенштерна, уже нельзя было сомневаться, а о его исследовании [10, 101].

Кроме экспедиций О. Е. Коцебу, М. Н. Васильева, Ф. П. Врангеля поискам прохода из Тихого океана в Атлантику в некоторой степени были подчинены задачи экспедиций Ф. Калмыкова, П. Корсаковского и особенно В. С. Хромченко и А. К. Этолина. Н. П. Румянцев, при финансовой поддержке которого велись эти исследования, писал 12 ноября 1821 г. своему ученому-наставнику И. Ф. Крузенштерну, что он с нетерпением ожидает известий о «важном, каковом-либо открытии, приготавлиющем и подающем большую надежду к открытию и самого Северного прохода»¹⁵. В. С. Хромченко и А. К. Этолина Н. П. Румянцев впоследствии предполагал отправить для описи северных берегов Америки от залива Коцебу до р. Маккензи, но эта уже подготовленная экспедиция не состоялась из-за смерти Румянцева.

Уход из жизни этого человека, много сделавшего для развития отечественной географической науки, был, к сожалению, не единственным обстоятельством, существенно осложнившим дальнейшую исследовательскую деятельность русских ученых и моряков у северо-западных берегов Америки. Еще до того как экспедиция М. Н. Васильева возвратилась в Кронштадт, русское правительство издало (4 сентября 1821 г.) указ, запрещающий иностранным судам производство промыслов на берегах и в территориальных водах северной части Тихого океана.

В обстановке, когда США и Англия в 1819 г. без консультаций с Россией заключили договор о совместном владении территорией Северной Америки между 42° и 59° с. ш., все внимание русского флота

---

¹⁴ Подробнее см. статью Б. П. Полевого «Петр Первый, Николай Витсен и проблема „сошлась ли Америка с Азией“» в настоящем издании, стр. 19—33.

¹⁵ ЦГИАЭ, ф. 1414, оп. 3, д. 23, л. 137 об.

сосредоточилось на охране северо-западных берегов Русской Америки. В связи с этим остались нереализованными проекты будущего декабриста В. П. Романова (1822, 1823 гг.), а также А. С. Лескова (1822 г.) и И. Ф. Крузенштерна, в которых предлагались различные варианты исследования Северо-Западного прохода [10, 97—100].

Вместе с тем русские мореплаватели и полярные исследователи с самого начала организации крейсерства у берегов Восточной Сибири и северо-западного побережья Америки были озабочены тем фактом, что плавание судов в северной части Тихого океана могут оказаться бесполезными для науки и в особенности для уточнения прежних сомнительных описей и наблюдений.

В 1823 г. В. М. Головнин, И. Ф. Крузенштерн и Г. А. Сарычев предложили включить в проект инструкции для шлюпа «Предприятие» пункт, которым руководителю экспедиции О. Е. Коцебу разрешалось бы следовать в Берингов пролив для ученых исследований, если не будет этому препятствовать состояние дел в Русской Америке. Одновременно по прибытии на Камчатку О. Е. Коцебу должен был осмотреть купленную в Маниле шхуну «Св. Николай» и, если она окажется удобной к плаванью в полярных водах, укомплектовать ее экипаж и отправить судно «с нужным наставлением к Северу для исследований по ученой части»¹⁶.

Вскоре, однако, выяснилось, что главное правление Российско-Американской компании намерено отправить корабль с грузами для Русской Америки. В связи с этим начальник Морского штаба отдал приказание подготовить в дальний поход фрегат «Вестовой», на который возлагалась охрана этого торгового корабля от возможных нападений испанских корсаров.

Таким образом, создалась благоприятная ситуация для того, чтобы один или даже два корабля военно-морского флота после прибытия на Камчатку использовать для научных исследований. Как свидетельствует О. Е. Коцебу, И. Ф. Крузенштерну было поручено выбрать для этой цели ученых и приготовить инструкцию, черновик которой сохранился в деле о плавании шлюпа «Предприятие». О. Е. Коцебу предлагалось после выгрузки материалов в Петропавловском порту без промедления направить корабли в Берингов пролив. При этом подчеркивалось, что он не должен терять времени на исследование Анадырского и Алеутского заливов. Если в пределах Берингова пролива экспедиция не встретит английского капитана Э. Парри¹⁷, то должна вновь попытаться обойти мыс Ледяной и «пробраться к востоку, однако же не далее устья реки Маккензи»¹⁸.

Строгое определение границ предполагаемого плавания вдоль северных берегов Америки, вероятно, диктовалось стремлением не вызвать слишком болезненной реакции английского правительства, тем более что английская пресса все время писала тогда о стремлении русских открыть Северный морской путь для утверждения своего влияния не только в Америке, но и едва ли не на всех островах Тихого океана.

По мнению составителя инструкции, это плавание с участием двух кораблей должно было содействовать «разрешению важной задачи касательно Северного прохода из Южного моря (Тихого океана.—

---

¹⁶ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 672, л. 59.

¹⁷ Э. Парри в начале 20-х годов XIX в. возглавлял несколько английских экспедиций, занятых поисками Северо-Западного прохода. Зимой 1822/23 г. экспедиция Парри вынуждена была зазимовать в Арктике и считалась потерянной.

¹⁸ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 672, л. 73.

В. П.)»¹⁹ и собрать по возможности сведения об участии экспедиции Э. Парри.

Однако 26 мая 1823 г. собрание акционеров Российско-Американской компании решило отложить отправку «компанейского судна» до будущего года. Как только об этом стало известно в Морском министерстве, посылка фрегата «Вестовой» была отменена. Вслед за этим решением последовало изменение задач экспедиции на шлюпе «Предприятие».

Главной целью плавания 25 июля 1823 г. было объявлено крейсерство у северо-западных берегов Америки. Научные исследования разрешалось вести только на переходе из Кронштадта в Камчатку и на обратном пути в Европу. Плавание на север было отменено. Не удалось О. Е. Коцебу отправить в Берингов пролив и шхуну «Св. Николай». 15 июня 1824 г. он осмотрел ее в Петропавловском порту и пришел к выводу, что «она не пригодна для плавания к Северу»²⁰.

Таким образом, эта попытка мореплавателей России продолжить исследование Северо-Западного прохода и опись северных берегов Русской Америки не увенчалась успехом. Научная же работа, которую вели О. Е. Коцебу и сопровождавшие его ученые в умеренных и южных широтах, дала блестящие результаты.

Лейтенант А. С. Лесков в 1824 г. вместо исследования Северо-Западного прохода был отправлен на шлюпе «Смирный» для описи восточных берегов Чукотки. Однако корабль вблизи норвежских берегов получил серьезное повреждение, и А. С. Лесков возвратился в Петербург, чтобы затем принять участие в так называемой секретной экспедиции в район Северо-Западного прохода.

Пока не удалось обнаружить документов, которые раскрывали бы начальную историю этого крупного географического предприятия России, о котором вообще знал очень небольшой круг людей. Возможно, что все документы уничтожены еще в дореволюционное время в числе многих сожженных дел секретного архива Министерства морского флота. О том, что подготовка научной экспедиции не предавалась огласке, видно из переписки Ф. П. Врангеля с Ф. П. Литке.

«На Охте строятся два брига,— писал Ф. П. Врангель,— для экспедиции в Берингов пролив для каких-то изысканий навстречу Парри или на Север— настоящая цель оной хранится еще во мраке секрета. Командирами прочт капитан-лейтенанта Торсона и лейтенанта Андрея Моллера»²¹. Через несколько дней Ф. П. Врангель почти слово в слово повторяет это сообщение и снова упоминает К. П. Торсона как предполагаемого начальника секретной экспедиции. «Дело об отправлении военных транспортов „Моллера“ и „Сенявина“ к колониям Российско-Американской компании...» открывается 23 сентября 1825 г. представлением руководителя гидрографических исследований русского флота Г. А. Сарычева на имя начальника морского штаба А. В. Моллера. В нем говорится, что главное правление Российско-Американской компании просит адмиралтейский департамент рассмотреть вопрос о назначении «особой экспедиции» для описи «нам принадлежащих берегов Северной Америки». Снаряжение такой экспедиции, по мнению директоров компании, необходимо тем более, что «ныне конвенциями с Великобританским и Вашингтонским кабинетами определены границы владений наших в тамошнем крае»²².

¹⁹ Там же, л. 74.

²⁰ Там же, л. 388.

²¹ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 452, л. 84.

²² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 688, т. 1.

Адмиралтейский департамент выразил согласие с мнением главного правления о необходимости отправки «особой экспедиции». В ее задачи, по мнению департамента, должно было входить составление описи берегов и островов Северо-Западной Америки, а также «восточного берега Азии от Петропавловской гавани до Берингова пролива».

30 октября 1825 г. хозяйственная экспедиция Адмиралтейств-коллегии пыталась добиться назначения командиров для строящихся на Охте судов и указания о закупке товаров и припасов, но получила резолюцию А. В. Моллера: «Рано еще». 7 декабря просьба была повторена. Последовала новая резолюция, которая гласила: «По неясности еще, отправдение судов в дальний вояж оставлено».

А. В. Моллер в сложной обстановке междоусобицы, последовавшей после смерти Александра I, решил выждать. Однако уже 23 декабря, через девять дней после подавления восстания на Сенатской площади, он представил царю доклад, в котором просил разрешения на посылку строящихся судов «для крейсерства у берегов Северо-Западной Америки и для ученых открытий по возможности»²³. Николай I ответил согласием. Началась заготовка припасов и уточнение задач экспедиции.

23 февраля 1826 г. командирами шлюпов были назначены Ф. П. Литке («Сенявин») и М. Н. Станюкович («Моллер»). Главной задачей экспедиции была объявлена доставка различных грузов на Камчатку и в Русскую Америку. Бывшая «секретная экспедиция» утратила свои прежние цели, хотя Ф. П. Литке было поручено заняться описью северо-восточного побережья России, не выходя при этом за пределы Берингова пролива.

Однако русские моряки не оставляли попыток привлечь внимание правительственных кругов к необходимости дальнейшего участия России в исследовании Северо-Западного прохода. В 1829 г. с проектом описи северного побережья Америки (с комментариями декабриста В. П. Романова) выступил журнал «Отечественные записки». В том же году И. Ф. Крузенштерн предложил план отправки состоящей из двух отрядов, по два корабля в каждом, экспедиции в высокие широты Северного и Южного полушарий. Но этот проект, предусматривавший продолжение открытий и исследований, совершенных Ф. Ф. Беллинсгаузеном и М. Н. Васильевым, был отвергнут. Не было принято и предложение П. И. Крузенштерна о посылке экспедиции для дальнейшей описи Антарктического материка [9, 29—31].

Особое беспокойство вызывали у русской общественности сведения об английских экспедициях к северным берегам Америки (экспедиции Дж. Бака в 1836 г. и П. Диза — Т. Симпсона в 1837 г.²⁴). Вопрос этот был поднят не случайно. Только что истек срок действия Русско-Американской и Русско-Английской конвенций, со времени заключения которых царское правительство почти прекратило исследования на северо-востоке Сибири и на севере Русской Америки. Английские моряки и полярные исследователи, отражавшие интересы британ-

---

²³ Там же, л. 2, 4, 6.

²⁴ Данная экспедиция прошла участок северного побережья Америки от р. Маккензи до мыса Барроу, описав часть берегов Русской Америки. В связи с этим в английской прессе появились высказывания о возможности претензий Англии на только что исследованную территорию, принадлежащую России. Однако Англия не решилась на этот шаг. В это время между Гудзонской и Российской-Американской компаниями велись переговоры об аренде приморской полосы между 54° 40' с. ш. и мысом Спенсера. Успех этих переговоров интересовал англичан гораздо больше, чем претензии на исследованную ими территорию на севере Русской Америки.

ского адмиралтейства, опасались, что Россия после перерыва снова займется исследованием Северо-Западного прохода и северных берегов Америки.

Эта тревога красноречиво звучит в письме Джона Барроу: «Англии не простится и она станет посмешищем всего мира, если она позволит какой-нибудь другой стране из-за своего безразличия ограбить себя, лишить всех своих предыдущих открытий!» [15, 34].

В этих условиях по инициативе Ф. П. Врангеля и И. Ф. Крузенштерна на средства Российско-Американской компании в 1838 г. была снаряжена байдарочная экспедиция под начальством А. Ф. Кашеварова (см. схему). Она исследовала и закартировала северное побережье Русской Америки от мыса Лисбурн до мыса Врангеля. Обследованный русскими моряками берег на восток от мыса Барроу называли берегом Меншикова. Используя собранные сведения, А. Ф. Кашеваров составил гидрографические карты, которые вошли в несколько русских атласов.

Экспедицией А. Ф. Кашеварова завершается участие России сначала в открытии, а затем в исследовании Северо-Западного прохода.

Экспедиции О. Е. Коцебу, М. Н. Васильева, В. С. Хромченко, А. К. Этолина, М. Н. Станюковича, Ф. П. Литке, А. Ф. Кашеварова и, наконец, Колымского отряда Ф. П. Врангеля не только внесли выдающийся вклад в исследование района Берингова пролива, севера Восточной Сибири и арктических берегов Русской Америки, но и доставили науке окончательное решение важнейшей географической проблемы — проблемы существования морского прохода из Северного Ледовитого океана в Тихий океан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боднарский М. С. Великий Северный морской путь, М.—Л., 1926.
- 1а. Гастрфрейнд Н. Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому лицейу, т. II, СПб., 1912.
2. Греков В. И. Очерки истории русских географических исследований в 1725—1765 гг., М., 1960.
3. Корнилович А. О. Рассуждение об успехах экспедиции капитана Парри,— «Северный архив», 1824, ч. 12.
4. Коцебу О. Е. Путешествие в Южный океан и Берингов пролив. ч. I, СПб., 1821.
5. Купреянов А. Б. Компания Гудзонова залива за первые сто лет своего существования (1670—1763),— «Летопись Севера», вып. IV, М., 1964.
6. Лазарев А. П. Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренный» в Берингов пролив и вокруг света, М., 1950.
7. Литке Ф. П. Известие об экспедициях к северным берегам Сибири,— ЗГАД, ч. IV, 1824.
8. Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию,— его же. Полное собрание сочинений, т. 6, М.—Л., 1952.
9. Пасецкий В. М. Вопросы исследования Арктики и Антарктики в проектах И. Ф. Крузенштерна и П. И. Крузенштерна,— «Русские арктические экспедиции XVII—XX вв.», Л., 1964.
10. Пасецкий В. М. Русские проекты поисков Северо-Западного прохода,— «От Аляски до Огненной земли», М., 1967.
11. [Румянцев Н. П.] Письма графа Н. П. Румянцева к П. И. Рикорду,— РВ, 1842, № 6.
12. Соловьев А. И. Предисловие,— Лазарев А. П., Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренный» в Берингов пролив и вокруг света, М., 1950.
13. Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. I, СПб., 1861, приложение.
14. Barrow A Chronological History of Voyages into the Arctic Regions by John Barrow, London, 1818.

15. Barrou J. Communications on a Northwest Passage and Further Survey,—
«Royal Geographical Society Journal», т. VI, 1836.
16. Burney J. A Chronological History of North Eastern Voyages of Discovery:
and of the Early Eastern navigations of the Russians, by Captain James Burney,
London, 1819.
17. [Cook J.] The Journal of Captain James Cook, ed. by J. G. Beaglehole, Cambridge
University Press, 1967.
18. Dodge E. S. Northwest by Sea, New York, 1961.
19. Kirwan L. P. The White Road, London, 1959.
20. Neatby L. H. In Quest of the North West Passage, Toronto, 1958.
21. Williams G. The British Search for the Northwest Passage in the Eighteenth
Century, London, 1962.

И. С. Вдовин

**ИТЕЛЬМЕНЫ И КОРЯКИ
В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVIII в.**

*(По неопубликованным материалам участника
Камчатской экспедиции А. П. Горланова)*

Вопросы ранней этнической истории обитателей Камчатского полуострова приобретают теперь более интригующий характер, поскольку существовавший взгляд на этногенетическую принадлежность ительменов к корякам и чукчам не подтверждается ни историко-культурными, ни антропологическими, ни лингвистическими данными [3]. В этой связи особый интерес представляют находки новых материалов, дополняющие историко-этнографические и языковые сведения об ительменах и их отношениях с коряками Камчатского полуострова. Накопление разного рода ранних сведений об ительменах, несомненно, поможет более глубоко проникновению в загадочный мир этногенеза одного из так называемых «палеоазиатских» народов.

Материалы, используемые в статье, принадлежат одному из участников академического отряда Камчатской экспедиции — студенту А. П. Горланову. Он прибыл на Камчатку в 1739 г. вместе с Г. Стеллером, к которому был прикомандирован в качестве помощника. Работая по заданиям Стеллера, Горланов составил гербарий растений, встречающихся в окрестностях Петропавловска. Занося в журнал русские названия растений, он тут же помещал их ительменские названия, особо отмечая те из растений, которые шли в пищу или использовались ительменами как лекарственные средства. Вместе с тем Горланов записал значительное количество ительменских (по диалектам) и корякских слов «и притом о нравах и обычаях камчатских и коряцких и прочее, что до тех народов касается, выпрашивал и сочинил описание»¹.

К сожалению, большинство работ А. Горланова пока не отыскано [1, 252]. Часть материалов, собранных Горлановым, была использована Г. Стеллером (в основном географические сведения о реках западного побережья Камчатки) [7]. Этнографические же сведения об ительменах, ительменско-корякских отношениях, ительменско-курильских связях, а также исторические материалы об ительменах и коряках оказались почти не использованными. То же следует сказать относительно сведений Горланова об ительменском языке.

В целом его описания ительменов и коряков дополняют сведения С. П. Крашенинникова и Г. Стеллера. Горланов зарегистрировал ряд таких подробностей из области материальной культуры ительменов, их взаимоотношений с соседними народами, которые не отмечены никем. Ему же принадлежат весьма интересные сведения о коряках западного побережья Камчатки. Любопытны материалы, которые он собрал во

---

¹ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 813, л. 194 об.— 195.

время путешествия в 1743 г. от Большерецка до Воямполки. Наибольшее количество заметок в дневнике Горланова относится к ительменско-корякским связям и отношениям. Это фрагменты исторических преданий, представляющие исключительную научную ценность, так как никто, кроме Горланова, никаких древних преданий ительменов о их прошлых отношениях с коряками не зарегистрировал. Нет и исторических документов по этим вопросам.

Видимо, к концу XVII в. строгих границ между оседлыми коряками (паланцами) и ительменами не существовало. На р. Тигиль и ее притоках находились как корякские, так и ительменские острожки. Вероятно, были острожки и со смешанным ительменско-корякским населением. В конце XVII — начале XVIII в. были еще поселения оседлых коряков к югу от Тигиля, где они встречались в ительменском окружении. По преданиям, записанным А. Горлановым от местных жителей, ряд ительменских острожков западного побережья Камчатки в недалеком прошлом был населен коряками. К таким поселениям относился «Тахилатынум (коряцкий острожек.— *И. В.*) на левом берегу Крутогоровой реки». «Некоторые объявляют,— писал Горланов,— что в сем острожке преж сего живали коряки, которых камчадалы войной согонили»².

А. Горланов упоминает также «Тахилвахтаня — коряцкий старый острожек от Гохлина-речки в версте на левом берегу р. Белоголовой»³. Продвигаясь далее на юг, он записал: «На Хайрюзовой реке мне объявили, что прежде сего на сем месте, где ныне камчадалы живут, жили коряки и построены были не малые острожки, точию те коряки камчадалами в осаде побиты»⁴. А на р. Аваче среди обитателей острожка Коряки, по данным Горланова, в 40-х годах XVIII в. были не только ительмены, но и коряки. «Жития во оном острожке,— писал он,— 5 юрт, 42 балагана, жителей 5 коряк, 15 камчадалов»⁵. Из этих сообщений следует, что коряки к югу от Тигиля жили в острожках, весьма далеко отстоящих друг от друга. Если учитывать топонимику этих мест, то обнаруживается значительно больше следов обитания здесь коряков. Так, по свидетельству Горланова, один из притоков р. Хайрюзовой в XVIII в. назывался по-корякски «Кэлилевут — Пестроголовая речка». Она брала свое начало со склонов хребта, называвшегося также по-корякски «Авкувавул'ан (Акувувывылъын.— *И. В.*) — Большие утесные камни»⁶. Горланов отмечал, что р. Кавран «с корякского языка — значит Поворот». По-корякски назывались и притоки р. Авачи, как, например, «Ивылга — Долгая».

По всем данным, в прошлом обитатели корякских острожков были оленеводами. Появление их в южной части западного побережья Камчатки относится, очевидно, к сравнительно недавнему времени и должно рассматриваться как вынужденное. Дело в том, что вскоре после переселения коряки в этих местах лишились оленей, и поэтому им пришлось принять образ жизни ительменов, т. е. перейти к оседлости и рыболовству. Как отмечал С. П. Крашенинников, то же самое произошло и с коряками на р. Аваче. «Они (коряки.— *И. В.*) были прежде оленные,— писал он,— но по отогнании оленей их неприятельми учинились сидячими» [5, 122]. Правда, коряки-оленеводы южной части западного побережья Камчатского полуострова потеряли своих оленей по иной причине. «Об оленных коряках уведомился я,— записал в

² ААН СССР. ф. 21, оп. 5, д. 65, л. 12—13.

³ Там же, л. 28.

⁴ Там же, л. 32об.

⁵ Там же, л. 55об.—56.

⁶ Там же, л. 32об.

1743 г. А. Горланов,— что они прежде сего жили около Лопатки и случилось одною зимою быть великим дождям, а после того морозам, то поверху земли и мохов, которым олени питаются, замерзли и стал великий голод и олени померли, и от того времени якоб коряки от года в год ближе к Тигилю-реке прикочевали, где они до прихода русских проживали»⁷.

Вполне допустимо, что это обстоятельство было одной из главных причин перехода части коряков к оседлости в тех местах, где захватило их бедствие. Отсюда та разреженность поселений коряков, которая отмечалась выше. Находясь в тесном окружении ительменов, они растворились среди них, утратив все самобытные черты культуры, в том числе и язык. Так, видимо, ассимилировались к началу XVIII в. коряки на реках Хайрюзовой, Крутогоровой, Белоголовой и в других местах. В Белоголовом острожке А. Горлановым было записано от ительменов любопытное предание о том, что «коряки, которые ныне на Вакланском море живут (очевидно, имеется в виду Пенжинская губа, названная по р. Аклан.— *И. В.*), услышав в прежние годы приход чрез Анадырский острог русских людей, бежали по Пенжинской губе к Лопатке и там жили, откуль мало живых возвратилось, но почти все примерли»⁸. Это известие подтверждается сообщениями В. Атласова. «Послыша их (отряд В. Атласова.— *И. В.*) приход,— сообщал он в 1697 г. о походе по Камчатке,— оленные коряки с жилищ своих убежали вдаль, и он де (Атласов.— *И. В.*) за ними гнался шесть недель. И мимо идучи на Нане, и на Гиги, и на Ники, и на Сиунчу, и на Харюзове реках неясашных камчадал... призывал. И оттуды-де пошли они вперед (т. е. далее на юг.— *И. В.*) и на Кукше, и на Кыкше (р. Большая.— *И. В.*) реках оленных коряк сугнали» [цит. по: 4, 28].

Распространение коряков-оленоводоов далеко на юг Камчатского полуострова подтверждают и исторические предания ительменов, записанные Горлановым на Облуковине: «О коряках и сие объявлено, что якоб в прежние годы живали они близ Лопатки, которая лежит на полдень, и около Курильского озера, чему есть в тех местах явные признаки, что многие оленьи роги около помянутой Лопатки и Курильского озера находят»⁹.

Отношения между коряками и ительменами носили неустойчивый характер, особенно в период, когда коряки с боями проникали в районы к югу от Тигиля. Это также получило живое отражение в народной памяти ительменов. Житель Облуковинского острожка ительмен Карынча «объявил, что коряки из своих жилищ, собравшись человек по 100—150, хаживали по берегу Пенжинского моря на живущих камчадалов даже до Курильской Лопатки, и едва к какому острогу случалось им притти, они дирались и наилучший у них бой бывал костяными топорами, и до того времени те коряки с камчадалами войну имели, пока ясыра себе получают, а как их получают, уговаривают камчадалов, даб с ними далее в поход ходили и притерпенной бы ими урон над другими камчадалами отмщали, и так одного острога жители против жителей других острогов нападение чинили»¹⁰. О столкновениях с коряками вспоминали как о недавней истории ительмены и в других южных острожках, в частности в Куатымнуме, находившемся на правом берегу р. Крутогоровой. Само название этого острожка «от того, что когда в прежние годы коряки к камчадалам приходили драться, то камчадалы, выкопав тайную земляную юрту (ход.— *И. В.*),

⁷ ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 800а, л. 149об.

⁸ ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 65, л. 29.

⁹ Там же, л. 15.

¹⁰ Там же.

воду из реки носили»¹¹. Не менее выразительно и определенно сообщение, полученное А. Горлановым на Ключевой протоке р. Крутогоровой, в «Тахилатынум — коряцком острожке, где ныне камчадалы живут, а острожек сей назван для того, чтоб якоб построен он был в прежние годы для защищения от коряцкого нападения, которые прибегали на оленях воевать с камчадалами»¹².

Интересно, что такие предания сохранялись в народной памяти ительменов еще в начале нашего века. В. Н. Тюшов записал на Иче рассказ о приходивших некогда с Паланы коряках с целью нападения на ительменов и об отмщении за это нападение [6, 274—275].

В то же время обращает на себя внимание почти полное отсутствие в имеющихся материалах данных, которые говорили бы о военной активности ительменов против коряков. У А. Горланова есть единственное указание, которое может быть добавлено к преданию, записанному В. Н. Тюшовым, где говорится об отмщении за нападения коряков. Он писал, что недалеко от р. Травяной (левый приток Тигиля) находится «Стрельный яр — Лотанум — имя имеет от сего, как камчадалы прежде сего против коряк в походы хаживали, приехав к сему яру, стреливали из луков, причем примечали, когда стрела прямо метки падет, за счастье признавали. Ежели ж стрела не прямо летит, то несчастию быть признавали, и так они поход свой иногда оставляли»¹³.

Однако было бы ошибкой заключить из сказанного выше, будто ительменско-коряцкие отношения стали тесными лишь в XVII в. Такой вывод можно считать справедливым только применительно к связям ительменов с оленными коряками. Что же касается связей первых с оседлыми коряками, то они, очевидно, уходят своими корнями в более отдаленное время. Наиболее интенсивными они были, естественно, на местах сопредельного расселения оседлых коряков и ительменов, на реках Оmaniной, Напане и по Тигилю. Именно в этих местах шло активное взаимодействие этих народностей. Здесь сформировались те общие элементы культуры и языка, которые подробно и обстоятельно описаны исследователями XVIII в. [5; 7]. Этот район был местом наиболее интенсивного физического смешения ительменов с коряками. Отсюда ительменские элементы культуры и языка распространялись к корякам на север, а коряцкие — к южным ительменам.

В дневнике А. Горланова имеются уникальные сведения о некоторых предметах материальной культуры ительменов, особенно о способах их изготовления и орудиях, применяемых при этом. В острожке Такаут (на р. Облуковине) им был «получен от тойона И. Атласова один старинной костяной камчатский топор»¹⁴. Несколько ниже Горланов записал в своем дневнике: «Топоры до прихода русских людей делались из оленьих рогов». Вообще, костяные топоры он упоминает несколько раз; ими якобы пользовались коряки при нападениях на ительменов. Это сообщение согласуется со сведениями из фольклора. В коряцких сказаниях об Эмемкуте топоры из лопастей рога оленя называются как один из основных видов оружия рукопашного боя.

Интересное объяснение причин сокращения численности ительменов и данные об их военном снаряжении сообщил Горланову житель р. Коли. «Старый камчадал объявил, что как он запомнил о приходе русских людей, то жило на одной сей реке Коле камчадалов человек

¹¹ Там же, л. 13.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 39.

¹⁴ Там же, л. 14.

более ста, а ныне человек около 20, в том числе и старые, а умалились оные наипаче от междоусобной брани. Как они между собою войну имели, то были у них луки, лахташные пансыри, а на головах для обороны ничего у них надевано не было»¹⁵.

Весьма интересны и важны замечания о каменных и костяных орудиях и их изготовлении. В острожке Такаут, сообщал Горланов, «от одного камчадала получил я яшмовый зеленый старинный топор, а находится ли та яшма в верхних или нижних краях сей реки, я осведомиться подлинно не мог»¹⁶. И на р. Островной Горланов «из старых вещей получил один каменный топор из яшмового камня, а где тот камень находится, камчадалы не ведают»¹⁷. Горланов интересовался также «стрелошными камнями», т. е. «сырьем» для изготовления каменных наконечников стрел. «Живущие на реке Хайрюзовой камчадалы,— записал он,— стрелошные камни собирают и из оных стрелы делают. На Быстрой реке, которая течет в реку Хайрюзову, стрелошные камни также находятся»¹⁸. На Воямполке Горланов, видимо, наблюдал изготовление наконечников стрел, вероятно, из обсидиана. «Стрелошный камень черный, камчатским именем *желвомку*, берут камчадалы по речным берегам, которой, камень расколовши, кладут близ огня, чтоб оной разогрелся, а как разогреется, взяв особливой камень вместо обтирают оной (т. е. очищают от желвачной корки.— *И. В.*), а обтерши, отбивают края на части весьма мелкие нарочно на то сделанным из толстой оленьей кости инструментом, кóторой камчатским именем *какелиу* называется. Отбивши края у камня, средину оставляют и обделявают руком. Одной (рукой.— *И. В.*) держит камень, а другой — кость, которой кости концом объявленной камень обвастривает, а ту кость камчадалы своим языком называют *тунийян*»¹⁹. Таким образом, ительмены имели два костяных орудия при изготовлении каменных наконечников стрел: одно для оббивки крупных сколов по краям, другое — для окончательной отделки (ретуши) или, как выразительно объяснил Горланов, для «обвастривания». Там же «камчадал именем Камак» сообщил А. Горланову, что на вершине р. Воямполки «находят светлой белой камень, которой на стрелы и на рудолетные (?) инструменты употребляют». Очевидно, имеется в виду прозрачный обсидиан. Далее, ему рассказывали, что в «верстах во 100 от Компаковского острога берут в хребтах камни, из которых делают тамошние народы точила и бруски»²⁰, а «один из притоков р. Ичи назывался „Уохан — Брусовая“... — а Брусовая нарицается для того, что находятся близ сей реки брусья и точила и возят их в Большерецкий острог»²¹. На одном из притоков р. Облуковины, сообщал Горланов, добывали «желто-белую землю трепел», которая, по-видимому, применялась для шлифовки каменных и костяных орудий. Концы стрел мазали соком лютника, однако это делали только большеерецкие ительмены и коряки, а «живущие на Тигеле-реке сего в употреблении не имеют»²².

Из промыслов ительменов А. Горланов называет рыболовство, охоту на морских животных, на парнокопытных и на водоплавающую

¹⁵ Там же, т. 7.

¹⁶ Там же, л. 14.

¹⁷ Там же, л. 66об. Вероятно, яшмовые топоры попали к ительменам в результате обмена с обитателями Курильских островов.

¹⁸ Там же, л. 32об.

¹⁹ Там же, л. 42.

²⁰ Там же, л. 11.

²¹ Там же, л. 18.

²² Там же, л. 42об.

дичь. Рыбу ловили не только «запорами», но и кололи «спицами», т. е. специальными острогами. Так, он пишет, что в верховьях р. Ава-чи, в озерах «водятся гольцы, коряцкого острога жители тех гольцев колят спицами»²³.

В р. Сопочной ительмены добывали лахтаков. «Ходят на те лах-таки,— отметил А. Горланов,— в Сопочную реку недалеко, которых, так же как и тюленей, ловят сетями, а лежащих на песке колят они спицами костяными, которые спицы делаются из оленьих рогов»²⁴.

Несколько иным был промысел морских млекопитающих на восточном побережье между Петропавловском и Усть-Камчаткой. Так, Горланов отмечал, что около устья р. Налачевой «сивучей камчадалы не промышляют... Коты морские, оных камчадалы колят спицами, гоняясь за ними в байдарах. Бобров зимним временем бьют на ледяных припаях, а летом промышляют на байдарах»²⁵. На берегу губы Аул (к северу от Кроноцкого мыса) ительмены «никаких морских зверей, кроме китов, не промышляют, промышляют только летом»²⁶, а в устье Озерной «морских белух в прежние годы промышляли»²⁷. Жители же острожков на р. Иче в близлежащих горах охотились на диких оленей и горных баранов.

В дневнике А. Горланова содержатся интересные данные о крашении кож и добыче краски. В отличие от коряков ительмены красили кожи не ольховой корой, а минеральной краской, «которая берется на дне реки Чакакич-ай (приток Облуковины)». Далее Горланов дает описание того, «как красная краска употребляется на крашение кож камчадалами... Сперва оную краску сжигают в котле, а нажав, кладут в огонь, а как сожжется, мнут руками и как кто пожелает краской цвет платье навести, то кладут ту краску в воду и прибавляют тут икру и клей кожной, то в воде краска распускается, а потом красят они уже свое платье, яко парки, кухлянки, торбасы и пр.»²⁸. Ительмены восточного побережья Камчатки также применяли для окраски кож минеральную краску. «В пади,— писал Горланов,— от Тозбана-реки в версте камчадалы берут из камня красную краску, которую камчадалы употребляют на крашение кож»²⁹.

Крашение кож минеральной краской с добавлением клеящих и крепящих ее веществ (икры и «клея кожного») не применялось ни коряками, ни чукчами. «Клей кожной» изготовлялся путем длительной варки рыбьих кож.

В своих описаниях А. Горланов уделяет большое внимание представлениям ительменов о природе и ее явлениях. Так, от тигильских ительменов он записал «о горелой сопке». По мнению камчадалов, «загорается та гора от случающихся летним временем громов, которые по суеверию камчадалов якобы бывают от диавола, в той горе живущего. Диаволу тому имя Колхилным, или Та'нчбкисун. А каков он собой, объявить не могли. Кто его отец, не знают, но рассуждают, что он сам родился, а прежде якобы с камчадалами жил, а от них отстал, а живет ныне тот диавол в объявленной горе. Когда камчадалы святым крещением просвещены не были, хаживали к той дым испускающей горе и шаманивали, а именно, когда птицу, зверя или рыбу промыслили, первую ему отдавали и притом прутья бросали, а шамани-

²³ Там же, л. 56.

²⁴ Там же, л. 25.

²⁵ Там же, т. 63об.

²⁶ Там же, л. 72.

²⁷ Там же, л. 7.

²⁸ Там же, л. 14.

²⁹ Там же, л. 70.

вали бубнами. Когда для ловли рыбы запоры в реку камчадалы ставили, а рыбы в те запоры не шли, то шаманивали ж и в жертву рыбу припасали. Сего дьявола во всяких случаях в помощь призывали, а паче в подаянии им пищи»³⁰.

Кульť «огнедышащих гор», в которых якобы жил один из соплеменников далекого прошлого («живал с ними») ительменов, весьма напоминает кульť предка-покровителя. Поэтому слово «дьявол», которым называет его Горланов, совершенно не подходит. Это «существо», по представлениям ительменов, не имело ничего общего с дьяволом — злым духом христиан, противостоящим богу, — виновником всех человеческих бед и всякого зла в мире. О том, что это название не соответствовало понятиям ительменов, свидетельствует и то, как они обращались к этому «существу» за помощью «в подаянии им пищи», принося ему просительные жертвы.

По сообщениям тех же ительменов, раньше «камчадалы... хаживали промыслять зверя байдарами, причем бросали [жертву] в море с приговором живущим в воде дьяволам, дабы промысел добрый им подали». В данном случае также речь идет не о «дьяволе» — этом обобщенном образе христианского вероучения, а просто о «существе» не божественного происхождения. Здесь имелись в виду лишь «хозяева моря», «хозяева, владельцы морских промысловых животных», принося жертву которым «с приговором» ительмены просили «промысел добрый». Интересно замечание Горланова о том, что «во время того промысла надевали на себя платье ушканье, т. е. заячье, а даб в море большого страху не имели, съедали по несколько мухомору»³¹.

Ительмен Андрус рассказал, что «около Уки находится хребет, в котором якобы есть плачущая девка, робенка уговаривающая, и якобы мимо того хребта из коряк и из камчадалов никак никто пройти не может, ежели чего не бросить для почтения того хребта»³². Очевидно, это одно из жертвенных мест, которые признавали одинаково и ительмены и коряки. Коряки-карагинцы и аляutorцы такие жертвенные места называли тинтынутэнут [2, 276].

Интересно и специальное примечание Горланова «О шаманстве»: «Как я в бытность на реке Островной выпрашивал о разных поведениях камчадалских, то между прочим спрашивал, когда они из сего жилья, в котором в нынешнее время живут, на остров летом перебираются, не шаманят ли, то ими объявлено, что они, когда прежде сего перебирались, шаманивали и ныне, хотя уже приняли святое крещение, того не оставляют. Но когда с матерой земли на остров перегребать начнут, бросят в море тонщик, приговаривая: то, то, то! Бросаег всегда тот, который на руле сидит. Ежели по приезде на остров промыслят они бобра, то кидают в огонь кусок мяса, что делают для того, даб большее имели они в промысле бобров счастье»³³.

А. Горлановым сделаны также весьма важные наблюдения и заключения о диалектах ительменского языка и границах их распространения. Этим вопросом занимались С. П. Крашенинников и особенно Стеллер. «Что касается языка, — писал последний, — на котором говорят на Камчатке и на островах, то различают три главных языка. Ительменский язык распадается на много наречий, среди которых выделяются три главных: один из них именуется у русских „другой морской“ или „шандальский“. На этом языке говорят все живущие по

³⁰ Там же, л. 43.

³¹ Там же, л. 46.

³² ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 800а, л. 155об.

³³ ААН СССР, ф. 21, оп. 5, л. 65, л. 66об.

р. Камчатке и по соседству с ней. Этот говор не столько наречие, сколько настоящий язык, сильно отличающийся от прочих тамошних наречий. При этом, впрочем, удивительно, что люди, живущие на противоположных берегах моря, понимают друг друга, хотя они и не в состоянии отвечать собеседнику на его языке. Кроме того, и слова этих языков по своему составу совершенно различны между собою...

Другим главным наречием является говор жителей побережий Пенжинского моря, на протяжении от мыса Лопатки до Тигиля, впрочем, по каждой реке, начиная от Большой, население говорит на своем особом языке или наречии... По мере приближения к Тигилю наблюдается отклонение языка от большеерецкого наречия и постепенное смешение его с языком коряков; таким образом, много ительменских слов имеют коряцкие, а коряцкие же слова — ительменские окончания.

На третьем языке говорят жители второго и следующих за ним островов (Курильской гряды.— *И. В.*)... до сих пор не нашлось ни одного русского толмача, знающего этот язык (имеется в виду язык айнов.— *И. В.*)»³⁴.

Таковы данные Г. В. Стеллера о границах распространения территориальных подразделений ительменского и курильского (айнского) языков. Однако сведения А. Горланова по этому вопросу значительно точнее и шире. Им был составлен (при помощи переводчика ительменского языка Гавриила Бронникова) «Вокабуляриум разных камчатских диалектов»³⁵. Он сообщал Г. В. Стеллеру: «Выспросил я слова здешнего камчатского языка, а именно, как здешние большеерецкие камчадалы до р. Немтина, от Немтина до р. Морошечной, от р. Морошечной до Тигиля и на Тигиле и на Воямполке реках говорят, да и коряцкого также и нижнекамчатского языков слова у меня написаны»³⁶. В острожке Ганалы в верховьях р. Немтин, истоки которой близко подходят к одному из правых верхних притоков р. Быстрой, — «уже другой камчатской диалект»³⁷, распространенный среди жителей р. Камчатки. На восточном побережье Камчатки на большеерецком диалекте или весьма близком к нему говорили ительмены населенных пунктов до острожка Тын-апу (р. Березовая), находившегося между р. Жупановой и р. Кроноки. Далее на север картина иная: «Здесь уже язык камчатской, которым в Большеерецке говорят камчадалы, имеет отмену, а говорят тем языком, которой употребляется в Верхнем и Нижнем Камчатских острожках»³⁸.

Таким образом, А. Горланов установил следующие границы диалектов ительменского языка. Один из них был распространен по западному берегу Камчатского полуострова с юга на север (от Большеерецка до р. Коль, на нем же говорили и ительмены восточного побережья Камчатки от Авачинской губы на юге до острожка Тын-апу); второй — от р. Коль до р. Морошечной; третий — от р. Морошечной до р. Тигиль; четвертый — в долине р. Камчатки. Отмечаемый Горлановым особый диалект на Тигиле (?) — видимо, коряцкий язык.

Особого внимания заслуживает замечание А. Горланова о том, что язык, на котором говорят «от Морошечной до Тигиля, от прочих языков отменен; ибо большеерецким языком говорят только до Кола реки, а от Кола-реки особой язык до Морошечной, которые языки

³⁴ АИЭАН СССР, К-1, оп. 1, д. 30, стр. 13—14.

³⁵ Кроме того, Горланов составил списки названий животных, птиц, растений, собрал обширные сведения о топонимах тех мест, по которым он проезжал.

³⁶ ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 800а, л. 150.

³⁷ ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 65, л. 6.

³⁸ Там же, л. 71.

имеющийся при мне казачей сын Гаврило Бронников знал, а от Морошечного острога до Тигиля-реки почти ничего не разумел»³⁹.

По всей видимости, уже тогда от Морошечной до Тигиля был в употреблении диалект ительменского языка, впитавший в себя значительные лексические и грамматические элементы корякского. Этот вывод подтверждается наблюдениями Г. В. Стеллера, которые цитированы выше, и замечаниями С. П. Крашенинникова о том, что третьим камчатским наречием «можно почесть язык, которым говорят жители... от Воровской реки до Тигиля и которой состоит из обоих вышеписанных наречий (северного и южного.— И. В.) и из некоторого числа коряцких слов» [5, 360].

Принимая во внимание совокупность этих наблюдений и высказываний, можно уже с большой долей уверенности говорить о том, что именно этот смешанный ительменско-корякский язык и дожил до наших дней (примерно в тех же границах — от Морошечной до Тигиля), тогда как другие диалекты собственно ительменского языка исчезли уже в XIX в.

Смешанный характер современного ительменского языка (с корякским) в области морфологии, лексики и давал повод для неверного вывода о его генетической принадлежности к чукотско-корякской группе. Историко-этнографические и языковые материалы А. П. Горланова помогают правильно понять происхождение корякских элементов в языке и культуре ительменов [3].

Топонимические материалы, собранные А. Горлановым, также являются источниками для исследования языков и диалектов жителей западного побережья Камчатки. В то же время это неоценимый материал для решения вопросов этнической истории. В нем отражены природные особенности, имевшие определенное промысловое и хозяйственное значение для местных обитателей. Таким образом, топонимические записи А. Горланова заслуживают специального этнографического и языкового исследования. Его весьма обширные сведения по топонимике западного побережья Камчатки от Тигиля на севере до м. Лопатки на юге, от Авачинской губы до Нижнекамчатска и по р. Камчатке содержат названия рек со всеми мельчайшими притоками, озер, гор и т. п. Местные названия в большинстве случаев даются с переводами значений на русский язык. Вот несколько примеров: «Какъганад — Воронов острожек близ устья р. Ичи. В сем острожке по осеням живут камчадалы для промыслу нерп... Мысхуал — Лебединая речка... Мухойан — Чуманной острожек... Хайкаран — Безбровной острожек... Уавара — Оленной мох острожек... Кунгучан — Рыбная речка... Уйзаачъ — Туманная река... Тох — Ребровая река... Нтылпкулан — Костяная речка... Уохан — Брусовая»⁴⁰. Все названные речки — притоки р. Ичи. Озеро около р. Тигиль ительмены называли Орелгатнум — Берестяная барабора⁴¹, приток Воямполки — Тайнгиваям — Грешная речка. «Такаут — Поклонный острожек называется для того, — писал Горланов, — что тут, во-первых, камчадалы к платежу в казну ясака приведены и поклонное давать стали»⁴².

А. Горлановым были собраны и привезены в Академию наук этнографические коллекции предметов быта. К сожалению, сами вещи утрачены, но сохранившийся «реестр» важен, так как отражает определенные стороны материальной культуры ительменов того времени.

³⁹ ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 800а, л. 142.

⁴⁰ ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 65, л. 18—23.

⁴¹ Там же, л. 36.

⁴² Там же, л. 16.

Вот некоторые выдержки из «реестра»: «Три старинные берестяные повязки (головные.— И. В.); инструмент костяной, которой надевают на [руку] при выделывании стрелошных камней; инструмент, которым каменные стрелы выделывают; кость, которая при стрельбе из луков на руку надевается; белая глина, которою белятся живущие на Оманиной реке женщины; стрелки из разных светлых и других камней; иглы, сделанные из собольих костей; наигольник; железный инструмент, которым у переломанных игол ушки, паки дырочки просверливают; шапка, сделанная из чайчьих перьев; два деревянных гребня; три топора, из которых два каменных, один костяной; костяная ганза...»⁴³.

Изложенные материалы и наблюдения А. П. Горланова дают дополнительные сведения о материальной и духовной культуре ительменов, подтверждающие их этногенетическую непричастность к корякам и чукчам. Вместе с тем его сообщения содержат сведения, характеризующие исторические условия, при которых происходило накопление корякских элементов в культуре и языке современных ительменов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. II, XVIII в. (первая половина), М.—Л., 1965.
2. Вдовин И. С. Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение,— сб. МАЭ, т. XXVII, 1971.
3. Вдовин И. С. К проблеме этногенеза ительменов,— СЭ, 1970, № 3.
4. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Сборник архивных материалов, Л., 1935.
5. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, М.—Л., 1949.
6. Тюшов В. Н. По западному берегу Камчатки, СПб., 1906.
7. Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig, 1774.

---

⁴³ ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 800а, л. 151об.—152.

И. И. Огрызко

ТОРГОВЛЯ НА КАМЧАТКЕ В XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

Камчатка¹ была открыта русскими землепроходцами еще в XVII в. В начале XVIII в. она уже входила в состав России. Началось изучение и хозяйственное освоение этого тысячелетиями изолированного от цивилизаций своего времени отсталого края. Первую обстоятельную характеристику материальной культуры, домашнего и общественного быта аборигенов открытого полуострова дал в 1700 г. Владимир Владимирович Атласов [8], названный А. С. Пушкиным «камчатским Ермаком» [12, 357]. В 1725 г. по инициативе и воле Петра I к северо-восточным берегам Тихого океана была направлена грандиозная по тому времени научная экспедиция во главе с Витусом Берингом, повторенная затем в 30-х годах XVIII в. [6]. Одним из замечательных результатов Второй Камчатской экспедиции было опубликование классических трудов ее участников — С. П. Крашенинникова [9] и Г. В. Стеллера [15], — эти труды уже в XVIII в. стали достоянием русской и европейской науки.

Для народов Камчатки, вошедших в состав России с ее неизмеримо более высоким уровнем социально-экономического и культурного развития, начался новый период их истории. При этом имело место не только воздействие более высокой культуры русских на местное население, но и обратное влияние коренных жителей Камчатки на русских поселенцев. Между ними совершенно естественно возник обоюдный выгодный процесс хозяйственного и культурного взаимодействия. При этом основой влияния на русское трудовое население со стороны аборигенов был весь их веками приспособленный к местным условиям хозяйственный и домашний быт.

Весьма существенной формой этого взаимодействия явилась торговля: она способствовала использованию почти нетронутых пушных богатств полуострова, включению Камчатки во всероссийский рынок и преодолению вековой хозяйственной и культурной застойности края.

Пока специальных работ о камчатской торговле нет. При упоминании же о ней в литературе обычно отмечается лишь ее теневая сторона. В настоящей статье делается попытка выяснить вопрос о предметах торговли и на этой основе показать ее влияние на хозяйственную жизнь и домашний быт населения полуострова. Приводятся материалы, позволяющие объяснить политику правительства в отно-

---

¹ Под Камчаткой в статье имеется в виду не вся территория современной Камчатской области, а лишь самый полуостров, до линии рек Подкагирная и Карага (включительно) на севере.

шении камчатской торговли. В работе определяется характер и роль экономической экспансии иностранного торгового капитала. В ней показывается, как монопольный характер и долговые формы торговли вели к ее крайней неэквивалентности и прямому закабалению коренного и русского трудового населения иностранными и русскими торговыми фирмами и местным русским купечеством, а также указывается на роль торговли в формировании социальной верхушки среди коренного населения.

Работа написана преимущественно на камчатских архивных материалах, хранящихся в ЦГАДВ, и неопубликованных документах ЦГИА и ГАИО. Привлечены также опубликованные документы [8; 11; 13] и работы, имеющие характер первоисточников [7; 9; 14; 15].

Предметы торговли

Товары, предлагавшиеся коренным и русским трудовым населением Камчатки, были почти исключительно меха. Еще до присоединения Камчатки к России у древних ительменов и оседлых коряков как раз пушнина («соболи и лисицы») была главным предметом обмена с соседними кочевыми коряками, у которых они получали взамен «шитое оленьи платье и кожи» [9, 369]. За пределы Камчатки (например, на Курильские острова) в те далекие времена также стала проникать именно камчатская «мягкая рухлядь» и лишь отчасти сушеная рыба и китовый жир [9, 172].

Через 40 лет после присоединения Камчатки к России С. П. Крашенинников, характеризуя камчатскую торговлю, писал: «Вывозные с Камчатки товары состоят в одной мяхкой рухляди, а имянно: в морских бобрах, соболях, лисицах и малом числе выдр» [9, 517]. Проходили десятилетия, а новых статей вывоза не появлялось. В своем отчете за 1856 г. военный губернатор Приморской области, в состав которой с указанного года входила Камчатка (т. е. Петропавловский уезд), писал, что местное население расплачивается с купцами за все их товары «только пушниной» и получает в казенных магазинах муку, соль, порох, свинец и прядево, «уплачивая за них также мехами». В отчете специально оговорено, что «рыбный промысел не представляет предмета для сбыта»². В таком же отчете за 1892 г. вновь подтверждается, что рыба на Камчатке вылавливается «исключительно для собственного потребления» и что только «звероловство... служит единственным источником для уплаты в казну податей и для приобретения предметов первой необходимости»³.

В 1900 г. приамурский генерал-губернатор докладывал в Петербурге, что на Камчатке до 1896 г. «не существовало никакого промышленного рыболовства» и что «размеры его никогда не выходили за пределы удовлетворения местных нужд»⁴. Даже начавшееся в 1896 г. промышленное капиталистическое рыболовство на Камчатке вначале тоже не коснулось местного населения. Только в 1909 г. жители долины р. Камчатки продали первую партию рыбы на сумму 2960 руб. Впрочем, это составило всего лишь 3,2% ко всему их годовому доходу. Выручка же от проданной пушнины в том же, 1909 г. составила у них 93 419 руб. (96,8%). При этом 83,3% дохода приходилось на соболя, 9,5% — на лисицу, 1,9% — на медведя, 1,7% — на выдру, 0,4% — на

² ЦГИА, ф. 1265, оп. 8, л. 122, 1859 г., л. 7.

³ ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, л. 5057, 1894 г., л. 471—472.

⁴ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 304, л. 48.

другие виды пушнины⁵. О том, что добыча соболя неизменно стояла на первом месте и давала более 80% дохода от всей проданной пушнины, подтверждают и данные за 1906 г. В этом году жители Камчатки продали пушнины на 416 208 руб., в том числе: соболя на 372 240 руб. (что составило 89,4% ко всей выручке), лисицы — на 8088 руб. (1,9%), медведя — на 17 052 руб. (4,1%), выдры — на 5036 руб. (1,2%), калана — на 11 282 руб. (2,7%), прочей пушнины — на 2510 руб. (0,7%)⁶.

Таким образом, и в начале XX в. пушнина на Камчатке была практически единственным предметом вывоза. При этом удельный вес соболя (в ценностном выражении) достигал почти 90%. Даже в 1915 г., по свидетельству начальника Петропавловского уезда, охота на соболя дала местным жителям Камчатки в 30 раз больше денежных доходов (300 тыс. руб.), чем продажа рыбы (10 тыс. руб.)⁷.

Все возрастающий спрос на камчатскую пушнину способствовал быстрому росту цен на продукты охотничьего промысла. В момент прихода русских на Камчатку казаки, по словам С. П. Крашенинникова, «променивали ножик на 8, а топор на 18 соболей» [9, 244].

Однако установленная уже в 1763 г. казенная цена за принимаемого в ясак соболя была достаточно высокой (2 руб.). Через 20 лет она была поднята до 10—15 руб. (в зависимости от степени добротности меха) [13, вып. 1, 63]. В 1913 же году цена на соболя на Камчатке при свободной его продаже достигала уже 200 руб.⁸ В 1910 г. «цена на бобра (калана.— И. О.)», обнаруживая не меньший рост, «составляла от 540 до 966 руб. за одну шкурку»⁹.

Естественно, что это очень повысило роль пушного промысла как источника существования зверолова. Так, если в конце XVII в. его доля по сравнению с долей рыболовства была незначительной, то к началу XX в. положение изменилось. В 1909 г. в селениях долины р. Камчатки пушной промысел давал 37,2% валовой продукции по стоимости, рыболовство — 32,3%, сельское хозяйство — 17,3% и прочие источники — 13,2%¹⁰.

В 1889 г. на всем полуострове было добыто («упромышлено») и продано пушнины на 105 170 руб.¹¹ (в среднем по 100 руб. на каждую семью). А всего через семь лет за проданную пушнину было выручено уже 426 307 руб. (около 400 руб. на семью)¹². Начальник Петропавловского уезда писал в 1915 г., что именно «на деньги, вырученные от продажи пушнины, население приобретает предметы первой необходимости, т. е. муку, чай, сахар, одежду, ружья, порох, свинец, дробь, прядево для сетей и т. п.»¹³.

Переходя к вопросу о предметах ввоза на Камчатку, в первую очередь следует отметить, что здесь картина была достаточно сложной. Вначале сбывались главным образом металлические орудия труда и некоторые предметы домашнего обихода. По свидетельству С. П. Крашенинникова, у коренного населения особым спросом пользовались русские ножи, топоры, огнива, иглы, металлическая посуда, пенька, пряжа на сети, сукна, платки, гребни, бисер, зеркала, соль, табак [9, 515—516].

⁵ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 94, 1911—1913 гг., л. 17—30.

⁶ ЦГАДВ, ф. 1044, оп. 4, д. 137, л. 45.

⁷ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 344, л. 15.

⁸ ЦГАДВ, ф. 1004, оп. 2, д. 346, л. 22.

⁹ Там же, д. 39, л. 62—64.

¹⁰ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 94, 1911—1913 гг., л. 17—30.

¹¹ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 2876, 1891 г., прил., т. 536—537.

¹² ЦГАДВ, ф. 1044, оп. 4, д. 137, л. 45.

¹³ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 344, л. 15.

По мере усиления влияния русской культуры на хозяйственный и домашний быт ительменов и коряков расширялся и ассортимент товаров, на которые коренное население предъявляло спрос. Свидетельством тому может служить «Реестр на отправленные товары в Камчатский округ» — весьма ценный документ, составленный в канцелярии военного губернатора Камчатки в 1851 г.¹⁴ В нем перечислялись следующие предметы: топоры, пилы, ножи, шилья, иглы, ружья, сапоги, башмаки, платья, рубахи, холст, ситец, шелк, китайка, даба, камка, платки, перчатки, коленкор, нитки, чулки, наперстки, зеркала, пуговицы, ложки, стаканы, чашки деревянные, кремни, чайники, котлы, сковороды, масло, сахар, крендели, сухари, гребни, кольца, бисер, чернила, карандаши, нашатырь, квасцы, табак, крестики, серьги. Отсутствие в этом большом списке столь необходимого в рыбных промыслах прядева (для изготовления сетей) и соли (для засолки рыбы), а также пороха и свинца и, наконец, муки и крупы объясняется тем, что эти товары продавались (в обмен на пушнину) через казенные магазины¹⁵.

Итак, через сто с лишним лет после С. П. Крашенинникова население Камчатки на свою пушнину выменивало не только упомянутые им товары, но и разнообразные ткани, одежду, предметы домашнего быта и даже карандаши и чернила. Приведенный здесь ассортимент товаров как в зеркале отражает степень влияния русской культуры на повседневный быт коренного населения Камчатки.

Развитие торговли на Камчатке оказывало положительное влияние на жизнь коренного населения. Купленные у русских орудия труда¹⁶ облегчали хозяйственную деятельность и делали ее более производительной. В случаях плохого улова рыбы возможность купить продукты питания спасала в какой-то степени от голода. Для коренного населения стало более выгодным покупать готовые орудия труда, одежду, обувь и предметы домашнего быта, сокращая свои древние и весьма трудоемкие домашние промыслы и тем самым высвобождая время для пушного промысла и рыболовства. А такая специализация в рамках всероссийского рынка, как известно, была явлением экономически прогрессивным. В конце XIX в. В. И. Ленин писал: «Сколько-нибудь широкое распространение домашней промышленности можно констатировать в настоящее время только в редких наиболее захолустных местностях; к числу их принадлежала, например, до самого последнего времени Сибирь» [4, 328]. На Камчатке, как одной из таких «наиболее захолустных местностей», в значительной мере благодаря пушному промыслу и торговле быстро преодолевалась вековая застойность хозяйственного и домашнего быта аборигенов. На смену этой первобытной отсталости шло приобщение их к более высокой материальной и духовной культуре русского народа.

Однако отмеченный нами положительный процесс в конкретных условиях полуфеодальной России и иностранной экономической экспансии сопровождался и такими теневыми явлениями, как резко выраженный монопольный и неэквивалентный характер торговли, закабаление коренного и русского трудового населения иноземными и местными купцами, выделение из среды аборигенов края эксплуататорской социальной верхушки и т. д.

¹⁴ Там же, оп. 2, д. 39, л. 41—49.

¹⁵ ЦГИА, ф. 1265, оп. 8, д. 63, 1859 г., л. 9.

¹⁶ О распространении новых орудий труда среди коренного населения свидетельствует следующий факт: в 1836 г. в 60 селениях полуострова из 62 уже были ружья. При этом на 100 русских крестьян приходилось 21 ружье, а на 100 аборигенов — 26 ружей (ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 27, 1836 г., л. 26—29).

*Политика правительства
в вопросе о камчатской торговле*

Правительство, заинтересованное в бесперебойном поступлении ясака, не могло равнодушно относиться к торговле «мягкой рухлядью». Если, например, ясачный человек продавал купцу всю добытую им в зимний сезон пушнину, то, естественно, он не мог внести ясака. Еще больший ущерб казне приносило полное разорение ясачного. Поэтому правительство, выражаясь фигурально, не могло безучастно смотреть на то, как режут курицу, которая способна нести золотые яйца. Отсюда — пристальное внимание властей к тому, чем, когда и кто торгует с ясачным населением.

В специальной «Записке касательно торговли с инородцами», составленной в 1859 г. и адресованной Сибирскому комитету, министр внутренних дел Ланской, характеризуя положение Сибири в XVIII в., писал, что в те времена «торговля заключалась в мене товаров на добытые инородцами звериные шкуры». При этом торговцы, разъезжая по селениям до сбора ясака, отпускали свои товары (преимущественно «хмельные напитки») «в долг на самых убыточных для потребителей условиях, так что инородцы, оставаясь вечными должниками купцов, отдавали им всю лучшую рухлядь, а следующий с них ясак уплачивали большею частью деньгами»¹⁷.

Как известно, правительство еще в 1763 г., не желая мириться с таким положением дел, распорядилось разрешать скупку пушнины частными лицами только после сбора ясака и только на ежегодно устраиваемых ярмарках, призванных обеспечить конкуренцию и, следовательно, более высокие цены на пушнину. Появление купца в «инородческих селениях» до ярмарки или вне ее грозило конфискацией товаров¹⁸.

Эти ограничения очень стесняли деятельность купечества и мало помогали самим ясачным, так как на ярмарки отправлялись обычно не сами ясачные, а их родовые старейшины, которые перепродавали затем купленные на ярмарке товары и обогащались за счет своих сородичей. Зато в этих мерах были очень заинтересованы местные чиновники: под разными предлогами они объезжали селения ясачных и за бесценок сами выменивали пушнину. По словам М. М. Сперанского, запрещение купечеству торговать вне ярмарок «послужило только к одному: к личной выгоде земских чиновников, дав им способ утвердить свою монополию»¹⁹. Кроме того, они вымогали у купцов взятки за выдачу специальных билетов на право торговли. Все это наносило ущерб нормальному сбору ясака.

Вот почему в 1820 г. М. М. Сперанскому пришлось опубликовать «Подтвердительные правила о свободе внутренней торговли», разрешавшие «беспрепятственно... торговать с ясашными; привозить к ним во всякое время хлеб и все жизненные и другие потребности, исключая запрещенных, особливо вина», причем «никто не обязан... испрашивать каких-либо билетов». В то же время «земским и другим чиновникам» запрещалось «торговать с ясашными»²⁰. В 1822 г. в известном «Уставе об управлении инородцев» эти принципы сформулированы более кратко: «Позволяется свободная торговля... во всякое время всеми припасами и изделиями, кроме горячих напитков» [11].

¹⁷ ЦГИА, ф. 1265, оп. 8, д. 63, 1859 г., л. 8.

¹⁸ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 60, т. 16.

¹⁹ Там же, д. 274, л. 34.

²⁰ Там же, д. 556, ч. 1, л. 528.

Впрочем, в 1826 г. Главное управление Восточной Сибирью восстановило прежние ограничения в торговле с ясачными (разрешив торговать только после сбора ясака, на ярмарках и по билетам). Но уже в 1831 г. специальным решением Сибирского комитета свободная торговля была вновь восстановлена²¹. Однако и после этого местными властями на Камчатке практиковались названные выше ограничения, подкрепляемые соответствующими докладными записками и проектами, направляемыми в Петербург. В декабре 1857 г. Министерство внутренних дел отклонило все эти просьбы и предложения и потребовало соблюдения принципов свободной торговли²².

В чем причина этих затянувшихся споров? Местным чиновникам выгодно было сохранить ограничения, так как это обогащало их самих, облегчало им задачу сбора ясака и исправную работу казенных магазинов (в которых производился обмен товаров на пушнину). «Свободная» же торговля в конкретных условиях Камчатки, как мы увидим дальше, фактически была монополией торговых компаний и отдельных купцов, что было в интересах только купечества. Спор, иными словами, сводился к вопросу о том, кому монопольно обирать ясачного: местным чиновникам из «благородного» сословия или нарождавшейся буржуазии. Правительство в лице М. М. Сперанского сделало ставку на торговую буржуазию, на свободную конкуренцию, полагая, что это повысит цены на пушнину, снизит цены на противостоящие ей товары и тем самым сделает «инородцев» более исправными плательщиками ясака. Ошибка правительства в данном вопросе состояла в том, что не учитывалась в должной мере крайняя общая экономическая отсталость Камчатки и в особенности неразвитость там буржуазных отношений. Вместо насаждаемой конкуренции на деле продолжала господствовать монопольная торговля, разорявшая ясачных. И надо сказать, что местная администрация это прекрасно понимала.

К вопросу о монопольной торговле мы еще вернемся. Здесь же остановимся на вопросе о том, как правительство и местная администрация, оберегая ясачных от полного разорения купечеством, боролись против ввоза к ним спиртных напитков. В «Уставе об управлении инородцев» 1822 г., как уже отмечено, разрешалась торговля с ясачными всеми товарами, «кроме горячих напитков». Осуществляя это требование, местные власти заставляли купца, едущего в ясачные селения для торговли, давать подписку в том, что спиртных напитков он «ни под какими благовидными предлогами» продавать не будет²³. Среди «благовидных предлогов» захватить с собою в камчадалские селения спиртные напитки была обычно ссылка на право каждого взять водку для собственного потребления. Но и против этого камчатская администрация придумала средство борьбы. В билете на право торговли говорилось, что взятую с собой водку торговец имеет право пить только сам и только в присутствии родового старейшины (тоена). Так, в билете, выданном 23 марта 1835 г. купцу Гомзякову, говорилось: «Гомзякову дозволяется взять для собственного в пути употребления казенного спирту одно с половиною ведро за казенною печатью, с тем, чтобы он... торговли сею водкою не производил... А если требуется ему необходимая надобность достать спирту нужное для себя количество, тогда дозволяется ему сие производить при виде тоена и по получении нужного количества спирта достальную водку запеча-

²¹ Там же, д. 229, л. 107.

²² ЦГИА, ф. 1265, оп. 8, д. 63, 1859 г., л. 2—18.

²³ Образец такой подписи — документ, подписанный купцом Ивановым (см. ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 203, л. 12).

тать тоену казенною того селения печатью. И так продолжать и в других селениях до самого израсходования всей водки»²⁴.

Безусловно, названные требования правительства и местной администрации объяснялись заботой об исправном поступлении в казну ясака, а отнюдь не об ясачных. Это явствует из текста подписки, отобранной у купца Иванова при выдаче ему билета на право торговли. Отправляясь в свой коммерческий вояж, купец обязывался: «Ежели... в каком селении произведу я торг, которым (селением.— *И. О.*) не внесен в казну ясак, повинен я, Иванов, ответствовать за все то селение взносом в казну теми же самыми зверьками, какими селение обязано вносить ясак»²⁵. Итак, борьба против спаивания ясачных была борьбой за исправный платеж ими в казну ясака.

В конце XIX в., в соответствии со ст. 432 «Устава об акцизном сборе», камчатская администрация пыталась было закрыть всякий доступ спиртных напитков в ясачные селения. Начальник Петропавловского уезда Лех в своем докладе губернатору Приморской области от 28 ноября 1906 г. писал: «До прибытия моего в Петропавловский уезд вывоз из г. Петропавловска спиртных напитков местным начальством строго преследовался. Производились обыски, безразлично у всех лиц, прибывших из своих селений (расположенных внутри Камчатки) и возвращавшихся обратно, а также у купцов. И найденные спиртные напитки отбирались и продавались с аукционного торга, причем половина вырученных денег шла в пользу открывателей, а другая зачислялась в казну...». Автор доклада заявлял, что «меры эти своей цели не достигали и вывоз производился своим порядком, только с большей осторожностью». Поэтому новый начальник считал возможным вновь «разрешать вывоз ограниченного количества спирта... по особым дозволениям»²⁶. Он приказал даже расклеить в Петропавловске объявления, в которых говорилось: «Вывоз спиртных напитков из г. Петропавловска разрешается всем для собственной потребности, но при условии заявки о количестве вывозимого... и получении билета»²⁷. Губернатор все это санкционировал в своем ответе: «Вы можете давать такого рода разрешения, но со строгим разбором и предупреждением о том, что торговля крепкими напитками без разрешения воспрещается»²⁸. Можно себе представить, какой простор для злоупотреблений и наживы открывался этим и для торговцев, и для камчатских чиновников, выдававших указанные билеты.

Вместе с тем борьба против торговли спиртными напитками в ясачных селениях все же имела определенное положительное значение, так как отвечала интересам не только казны, но и, разумеется, самих ясачных.

Рассмотрим, наконец, отношение правительства к иностранной торговле на Камчатке. Известно, что еще с XVII в. правительство заботилось о снабжении сибирских казаков не только денежным, но и «хлебным жалованьем» и что с 1799 по 1855 г. на Камчатке находились довольно значительные по местным условиям регулярные военные контингенты, снабжение которых было прямым делом казны. Но обеспечение продовольствием неземледельческого края из хлебородных районов страны очень осложнялось огромными расстояниями и состоянием путей сообщения и транспорта. Этим было обусловлено

²⁴ Там же, л. 9.

²⁵ Там же, л. 12.

²⁶ ЦГАДВ, ф. 1044, оп. 2, д. 21, л. 101—103.

²⁷ Там же, оп. 4, д. 58, л. 5.

²⁸ Там же, оп. 2, д. 21, л. 103.

благосклонное отношение правительства к снабжению Камчатки из-за границы. Начало широким поставкам муки на Камчатку положил в 1812 г. американец Доббель. Правительство увидело в этом легкое средство избавить себя от забот по обеспечению Камчатки казенным хлебом. С 24 января 1828 г. по указанию Николая I на десятилетний срок был открыт беспошлинный ввоз на Камчатку всех иностранных товаров, помимо водки, рома и чая. Эта льгота для иностранцев затем продлевалась 5 раз и действовала до 6 августа 1860 г.²⁹ Появление в середине XIX в. русского приамурского хлеба и дешевизна его доставки водным путем позволили правительству отказаться от дальнейшего предоставления иностранцам права беспошлинной торговли на Камчатке. Однако иностранный торговый капитал и после этого продолжал сохранять и даже укреплять там свои позиции.

Засилье иностранного купечества в камчатской торговле

Слабость экономических и военных позиций царской России на Дальнем Востоке привела, как известно, к засилью иностранцев в камчатской рыбной промышленности и в котиковом промысле на русских тихоокеанских островах. Аналогичные явления наблюдались и в области торговли. При этом хронологическими датами усиления деятельности иностранного купечества на Камчатке в XIX в. явились 1812, 1828 и 1870 годы. В 1812 г. начал оптовую торговлю на Камчатке уже названный нами американский купец Доббель, в 1828 г. была разрешена иностранцам беспошлинная торговля на Камчатке, а с 1870 г. там начали свою деятельность американские коммерсанты Филиппеус и Гутчисон (пришедшие на смену упраздненной Российско-Американской компании). Это, впрочем, самая общая схема. Обратимся к конкретным фактам и документам.

До 1812 г. иностранное торговое судно у камчатских берегов было редким явлением. Начиная с этого года Доббель более 10 лет подряд привозил на Камчатку, главным образом из Манилы и Макао, пшеничную муку (до 25 тыс. пудов в год). Он продавал ее по 8 руб. 50 коп. за пуд, в то время как доставляемая из Иркутска ржаная мука обходилась казне в 14 руб. за пуд. Чтобы облегчить свою деятельность, Доббель принял русское подданство и числился камчатским купцом [14, 40—46].

В 1827 г. начальник Камчатки А. В. Голенищев жаловался министру внутренних дел на то, что Российско-Американская компания, установив торговую монополию в своих владениях, «лишила Камчатку торговли иностранной» и «иностранцам запрещено приближаться с торговыми целями к сей стране». Он писал вместе с тем, что «Компания взялась доставлять в Камчатку до 15 тыс. пудов муки, до 5 тыс. пудов соли и разные потребности, но и по сие время не могла сего исполнить»³⁰. В свете этого документа становятся понятными и активность Доббеля, и разрешение русским правительством (1828 г.) беспошлинной иностранной торговли на Камчатке. Получив на этот счет резолюцию царя, министр финансов распорядился в том же, 1828 г. «дозволить привоз в Камчатку всех иностранных товаров, кроме чаю, рома, водки и других крепких напитков, без пошлин»³¹.

²⁹ ЦГИА, ф. 1265, оп. 3, д. 162, л. 4—14.

³⁰ ЦГИА, ф. 1264, л. 153, ч. 1, л. 50—52.

³¹ Там же, ч. 3, л. 20.

Такие льготные условия ввоза товаров и перспектива закупки славившейся на весь мир русской пушнины не могли не привлечь внимания иностранного купечества. Источники не позволяют привести исчерпывающих цифр ввоза товаров на Камчатку русскими и иностранными торговцами по каждому году. Однако установить в общих чертах их соотношение возможно. Правда, применительно к 30-м годам XIX в. нам придется ограничиться лишь отдельными, хотя и весьма показательными, примерами.

Т а б л и ц а

Русская и иностранная торговля на Камчатке в середине XIX в. *

Год	Объем поставок или продажи, серебряные рубли		
	отдельными русскими купцами	Российско-Американской компанией	иностранцами купцами
1845 (привезено)	Нет сведений	75 808	29 799
1847 (привезено)	» »	36 729	2 835
1848 (привезено)	» »	34 246	19 677
1849 (привезено)	» »	58 991	10 439
1850 (привезено)	» »	22 437	63 634
1852 (продано)	38 737	23 985	20 000
1853 (продано)	55 745	48 526	59 781
1855 (продано)	Нет сведений	Нет сведений	45 840
1856 (продано)	» »	25 300	24 250
1863 (продано)	46 704	28 804	80 719

* ЦГИА, ф. 1265, оп. 4, д. 162, л. 6; оп. 2, д. 147, л. 46; оп. 3, д. 136, л. 3; ЦГАДВ, ф. 1029, оп. 1, д. 112, л. 16; ф. 1005, оп. 2, д. 287, л. 1—10.

В 1834 г. к берегам Камчатки на шхуне «Бекет» прибыл американский купец Перс. В Петропавловске он продал шелковых тканей, фарфоровой посуды, вина, сахара, сушеных фруктов, пряностей и других «колониальных» товаров на 56 516 руб. ассигнациями³². В следующем, 1835 г. два русских купца — Александр Шелихов из Иркутска и Колесов из Якутска — вместе продали на Камчатке через своих приказчиков различных товаров (ситец московский, холст, чай, сахар, табак и др.) на 15 041 руб.³³ В 1840 г. английский купец Картер привез на бриге «Гарликин» с Гавайских островов и продал на Камчатке различных товаров на 35 787 руб. 75 коп.³⁴

Официальные отчеты дают нам возможность более полно показать удельный вес в камчатской торговле как русского купечества, включая Российско-Американскую компанию, так и иностранцев в 40—60-х годах XIX в. (см. таблицу).

При всей неполноте представленной в таблице картины постепенное вытеснение иностранцами русской торговли на Камчатке уже в

³² ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 22, л. 4, 5, 12.

³³ Там же, д. 203, л. 33.

³⁴ Там же, д. 270, л. 13.

середине XIX в. является очевидным: достаточно сопоставить значительное снижение торговой активности Российско-Американской компании (за первые пять лет она поставляла товаров в среднем на 45 642 руб. в год, в последующем же продавала в среднем в год лишь на 31 603 руб.) с ростом объема иностранного экспорта (соответствующие среднегодовые показатели — 25 277 и 46 118 руб.).

Камчатский генерал-губернатор В. И. Завойко в своем отчете за 1851 г. имел все основания писать, что оптовая торговля уже в 20—40-х годах была в руках главным образом иностранцев и Российско-Американской компании и что лишь «внутри области торговля находится исключительно в руках русских купцов»³⁵. Через 20 лет принявший русское подданство американский купец А. Ф. Филиппеус писал министру финансов: «Вся торговля в российских владениях в Тихом океане находится почти исключительно в руках иностранцев; есть в некоторых пунктах русские купцы, но они занимаются преимущественно перепродажей купленных ими от иностранцев же товаров; ввоз товаров совершается весь на судах под иностранными флагами»³⁶. В отчете военного губернатора Приморской области за 1874 г. говорится, что «торговля в Приморской области преимущественно ведется иностранцами»³⁷. В таком же отчете за 1876 г. вновь подтверждается, что торговля в Приморской области «всецело в зависимости от иностранцев, наводняющих область с моря товарами... Живущие в области русские купцы продают только то, что им дают на комиссию иностранцы». В подтверждение сказанного автор отчета сообщает, что в 1874 г. в Главное казначейство в Петербурге через «Николаевское расходное отделение» иностранными купцами было переведено 504 424 руб., а русскими — всего 44 755 руб. В 1876 г. аналогичные цифры были еще более показательными (799 090 и 21 тыс. руб.)³⁸. Положение мало изменилось и в начале XX в. Так, в 1911 г. в Петропавловский порт было ввезено русских товаров 95 000 пудов, а иностранных — около 70 800 пудов³⁹. Из «Справки Петропавловской таможенной заставы» от 5 мая 1916 г. видно, что с 1912 по 1916 г. каждое лето в Петропавловск приходили американские торговые суда с грузом до 10 тыс. пудов⁴⁰.

Итак, более ста лет подряд (1812—1916) оптовая торговля на Камчатке была в значительной мере в руках иностранцев. Что касается розничной торговли, то ее вели казенные магазины и местное русское купечество. Уже в 1819 г. на Камчатке было пять казенных магазинов (в Петропавловске, Нижнекамчатске, Верхнекамчатске, Большерецке и Тигиле). Все они (кроме верхнекамчатского) просуществовали до советского времени и торговали только мукой, крупой, солью, чаем, порохом, свинцом и неводным прядевом. Все это отпускалось, впрочем, не на деньги, а в обмен на пушнину. Так, в 1836 г. только за долги было взыскано 48 соболей, 42 лисицы, 4 куклянки и 35 руб. 5 коп. деньгами. Всего казенные магазины ежегодно сбывали около 3 тыс. пудов хлеба⁴¹.

Значительно более широкую розничную торговлю вели местные купцы и приказчики иногородних русских купцов (иркутских, якут-

³⁵ ЦГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 164, л. 14—15.

³⁶ ГАИО, ф. 24, оп. 10, карт. 2103, д. 110, л. 6.

³⁷ ЦГИА, ф. 1263, алф. 104, д. 3837, л. 196—197.

³⁸ Там же, оп. 1, д. 3966, 1878 г., л. 157—158.

³⁹ ЦГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 262, 1913 г., л. 427.

⁴⁰ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 31, л. 155.

⁴¹ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 556, ч. 1, л. 86; ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 27, л. 2; ЦГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 358, 1915 г., л. 263.

ских и др.). Так, в 1836 г. на Камчатке вели дела пять местных купцов и семь приказчиков⁴². В 1841 г. здесь торговали купцы Калмыков, Михаил Сахаров, Иван Бушуев, Иосиф Бутлер⁴³. У Калмыкова капитал в 1841 г. состоял из 10 388 руб., у Сахарова — 5233 руб., у Бутлера — 11 428 руб.⁴⁴. (Заметим, что Филиппеус начинал свое дело, распыляя капиталом в 900 тыс. руб.⁴⁵.) Через 10 лет (в 1851 г.) там было уже восемь местных купцов: трое Сахаровых, двое Бушуевых, Колесов, Красавцев и Софонов⁴⁶, а еще через 10 лет (в 1861 г.) — 18 купцов 3-й гильдии и 11 приказчиков⁴⁷.

В 1915 г. на Камчатке насчитывалось уже 15 торговых лавок⁴⁸. Обычно эти местные торговцы в декабре отправлялись в объезд «от села к селу» по всему полуострову, возвращаясь назад только в апреле⁴⁹. По словам военного губернатора Приморской области (1876 г.), они продавали «только то, что им давали на комиссию иностранцы или присылали сибирские купцы», а вывозили из камчатских селений почти исключительно пушнину⁵⁰. Достаточно сказать, что в 1842 г. ими было скуплено 4374 соболя, 764 лисицы и 238 выдр⁵¹, т. е. примерно в 10 раз больше, чем выручали за год казенные магазины.

Засилье иностранного капитала в оптовой и, косвенно, в розничной камчатской торговле порождалось не только отдаленностью Камчатки от экономически более развитых районов России и возможностью для иностранцев пользоваться удобными морскими путями. Причина коренилась гораздо глубже. Она заключалась в общей экономической отсталости России и особенно ее тихоокеанских владений. Уже упоминавшийся Филиппеус писал в 1872 г. русскому министру финансов, что он «первый русский купец... рискнувший завести паровое и несколько парусных судов, поставить эти суда под русский флаг, заняться, в конкуренцию иностранцам, оптовою торговлею...»⁵². В 1876 г. губернатор Приморской области официально ставил вопрос перед правительством об «образовании здесь торгово-промышленного русского флота, который бы имел самостоятельное сношение с европейскими нашими портами... Соображения эти,— писал далее губернатор,— невольно рождаются при взгляде на здешнюю торговлю, которая всецело в зависимости от иностранцев...»⁵³. Россия, как видим, в те времена еще не имела в Тихом океане своего торгового флота. И капиталы русских купцов исчислялись не сотнями тысяч, как у того же Филиппеуса, а всего лишь тысячами. Экономическая отсталость края (в том числе неразвитость меновых отношений и транспорта) создавала благоприятные условия и для другого зла — монопольного характера оптовой и даже розничной торговли.

Монопольный характер и неэквивалентность торговли

Очень яркую картину организации торговли на Камчатке мы находим в отчете за 1909—1911 гг. исполнявшего обязанности губерна-

⁴² ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 76, л. 19.

⁴³ Там же, д. 29, л. 41.

⁴⁴ ЦГАДВ, ф. 1842, оп. 1, д. 3, л. 3—7.

⁴⁵ ГАИО, ф. 24, оп. 10, карт. 2103, л. 12.

⁴⁶ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 2, д. 39, л. 40.

⁴⁷ ЦГИА, ф. 1265, оп. 11, д. 178, л. 64.

⁴⁸ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 4, д. 111, л. 33.

⁴⁹ ЦГИА, ф. 1265, оп. 11, д. 164, л. 14—15.

⁵⁰ ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3966, л. 158.

⁵¹ ЦГАДВ, ф. 1029, оп. 1, д. 113, л. 4—10.

⁵² ГАИО, ф. 24, оп. 10, карт. 2103, д. 110, л. 6.

⁵³ ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3966, 1878 г., л. 157.

то́ра Камчатской области⁵⁴ Перфильева. «С давних времен и до последних лет,— писал он,— торговля обычно монополизировалась почти в одних руках... Так вела дело Российско-Американская компания (1799—1868 гг.), а затем известный контрагент правительства по снабжению Севера товарами и припасами купец Филиппеус. После его смерти также торговали „Братья Уольш“, затем „Русское общество котиковых промыслов“ и, наконец, работающее и сейчас „Камчатское торгово-промышленное общество“... Кроме торговли в Петропавловске все эти торговцы отпускают товар от себя мелким продавцам... так называемым развозчикам, которые с началом зимы, положив небольшой запас своего товара на одну-две нарты, отправляются с ними в глубь уездов... Эти мелочники с неутомимой энергией проникают далеко в глубь лесов и в дебри горных хребтов к кочевникам, звероловам и оленеводам и выменивают свой товар на пушнину»⁵⁵.

Что же везли на своих нартах агенты торговых компаний, монополизировавших камчатский рынок? Губернатор Приморской области в 1876 г. откровенно писал, что товары эти «или относительно вредны, как алкоголь... или бесполезны, как галантерейные вещи, которые в большинстве случаев составляют брак, сбываемый сюда из Гамбурга или Сан-Франциско и продающийся, по недостатку конкуренции, весьма дорого»⁵⁶. Через 40 лет картина оставалась примерно такой же: «Торговцы, занимающиеся развозным торгом,— сообщалось в очередном губернаторском отчете,— везут больше мануфактурные и галантерейные товары, а не предметы первой необходимости. Происходит это вследствие того, что на нарту можно положить очень немного», продовольственные же товары «громоздки», да и цены на них, благодаря наличию казенных продовольственных магазинов, известны населению⁵⁷. Иначе говоря, ассортимент товаров, в особенности иностранных, во второй половине XIX в. явно ухудшился по сравнению с предыдущим периодом.

По свидетельству А. П. Сильницкого, возглавлявшего камчатскую администрацию в начале XX в., монопольный характер носила и развозная розничная торговля. По его словам, мелкие торговцы во избежание конкуренции «разделили между собой Камчатку, закрепив за каждым определенные селения»⁵⁸. Неизбежным результатом такого положения была резко выраженная неэквивалентная торговля, наносившая существенный ущерб интересам местных жителей.

Следует также учесть, что торговля была по преимуществу меновая, без участия денег. Даже в 1914 г. камчатский губернатор вынужден был признать: «Денежных запасов у населения не имеется, и торговля ведется исключительно меновая»⁵⁹. Легко понять, насколько это облегчало для торговца его задачу совершить максимально выгодный обмен.

Неэквивалентность торговли усугублялась и очень распространенной практикой давать товары в долг. Система долговой торговли базировалась на сезонности пушного промысла: зверолову предлагали товар под его будущую добычу. Известный риск (в случае, если очередной промысловый сезон будет неудачным) купцы с лихвой перекрывали значительным повышением цен на товары, отпускаемые в долг⁶⁰.

⁵⁴ Камчатская область была выделена из Приморской в 1909 г.

⁵⁵ ЦГИА, ф. 11276, оп. 17, д. 262, 1913 г., л. 427.

⁵⁶ ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3966, 1878 г., л. 158.

⁵⁷ ЦГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 358, 1915 г., л. 324.

⁵⁸ Там же, д. 262, 1913 г., л. 427.

⁵⁹ ЦГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 358, 1915 г., л. 324.

⁶⁰ ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 4876, 1891 г., л. 553—554.

Уже С. П. Крашенинников отметил, что купцы предпочитали камчадалам «все отдавать в долг и ждать, пока они зимою из орды возвратятся», зная, что так «без ошибки можно получить по четыре тысячи на тысячу» [9, 515].

Еще одним весьма распространенным, несмотря на официальное запрещение, способом ограбления местного населения было спаивание. Вернувшийся в 1833 г. с Камчатки лейтенант Кузьмищев писал: «Известно, что камчадалы так пристрастны к пьянству, что, не имея на себе самонужнейшей одежды, иной готов, когда уже попало в голову, пропить все и за одну рюмку отдать последнюю свою собаку. Полупьяный... просит еще водки, предлагая и обещая все»⁶¹.

Приведем несколько фактов и свидетельств, достаточно красноречиво характеризующих стиль и методы камчатской торговли. По свидетельству С. П. Крашенинникова, купец, заплатив сам за фунт табака 10 коп., продавал его на Камчатке за 1 руб. 80 коп. [9, 516]. А. С. Сгибнев в 60-х годах прошлого века писал: «Лучшего соболя купцы оценивают в 15 руб., а дают за него товару только на 5 руб. Обобрав таким образом камчадалов, купцы стараются дать им еще что-нибудь в долг с тем, чтобы и будущий весь их промысел попал к ним в руки» [14, 68]. В то же время, как сообщал в 1881 г. чиновник Главного управления Восточной Сибирью П. Г. Сулковский, «соболя, купленный в Петропавловске не дороже 15 руб., а в округе и того менее, и притом на товары, в Лондоне продается по 20 долларов или по 40 руб.». А морские бобры, купленные в 1880 г. у южнокамчатских алеутов по 60 руб., были проданы в Лондоне «по 40, 50 и до 64 фунтов стерлингов за бобра» [13, т. 3, вып. 1, 63], т. е. в 7—10 раз дороже. В отчете военного губернатора Приморской области за 1889 г. мы читаем: «Пуд табаку махорки стоит во Владивостоке 8 руб., на севере же... он чаще всего продается 1 руб. за фунт, следовательно, за пуд получается 40 руб.»⁶². А ревизовавший Петропавловский уезд в 1907 г. чиновник Сомов рассказал о купце Абязове, который «повез на Карагинский остров товаров на 200 руб.», а «выменял с помощью, конечно, спирта» разных русских товаров «на сумму 1600 руб.»⁶³.

Разумеется, транспортные расходы при доставке товаров в глубинные районы Камчатки были весьма велики. Но у нас есть довольно точные сведения о размерах казенных (т. е. реальных) расходов на эти перевозки. Так, по данным «Камчатского торгово-промышленного общества» за 1909 г., «провоз из Петропавловска в Мильково на собаках [обходился] от 4 руб. 50 коп. до 5 руб. за пуд». В результате в казенных магазинах цена пуда муки поднималась с 2 руб. 80 коп. в Петропавловске до 8 руб. в Милькове, пуда риса — соответственно с 4 руб. 80 коп. до 10 руб., пуда соли — с 70 коп. до 5 руб. 20 коп., пуда керосину — с 6 руб. до 19 руб., плитки кирпичного чая — с 50 коп. до 80 коп., фунта сахару — с 13 коп. до 25 коп., фунта табаку — с 20 коп. до 30 коп., аршина ситца — с 20 коп. до 25 коп. и т. д.⁶⁴. Но при всей их значительности транспортные расходы не шли ни в какое сравнение с доходами купечества в сфере свободной торговли. В конце XIX в. В. И. Ленин с полным основанием называл северо-восточные окраины России местом, «где еще возможно «первоначальное накопление», дающее сотни процентов прибыли» [5, 324].

Прежде чем перейти к следующему вопросу, хотелось бы упомянуть о разделенных полувеком выдающихся камчатских деятелях, с

⁶¹ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 601, л. 72—73.

⁶² ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 4876, 1891 г., л. 553—554.

⁶³ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 601, л. 154.

⁶⁴ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 23, л. 2—4.

именами которых связаны наиболее энергичные попытки ограничения грабительской торговли и защиты интересов коренного населения: военном губернаторе Камчатки, капитане 1-го ранга В. И. Завойко и начальнике Петропавловского уезда А. П. Сильницком⁶⁵. Оба они известны и как организаторы героической обороны Камчатки от внешних военных нападений (в 1854 и 1904 гг.).

В. И. Завойко стал брать с купцов подписку с обязательством «для своей пользы налагать не более 35 процентов противу стоимости товаров»⁶⁶. Из-за практически полной невозможности контроля эта мера, естественно, оказалась малодейственной. Более эффективной была попытка создать условия для конкуренции между купцами. Еще за год до приезда Завойко купец Калмыков писал: «В Камчатке нигде ярмарок не учреждено и не бывает»⁶⁷. В 1851 г. по инициативе В. И. Завойко на Камчатке возникли первые ежегодные ярмарки в селениях: Малка, Мильково, Шапино, Ключи, Дранка, Тигиль, Хайрюзово, Ича, Воровское, Большерецк. Эти ярмарки функционировали в период с 20 ноября по 1 апреля поочередно, одна за другой по 10—15 дней. В результате все купцы вынуждены были вместе переезжать с одной ярмарки на другую, сбивая тем самым цены на свои товары и повышая цены на пушнину. Осенью 1851 г. были отправлены в коммерческое путешествие по р. Камчатке, восточному и западному берегам полуострова купцы Сахаров, Бушуев, Колесов, Красавцев, Софонов. С ними уехал особый чиновник, который следил, чтобы камчадалы покупали сначала предметы первой необходимости, а затем уже чай, табак и др. При закрытии последней ярмарки этот чиновник опечатывал купеческие товары до ярмарок будущего года, с тем чтобы исключить рецидивы «обменной торговли» купцами-одиночками в «диких дебрях» полуострова⁶⁸.

Легко заметить, что принятые В. И. Завойко меры носили характер принудительного, искусственного подталкивания капиталистических отношений и были в условиях того времени и места безусловно прогрессивными. Во всяком случае, они явно благотворно сказались на экономическом положении местного населения. В этом легко убедиться, сравнив «Ведомость о ценах на товары продовольствия в селениях западного берега Камчатского округа», составленную до введения ярмарок⁶⁹, и «Ведомость о ценах на пушные звери... западного берега...», составленную земским исправником Кукниным после первых опытов ярмарочной торговли на Камчатке (в серебряных рублях)⁷⁰:

Товары	Цена до ярмарки	Цена на ярмарках	Разница в ценах
Чай, фунт . . .	5,70	2,60	— 3,10
Сахар, » . . .	1,70	1,00	— 0,70
Ситец, аршин . . .	1,90	0,50	— 1,40
Платок, штука . . .	3,15	1,10	— 2,05
Табак, фунт . . .	4,00	0,30	— 3,70
Ружье, штука . . .	40,00	12,00	—28,00
Соболь, » . . .	3,00—5,00	6,60—7,75	+ 3,17
Лисица			
красная » . . .	2,50—3,00	3,48	+ 0,73
Сиводушка, » . . .	3,00—9,00	10,0	+ 4,00

⁶⁵ До этого назначения А. П. Сильницкий был редактором газеты «Приамурские ведомости».

⁶⁶ ГАИО, ф. 24, оп. 7, карт. 1277, д. 12, 1850 г., л. 256.

⁶⁷ ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 81, л. 115.

⁶⁸ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 2, д. 39, л. 5, 18, 19, 40.

⁶⁹ Там же, л. 95.

⁷⁰ Там же.

Приведенные данные совершенно определенно свидетельствуют о снижении на ярмарках цен на купеческие товары, причем нередко в несколько раз (табак, ситец, ружья и пр.), и о повышении цен на все виды пушнины. Неудивительно, что среди населения Камчатки на долгое время сохранились самые добрые воспоминания о В. И. Завойко. Однако после его отъезда учрежденные им нововведения были постепенно упразднены и восстановлены старые формы торговли. Рутинная отсталая экономики и стоявшие за ней социальные группы оказались сильнее смелых реформ.

Через 50 лет после В. И. Завойко его опыт повторил А. П. Сильницкий. Он закрыл питейные заведения на Камчатке и запретил ввоз спирта в селения полуострова, заставляя купцов ездить с товарами не в одиночку, а только «партиями» и торговать «под присмотром чиновника». В Тигиле им был организован пушной аукцион, на котором камчадалы получали за соболя не 20—25 руб., а 50—60 руб. Сообщивший все эти факты чиновник особых поручений при приамурском генерал-губернаторе Перфильев добавлял, что камчадалы «выражали через своих старост Сильниக்குму благодарность устно и письменно». Позиция деловых кругов была, естественно, противоположной. Главный уполномоченный «Камчатского торгово-промышленного общества» барон Брюгген грозил Сильниக்குму прекратить снабжение Камчатки продовольствием. Брюгген выступил даже инициатором весьма неблагоприятной и скандальной затеи объявить Сильницкого душевнобольным человеком. По этому поводу было заведено специальное «дело», занявшее более ста страниц. А. П. Сильницкий был отозван с Камчатки, но затем вновь возвращен на прежнюю должность. Любопытно отметить, что когда он вернулся на Камчатку, то «во многих юртах» под иконами встретил «надписи» такого содержания: «Господи, убери Павского и пошли нам Сильницкого или Векентьева»⁷¹.

К сожалению, начинания В. И. Завойко и А. П. Сильницкого были лишь отдельными светлыми эпизодами в истории камчатской торговли. В целом же прямым следствием развития последней было закабаление купцами местного населения.

Закабаление купечеством населения Камчатки

При изучении общественных отношений у камчадалов, оседлых коряков и даже русских камчатских крестьян бросается в глаза отсутствие наемных рабочих, батраков и вообще резкой социальной дифференциации. Согласно «Статистическим ведомостям» по камчадалскому и корякскому селениям — Хайрюзовскому и Лесновскому (за 1913 г.), а также русскому селению Ключевскому (за 1901 г.), во всех этих трех селениях распределение скота, рыболовных сетей, батов, собак и т. д. было сравнительно равномерным и однообразным⁷². Дело, по-видимому, в том, что условия примитивного рыболовецкого хозяйства (в отличие от оленеводства)⁷³ практически исключали возможность

⁷¹ Павский временно заменял Сильницкого, а Векентьев был помощником Сильницкого.

⁷² ЦГАДВ, ф. 1373, оп. 1, д. 4, 1912—1914 гг., л. 38—39; ф. 1044, оп. 4, д. 29, 1901 г., л. 34—44.

⁷³ Именно поэтому, например, у «кочующих коряк 1-го рода» в 1913 г. были хозяйства, имевшие по несколько тысяч оленей (Аппала Ютов — 7330, Пинтайт Нутелькутов — 6425, Юкавов Екьентов — 3470 и т. д.), но встречались и такие хозяйства, у которых оленей было в 100 раз меньше (Камак Аньякавов — 16 оленей, Вевве Киппилов — 23 оленя и т. п.) (ЦГАДВ, ф. 1373, оп. 1, д. 4, 1912—1914 гг., л. 58—63). Иными словами, в оленеводческих хозяйствах Камчатки в начале XX в. налицо было резкое имущественное неравенство (со всеми вытекающими отсюда последствиями).

накопления. А продажа рыбы даже в начале XX в. практиковалась в минимальных размерах. Так, в 1913 г. все Хайрюзово (36 хозяйств) продало всего 221 пуд икры и 100 шт. юколы⁷⁴.

Следует учесть и тот факт, что рыболовные угодья не были в частной собственности. Сельское же хозяйство в условиях Камчатки еще в меньше степени, чем рыболовство, могло явиться основой для накоплений, тем более что земля тоже считалась собственностью казны.

В силу всех этих причин эксплуататорские отношения на Камчатке охватили в первую очередь пушной промысел с его стопроцентной товарностью. Однако и здесь не было никакого смысла круглый год держать батрака с тем только, чтобы он зимой добыл два-три соболя. Основной формой эксплуатации мелкого производителя-охотника поэтому стало отчуждение результатов его труда путем неэквивалентного обмена. Такая торговля вела к закабалению⁷⁵ коренного и русского трудового населения Камчатки именно местными купцами, за которыми обычно стояли крупные иностранные фирмы. Это явление приняло столь широкие масштабы, что на него была вынуждена обратить внимание и администрация: «Все звери, каких достанут камчадалы, остаются у купцов,— отмечалось в «Решении Главного управления Восточной Сибири» от 2 декабря 1843 г.— мало того, что купец возьмет все у камчадала,— он надает ему в долг товаров сколько угодно, чтобы таким образом обязать его всегда всех добытых зверей отдавать ему»⁷⁶. Примером, убедительно иллюстрирующим эти слова, является деятельность иркутского купца Пежемского. После его смерти (1843 г.) выяснилось, что у него было 219 должников, в том числе около 100 камчадалов, и общая сумма задолженности составляла 38 618 руб. 53 коп.⁷⁷ Следовательно, на каждого из должников приходилось в среднем по 176 руб. 34 коп. Для покрытия такого долга (если учесть, что охотник в среднем добывал в зиму два-три соболя) необходимо было шесть-девять лет. Иначе как долговым закабалением такое положение не назовешь.

Однако русские купцы типа Абязова или Пежемского были мелкой сошкой по сравнению с более крупными и безжалостными иностранными коммерсантами. Нужно сказать, что это понимало и русское правительство, которое в 1884 г. изучало вопрос о целесообразности продления контракта с американским купцом Филиппеусом. На Камчатку для ознакомления с делом на месте был послан подполковник Генерального штаба Бобырь. Вернувшись в Петербург, он в своей «Краткой записке» от 25 апреля 1885 г. докладывал: «Камчатская торговля имеет свои особенности, и наиболее характерною является монополизм». Американский купец Филиппеус, писал Бобырь, «явился властелином не только экономических судеб громадного... края, но и жизни местного населения», и поэтому правительство, передав Филиппеусу всю торговлю на Камчатке, ввергло тем самым жителей полуострова «в безысходную нужду и в полную кабальную зависимость». Продлить в такой ситуации контракт с Филиппеусом, по мнению Бобыря, означало бы «заклепать последнее звено в той цепи рабства,

⁷⁴ Для сравнения отметим, что упоминавшиеся выше три богатых оленевода продали в том же году 226 оленей (ЦГАДВ, ф. 1373, оп. 1, д. 4, 1912—1914 гг., л. 43, 58—60).

⁷⁵ Вспомним указание В. И. Ленина на возможность существования «бесконечно разнообразных форм закабаления» [2, 403].

⁷⁶ ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 29, л. 25.

⁷⁷ ЦГАДВ, ф. 1028, оп. 1, д. 30, л. 29.

которую и без того уже достаточно скованы все северные округа Приморской области»⁷⁸.

О степени закабаления коренного населения и русских крестьян Камчатки в начале XX в. можно судить по следующим фактам. В долине р. Камчатки в 1910 г. за каждым из хозяйств селений Верхнекамчатск, Мильково, Кресты, Камаки и Нижнекамчатск числился долг в размере от 30 до 500 рублей. В Милькове, например, средняя задолженность каждого крестьянского двора составляла 350 руб.⁷⁹ 7 августа 1916 г. на совещании «торгующих» было объявлено, что только семь камчадалских селений полуострова имели «задолженность — казне 50 тыс. рублей, фирмам — более 100 тыс. рублей»⁸⁰. Долг одной семьи в этом случае составлял в среднем 500—700 руб.

Очень важно отметить, что именно торговля стала основным средством обогащения социальной верхушки коренного оседлого населения и закабаления ею своих сородичей. «Для населения, — записал в своем путевом журнале посетивший в 1904 г. Камчатку уполномоченный министерства внутренних дел, — устройство продовольственных складов... поставит его в независимое положение... от своих кулаков — старшин, зачастую являющихся приказчиками крупных торговцев; это явление новое, недавно появившееся на Камчатке, но уже сказавшееся в закабалении населения»⁸¹.

Правильность этого сообщения подтверждается и «Списком лиц, выбравших торговые документы... в декабре 1904 г.». В нем наряду с русскими мелкими торговцами упоминаются уже «Бурнышев Г. А. — камчадал Начикинского селения, Михайлов Илья — камчадал Мильковского селения, Трапезников П. И. — Хайрюзовского селения камчадал». Будучи приказчиками «Камчатского торгово-промышленного общества», они получили право «на продажу в развоз табаку по уезду»⁸². Кроме названных трех селений мелкие торговцы из коренных жителей были также в это время в селениях Голыгино, Кахтана, Палана, Ганалы, Камаки и Малка⁸³.

* * *

Таким образом, материалы по дореволюционной истории торговли на Камчатке рисуют сложную, противоречивую картину. С одной стороны, неразвитость капиталистических отношений на далеких восточных окраинах России создавала условия для существования меновой, долговой и других отсталых форм торговли. В сочетании с монопольным характером этой торговли и беззастенчивым спаиванием ясачных это приводило к резко выраженной неэквивалентности обмена и закабалению. Особенно разорительной для трудового населения Камчатки была торговля иностранных торговых монопольных фирм, единственным стимулом в деятельности которых являлась погоня за максимальной прибылью. Впрочем, названные теневые стороны торговли в конечном счете были неизбежным следствием классового, а в отношении коренного населения и национального гнета. Последний же являлся постоянным спутником капитализма. В. И. Ленин указывал: «При капитализме уничтожить национальный (и политический

⁷⁸ ГАИО, ф. 24, оп. 7, карт. 2721, д. 9, л. 32.

⁷⁹ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 94, 1911—1913 гг., л. 17—30.

⁸⁰ Там же, д. 344, л. 47.

⁸¹ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 423, л. 25.

⁸² ЦГАДВ, ф. 1044, оп. 4, д. 71, л. 21, 22, 25.

⁸³ Там же, д. 11, л. 9, 166.

вообще) гнет *нельзя*. Для этого *необходимо* уничтожить классы, т. е. ввести социализм» [3, 22].

С другой стороны, еще более выпукло выступает благотворное влияние торговли на весь ход экономического развития края. Огромный спрос на «мягкое золото» стимулировал быстрое развитие пушного промысла и обусловил хозяйственную специализацию Камчатки, что привело к включению ее во всероссийский рынок и способствовало преодолению местной экономической замкнутости и первобытной застойности. Благодаря торговле пушной промысел наряду с рыболовством стал основным источником существования для трудового населения полуострова. Торговля явилась формой приобщения коренного населения к несравнимо более высокой материальной культуре русского народа, что вело к вытеснению архаических местных домашних промыслов. Более того, торговля способствовала взаимовлиянию и сближению между коренным и русским трудовым населением в области их хозяйственной деятельности, социальной жизни, домашнего быта и духовной культуры. В результате этого процесса сближения разграничительная линия социальных противоречий все яснее стала проходить между трудовыми массами коренного и русского населения полуострова, с одной стороны, и местными эксплуататорскими элементами (включая и выходцев из коренного населения) — с другой.

Ярким проявлением всестороннего сближения русского и коренного населения явился факт добровольного участия камчадалов и коряков в русских отрядах народного ополчения, боровшихся против военного нападения на Камчатку в 1854 и 1904—1905 гг. [см. 10, 163—187].

Нельзя не отметить и того факта, что органы государственной власти, и в особенности прогрессивно настроенные ее отдельные представители, искренне стремились обуздать коммерческий эгоизм купечества и защитить ясачных от полного разорения, а природные богатства Камчатки — от хищнического разграбления иностранцами.

Взвешивая отрицательные и положительные стороны камчатской торговли, мы видим, таким образом, что значительный перевес был, несомненно, на стороне ее положительных результатов. И это, естественно, вытекает из более общего, исторически закономерного и прогрессивного по своему характеру факта вхождения малых народов Дальнего Востока в состав России. Еще в 1851 г. в одном из писем Марксу Энгельс специально подчеркнул ту мысль, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку» [1, 241].

Правда, выясненные нами противоречивые по своей социально-экономической значимости тенденции в камчатской торговле в условиях царской России так и не были преодолены, поскольку сохранялось классовое общество. Эти противоречия могли быть сняты только социалистической революцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Ф. Письмо Марксу от 23 мая 1851 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 27.
2. Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, — т. 16⁸⁴.
3. Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении, — т. 30.
4. Ленин В. И. Развитие капитализма в России, — т. 3.

---

⁸⁴ Работы В. И. Ленина даются по Полному собранию сочинений.

5. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — т. 1.
6. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, М.—Л., 1946.
7. Волошинов Н. Отчет по командировке на Командорские острова в 1884—1885 годах, СПб., 1890.
8. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сборник архивных материалов, Л., 1935.
9. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, М.—Л., 1949.
10. Огрызко И. И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII — начало XX в.), Л., 1973.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое, т. XXXVIII, № 29126 — Устав об управлении инородцев, ч. I, гл. V, § 46, 61, СПб., 1830.
12. Пушкин А. С. Камчатские дела.— Полное собрание сочинений, т. X, М., 1938.
13. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью, т. 3 — Камчатка и Командорские острова, вып. 1—4, Иркутск, 1882—1884.
14. Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке,— «Морской сборник», 1869, № 8.
15. Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig, 1774

Б. Н. Комиссаров, Т. К. Шафрановская

**НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ
АКАДЕМИКА Г. И. ЛАНГСДОРФА О КАМЧАТКЕ**

(К 200-летию со дня рождения ученого)

Публикуемая рукопись принадлежит перу выдающегося русского естествоиспытателя, географа и этнографа, отважного путешественника академика Григория Ивановича (Георга Генриха) Лангсдорфа (1774—1852) и является ярким памятником его глубокого интереса к изучению Камчатки и деятельного участия в судьбах ее коренного населения.

Г. И. Лангсдорф был человеком энциклопедического образования и громадной энергии, посвятившим экспедиционным исследованиям более четверти века и побывавшим в самых разных частях земного шара. Уроженец Юго-Западной Германии, он в октябре 1793 г. поступил в Геттингенский университет, переживавший тогда пору своего расцвета. Учителем и наставником юноши стал знаменитый в Европе естествоиспытатель, антрополог и этнограф Иоганн Фридрих Блуменбах. В ряду многих научных заслуг Блуменбаха нельзя не отметить его превосходное знание истории географических исследований, мастерство критического анализа трудов и записок путешественников, умение привить своим ученикам неистребимую жажду познания и любовь к странствиям. Деятельность Блуменбаха-педагога не пропала даром. Из среды студентов, слушавших его лекции в конце XVIII в., вышли великий Гумбольдт, а также Ф. Хорнеманн, У. Зетцен, И. Буркхард, Г. Рентген, Максимилиан принц Вид-Нейвид и другие выдающиеся путешественники и ученые [36]. Представители школы Блуменбаха, стараясь как можно глубже, во всех деталях исследовать какую-либо страну, не только тщательно изучали ее язык, культуру, обычаи, нравы, мелочи быта, но и стремились взглянуть на нее глазами местного населения, слиться с ним, испытать его трудности и невзгоды. Подобный подход был свойствен и Лангсдорфу, когда он в 1797 г. с дипломом доктора медицины оставил Геттингенский университет.

Следующие пять лет ученый занимался врачебной практикой и естественнонаучными исследованиями в Португалии и Испании. В 1802 г. он вступил в переписку с русским физиком Л. Ю. Крафтом и послал в Петербург различные материалы по ихтиологии и энтомологии. В январе 1803 г. Лангсдорф был избран членом-корреспондентом Петербургской академии.

В начале 1803 г. Лангсдорф, побывав в Англии и Франции, вернулся на родину и занялся обработкой материалов, собранных им на Пиренейском полуострове. Вскоре, однако, ученый узнал о готовящемся первом русском кругосветном плавании и написал Л. Ю. Крафту, прося последнего рекомендовать его в качестве натуралиста этой экс-

Г. И. Лангсдорф

педиции. Однако Л. Ю. Крафт сообщил о скором отправлении кораблей И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского из Кронштадта и назначении натуралистом экспедиции В.-Г. Тилезиуса фон Тиленау. Он упомянул также о кратковременной остановке русских моряков в Копенгагене. Неблагоприятный ответ не остановил ученого. «Он получил письмо об этом 18 августа,— писал Blumenbach о Лангсдорфе,— и, завещав на случай смерти собранные коллекции нашему Академическому музею, попрощался с друзьями и поспешил в тот же вечер на авось в Копенгаген, чтобы застать там суда» [36, 63]. «Никогда еще ни одно кругосветное путешествие не вызывало у меня столь теплых чувств»,— признавался Blumenbach [36, 63].

Лангсдорфу повезло. В Копенгагене он случайно сразу же попал в гостиницу, в которой остановились участники русской экспедиции. «Явился ко мне прибывший нарочно из Геттингена г. доктор Лангсдорф,— записал 24 августа 1803 г. в своем путевом дневнике Н. П. Резанов, следовавший на корабле «Надежда» в Японию во главе русского посольства,— и предложил экспедиции в исследовании природы услуги свои. Сколько ни отзывался я приездом г. Тилезиуса, но сильная страсть его к наукам, убедительная без всяких требований просьба и, наконец, рекомендация нашей академии, которой он корреспондентом, поставили меня в обязанность умножить им число моих спутников»¹. Энергия и целеустремленность молодого натуралиста понрави-

---

¹ АВПр, ф. Главный архив, I—7, 1802, г., д. 1, п. 45, л. 28 об. [20, 211].

лись и Крузенштерну. «Г-н Лангсдорф,—писал он впоследствии,—находился сперва в Португалии, потом в Англии и не прежде как уже по прибытии своем в Геттинген узнал о намерении нашего путешествия. Хотя и отвечали ему, что принять его уже не можно, однако ревность сего ученого была так велика, что он, невзирая на то, приехал к нам в Копенгаген, чтоб попытаться, нельзя ли победить невозможности» [11, ч. I, 35].

3 сентября Г. И. Лангсдорф сообщил Л. Ю. Крафту о принятии его в состав экспедиции. «Радость и благодарность Лангсдорфа нелегко описать,—отмечал в своем неопубликованном дневнике И. Ф. Крузенштерн.—Он заявил о готовности по возвращении вернуть золото, которое он потратит, из собственных средств, если император ничего не сделает для него»². Новому члену экипажа «Надежды» поручили заниматься ихтиологией и минералогией. С этого времени деятельность Г. И. Лангсдорфа была неразрывно связана с Россией и русской наукой.

Кругосветное путешествие имело большое значение для формирования Лангсдорфа как ученого. Оно чрезвычайно расширило его научные интересы, обогатило массой разнообразных наблюдений и сведений. «Каждый наблюдатель,—писал впоследствии Лангсдорф, обрабатывая свои путевые записи,—имеет свою собственную точку зрения, с которой он видит и судит новые предметы; у него своя особая сфера, в которую он стремится включить все, что стоит в более тесной связи с его знаниями и интересами... Я старался выбрать то, что мне казалось представляющим общий интерес,—нравы и обычаи разных народов, их образ жизни, продукты стран и общую историю нашего путешествия» [34, 1]. Бывший ранее по преимуществу ботаником, зоологом, минералогом, Лангсдорф стал интенсивно заниматься этнографией, историей, лингвистикой. В годы путешествия проявились важнейшие черты Лангсдорфа-исследователя: «строгая любовь к правде», увлеченность, презрение к трудностям. «Нечего и придумывать приключений в путешествии столь дальнем, как наше, или сочинять сказки о нем,—писал ученый,—оно само по себе дает такую массу замечательного и интересного, что надо стараться лишь бы все заметить и не пропустить ничего» [34, 2]. Это стремление «все заметить и не пропустить ничего» стало одной из характерных черт Лангсдорфа. О его деятельности в период кругосветного путешествия упоминали в своих описаниях и дневниках многие из участников экспедиции. Одни писали бегло, безразлично, другие с симпатией, в заметках третьих сквозит явное непонимание стремлений молодого ученого. «Всегдашняя поспешность этого человека действует на нервы»³,—писал, например, о Лангсдорфе в своем дневнике лейтенант Е. Е. Левенштерн.

Такая «спешка» между тем приносила свои плоды. Каждую останковку судна Лангсдорф использовал для различного рода наблюдений и расширения своего научного кругозора. В 1803—1804 гг. он писал Конференции Академии наук о медном руднике близ Фальмута (Англия), об ихтиологических и геологических наблюдениях на о-ве Тенериф, о бразильском острове Санта-Катарина, о проблемах свечения моря, об обычаях жителей Маркизских (Вашингтоновых) островов, о языке обитателей о-ва Нукагива. Некоторые из материалов, собранных тогда ученым, были опубликованы в «Технологическом журнале» [13, 181—186; 15], другие остались в рукописях⁴, а позже частично

² ЦГИА ЭССР, ф. 1414, оп. 3, д. 5, л. 160б.

³ Там же, д. 3, л. 420б.

⁴ ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 1 а, № 15, § 1115; оп. 2, 1805 г., № 13, § 182; разряд IV, оп. 1, № 1011.

вошли в полное описание его путешествия. Отчеты о ходе экспедиции Лангсдорф публиковал также в веймарском «Magazin für den neuesten Zustand der Naturkunde» [27, 203—206; 28, 220—223].

Во время длительных морских переходов Лангсдорф не только постоянно вел различные наблюдения естественнонаучного и физико-географического характера, но и, пользуясь великолепной библиотекой экспедиции, много читал. Сохранились его конспекты описания путешествия Ж. Лаперуза, сочинений французского и английского мореплавателей Ж. Лабилардьера, У. Блига и др.⁵

В середине июля 1804 г. «Надежда» пришла в Петропавловск. Лангсдорф, впервые ступивший на землю России, проявил огромный интерес к Камчатке. Пока шла подготовка к плаванию в Японию, ученый все свободное время посвящал исследованию природы и населения полуострова. «Он в трудах неутомим»⁶, — писал о Лангсдорфе Н. П. Резанов президенту Академии наук Н. Н. Новосильцеву. Хозяйство Камчатки и ее люди надолго стали предметом размышлений Лангсдорфа, нашли серьезное отражение в его научном творчестве. На Камчатке, как ранее в Португалии, где ученый одним из первых начал оспопрививание [35, 60] и выпустил книгу об организации образцового госпиталя [26], или позднее — в период своего семнадцатилетнего пребывания в Бразилии [6, 62—70; 7, 7—43; 9, 118—128], Лангсдорф, узнавая много для себя нового, не оставался только наблюдателем. Первой мыслью путешественника было предложить какие-либо улучшения, причем в его планах уже в эту раннюю пору деятельности можно подчас отметить прогрессивные для тогдашней действительности буржуазные тенденции. «С отменным удовольствием устремил я в сие время первые мои взоры на сельские страны Камчатки... — сообщал Лангсдорф Крафту. — Первая потребность для сей страны состоит в том, чтобы более заселить оную и иметь добрых землепашцев, ремесленников и промышленников. Здесь вовсе недостает тех познаний, которые в просвещенном государстве служат к удовлетворению первых потребностей; как, например: весьма бы нужно завести здесь гончарную работу, кирпичные заводы, варение мыла и соли и иметь искусных людей в ловлении китов, в солении и сушении рыб и пр.; также весьма полезно бы устроить мельницы, обсушить болотистые места и проч. По изобилию различных физических предметов, здесь найденных, делаю уже я вообще заключение, что земля сия способна к большему усовершенствованию и заслуживает особенное внимание» [14, 157—159]. В письме И. Блуменбаху от 23 августа Лангсдорф описывал физико-географические особенности Камчатки и подробно развивал мысль о том, что полуостров следует снабжать всем необходимым, развивая торговлю с Японией и Китаем, а не везти туда товары из Европейской части России через Сибирь [29, 193—206].

25 августа 1804 г. корабль «Надежда» отправился к берегам Японии. Как известно, Резанов и его спутники не смогли добиться установления с этой страной ни торговых, ни дипломатических отношений. Пробыв вблизи Нагасаки более шести месяцев под строгим, почти тюремным надзором, русское посольство в апреле 1805 г. отплыло в Петропавловск.

В этот раз Лангсдорф пробыл на Камчатке лишь с 5 по 14 июня. Он принял предложение Н. П. Резанова сопровождать его в путешествии во владения Российско-Американской компании — на Алеутские

⁵ ЛОААН СССР, разряд IV, оп. 1, № 1011, л. 18—27.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 115, оп. 1, д. 2, л. 9—9об.

острова и северо-западное побережье Северной Америки — и подписал специальный контракт⁷. Перед отъездом Лангсдорф послал подробное письмо Блуменбаху, в котором, в частности, сообщал о большой энтомологической коллекции, собранной им на Камчатке, и сравнивал насекомых этого полуострова с насекомыми Португалии [30, 297—309].

26 августа 1805 г. бриг «Мария», на котором находился Лангсдорф, после остановок на о-вах Св. Павла, Уналашка и Кадьяк пришел в Новоархангельск. Здесь путешественников застала зима. Припасов не хватало, и условия жизни были крайне тяжелыми. «Слепая любовь к естествознанию, неоднократные обещания помощи в научных исследованиях и жажда знаний заставили меня согласиться на путешествие с Резановым к северо-западному побережью Америки... — сообщал Лангсдорф Блуменбаху в феврале 1806 г. — Здесь, в этом новом поселении Российско-Американской компании мы испытывали недостаток во всем. Моим жилищем была маленькая комнатуха без мебели, и при частых дождях вода лилась прямо на кровать. Эту комнатуху я должен был делить с одним охотником, поселенным со мной. Для освещения служила лампа на ворвани. Обед я, как и все сопровождавшие Резанова, получал у управляющего Российско-Американской компанией Баранова бесплатно всю зиму. Однако, если я хотел есть что-либо кроме обеда, то был иногда вынужден стрелять ворон, собирать раковины с моллюсками или выпрашивать кусок китового или тюленьего жира, чтобы утолить голод» [33, т. II, 86—87]. Эта картина была даже несколько идилической. Позднее в одном из писем Крузенштерну Лангсдорф писал: «На Ситхе, где я зимовал в 1805—1806 годах, 18 человек умерло от голода. Из 180 едва 30—40 были работоспособны. ...Количество алеутов на Кадьяке со времен Шелихова уменьшилось с 3000 до 400»⁸.

Несмотря на лишения, Г. И. Лангсдорф продолжал свои этнографические наблюдения. Он бывал в поселениях колошей, а во время экспедиции за зерном и мукой в Сан-Франциско в феврале — июне 1806 г. посетил калифорнийских индейцев, живших в миссиях францисканцев. Свободно владея шестью языками, Лангсдорф занялся теперь изучением русского языка. Большую помощь в этом оказали ему друзья по зимовке морские офицеры Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов, с которыми он близко сошелся [4, ч. II, 224; 33, т. II, 9].

Окончательно покинуть Новоархангельск Лангсдорфу удалось 19 июня 1806 г. Он расстался с Н. П. Резановым и на 22-тонном суденышке «Ростислав» под командой американского капитана Д. Вольфа, с которым тоже успел подружиться во время зимовки, вновь направился на Камчатку. Этот путь занял почти три с половиной месяца, и в середине сентября ученый уже в третий раз прибыл в Петропавловск.

«По сравнению с предыдущей зимой Камчатка показалась мне раем»⁹, — писал Лангсдорф Крузенштерну. Зимовку 1806—1807 гг. путешественник использовал для всестороннего изучения полуострова, уже давно привлекавшего его внимание. 2 октября, к большой радости Лангсдорфа и Вольфа, в Петропавловск на судах «Авось» и «Юнона» прибыли Давыдов и Хвостов. Вскоре друзья предприняли несколько поездок на собаках по окрестным местам. Они побывали в Паратунке, Аваче, Начике, Малке. Езда на собаках чрезвычайно заинтересовала

⁷ АВПр, ф. Главный архив, I—7, 1802 г., д. 1, п. 44, л. 5—8; ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 74, л. 335—336.

⁸ ЛОААН СССР, ф. 31, оп. 1, № 11, л. 1.

⁹ Там же, л. 106.

Лангсдорфа. Он стал внимательно изучать этот способ передвижения. В селение Малка, находившееся в 138 верстах от Петропавловска, Лангсдорф смог приехать, уже самостоятельно управляя своей собачьей упряжкой.

Находясь в Петропавловске, ученый вступил в переписку с министром коммерции Н. П. Румянцевым¹⁰. Этому способствовала рекомендация брата матери Лангсдорфа, тайного советника Коха, вероятно знакомого с Румянцевым в период дипломатической службы последнего в германских государствах. В лице Румянцева Лангсдорф приобрел влиятельного покровителя.

15 января Лангсдорф отправился в новую, на этот раз гораздо более длительную поездку по Камчатке. Он ехал в Нижнекамчатск, являвшийся административным центром полуострова и местопребыванием губернатора (этот пост был учрежден в 1803 г.). Путь Лангсдорфа лежал через селения Ганалы, Пушино, Верхнекамчатск, Мильково, Козыревская, Толпачинское, Ключевская. Ученый вел путевой дневник, тщательно отмечая расстояния между населенными пунктами, численность их жителей, описывая занятия населения, указывая местонахождение церквей, школ, больниц и т. д. Лангсдорф все больше задумывался над причинами контраста между буквально потрясавшим его богатством природы этого полупустынного края и чудовищной бедностью камчадалов, влачивших нищенское существование. Внимательный наблюдатель, он подметил массу несообразностей и нелепостей в организации экономической жизни полуострова и действиях местной администрации.

В середине февраля, преодолев 700 верст, ученый прибыл в Нижнекамчатск и был там хорошо принят губернатором генерал-майором П. И. Кошелевым, с которым познакомился в Петропавловске еще в свой первый приезд на Камчатку, а также его братом Д. И. Кошелевым, входившим в свое время в состав посольства Н. П. Резанова в Японию. В первых числах марта Лангсдорф отправился в обратный путь, но избрал другой маршрут — через Тигиль и Большерецк. Побывав в селениях Камина и Харчина, он достиг селения Еловская и двинулся дальше 6 марта в сопровождении нескольких солдат и казаков. 7 марта Лангсдорф переночевал в Седанке и через день добрался до Тигиля, откуда 10 марта с переводчиком предпринял поездку в селение коряков. Путь Лангсдорфа от Тигиля до Большерецка шел через селения Хайрюзово, Белоголовое, Морошечное, Ича, куда он прибыл 17 марта, и Воровская, где он был 21 марта. На следующий день ученый достиг Большерецка, а 25 марта возвратился в Петропавловск. За два с половиной месяца путешествия Лангсдорф накопил большой запас впечатлений, сделал много записей, свел знакомство с десятками людей в городах и селениях Камчатки. Значительную часть пути он проделал на санях с упряжкой из 13 собак, которыми сам управлял.

14 мая Лангсдорф на «Ростиславе» отправился из Петропавловска в Охотск. Это путешествие едва не стало для него последним. «29 [мая] впервые поднялся свежий северо-западный ветер,— описывал он впоследствии это плавание,— и мы наткнулись на огромного кита, которого не заметили до тех пор, пока наше судно, шедшее на всех парусах и неспособное уже никуда отклониться, не наскочило на него. Это огромное животное едва двигалось, и на его исполинской спине судно поднялось из воды на три фута. Мачты закачались, паруса сразу упали. Все с испугом выскочили на палубу, уверенные, что на-

¹⁰ АВПР, ф. Главный архив, I—7, 1802 г., д. 1, п. 44, л. 9—10об.

ткнулись на какую-то скалу. Кит величественно плыл мимо. Если бы в момент полученного удара он сделал движение и нырнул, то было бы вполне вероятно, что своим хвостом он разбил бы носовую часть судна и мы потерпели бы кораблекрушение» [33, т. II, 285—286].

Спутником Лангсдорфа по плаванию в Охотск оказался известный деятель Российско-Американской компании и знаток Камчатки К. Т. Хлебников, видимо сообщивший ученому немало интересных сведений об этом крае¹¹.

16 июня Лангсдорф прибыл в Охотск, а 18 августа, преодолев бесчисленные трудности пути, добрался до Иркутска. Контора Российско-Американской компании, куда ученый явился с рекомендательным письмом, позаботилась о жилье для него. В Иркутске Лангсдорф пробыл довольно долго. Отдых, приведение в порядок своих бумаг, двухнедельная поездка в Кяхту, а затем ожидание санного пути задержали его здесь до 22 ноября. Из Иркутска Лангсдорф отправил подробный отчет о своих путешествиях Л. Ю. Крафту¹², а затем, возвратясь в середине сентября из Кяхты, занялся составлением публикуемой ниже записки о Камчатке¹³.

Предлагаемая рукопись производит довольно сильное впечатление. Очевидно, что ее автор до тонкостей и всесторонне изучил положение на Камчатке, что он человек дела, способный обосновать свои предложения строгими экономическими расчетами, и в то же время гуманист, глубоко убежденный, что его долг — оказать всемерное содействие «беспомощным и покинутым» камчадалам. Начав знакомиться с Россией с Камчатки, Лангсдорф, разумеется, не знал внутривнутриполитической обстановки в стране. Однако со слов друзей по плаванию на «Надежде» и последующим путешествиям он, убежденный монархист, составил, по-видимому, весьма радужное представление об Александре I, первый период царствования которого вселил в русское общество так много впоследствии обманутых надежд. Искренне рассчитывая, что «милостивый монарх» и его правительство, узнав о бедственном положении Камчатки, примут действенные меры, Лангсдорф с подкупающей искренностью и волнением описывал виденное на полуострове и давал многочисленные советы.

Прежде всего ученый подверг резкой критике организацию военной службы на Камчатке, считая, что она мешает экономическому развитию полуострова и благосостоянию его населения. Несколько наивно, забывая о государственных интересах России, он предлагал солдат, ведущих праздное существование и обирающих местных жителей, частично обратить в крестьян, частично в казаков, а остальных разослать по сибирским полкам. Лангсдорф полагал, что казачество, само снабжавшее себя всем необходимым, и камчадалы представят «достаточную силу» «для защиты своего домашнего очага».

Затем Лангсдорф обратился к характеристике естественных ресурсов Камчатки и подробно рассказывал о рыбных богатствах полуострова, его фауне, скотоводстве, полезных растениях камчатских лесов. Причем перед нами не узкоспециальные рассуждения зоолога и ботаника, а глубокая оценка возможностей хозяйственного использования животного и растительного мира Камчатки. Например, описывая обитателей камчатских вод, Лангсдорф с цифрами в руках показал, насколько выгодным могло бы быть предприятие по засолке рыбы,

¹¹ ЦГИА ЭССР, ф. 2057, оп. 1, д. 381, л. 50б.

¹² ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 75, л. 198; оп. 1 а, № 18, § 359.

¹³ АВПР, ф. Главный архив, 1—7, 1802 г., д. 1, п. 44, л. 17—36.

которой можно было бы снабжать населенные пункты Сибири вплоть до Иркутска. Рассказывая о камчатских лесах, ученый немедленно приводил данные, свидетельствующие об их пригодности для кораблестроения.

Особое место в своей записке Лангсдорф посвятил проблеме нехватки на Камчатке пороха и соли, предлагая разные способы добычи последней. Основываясь на материалах камчатской администрации, ученый перечислил около ста видов товаров, в которых остро нуждалось население Камчатки, указал точное количество и стоимость как одной меры каждого товара, так и всей его массы, необходимой в течение года. Лангсдорф ратовал за прямую связь Петропавловска с Европой и организацию регулярного судоходства между Камчаткой, Охотском, Курильскими и Алеутскими островами.

Возвращаясь к мысли, высказанной еще в письме к Л. Ю. Крафту в 1804 г., и развивая ее, Лангсдорф подчеркивал важность приглашения на Камчатку агрономов, врачей, аптекарей, солеваров, гончаров, механиков, корабельных мастеров, плотников, столяров, кузнецов, слесарей, бондарей, матросов. «Может быть, среди людей, сосланных в Сибирь, найдутся такие, которые склонятся к осуществлению предложенных целей», — размышлял путешественник.

Несколько позднее он писал И. Ф. Крузенштерну: «Я знаю страну (Камчатку.— Б. К., Т. Ш.) довольно хорошо, так как провел там девять месяцев, и глубоко убежден, что правильным управлением можно сделать ее жителей счастливыми и сэкономить государству большие суммы... Состояние этого полуострова я принимаю близко к сердцу»¹⁴. Лангсдорф был, конечно, весьма далек от понимания сущности колониальной политики на Дальнем Востоке, меньше всего руководствовавшейся стремлением «сделать его жителей счастливыми». Подкупает, однако, его способность живо, с интересом откликаться на нужды окружавшего его населения, потребности края, в котором он находился.

21 октября Лангсдорф в письме Н. П. Румянцеву рассказал о своем путешествии из Петропавловска в Иркутск¹⁵, а 25 октября отослал ему свою рукопись, озаглавленную «Darstellung der politischen Lage von Kamtschatka und Vorschlag zur Verbesserung des zerrütteten Zustandes dieser Halbinsel» («Изъяснение политического положения Камчатки и предложение для улучшения расстроенного состояния этого полуострова»). Ученый просил Н. П. Румянцева представить ее императору¹⁶.

11 декабря Лангсдорф прибыл в Тобольск, где его радушно встретил генерал-губернатор Сибири И. Б. Пестель, отец будущего декабриста. Заинтересовавшись рассказами Лангсдорфа о Камчатке и сибирских впечатлениях, И. Б. Пестель задержал его у себя до 22 февраля 1808 г. Вспоминая о том времени, ученый писал: «Пестель принял меня необычайно дружелюбно и с неподдельным участием и вниманием выслушал все мои замечания об отдаленных районах его губернии, особенно о Камчатке. Я принял его дружеское приглашение и остался в Тобольске дольше, чем предполагал. Дни, которые я провел в этой семье, были самыми приятными за все это длительное время» [33, т. II, 334]: 4 января 1808 г. Лангсдорф писал из Тобольска Н. П. Румянцеву о том, что начал работать над проектом реформ на Камчатке¹⁷.

¹⁴ ЛОААН СССР, ф. 31, оп. 1, № 11, л. 3—3об., 5об.

¹⁵ АВПР, ф. Главный архив, I—7, 1802 г., д. 1, п. 44, л. 14—15.

¹⁶ Там же, л. 16—16об.

¹⁷ Там же, л. 37—38.

8 марта Г. И. Лангсдорф приехал в «удивительный город Москву», как замечал он в описании своего путешествия [33, т. II, 335]. Здесь он также нашел внимательных слушателей, которым увлеченно рассказывал о Камчатке и Сибири. Среди них были, например, попечитель Московского университета А. К. Разумовский и известный натуралист Г. Фишер фон Вальдгейм, не без удивления упомянувший в своем дневнике о том, что Лангсдорф привез в Москву камчатских собак¹⁸. Через несколько дней ученый выехал в Петербург.

До последнего времени подробности жизни Лангсдорфа в Петербурге оставались малоизвестными. Однако недавно нам удалось обнаружить обстоятельные сведения об этом периоде жизни ученого в письмах его товарища по плаванию на «Надежде» швейцарского астронома И.-К. Горнера, жившего тогда в столице, адресованных И. Ф. Крузенштерну, находившемуся в Ревеле. Эти сведения представляют особый интерес, потому что из Москвы Лангсдорф сразу приехал на квартиру Горнера и у него останавливался. Ниже приводятся выдержки из упомянутых писем, рассказывающих о разработанном Лангсдорфом плане преобразований на Камчатке, идеи которого первоначально нашли отражение в публикуемой рукописи.

«В понедельник, 16 марта к обеду,— писал Горнер Крузенштерну два дня спустя,—прибыл ко мне доктор Лангсдорф с двумя кибитками, нагруженными 16 большими и маленькими ящиками. С ним был один казак и две большие камчатские собаки. Вчера я проводил его к Румянцеву, который чрезвычайно неожиданно (ведь здешние министры малодоступны для людей без протекции и чина) сразу же пригласил его к себе и очень вежливо принял. О материальных делах Лангсдорфа там не было речи. Теперь посмотрим, что Румянцев делает для него. Я думаю, что Лангсдорф заслужил хорошую пенсию, как Тилеизус или я. Кроме того, Лангсдорф уже три года не получал жалованья... В одном из следующих писем... он сообщит Вам о большом плане, который разработал для улучшения положения на Камчатке и который хорошо рекомендует генерал-губернатор Сибири Пестель, так что маленький Лангсдорф еще станет знаменитым губернатором. Идея его улучшений сводится к выводу с Камчатки войск и насаждению там казачества, ежегодному снабжению полуострова не по суше, а вокруг Горна, перенесению торговой столицы из Охотска в Большерецк или Петропавловск. В прошлую зиму Лангсдорф много путешествовал по Камчатке и пришел к выводу, что климат к западу от гор лучше, чем на восточной стороне... Он доказывает, что разведение оленей так, как оно поставлено у коряков, наряду со скотоводством, которое хорошо развивается даже при не очень тщательном уходе за животными, смогут в изобилии кормить Камчатку. Соль и стрелковый порох составляют важные потребности... Вы как старый любитель Камчатки с удовольствием увидите, что кто-то находит дорогу и старается помочь столь достопримечательной стране. Пестель обещал сделать все от него зависящее для вывода солдат. Поскольку военный чин на Камчатке не нужен, Пестель хочет, чтобы в качестве губернатора туда поехал Лангсдорф, а с ним немецкие ученые и ремесленники, строители мельниц, мастера по производству кирпича, солевары и т. д. По сравнению с этой идеей моя астрономическая игра ничтожна. Лангсдорфа хочет получить Академия, отец зовет его к себе, но я побуждаю его к тому, чтобы полностью посвятить себя возможности принести пользу многим тысячам людей (ведь и при самом несовершенном исполнении это наверняка принесет пользу). Я не знаю ниче-

¹⁸ ЛОААН СССР, ф. 260, оп. 1, № 82, л. 62об., 63об.

го, что могло бы быть более высоким и желательным для благородного человека, чем такое назначение. Таких чувств не испытывают, конечно, Р[умян]цевы, Р[еза]новы и другие, имя которых начинается на Р»¹⁹.

При чтении писем И.-К. Горнера создается впечатление, что Лангсдорф сильно увлек его своими камчатскими планами и Камчатка стала одной из доминирующих тем в разговорах на квартире астронома. 21 марта он, например, сообщал Крузенштерну: «Левенштерн написал мне из Архангельска, он много работает. Лангсдорф написал ему по моему совету с тем, чтобы выяснить, не сможет ли он, если камчатский проект осуществится, взять на себя руководство флотом в Авачинской бухте и перегон туда судов»²⁰. Находясь в Петербурге, Лангсдорф продолжал хлопотать о снабжении Камчатки всем необходимым. 1 апреля Горнер писал Крузенштерну: «Лангсдорф знает, что имперские власти распределили соль таким образом, что камчадалы ничего не получили. Об этом он хочет с завтрашней почтой написать Пестелю. Не останется ли его рапорт в тамошних архивах? Кошелев, по его мнению, в июне или июле будет в Иркутске, куда ему можно будет писать»²¹.

Чтобы представить публикуемую ниже рукопись Лангсдорфа императору, ее нужно было перевести с немецкого на французский язык. Хлопоты в связи с этим переводом, который следовало сделать особенно тщательно, тоже не прошли мимо Горнера. В большом письме Крузенштерну от 8—11 апреля 1808 г. он рассказывал: «Лангсдорф передал свою записку «Камчатка и ее улучшение» Кругу²², чтобы перевести на французский язык, но получил ее назад, так как изложение было признано беспорядочным, а стиль плохим. Лангсдорф — человек, получивший научное воспитание, но он работает слишком много и поверхностно»²³. Перевод все же был сделан. В 1826 г. записка Лангсдорфа была найдена в кабинете покойного императора в Зимнем дворце²⁴.

Первый период жизни в Петербурге был для Лангсдорфа довольно трудным. О своей дальнейшей судьбе он мог строить только догадки. «Мое теперешнее положение и будущее назначение весьма неопределенны,— писал ученый Крузенштерну спустя две недели после приезда,—родственники зовут меня в Германию, многие в Академию, другие — в Москву, генерал-губернатор Сибири — на Камчатку. Я буду ждать, что сделает для меня Румянцев, и это приведет меня к дальнейшему решению»²⁵. Перспектива связать свою жизнь с Камчаткой была для Г. И. Лангсдорфа весьма реальной. Уже будучи адъюнктом Петербургской Академии наук, он в октябре 1810 г. представил свой план реформ на полуострове. За свой труд ученый получил орден Св. Анны второй степени и был назначен членом «Комитета для внутреннего устройства Камчатской, Охотской и Якутской областей» [21, № 7, 74—75]²⁶.

¹⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 1414, оп. 3, д. 22, л. 91—92.

²⁰ Там же, л. 93.

²¹ Там же, л. 99об.

²² Имеется в виду академик Филипп Иванович Круг (1764—1844), археолог и историк.

²³ ЦГИА ЭССР, ф. 1414, оп. 3, д. 22, л. 104об. Стиль записки, как, видимо, отметит и читатель, действительно, не отличается изяществом, но столь же очевидно, что ее автора нельзя упрекнуть в поверхностности.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 164, л. 1; см. также: л. 2—24.

²⁵ ЛОААН СССР, ф. 31, оп. 1, № 11, л. 4—4об.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 12, д. 523; ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 1а, № 22, § 428; оп. 2, 1811, № 36, § 428.

На Камчатку Лангсдорф не вернулся. Выполняя различные служебные поручения, он в сентябре 1808 — июне 1809 г. побывал в Оренбурге, Казани, Москве, Страсбурге, Геттингене, Франкфурте-на-Майне. Однако научный интерес Лангсдорфа к Камчатке не угасал, и он написал целую серию новых работ о полуострове. Первая из них — статья о свойствах камчатских мухоморов, их использовании и связанных с ними обычаях — была послана ученым в Петербург из Казани 6 ноября 1808 г.²⁷, а позднее опубликована в трудах Метеорологического общества во Франкфурте-на-Майне [31, 249—256].

Поселившись в июне 1809 г. в столице, Г. Лангсдорф стал активным участником заседаний академической конференции. В июле ученый прочел петербургским коллегам статью о возникновении нового острова в Алеутском архипелаге²⁸, вызвавшую, кстати, большой интерес И.-К. Горнера²⁹, и представил иллюстрированную рукопись о рыбах, обитающих у берегов Камчатки³⁰. В июне 1811 г. он познакомил конференцию с работой о собаководстве на полуострове³¹, а в 1812 г. опубликовал заметки о его естественных ресурсах [32, 97—102]. Очень большое место заняло описание Камчатки в двухтомном труде Г. И. Лангсдорфа, суммировавшем все его путевые наблюдения в 1803—1808 гг. и принесшем ему всемирную известность [33, т. II, 217—284; 8, 127—133]. В части, касающейся Камчатки, эту работу можно поставить в один ряд с трудами С. П. Крашенинникова, Г. В. Стеллера и других выдающихся исследователей этого края. Значение материалов книги Г. И. Лангсдорфа, собранных на Камчатке, высоко оценено этнографами [1, 47—92; 16, 299—323; 24, 26—35; 37, 689—690].

Интерес Г. И. Лангсдорфа к дальневосточному полуострову был в конце концов вытеснен главным делом его жизни — исследованием Бразилии, куда ученый отправился в 1812 г. в качестве русского генерального консула. Однако и в бразильских дневниках путешественника мы несколько раз сталкиваемся с его камчатскими воспоминаниями³².

Такова вкратце история изучения Камчатки академиком Г. И. Лангсдорфом, нашедшая отражение в публикуемой рукописи. Перед нами, с одной стороны, обстоятельное и достоверное описание Камчатки начала XIX в., а с другой — документ, положенный в основу реформы управления полуостровом, которая начала осуществляться в 1812 г.

Публикуемая рукопись хранится в Архиве внешней политики России Историко-дипломатического управления МИД СССР. Подлинник рукописи на немецком языке. При переводе слова, написанные Г. И. Лангсдорфом по-русски и заключенные им в скобки, сохранены и даны разрядкой. Подчеркнутые Лангсдорфом слова даются курсивом. При публикации опущены, как не имеющие ни малейшей научной ценности, выпендренно-восторженные пассажи Лангсдорфа в адрес Александра I.

Публикаторы выражают глубокую признательность Б. П. Полево-му, который первым обнаружил рукопись Г. И. Лангсдорфа и оказал им большую помощь при подготовке публикации.

²⁷ ЛОААН СССР, ф. 11, оп. 3, № 75, л. 346; оп. 1а, № 19, § 426.

²⁸ Там же, оп. 1а, № 20, § 259.

²⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 1414, оп. 3, л. 22, л. 130об.—131.

³⁰ ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 1а, № 20, § 271.

³¹ Там же, № 22, § 243.

³² ЛОААН СССР, ф. 63, оп. 1, № 5, л. 5, 15.

л. 17 || **ИЗЪЯСНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ
КАМЧАТКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ
РАССТРОЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЭТОГО ПОЛУОСТРОВА**

л. 18 || Я заранее прошу о благосклонном снисхождении к этим замечкам, которые я решился набросать. Это всего лишь эскиз и одновременно результат моих наблюдений о современном положении Камчатки.

Я опасаясь, что злоупотреблю терпением и милостью моего высокого начальства, если буду высказываться о многих предметах более подробно, и поэтому я считал бы особой милостью и наградой, если бы содержание этих немногих страниц было бы удостоено тщательного просмотра.

Человек, уже в летах, находящийся в путешествии, оставивший родителей, братьев, сестер и родственников, который пошел навстречу всяческим опасностям, отыскал и испытал все трудности, связанные с нуждой, вместо того, чтобы спокойно и в изобилии жить среди семейных радостей; человек, который добровольно для удовлетворения своей жажды знаний пожертвовал лучшими годами своей жизни, не гоняясь ни за чинами, ни за богатством, и только из честолюбия решил посвятить себя наукам, о таком человеке, считаю я, нельзя предположить, что он из каких-то низменных целей отважился... стать защитником страдающих подданных.

л. 18 об. || Таким образом, я вручаю прилагаемую здесь работу с самыми чистыми намерениями в то время, когда у меня в памяти еще свежи отдельные факты, и я чувствую себя в силах дать сведения по тому или другому, недостаточно известному отдельному вопросу.

Если я почувствую удовлетворение в связи с тем, что оказал хотя бы минимальное содействие многим тысячам, то я достигну исполнения моего желания и конечной цели.

Иркутск, 25 октября 1807 г.
Г. Лангсдорф.

л. 19 || **Замечания о политическом
и природном положении Камчатки и предложение
для улучшения расстроенного состояния
этого полуострова**

Если долг честного подданного не упускать удобной возможности, не использовав ее на пользу государства, то пусть это, по крайней мере, послужит моим извинением в том, что я набросал последующие заметки с единственной целью, чтобы мне с моим небольшим умом оказаться полезным и прийти на помощь угнетенному человечеству.

Долг христианина велит оказывать посильную поддержку каждому из наших ближних, которые, беспомощные и покинутые, умоляют о нашей помощи. Почему же я должен противиться быть защитником целого народа, который я недавно имел возможность наблюдать более девяти месяцев и который находится так далеко от столицы...

...Я говорю о Камчатке, которая слишком далеко отстоит от столицы, слишком редко посещается людьми, занимающимися

наукой, и естественные продукты которой, естественное расселение, состояние, положение и жизненные нужды местных жителей слишком мало известны и требуют слишком большого знания тамошних особенностей, чтобы можно было произвести изменения с действительной пользой для государства и для благополучия жителей этой земли.

л. 19 об. || Я вспоминаю политическое положение Камчатки в прошлые времена, во времена путешествия Кука, и в том числе то, что нам рассказывает капитан Кинг¹ о тогдашнем состоянии полуострова. Не жили ли камчадалы счастливо? Не было ли тогда во всем избытка? И не нашли ли мы при нашем прибытии с экспедицией кап. Крузенштерна современное положение совершенно другим?

Что же является основной причиной такого разительного ухудшения?

Следует без обиняков сказать: прибытие военных на Камчатку привело страну к упадку во всех отношениях — физическому и моральному; физическому, так как солдаты принесли с собой повальный мор, который унес многие тысячи местных жителей и в результате обусловил опустошение²; моральному, так как безнравственный народ был переведен в страну, местные жители которой отличались, правда, грубыми, но неиспорченными нравами, а в плохой компании портятся хорошие нравы. Лень и праздность являются началом многих пороков, и пьянство ведет к высшим ступеням последних. Следовательно, как только с достоверностью будет доказано, что военные на Камчатке проводят время в безделье, что они там излишни и что они постепенно привели страну к полнейшему физическому и моральному упадку, то, очевидно, с помощью удаления последних был бы сделан первый и самый большой шаг для улучшения положения Камчатки.

Поэтому прежде всего я должен спросить:

1. Нужны ли вообще солдаты на Камчатке? 2. Что является пользой, а что убытком из того, что они дают казне? 3. Что является пользой, а что убытком из того, что они дают стране?

л. 20 || 1. Против внешних врагов солдаты на Камчатке не нужны, так как обладание этой страной для каждого владельца настолько незначительно, что, вероятно, никому никогда не придет в голову предпринимать против нее военные действия либо напасть на Россию (два слова неразборчивы.— *Б. К., Т. III.*) с враждебными намерениями; если предположить даже, что военные, находящиеся там же, вряд ли могли оказать сопротивление, потому что в различных гаванях у Тигиля, в Большерецке, в гавани Св. Петра и Св. Павла, Нижней Камчатке и особенно внутри страны, называемой Верхняя Камчатка, рассеяно всего лишь от 600 до 800 человек.

Против внутренних или находящихся по соседству врагов, например против кочующих в северной части полуострова народов — коряков и чукчей, — военные не нужны, так как состоящие здесь на службе казаки, чьи предки завоевали всю Камчатку, сейчас объединяются с камчадалами в случае опасности для защиты своего домашнего очага.

2. Полезны или вредны военные, лучше всего видно из финансового состояния. Пусть мне будет позволено лишь кратко заметить, что содержание Камчатки связано только с чрезвычай-

чайными и совершенно излишними издержками для государства, что... государь... выделяет значительные суммы, кроме двойного жалования, повышения ранга и других льгот, данных солдатам Сибири, на привоз продовольствия и одежды и достаточно великодушен, если соизволит еще разрешить особую сумму для доставки припасов во внутреннюю Камчатку. И если вместо благодарности встречаешь только недовольство, ропот и нужду, это потому, что почти невозможно доставить из такой дальней, непроезжей дали транспортируемые с большими издержками продовольствие и другие ставшие для европейцев необходимыми товары каждый раз без повреждения, но в должное время в достаточном количестве в место их назначения.

л. 20 об. 3. Польза от солдат для полуострова очень мала, а вред необозрим. Каждый солдат... позволяет себе проявлять незаконные действия по отношению к камчадалам, считая себя выше их, и угнетает их во всех отношениях с самого рождения. Солдаты — господа, и || камчадалы, хотя равным образом являются верноподданными, угнетаются первыми только как рабы этой страны.

Может быть, считают, что солдат занимается земледелием? Никоим образом. Есть очень немного таких, которые, чтобы запастись на зиму, ловят рыбу для себя и своих собак. Они так неповоротливы, так нерадивы и ленивы, что обычно весной у них нечего есть, кроме привезенного хлеба, и поэтому они нередко становятся жертвой смерти. Офицеры, которые должны были бы служить хорошим примером, не лучше. Они сами терпят нужду, пропивают свои доходы и завязли в больших долгах. Удивительно, что как раз те места, в которых живут солдаты и которые более всего богаты рыбой: гавань Св. Петра и Св. Павла, Большерецк и Нижнекамчатск, без исключения каждую весну испытывают недостаток жизненных средств. Да и с Верхней Камчаткой и Тигилем дело обстоит так же, но солдаты этих мест имеют, по крайней мере, то оправдание, что их озера и реки менее богаты рыбой.

л. 21 Государство разрешает перевозить муку за свой счет за 300 верст во внутренние районы и платит за доставку 1 пуда от Большерецка до Верхней Камчатки 4,5 рубля, от гавани Св. Петра и Св. Павла туда же — 5 рублей. На одни сани можно нагружать от 4 до 5 кожаных мешков (сумка) с мукой или от 12 до 15 пудов и совершать зимой 3—4 или 5 поездок. Солдат получает, таким образом, в конце концов при среднем подсчете от 200 до 300 рублей наличных денег, которые он по прибытии подвозит из Охотска пропивает, и гостеприимные || камчадалы кормят его и его собак безвозмездно всю зиму. Солдат экономит свою собственную провизию и уже летом приходит к выводу, что ему нет смысла запастись на зиму, так как в это время он будет перевозить провиант и питаться за счет камчадалов.

Эти зимние караваны или доставка провианта создают в стране самые большие из всех мыслимых трудностей. Весной, а именно 11 апреля 1807 г., я был вынужден из-за оттепели провести два дня в деревушке Ганал³ и был очевидцем того, как туда одновременно прибыли 23 пары провиантских саней. Если учесть только наименьшее количество, т. е. по 6 собак на каждые сани, то жалкая деревушка, состоящая из 4 домов,

должна была безвозмездно кормить в течение двух-трех дней 23 человека и 136 собак⁴, и если еще подумать, что на дороге от Большерецка и Св. Петра и Св. Павла до Верхней Камчатки всю зиму, день за днем совершается то больше, то меньше рейсов, то легко рассудить, как обременительны эти перевозки провианта, как обременительны военные для камчадалов!

Но что еще больше угнетает бедных жителей этого полуострова, так это то, что они все лето и осень со своими семьями должны делать запасы на зиму для неопределенного количества чужих гостей — людей и скота. Жизнь у них в конце концов складывается печально. Солдаты, которые берут с собой в поездку хлеб и муку, съедают их с гостеприимно поданной на стол рыбой, и этим грубым людям не приходит в голову отдать в благодарность кусочек хлеба камчадалу, безвозмездно кормящему их и их собак, или хотя бы за плату уступить несколько фунтов муки. Да, нередко случалось, что камчадалы делились своей последней рыбой и потом сами терпели нужду

л. 21 об. || и их собственные собаки подыхали от голода, в то время как солдатских собак хорошо кормили. Бесстыдство последних заходило порой так далеко, что они осмеливались силою врывать в кладовые камчадалов, чтобы самовольно красть рыбу.

В прошлые времена камчадал жил для себя, для пользы страны и находился под мягким управлением. Повинностей.. почти не было, и весело, в кругу своей семьи, охотился он беспрепятственно на медведей и тюленей, жир которых освещал его жилище, оленей и диких баранов, изобилие которых давало ему одежду и здоровую пищу, уток, гусей, лебедей, горных и снежных куропаток, бывших для него роскошью. Занимался он в основном ловлей соболей, которых убивал от 10 [000] до 12 000 ежегодно. Но как совсем по-другому ныне обстоит дело с камчадалами!

Каждодневные повинности, прохождение войск, проезжие как чума, перевоз провианта, перевод офицеров и солдат с их женами и детьми из одного места в другое, духовенство, провиант-комиссары, исправники (и з п р а в н и к и), генералы и адъютанты и бог знает кто и что еще. Всё больше должны были эти добрые люди отвлекаться от своих дел, так что во многих местах у них почти не было времени и они были не в состоянии выплачивать соболями и лисицами наложенный на них ясак. Еще меньше они могут заниматься охотой на оленей, диких баранов, медведей и другую дичину. Ловля соболя, за счет которой они могли в избытке удовлетворять свои потребности, уменьшилась так, что не убивали и 2500. У местных жителей, таким образом, нет собственности, нет пищи, одежды, нет собак, чтобы заниматься своими делами, и они глубоко вздыхают под гнетом и властью солдат.

л. 22 || Закон говорит нам определенно, что солдат свободен от всякой службы и без особой оплаты не может быть принужден к какой-либо работе. Но если, исключая некоторые сторожевые посты, на Камчатке вообще нет никакой военной службы, я спрашиваю: нужны ли там такие бездельники? И не должны ли были бы изменившиеся в этой стране обстоятельства изменить и все дело? Так, например, в гавани Св. Петра и Св. Павла живет несколько сот солдат. Нельзя ли было бы понудить этих бездельников, чтобы они хотя бы построили для себя цер-

ковь в дань благочестию? Все строительные материалы для этого лежат готовыми уже четыре года, капитальные стены возведены, а теперь ждут, сложив руки, денег, чтобы закончить здание. Строительные материалы под действием дождя и ветра портятся, и уже однажды понесенные издержки полностью пропадают.

Не следовало ли бы понуждать солдат к общественно полезной работе? Не следует ли в такой в настоящее время малозаселенной стране каждому напрячь все свои силы, чтобы с пользой применить их для общего дела? Единственное, что еще могло бы в какой-то мере оправдать лень солдат и на что они часто ссылаются, это неуверенность в своем местопребывании: они не знали, будет ли их пребывание на Камчатке недолгим или длительным.

Это единственное оправдание.

Я опасюсь впасть в излишние подробности, если захочу привести еще примеры бесчинства и беспорядков, которые возникают из-за офицеров и солдат, и, вероятно, больше и не требуется доказательств, что военные в нынешнем их положении на Камчатке совершенно излишни и вредны.

л. 22 об.

|| У меня остается еще один только вопрос, а именно: зачем и с какой целью живет столько солдат внутри страны?

Без труда видно, что доставка провианта во внутренние районы сопряжена с многочисленными издержками и затруднениями для жителей полуострова. Не лучше ли поэтому приблизить солдат к провианту, то есть к морским гаваням? По соседству со Св. Петром и Св. Павлом имеется когда-то прежде очень значительное селение Паратунка, которое изобилует всеми естественными продуктами, т. е. рыбой и дичью. Не будет ли лучше предоставить это место солдатам? С какой целью подвозить им хлеб за 300 верст в Верхнюю Камчатку, туда, где мало рыбы и дичи и господствует голод и нищета?

У Воровской — месте между Тигилем и Большерецком — есть небольшая гавань, где не раз уже зимовали корабли. Выгоднее поэтому составить такой план, чтобы из Охотска корабли приходили в эту гавань, между тем как оттуда наметить более короткий путь в Верхнюю Камчатку.

Но не будет ли более естественным часть военных перевести из Верхней Камчатки в Воровскую? Тогда, по крайней мере, исчезло бы бремя доставки провианта, которое целиком несут на себе камчадалы. Кроме того, в Воровской много кораблей и естественные условия для земледелия тоже хороши, как и в любой другой части Камчатки.

После того как я предварительно рассказал об излишней численности военных, вреде и убытке, который они приносят Камчатке, да будет мне позволено сделать некоторые замечания с целью удаления последних.

л. 23

|| Если хотят действительно удалить военных, то, на мой взгляд, вероятно, представятся следующие случаи:

1. Нашлось бы, конечно, много людей, особенно женившихся на камчадалках и привыкших к камчатскому образу жизни, которые предпочли бы поселиться здесь как крестьяне, чем возвращаться в Россию. Этим солдат надо было бы уволить в запас и дать право жительства на Камчатке. Их не надо было бы снабжать провиантом и другими товарами, они сами бы кормились, одевались, не были бы в тягость государству и уве-

личили бы, по крайней мере, число местных жителей Камчатки.

2. Другим можно было бы предоставить право свободного выбора. Не возьмут ли они на себя казачью службу, такую полезную и нужную по всей Сибири, и не захотят ли на основании известной на Камчатке казачьей службы остепениться? Эти люди кормятся и одеваются большей частью самостоятельно и должны и могут брать на себя и справляться со всеми государственными работами.

3. Остальные будут рады этому изменению и будут благодарить небо за то, что можно наконец покинуть Камчатку и занять место в каком-нибудь сибирском полку.

Офицерам можно было бы предоставить право свободного выбора — поселиться горожанами на Камчатке или вернуться на службу в Россию.

Что же последует, если камчадалы будут освобождены от военных:

1. Польза, которую получит от этого государство?

2. Возможно ли с пользой произвести изменение на Камчатке?

3. Что является естественным богатством и чего не хватает в стране?

л. 23 об. || 4. Каковы средства и вспомогательные источники, чтобы произвести улучшения?

1. Как только будут упразднены военные на Камчатке, так государство выиграет также совершенно излишние и бесцельно отдаваемые издержки на все тамошнее военное устройство — генеральный штаб, провиант-штат и т. д., которые составляют, вероятно, ежегодно около 400 000 рублей, не считая больших караванов якутов, которые также наносят большой вред этому народу. Государственное устройство после упразднения военных стало бы проще, а на правительство навлекалось бы меньше неприятностей. Вместо значительных караванов, которые сейчас за государственный счет доставляют солдатам хлеб, к большой печали якутов, купцы, спекулируя, за свой счет доставляли бы камчадалам товары и необходимые предметы. Таким образом, камчадал был бы меньше угнетен, удовлетворял бы свои потребности, ходил бы снова прилежнее на охоту, и за несколько лет добыча соболя и меха снова непременно получила бы значительный прирост.

В силу этого, благодаря упразднению военных, выигрывают государство, купец и камчадал.

2. Если я говорю о выгодных изменениях, которые можно было бы совершить на Камчатке, то я понимаю под ними те, которые распространяются на естественное местоположение, естественные продукты, стало быть, на лучшее удовлетворение нужд местных жителей.

3. Прежде всего должен я, таким образом, спросить: достаточно ли естественных продуктов, чтобы прокормить местных жителей, и каковы естественные богатства страны?

В большом изобилии имеются рыбы, птицы, млекопитающие, ягоды, съедобные корни и деревья и кустарники, и они могут быть использованы местными жителями с большой пользой при добром правлении страной.

Из съедобных рыб я хочу перечислить только те, которые встречаются в большом количестве в гавани Св. Петра и Св.

Павла и кругом. Из различных осетровых: кижуч, гольцы, гольчик, корюха, хайко, чавыча, кумжа, микуж, красная рыба, горбуша, кроме множества других рыб, особенно сельди (сельдь) и трески (треска).

л. 24 Это смешно и для близорукого коменданта гавани непрости-
тельно, что жители этой местности || и их собаки иногда оста-
ются без еды. Хотя, если говорить только о сельди, она появ-
ляется здесь в таком количестве, что ловить ее очень легко и
можно отправлять как товар с пустыми кораблями в Охотск,
оттуда на лошадях возвращающихся караванов в Якутск, а
затем за обычную цену водой в Иркутск.

Я предполагаю, что на 500 рыб нужно около 1 пуда соли,
которая на Камчатке стоит 10 рублей, таким образом, мне на
100 000 рыб понадобится 200 пудов соли, что составляет...
2000 [руб.]. За маленький бочонок (фляга) для засолки, кото-
рых понадобится 332 по 3 р. . . . . 996 [руб.]

Новая сеть для рыбы	60
Плата за работу	200
Таким образом, первый расход на Камчатке составляет точно	3256
Транспорт с Камчатки в Охотск, который во- все не должен быть дешевым, я принимаю пуд — 5 руб.	4165

Если я далее допущу, что 100 000 рыб весят от 800 до
1000 пудов, и я могу нагрузить на каждую лошадь от Охотска
до Якутска 5 пудов, и мне потребуется 166 лошадей, то транс-
порт от Охотска до Якутска, если считать за

каждую лошадь по 10 рублей	1660
Неизвестные чрезвычайные расходы	200
Транспорт из Якутска до Иркутска по 4 руб. за пуд	4000

---

13 281

л. 24 об. Если, таким образом, 100 000 рыб стоят 13 281 рубль по
приблизительному расчету, || то в Якутске можно за одну селед-
ку получить 13 копеек, и если бы отпала надобность в транс-
порте с Камчатки в Охотск, если бы можно было сделать более
дешевые бочонки, если бы цена соли на Камчатке была по 6
и 8 рублей за пуд, то было бы даже возможно доставлять
селедку в Иркутск по цене от 5 до 8 копеек. Осуществление
этого предприятия стало бы со временем тем более возмож-
ным, что селедки приходят на Камчатку в начале мая месяца,
и корабли, которые назначены в Охотск и зимуют здесь, до
середины мая не могут ни в коем случае оставить гавань.

Таким образом, если взять за правило, что корабли будут
уходить еще немного позднее, то они прибывали бы в Охотск
в конце июня, как раз к тому времени, когда оттуда возвра-
щаются караваны якутов. В конце июля или начале августа
они достигли бы Якутска, как раз к тому времени, когда ко-
рабли поднимаются вверх по Лене. В конце сентября или,
по крайней мере, в начале октября селедки, следовательно,
прибудут в Иркутск.

Так много о селедках, а теперь несколько слов о треске
(треска). Эти рыбы в совершенно необыкновенном количе-
стве имеются в гавани Св. Петра и Св. Павла, и надо быть

in Jekaterin den einzelnen Geringe für 13. Legaten erhalten, und wenn
das Haupt am Kamtschatka auf Ostokok angesehe, wenn man
sich die festsitzende angesehe brüch, wenn man das für Vork
zu 6-8 Tschel in Kamtschatka stellen brüch, so ist es schon möglich
den Geringe in Jekaterin für 6 bis 8. Legaten zu kaufen.

Die Aufzählung dieser Speculationen wird, mit der Zeit, nur desto
eher möglich, da sich die Geringe zu Aufzählung des Magneten in
Kamtschatka einstellen, und die Vork, welche für die Speculation
von der Mitte dieser Monarchie auf einen Geist von Geringe von,
besten können. - Gestalt also die Vork geringe aufzählung stellen,
so werden sie zu sich Geist auf Ostokok kommen. ganz zu sich
Zeit, da die Anwesenheit der Speculation von der Zeit, zu sich
zu sich Geist oder Aufzählung Aufzählung, werden sie Geistlich
werden, ganz zu sich Zeit, wenn die Vork in Lena sich
stellen zu sich Geist. aber Geistlich zu Aufzählung Ostokok
werden also die Geringe in Jekaterin ankommen. -

Denk an den Geringe, und die einige Worte von der
Arbeitszeit, (Mpletka).

Ich habe sich in ganz angesehe Menge in Geringe von St
Peter und St Paul, und wenn man sich nicht so ansehe, so ist, und
in Speculation und Vork in Kamtschatka, und sich nicht selbst
den besten Geistlich der Vork und der Arbeitszeit zu sich
den in Arbeitszeit, Arbeitszeit, und selbst zu der Arbeitszeit
Geringe. der wichtigste Geringe der Arbeitszeit ist.
zu Kamtschatka ist die Vork Arbeitszeit zu Arbeitszeit, und die
Geringe werden nicht einmal ansehe, sich selbst angesehe
Aufzählung geringe zu angesehe.

Thema.

Ob ein Geringe, das ist schon selbst geringe in Kamtschatka ge,
will ich nicht aufzählung; das man die Vork geringe (Arbeitszeit)
by sich Arbeitszeit zu Arbeitszeit und ganz mit dem Geistlich, ganz
und ganz Geistlich mit sich den Vork geringe beiseite brüch, -
das man selbst in Arbeitszeit und Arbeitszeit in, und
den ganzen Kamtschatka fließ, der Arbeitszeit Kamtschatka.

таким невежественным, как камчатские офицеры и солдаты, чтобы сразу не вспомнить о большой торговле треской и рыбьим жиром, которая является основным занятием на Лабрадоре, Ньюфаундленде, в Исландии и на северном берегу Великобритании. На Камчатке такой же избыток для вывоза, а местных жителей даже не поощряют, чтобы они, по крайней мере, сами себе вдоволь добывали пищи.

Птицы

В доказательство того, что на Камчатке водится достаточно птиц, которых можно употреблять в пищу, я хочу только упомянуть, что топорков (*Alca cirrhata*), когда они гнездятся, высиживая птенцов, можно ловить прямо руками и можно было бы нагрузить полные лодки яйцами морских птиц, что когда-то в Толбачике и Шапине⁵, на всей реке Камчатке до Нижнекамчатска || весной и осенью убивали, а также ловили сетями тысячи диких гусей, которые садились здесь у реки (сейчас их редко увидишь среди блуд камчадалов, так как у них нет времени, нет сетей и почти нет пороха), что у Авачи можнс пронзить насмерть трехзубчатой деревянной острогой сотн молодых уток и что, наконец, почти никогда, ни зимой, ни летом, не возвращались с охоты без того, чтобы не убить нескольких диких уток, лебедей, тетеревов или белых куропаток.

Наряду с многими другими на Камчатке водятся: *Anas cygnus* Linnaei, *Anas segetum* Lin., *Anas ilangula* Lin., *Anas dispar* Lin., *Anas hyemalis* S: *gracialis* Lin., *Anas Boschae* Lin., *Colymbus Septentrionalis* Lin., *Colymbus Troile*, *Pelecanus Graculus*, *Alca Arctica*, *Alca Cirrhata*, *Larus argentatus*, *Alcaegue Species huius generis*, *Tetrao Lagopus*, *Tetrao Tetrix*⁶.

Млекопитающие

Из диких млекопитающих, водящихся в изобилии и пригодных для охоты, я полагаю, что: а) для пищи и одежды могут быть использованы медведи (*Ursus variegatus* Lin), дикие бараны (*Ovis ammon* Lin), олени (*Cervus caribou* Lin), тюлени (*Phoca vitulina* Lin), сивучи (*Phoca jubata* Lin), зайцы (*Lepus variabilis*) и затем киты различных видов, которые часто показываются в больших количествах у берегов и в гавани, особенно часто, например, в то время, когда появляется сельдь. Одна только охота на китов могла бы составлять важный источник питания, и так как камчадалы сейчас совершенно отвыкли от моря, то, может быть, было бы полезнее всего, по крайней мере для гавани Св. Петра и Св. Павла и окрестных л. 25 об. мест, || если бы по дружескому приглашению и благодаря предупредительному, гостеприимному обхождению было бы возможно переселить на Камчатку одну или несколько алеутских семей⁷. Богатая добыча китов, тюленей, сивучей и полученные в связи с этим жир, мясо и ворвань очень быстро доказали бы благотворное влияние этих людей на положение дел. Кроме того, камчадалы переняли бы от алеутов лучшие суда (я имею в виду кожаные байдарки), одежды от дождя, или камлейки, из сивучьих и медвежьих кишок и некоторые другие приспособления.

Следующие млекопитающие, встречающиеся на Камчатке,

могут быть употреблены в качестве рухляди и для торговли: лисицы (*Canis vulpes* Lin.), черные лисицы (*Canis Lycaon* Lin.), песцы (*Canis lagopus*), волки (*Canis lupus*), соболя (*Mustela Zibellina*), горностаи (*Mustela erminea*), камчатские бобры (*Lutra marina*), речные выдры (*Lutra vulgaris*), россомахи (*Ursus gulo*), сурки (*Actomys Marmotta* и *Actomys Bober*). б) Для хозяйственных нужд и как домашние животные: рогатый скот, лошади, ручные олени и собаки. Не подлежит никакому сомнению, что камчадалы сейчас с таким же успехом, как и раньше, могли бы иметь многотысячные || стада оленей. Приобретение или покупка последних не обойдется слишком дорого (так как за 1 или 1,5 фунта табаку можно купить оленя у коряков), а выигрыш для страны будет столь велик, что только оленями можно прокормить всю западную часть Камчатки.

л. 26

Скотоводство получило развитие в последние годы благодаря доставке скота государством и развивалось бы еще более, если бы там не было ни одного военного, так как выше приведенные трудности, связанные с постоянными и многими работами на барщине, являются помехой и здесь. Именно осенью, когда следует заниматься заготовкой сена, бедные камчадалы должны ловить рыбу для солдат и собак караванов. Они не покупают себе дорогостоящую корову из-за боязни, что на следующую зиму она при недостатке корма сдохнет от голода, как это они видят на примере своих собак.

Следовательно, разведением скота — как лошадей, так и коров — занимаются до настоящего времени больше живущие на Камчатке русские на государственные средства, прилежным же камчадалам от этого мало проку, несмотря на то что они, без всякого сомнения, могли бы, так же как буряты и якуты, жить только скотоводством.

Таким образом, уже одни стада оленей и рогатого скота, без неизмеримого рыбного богатства, были бы достаточны, чтобы в избытке прокормить полуостров при умеренном трудолюбии и реально принятых мерах. Многие места особенно пригодны для скотоводства, так, например, Козиревская — деревушка у реки Камчатки, состоящая из 4 домов. Здесь ежегодно выпадает так мало снега и он такой рыхлый, что коровы всю зиму могут пастись в открытом поле. Здесь же имеются только две коровы и теленок. Местные жители слишком бедны, чтобы купить себе больше скота, а у них для этого нет ни времени, ни возможности.

л. 26 об.

|| Другим доказательством того, что человек с помощью прилежания и трудолюбия может достичь успехов, так же как и в другом месте, может служить следующее. В двенадцати верстах севернее Верхней Камчатки находится Милькова деревня, состоящая из 13 домов, в ней 25 мужчин, а в целом 80 душ. Местные жители имеют 85 коров, 22 лошади, но это не солдаты, а трудолюбивые русские крестьяне, предки которых числом семь около 70 лет тому назад были посланы правительством с тем, чтобы заниматься земледелием⁸. Осененные божьим благословением, они, женившись на камчадалках, постепенно увеличились в числе и питаются тем, что приносит им работа: выращенным самими хлебом, картофелем, капустой, репой, редькой, огурцами, рыбой и мясом. После того как я возможно полнее показал выше, что рыб, птиц, диких и домашних жи-

вотных можно найти на Камчатке в изобилии, я не могу обойти молчанием некоторые растительные продукты.

Леса полуострова буквально переполнены превосходными и разнообразными плодами или, вернее, *необыкновенно вкусными ягодами*, из которых я назову только следующие, как самые лучшие: красная черника (брусница) — *Vaccinium vitis-idaea*; (одно слово неразборчиво. — Б. К., Т. III.); (шикша) — *Empetrum*; желтая малина (морощка) — *Rubus chamaemorus*; клюква (клюква) — *Vaccinium oxycotceos*; голубика (голубица) — *Vaccinium eliginosum*; смородина (кислица) — *Berberis*; смородина (смородина) — *Riber*; и кроме л. 27 этих — жимолость, черемуха, репина и др. || В некоторые годы ягод различных видов бывает так много, что их можно собирать бочками.

В таких съедобных корнях, как сарана, дикий чеснок, дикая морковь (морковь), кемчига⁹ и другие, на Камчатке также нет недостатка. Родится очень хороший картофель, но нужно было бы попытаться поощрить и улучшить его возделывание, особенно путем доставки лучших сортов. Таким образом, средства питания имеются налицо во множестве. Но есть ли также леса и дрова для различных нужд местных жителей?

О да! На Камчатке есть такие красивые леса, особенно из лиственниц (лиственница), что я не мог без удивления любоваться их роскошным ростом! Как раз в Толбачике и Шапине есть стволы высотой в 16 сажень, или 80 футов. Древесина к тому же еще лучше и тверже той, которая в Охотске идет для строительства кораблей.

Вообще, я хочу упомянуть лишь следующие породы деревьев, которые я видел на Камчатке.

Березы (березник) различного вида — наиболее распространенная по всей стране порода дерева, употребляемая местными жителями для самых различных целей, особенно для топки, для изготовления саней, а кора — для сосудов.

Тополы (топольник) — в основном применяется для изготовления лодок или каное.

Лиственница (лиственница)

Ель (ель)

Кедр (кедровник)

Клен (репина)

Ольховый (ольховник)

Ивы различных видов (тальник)

Ленивая ива (ветла)

Черешня (черемушник)

Можжевельник (можжевельник) и многие другие.

л. 27 об. || Из царства минералов к отменным богатствам страны я должен отнести чистую и хорошую глину, из которой, без малейшего сомнения, можно было бы изготовить отличные сосуды разных видов.

Было бы немалым достижением для страны, если бы глиняные тарелки, блюда, посуда для питья и варки изготавливались бы на месте. И насколько несомненно то, что по соседству с гаванью Св. Петра и Св. Павла, а именно в бухте Дарья и у горячих ручьев Паратунка, была бы найдена хорошая, а в последнем месте особенно чистая, белая глина, настолько несомнен был бы успех знатока, занятого изготовлением товаров из этой глины. Недостаток знаний, необходимых для того, чтобы

обычную глину очистить и должным образом ее обжечь, и особенно лень солдат и царящий среди них беспорядок являются причиной того, что при всем изобилии прекрасной глины нет даже плохих кирпичей для построек или починки печей в гавани Св. Петра и Св. Павла.

Таким образом, после того как я коротко упомянул о естественном богатстве и полезных естественных продуктах страны и как бы доказал этим, что Камчатка может с избытком прокормиться благодаря своим доходам, мне остается еще только сказать *о нуждах этого края*.

л. 28 Камчадалы, связанные с русскими уже в течение долгого времени и ежедневно с ними общающиеся, постепенно совершенно забыли образ жизни своих предков. Они живут || сейчас не в подземных юртах, а в таких же домах, как и русские, почти все говорят по-русски и привыкли из-за такого совершенно изменившегося образа жизни, как и сами русские, к предметам одежды, а также пище, привозимым русскими из Европы.

Единственно, что камчадал сохранил еще от своих предков и к чему его, так сказать, само собой принуждает образ его жизни, нужда и потребности, так это большая склонность к охоте. На охоте камчадалы часто применяли луки и стрелы.

Я не знаю, каким образом или благодаря какому притворству случилось так, что несколько лет тому назад купцу запретили ввозить порох на Камчатку и снабжение порохом местных жителей взяло на себя государство. Достаточно того, что я знаю, что сейчас принята следующая мера: каждому камчадалу ежегодно выдается от государства фунт пороха за государственную цену, а после того как он истратит весь порох, он не сможет нигде купить заряд пороха, сколько бы денег и соболей он ни предлагал. Если только вдуматься в положение камчадала — с ранних лет он как бы рожден для охоты, должен ружьем добывать себе одежду, пищу, лакомство и жир для лампы, привык к огнестрельному оружию и не имеет возможности убивать дичь иначе, так как ему запретили даже применять яд, например вороньи глаза¹⁰, с помощью которого он убивал прежде лисиц и других животных, отняли и запретили совершенно бесчестным способом. Камчадал видит, что по соседству с его жилищем бродят медведи и пасутся олени, а дикие утки и гуси плавают в ближнем ручье, но он потерял свой последний маленький остаток пороха, но не из-за того, что истратил его без толку, а из-за несчастной случайности,

л. 28 об. || например из-за дождя или другой мокроты, и ни за какую цену и никоим образом не может возместить свою потерю и удовлетворить свои потребности или из-за отсутствия пороха не может защититься от нападения медведя. Не уместно ли в итоге задать вопрос: не является ли это возмутительным и можно ли сердиться на этих несчастных людей, если они недовольны? Ведь их не только лишили свободы и времени создавать себе привычный образ жизни, но и отняли также нужные для этого вспомогательные средства.

Следовательно, первой и самой большой нуждой, которую испытывают камчадалы, является недостаток пороха.

Следует спросить любого охотника и лучшего стрелка: достаточно ли одного-единственного фунта пороха при богатой охоте, когда охотник должен поставлять мясо для пропитания себя и своей семьи целый год, особенно когда он вынужден

еще стрелять таких птиц, как утки, гуси, лебеди и тетерева? И никому не придет в голову, что камчадалы могут и должны довольствоваться только рыбой, так как в стране находятся солдаты. Этот недостаток в порохе тем легче сразу же удовлетворить, что около 500—600 пудов его должны находиться в пороховых магазинах Камчатки; с годами он может испортиться и никому не принести пользы.

Поэтому первым делом я предлагаю предоставить в распоряжение камчадалов 300 или больше пудов и продать этот порох по цене от 1,5 до 2 рублей за фунт. Прибыли от 18 [000] до 20 000 рублей, вероятно, хватило бы, чтобы снабдить дорожными деньгами совершенно лишних на Камчатке солдат или, вернее, покрыть средства на транспорт и оказать достаточную помощь местным жителям в их самой большой *нужде*.

|| Далее, на Камчатке большая *нужда в соли*.

Бывшие соляные варницы из-за порчи солеваренных сковород прекратили работу, государство подвозит только солевой паек солдатам, камчадал же и горожанин забыты, купец не может много подвезти и за другие товары получает большой барыш, поэтому получается, что иногда за 1 фунт соли платили по 10 рублей. Этой нужде можно помочь только в том случае, если в самой стране учредить одну или несколько соляных варниц.

Снабжать солью страну, омываемую океаном, на самом деле гораздо менее трудно, чем это себе представляют, но все же сюда должен быть определен хотя бы один-единственный человек, обладающий знаниями в этой области.

л. 29 Чтобы устранить недостаток соли на Камчатке, я вношу следующее предложение. Железо для солеваренных сковород или, ещё лучше, готовые сковороды можно было бы отправить как балласт на одном из направляющихся на Камчатку кораблей. Следует рассчитывать, что солеваренные сковороды, распределенные самым выгодным способом, будут пользоваться большим спросом.

Зимой соль должна была бы производиться из морской воды более дешевым способом, как и во многих других местах, вследствие климата, именно замерзанием и последующим удалением замерзшей пресной воды, прежде чем образуется лед, и, стало быть, в соответствии с главной целью были бы учреждены соляные варницы.

л. 29 об. Соль с большой прибылью и легкостью можно было бы добывать из остающейся воды, экономя при этом солеваренные сковороды, время и дрова. Так как в Охотске с тремя солеваренными сковородами можно добывать при выпаривании морской воды совсем ненаучным способом 2000 пудов по 8 рублей каждый, || то я думаю, что после сделанного мною предложения соль на Камчатке будут добывать гораздо более дешевым способом и в большем количестве, и если бы... правительству было угодно для блага подданных даже заложить одну или несколько градирен¹¹, то соль в большом избытке и с прибылью можно было бы перевозить на Алеутские острова, Кадьяк и в Америку или начать засолку большого количества рыбы. В любом случае прибыль составляла бы многие тысячи рублей.

На вопрос, откуда на первый случай можно взять нужные суммы для того и другого при осуществлении указанных пла-

нов и перемен, я думаю ответить, что продажа государственных магазинами, скажем, пороха, сукна, холста, провизии и т. п. покрыла бы самые необходимые нужды и дала возможность исполнить планы.

Короче говоря, учреждение хорошей соляной варницы необходимо и имеет для Камчатки очень большое значение, так как без нее местные жители не могут даже засолить на зиму достаточное количество рыбы и вынуждены использовать полу-сгнившую рыбу.

Кроме недостатка в порохе и соли камчадал настолько привык к чаю, сахару, водке, табаку, что если лишить его одного из этих продуктов, то это будет для него таким же принуждением, как и для европейца.

Следовательно, эти и другие товары должны ему поставлять купцы, и поэтому нужно подумать о средствах и каким образом купцов можно лучше всего поощрить, чтобы снабжать Камчатку всем необходимым для удовлетворения ее нужд.

л. 30

|| Если я буду подробнее исследовать торговлю Камчатки или буду думать об улучшении ее положения, то попаду в лабиринт, из которого мне не выбраться. Но о некоторых наблюдениях я не могу умолчать.

До сих пор от Охотска Камчатку большей частью снабжали товарами и всем необходимым Российско-Американская компания и небольшое количество частных купцов. Благодаря недобросовестности комиссионера Вихезофа¹² и невежеству наемных лиц главная дирекция не получает правильных счетов и находит более целесообразным постепенно отступать, ввозить меньше товаров на Камчатку и предоставить эту торговлю другим людям.

Если же случится так, что не придут корабли Российско-Американской компании, то Камчатка останется без товаров, так как одна только компания имеет собственные корабли в этих водах, а частные купцы зависят от коменданта в Охотске, который чрезвычайно усложнил вывоз товаров на Камчатку, приводя в качестве отговорки, что на государственных кораблях, которые отплывают с провиантом на Камчатку, больше нет места; комендант, как утверждают все купцы, берет с них вместо установленной государством транспортной пошлины по 50 копеек за пуд несправедливую пошлину по 10 рублей за пуд таким хитрым способом, что даже самому ловкому адвокату трудно будет догадаться о его потаенных дорогах и восстановить факты.

Таким образом, если Российско-Американская компания не будет ввозить товары, а комендант Охотска будет предъявлять несправедливые требования, то купец будет вынужден искать пути, чтобы снова покрыть свой убыток или свои издержки. || Поэтому пуд муки, который в Охотске стоит 10 рублей, на Камчатке после отдачи несправедливых расходов в счет государственной пошлины стоит, по меньшей мере, 20 рублей. Честно ли, говорю я, [оставлять] Камчатку без товаров, где таким образом господствуют всеобщие сетования и недовольство, цены же отдельных товаров возрастают по произволу торговцев, так что я сам минувшей зимой вынужден был заплатить за 3 ведра водки по 550 рублей, т. е. $\frac{1}{8}$ за 25 рублей, фунт сахару по 3 рубля, фунт чаю по 10 рублей, а один из моих знакомых за фунт чаю даже 21,5 рубля и что к тому

же еще надо радоваться, если можно удовлетворить свою нужду за эти неслыханные цены.

Прежде всего, следовательно, надо было бы доставить облегчение торговцу и попытаться защитить его от незаконных пошлин. Ввоз провианта, необходимых товаров в Охотск и Камчатку должен быть разрешен каждому торговцу, как иностранцам, так и своим подданным, кроме того, государство должно было бы назначить особую премию или награду, либо денежную, либо в виде знака отличия, тому купцу или той компании, которые ввозили бы на Камчатку большую часть предметов необходимости за наименьшие цены.

л. 31 Чтобы каждый был бы в состоянии лучше судить о предметах необходимости на Камчатке и о тамошних ценах, я привожу здесь перечень товаров и предметов необходимости наряду с ценами и количеством потребления почти за год каждого товара, о ввозе которых просила в прошлом году [1806] обособившаяся на Камчатке комиссия; причем нужно еще только добавить, что указанные здесь цены не являются обычными и господствующими, но что только что упомянутая комиссия желала бы получить различные товары за || приведенные здесь цены и требует, чтобы ей дали возможность заплатить за них по этим ценам.

Далее следует отметить, что при следующем списке был сделан расчет на пребывание на Камчатке военных и что большое количество различных товаров станет ненужным при весьма желательном их удалении.

Перечень необходимых предметов и количество потребления почти за год различных товаров, которые Камчатка желает получить за приведенные цены:

	Руб.	[Всего] руб.
150 ящиков черного чая	300	45 000
600 пудов белого сахара	90	54 000
30 пудов леденцов	80	2 400
600 пудов масла	36	21 600
10 ведер конопляного масла (вед- ро)	14	140
500 пудов пшеничной муки	13	6 500
150 пудов гречихи или крупы	14	2 100
200 пудов сухарей (булка)	40	8 000
50 пудов пряников (пряников)	40	2 000
250 пудов солонины	10	2 500
100 пудов сала	15	1 500
15 пудов перца	90	1 350
1100 ведер фруктовой водки	88	96 800
130 мер (штоф) сладкой водки	12	1 560
50 ведер красного вина	56	2 800
50 ведер белого вина	56	2 800
35 пудов различных сушеных фруктов	50	1 750
5 пудов кофе	100	500
30 пудов кедровых орехов (орех)	40	1 200
		<hr/>
		254 500
25 пудов хмеля	}	цена неизвестна
30 пудов солода		
90 пудов гороха		
Горчицу		

Различную посуду, тарелки, чашки, самовары, ножи, вилки, серебряные ложки, короче говоря, кухонную и столовую посуду всех видов:

		Транспорт	254 500
л. 31 об,	25 пудов меди в котлах	60	1 500
	15 пудов того же в чайниках (самовар)	80	1 200
	20 пудов олова	80	1 600
	300 пудов мыла	35	10 500
	800 пудов нюхательного табака	45	36 000
	300 пудов нитей для сетей	45	13 600
	15 пудов слюды в больших кусках	160	2 400
	150 пудов сальных свечей	40	6 000
	50 пудов красных восковых свечей (в церкви)	90	4 500
	15 пудов белых тех же	100	1 500
	100 (штук) железных сковородок для жаренья	1,20 коп.	120
	100 (штук) кос для сена	2,50 коп.	250
	500 таких же топоров различной величины	2	1 000
	100 таких же ножей с Енисея	80 коп.	80
	50 таких же (штук) кос, чтобы косить рожь	1,50	75
	20 пудов муки	70	1 400
	5000 штук деревянных ложек, сотня по лакированным китайских чаш или чашек	12 коп.	60
	1000 лакированных китайских чаш или чашек	1	1 000
	300 висячих замков (цена устанавливается от сорта)		
	20 ружейных стволов	30	600
	50 ружейных замков	3	150
	80 казанских подошвенных кож	15	1 200
	100 штук (китайск) жатых и нежатых большого сорта	60	6 000
	80 таких же нежатых малого сорта	46	3 680
	70 таких же шанхайских	48	3 360
	80 таких же голубой китайской дабы	4,5	3 600
	150 » » из Пекина	8,5	1 275
	60 » » (слово неразборчиво — Б. К., Т. Ш.)	6,25	375
	250 » » цветной шелковой (фанызы)	9,5	23 875
	100 штук гладких	40	4 000
	10 000 аршин полотна	45 коп.	4 500
	100 горшков бальзама	12	1 200

Транспорт 391 000

1000 аршин тонкого полотна	85 коп.	850
25 штук голландского полотна	130	3 230

Чулки

20 дюжин шерстяных для мужчин	45	900
15 » для женщин	35	525
250 пар нитяных для мужчин	2,5	625
1000 пар таких же с реки Лены	1	1 000
250 аршин вельвета, плюша	2,5	625
350 аршин байки, фриз (байка)	2,5	875
300 аршин различных голландских простыней	11	3 300
500 штук казанских кож	6	3 000
100 таких же юфти	32	1 600
400 шелковых галстуков	2,5	1 000
500 бумажных таких же	5	2 500
50 мотков шелковых нитей		
1 миллион ниток грубых, тонких, белых, голубых и т. д.	90 коп.	900
100 пар сапог	7	700
100 голландской бумаги	30	3 000
5 пудов сургуча	Цена неизвестна	
300 аршин тика (тику и дрэлу)	1,5	450

[Всего] 417 300

К этим товарам я должен отнести еще те, которые я считаю наиболее необходимыми и которые можно продать с большой прибылью. Соль, табачные листья и порох, до тех пор пока их не научатся приобретать на другой лад.

Пули и дроби.

Железные и стальные орудия разных видов, особенно для земледелия и для ремесленников, между прочим, плуги, мотыги и лопаты, большие пилы для зарубок, напильники, буравы, гвозди разных видов и т. д., рубанки.

Кроме того, прочную железную проволоку от 1 до 1,5 линий толщиной для цепей и железной упряжи для саней и собак.

л. 32 об. || Железные уже готовые цепи для собак от 4 до 5 футов длиной, чтобы сажать на них собак.

Огниво и кремни. Камчадал иногда платит с удовольствием $1\frac{1}{2}$ рубля за один-единственный кремень; обычная цена его когда-то была за один кремень 10 копеек, сейчас же охотники остались без кремней.

Некоторое количество табакерок.

Черный флер для противомоскитных сетей, чтобы удерживать москитов и для защиты глаз при сильном слепящем солнце. Из-за отсутствия их (а также вследствие) небрежения к ввозу подобных мелочей большинство камчадалов страдает воспалением глаз и слепотой.

Фланель и другие теплые шерстяные материи.

Вместо уже готовых свечей я предпочел бы дать совет, чтобы ввозили сало и машины [для выделки] свечей вместе с принадлежностями.

Синий купорос, квасцы и аммиачные соли, которые известны как единственные средства, особенно при таком частом, привычном для камчадалов воспалении глаз. Они их употребляют как домашние лекарства. Наконец, я должен к этим недостаткам с полным правом отнести отсутствие таких людей, которые бы принесли себя в жертву на алтарь любви к отечеству и для блага страждущего человечества, даже если это будет всего на несколько лет. С этой точки зрения следует пожелать, чтобы... правительство с отеческой заботливостью таких людей, необходимых на Камчатке, к такого рода жертве поощрили и по заслугам платили бы жалованье и награждали.

К таким желательным и, да будет мне позволено сказать, чрезвычайно нужным на Камчатке людям я отношу:

л. 33 || Человека, который с научной точки зрения изучает сельское хозяйство и сделал это своим основным занятием.

Человека, который обладал бы хорошим знанием солеварного производства и того, что для этого производства требуется. Следовательно, устройство градирен, сковородок, [применение которых] приносило бы большую прибыль, кристаллизацию, сушку и т. д.

Искусного гончара, который знает все дело гончарного искусства и, следовательно, был бы в состоянии мелкую белую глинистую землю превратить в фаянс.

Врача и хирурга, известного своим человеколюбием, чье усердие, знания и характер были бы общепризнанны.

Аптекаря, который обладает хорошими знаниями в ботанике и химии, благодаря чему он смог бы подробнее исследовать естественные продукты и обработать их для пользы страны.

Так, например, прекратилось винокурение на Камчатке из ягод и особенно из так называемой сладкой травы (сладка трава) (*Heclaеum sibiricum* Lin.), которое уже давно было известно, и из-за недостатка в самых обычных экономических и химических знаниях не могут себе сделать даже уксус.

Несколько умелых плотников и столяров, кузнецов и слесарей. Одного или нескольких бондарей.

Человека, который был бы вполне сведущ в сооружении пильной мельницы и смог бы соорудить таковую на Камчатке, что является делом большой важности.

Человека, который понимает в строительстве небольших судов, управляемых веслами и парусами, и тем самым облегчит казакам и камчадалам их торговлю и сообщение по воде, и они будут подвергаться меньшей опасности. Из всех неразвитых народов камчадалы обладают самыми плохими и ненадежными каноями.

л. 33 об. Вероятно, будет выгоднее всего многие уже готовые || лодки или готовые снаряжения к ним посылать из Европы. Содержание нескольких добрых матросов, особенно в гавани Св. Петра и Павла, приносило бы огромную пользу.

Впоследствии я даже отважился бы содержать маленькое, надежное и ходкое судно вместимостью от 15 до 20 тонн, только для употребления на Камчатке, чтобы, например, иметь возможность безопасно посетить остров Беринга, близкие Алеутские острова и особенно южные Курильские острова и привезти оттуда нужные и полезные для Камчатки товары.

Я не могу удержаться и не дать здесь только указание на Уруп (Игир)¹³; многие дельные русские, среди них (Василий Иванович Шелихов), брат того известного Шелихова, и другие, которые 6—8 лет жили на этом острове, утверждают, что там хорошая гавань, жизненные средства в изобилии, а климат такой мягкий, что возделывание хлеба там будет давать, без всякого сомнения, ежегодно богатую прибыль.

После того как я в предшествовавшем показал вред военных, природные богатства и нынешние нужды Камчатки, то я думаю, принимая во внимание сказанное, что я показал средства и вспомогательные источники, с помощью которых этот полуостров в несколько лет восстановится...

л. 34 Может быть, среди людей, сосланных в Сибирь, найдутся такие, которые склонятся к осуществлению предложенных целей и со времени наказания исправились и отличались до сих пор хорошим поведением. При поддержке и особенной милости можно было бы облегчить их собственную судьбу || и помочь угнетенному состоянию Камчатки.

Вместо траты больших и совершенно излишних сумм для содержания жестоких, невежественных, безнравственных и выходящих из всех пределов своей ленью и нерадивостью людей, тех же солдат, которых по праву называют кровопийцами страны, были бы таким образом с небольшими затратами для казны перемещены на Камчатку такие нужные люди, которые благодаря своей профессии, знаниям и деятельности принесли бы огромную пользу стране и жителям, а казне — прибыль и честь.

Без сомнения также, что как нужных людей, так и необходимое для нужд [населения] легче, надежнее, дешевле и выгоднее доставить из Европы на Камчатку водой, чем

сушей. Легче, так как даже такие многочисленные караваны из Якутска в Охотск не могут так много доставить сюда на своих лошадях, как одно-единственное хорошее судно; к тому же якуты, так же как и камчадалы, мало-помалу изнуряются транспортировкой казенных товаров, таких, как железо, якоря, якорные канаты, пушки и амуниция, и ежегодной потерей многих тысяч лошадей во время такого трудного путешествия к Охотску. С помощью водных путей сообщения с якутов был бы снят подвоз всех тяжелых товаров и им осталась бы транспортировка только таких легких товаров, которые не могли бы быть доставлены сюда так дешево и выгодно, например: чай, л. 34 об. нанка, фанза, даба, одним словом, все товары из Кяхты, || даже русские продукты, такие, как тик, камчатка, масло, сало, пряники, кедровые орехи, табак, слюда, церковные восковые свечи, нарезные винтовки (винтовка), кожа для подошв, казанская кожа, юфть и т. д.

Надежнее является водная связь большого океана, так как товары часто приходят поврежденными и испорченными в Охотск и риск морской поездки на плохих судах и под командой невежественных или нерадивых рулевых гораздо более велик, чем на хорошем судне с умным и опытным предводителем из Европы водой. Как доказательство я могу привести, что за два года казенные суда «Кадиай» и «Охотск» потерпели крушение и «Орел» и «Никола» сели на мель и что Российско-Американская компания за последние 7 лет потеряла 7—8 судов в этих и американских водах и что, наконец, транспортировка из Европы водой является более дешевой и выгодной, следует из самой природы вещей и из опыта, и одновременно это является самой большой и лучшей школой для создания прекрасных моряков для государства и (одно слово неразборчиво.— Б. К., Т. III.) торговлю постепенно свести на нет.

Здесь я должен вставить только одно слово, а именно что казна выиграла бы много сотен тысяч, даже, может быть, миллион рублей, если бы она окончательно оставила морские суда в Охотске и суда, необходимые в камчатских водах, перевозила бы из Европы. Я хотел бы, во всяком случае, взять на себя обязанность лучшее судно вместимостью более 200 тонн, которое в Охотске стоит по меньшей мере от 60 000 до 70 000 рублей, доставить туда за 15[000]—20 000 [руб.].

До сих пор я говорил только о современном положении л. 35 Камчатки и возможности улучшения || по современным обстоятельствам, таким, какие я наблюдал с 1804 г. Когда я хотел сказать о выгодах страны, климата и возможности того, как много можно было бы сделать с помощью трудолюбия, сельского хозяйства и применения природного изобилия, то я думал, что я, создав такое представление, выполню поставленную перед собой цель. Я должен был говорить о поощрении и трудолюбии в области земледелия, должен был сравнивать, почему фунт табаку продавали по два и по три рубля, а иногда и больше, в то время как его могли культивировать на Камчатке. Я должен был так долго приготавливать картофельный хлеб, пока не получил от новых колонистов, которых должны были доставить на Уруп, хлеб, предназначенный для всей Камчатки. Я должен был, далее, разъяснять планы китоловства, вывоза глины, вяленой, сушеной и соленой рыбы, а именно лосося, лабердана, трески, сельди и копченой семги, и, может

быть, сделался бы смешным из-за слишком поспешного исследования.

Поэтому я не буду более злоупотреблять терпением моих благосклонных читателей, но только коротко повторю сказанное, чтобы еще раз напомнить, что когда камчадал будет свободен от гнета военных и ежедневных повинностей, если ему давать в руки средства удовлетворять свои нужды более легким способом, если ему должным образом помогут своими знаниями полезные люди и организуют подвоз нужных ему товаров, то он не будет, как это имеет место сейчас, годами оторван л. 35 об. из-за повинностей от своей семьи. || И за несколько лет будет заметна выгода, установленная при таких улучшенных обстоятельствах; и при хорошем руководстве камчадал сам будет ревностно заниматься земледелием, скотоводством, судоходством и добыванием природных богатств своей страны...

Люди с более проницательным и острым взглядом могли бы, вероятно, дополнить недостатки моего очерка и поправить меня во многих частях. Таким образом, пусть будет принята во внимание хотя бы моя добрая воля в этом деле!

В мое намерение не входило ни в коем случае обвинение кого-либо одного; но оно было направлено на благо многих тысяч; и я почитал бы себя счастливым, если бы мог внести хотя бы малую долю ко всеобщему благу. Сказанное исходило бы от чистого сердца; и у меня нет причины говорить по-другому, чем я думаю, вопреки убеждению, или утаить истину, которая имеет целью улучшение целого. Я предоставляю, таким образом, более проницательным людям продолжить рассуждение о состоянии, беспорядке и улучшении Камчатки и заканчиваю с вторичным повторением, что, по моему полнейшему убеждению, удаление военных на Камчатке является самым большим шагом для восстановления благосостояния этого полуострова и для самого государства. Это составляет громадный убыток л. 36 и || неудовольствие из-за расточительных расходов и страдания тамошних местных жителей и что требуется только сердечный и умный человек, который найдет в счастье вверенных ему подданных собственное счастье и который в состоянии с помощью снисхождения и человеколюбия поддерживать гармонию и дружбу...

Иркутск, 25 окт. 1807
Г. Лангсдорф

*АВПР, ф. Главный архив, 1—7, 1802, д. 1, п. 44, л. 17—36.
Подлинник на нем. яз.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. [25].

² Здесь имеется в виду прибытие на Камчатку роты солдат, которая находилась в подчинении генерал-майора Сомова. Рота была направлена по распоряжению иркутских властей в 1798—1799 гг. Эпидемия 1799—1800 гг. распространилась сразу же после прибытия роты иркутских солдат («сомовское поветрие»). См. [21, № 7, 645—646]. И. Ф. Крузенштерн писал об эпидемии следующее: «Камчадалы подверглись в 1800 и 1801 гг. повальной болезни и все почти вымерли». См. [11, ч. II, 249].

³ Ганалы — селение на пути из Большерецка к Верхнекамчатскому острогу. Ганал — имя тойона-ительмена, жившего в этом селении в начале XVIII в. См. [10, 117—118].

⁴ Так в источнике, нужно: 138 собак.

⁵ Толбачик и Шапина — правые притоки р. Камчатки.

⁶ *Anas cygnus Linnaei* (лебеди)

Anas segetum Lin. (гуменник)
Anas ilangula Lin. (гоголь)
Anas dispar Lin. (стеллерова, или сибирская, гага)
Anas hyemalis S: *gracialis* Lin. (морянка)
Anas Boschasi Lin. (кряква)
Colymbus Septentrionalis Lin. (краснозобая гагара)
Colymbus Troile (кайра)
Pelecanus Graculus (баклан)
Alca Arctica (ипатка)
Alca Cirrhata (топорки)
Larus argentatus (чайка серебристая)
Alcaegae Species huius generis (чистиковые)
Tetrao Lagopus (куропатка белая)
Tetrao Tetrix (тетерев)

⁷ Идея переселения алеутов на запад была впоследствии осуществлена. Однако они были вывезены не на Камчатку, а на необитаемые Командорские острова. Это произошло в 1826 г. См. [18, 986—987]. Осуществление этой идеи принесло исключительно большую пользу для развития экономики островов. См. [22; 2, 420—466; 12]. Среди новейших работ о дальнейшей судьбе переселенных алеутов см. [19, 3—10; 17, 3—41].

⁸ Здесь идет речь об илимских крестьянах, которые еще в 1732 г. были по настоянию Витуса Беринга отправлены на Камчатку. Из Охотска они были перевезены в 1740 и в 1741 гг. Часть из них успешно занялась земледелием у р. Мильковой. С 1758 г. к ним были присоединены и другие крестьяне. См. [21, № 5, 81; 3, 78—80].

⁹ К'емчига (*Laytonia tuberosa* Pall) — растение из семейства портулаковых. Имеет съедобный шаровидный клубень размером 1—2 см в поперечнике. См. [5, 74—75]. Сведения о способах сбора кемчиги см. [23, 352—353].

¹⁰ Воронья глаза (яд) — так называемая челебуха. См. [21, № 7, 127].

¹¹ Градирня — здесь устройство для получения соли путем испарения.

¹² Купцу Выходцеву был отдан подряд начальником Камчатки Петровским. См. [21, № 7, 66]. Выходцев отличался большой недобросовестностью, за что был привлечен к ответственности начальником Камчатки П. И. Кошелевым. См. [21, № 7, 60].

¹³ Один из самых южных Курильских островов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропова В. В. Старинные камчадалские сани, — сб., МАЭ, т. X, Л., 1949.
2. Арсеньев В. К. Командорские острова, — «Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока», Владивосток, 1923.
3. Булычев И. Д. Об опытах земледелия в Камчатке, — ВИРГО, ч. 8, 1853.
4. [Давыдов Г. И.] Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним, СПб., 1810, ч. I—II.
5. Комаров В. Л. Флора полуострова Камчатка, т. II, Л., 1929.
6. Комиссаров Б. Н. Бразильская фауна первой трети XIX века в дневниках Г. И. Лангсдорфа и на картах Н. Г. Рубцова, — «Вестник ЛГУ», 1969, № 8.
7. Комиссаров Б. Н. Академик Г. И. Лангсдорф и его экспедиция в Бразилию в 1821—1829 гг., — «Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821—1829 годах. Научное описание», Л., 1973.
8. Комиссаров Б. Н. Академик Г. И. Лангсдорф (К 200-летию со дня рождения), — ИВГО, т. 106, 1974, № 2.
9. Комиссаров Б. Н. Незвестный труд Г. И. Лангсдорфа по географии Мато-Гросо, — «Латинская Америка», 1974, № 3.
10. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, М.—Л., 1949.
11. Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 гг. на корабле «Надежде» и «Неве», ч. I—II, СПб., 1809—1810.
12. Кулагин К. Алеуты, — «Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1927, № 6—7.
13. [Лангсдорф Г. И.] Перечень письма Г-на Д. Лангсдорфа к Г-ну Академику Крафту с острова Св. Екатерины от 24 Января 1804, — «Технологический журнал», т. I, 1804, ч. 3.
14. [Лангсдорф Г. И.] Выписка из письма Г. Лангсдорфа к академику Крафту о Камчатке, — «Технологический журнал», т. II, 1805, ч. 2.
15. [Лангсдорф Г. И.] Описание узоров, наводимых жителями острова Вашингтона на их теле. Сообщ. Адъютантом Лангсдорфом, — «Технологический журнал», т. VII, 1810, ч. 2.
16. Липшиц Б. А. Этнографические исследования в русских кругосветных экспедициях первой половины XIX в., — сб. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», ТИЭ, н. сер., т. 20, вып. II, М., 1956.

17. Мухачев Б. И. Октябрь на Командорах,—сб. «Возрождение народности», Владивосток, 1966.
18. «Народы Сибири», под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова, М.—Л., 1956.
19. Орлова Е. П. У алеутов на Командорских островах,—ИСО АН СССР, 1962, № 8.
20. [Резанов Н. П.] Первое путешествие россиян около света, описанное Н. Резановым, чрезвычайным посланником ко двору японскому, и проч.,—«Отечественные записки», 1822, ч. 12, № 31.
21. Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке,—«Морской сборник», 1869, № 5, 7.
22. Суворов Е. К. Командорские острова и пушной промысел на них, СПб., 1912.
23. Тюшов В. Н. По Западному берегу Камчатки,—«ЗИРГО по общей географии», т. XXXVII, СПб., 1906, № 2.
24. Damm H. Zur Völkerkunde der von Langsdorff besuchten Gebiete,—H. v. Langsdorff, Eine Reise um die Welt, Leipzig, 1951.
25. King J. A. Voyage to the Pacific Ocean, Undertaken by the Command of his Majesty for Making Discoveries in the Northern Hemisphere, Performed under the Direction of Captains Cook, Clerk and Gore in His Majesty's Ships the Resolution and Discovery in Years 1776, 1777, 1778, 1779 and 1780., 2nd ed., т. II, London, 1785.
26. [Langsdorff G.]. Observações sobre o melhoramento dos hospitaes em geral dedicadas ao illustrissimo e excellentissimo senhor Luiz Pinto de Sousa Coutinho por Jorge Henrique Langsdorff... Medico do Hospital da Nação Allema em Lisboa etc..., Lisboa, 1800.
27. [Langsdorff G.] Reisenachrichten von Hrn. D. Langsdorff von Santa Cruz auf Tenerife, den 25 Oct. 1803,—«Magazin für den neuesten Zustand der Naturkunde», т. 9, 1805.
28. [Langsdorff G.] Fernere Reisenachrichten von Hrn. D. Langsdorff von der Insel St. Catharina an der Küste von Brasilien, den 15 Januar 1804,—«Magazin für den neuesten Zustand der Naturkunde», т. 9, 1805.
29. [Langsdorff G.] Fernere Reisenachrichten von Hrn. D. Langsdorff an J. F. Blumenbach aus dem Petropaulowschen Hafen auf Kamtschatka den 23 Aug. 1804.—«Magazin für den neuesten Zustand der Naturkunde», т. 10, 1805.
30. [Langsdorff G.] Fernere Reisenachrichten vom Herrn D. Langsdorff. Aus einem Briefe vom 7. Juni 1805 bis Peter-Paulshafen an Herrn Hofrat Blumenbach,—«Magazin für den neuesten Zustand der Naturkunde», т. 11, 1806.
31. Langsdorff G. Einige Bemerkungen, die Eigenschaften kamtschadalischen Fliegenschwammes betreffend,—«Annalen der wetterraüischen Gesellschaft für die gesammte Naturkunde», т. I, 1809.
32. Langsdorff G. Remarques sur le Kamtschatka et sur ses productions naturelles,—«Mémoires de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou», т. III, 1812.
33. Langsdorff G. H. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803—1807, т. I—II, Frankfurt-am-Main, 1812.
34. Langsdorff G. H. Vorwort,—ero же, Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803—1807, т. I, Frankfurt-am-Main, 1812.
35. Langsdorff L. Geschichte der Familie Langsdorff, т. I, Hamburg a. S. 1928.
36. Plischke H. Johann Friedrich Blumenbachs Einfluß auf die Entdeckungsreisen seiner Zeit, Göttingen, 1937.
37. Ratzel F. Georg Heinrich Freiher von Langsdorf,—«Allgemeine Deutsche Biographie», т. 17, Leipzig, 1886.

С. В. Иванов

ДРЕВНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НАРОДОВ СИБИРИ О СЛОВЕ, МЫСЛИ И ОБРАЗЕ

Донаучные представления различных народов, в частности народов Севера, о природе слова, мысли и образа, возможно связанные в прошлом с аниматическими взглядами на природу¹, продолжают оставаться недостаточно изученными.

В настоящее время в связи с возрастающим интересом к изучению ранних форм общественного сознания эти представления привлекают к себе внимание не только этнографов и религиоведов, но и философов, нередко пользующихся при этом этнографическими источниками, в частности трудами этнографов-сибиреведов [см.: 6, 8; 13; 14; 16; 18; 19]. И это не случайно, так как некоторые народы советского Севера еще несколько десятилетий тому назад стойко сохраняли весьма древние представления о человеке, давно утраченные другими народами.

По поводу природы этих взглядов и представлений в среде этнографов существуют различные мнения. Одни и те же представления рассматриваются ими в одних случаях как магические, в других как анимистические, аниматические и даже как наивно-реалистические.

В настоящей статье анализируются малоизвестные представления чукчей и долган о слове, мысли и образе. Для современного цивилизованного человека они могут показаться совершенно неожиданными и фантастическими. Между тем в ряде случаев эти представления определяли поведение людей на промысле и в общественной жизни; это говорит о том, что люди придавали им важное значение и руководствовались ими в своих повседневных делах.

Взгляды чукчей на значение произносимых человеком слов и порождаемых ими явлений, происходящих в природе, впервые отмечены в конце XIX — начале XX в. В. Г. Богоразом. Соответствующий материал был опубликован в его работе, посвященной религии чукчей [2, 21]. Речь идет об импровизированных монологах, названных В. Г. Богоразом заклинаниями (incantations) и включенных им в главу «Магия». Однако более пристальное изучение вопроса приводит к заключению об ошибочности отнесения их к категории заклинаний.

Практика произнесения чукчами тех или иных монологов имела в прошлом довольно широкое распространение и была тесно связана как с их производственной деятельностью (оленоводством и морским

---

¹ Согласно этим взглядам, все окружающее человека, в том числе неживая природа, а также предметы, созданные им самим, представляются живыми и уподобляются живым существам. Такими же живыми считаются мысли, слова и образы.

зверобойным промыслом), так и с другими сферами жизни. Известны, например, случаи, когда люди, ехавшие на оленях, прибегали к монологам с целью сократить свой путь. Голодный человек, евший с кем-либо из одного блюда, старался соответствующими словами «сделать» движения своего товарища более медленными, чем свои. Аналогичным образом женщины, обращаясь к сухожилльным ниткам, просили их стать более прочными. Много своеобразных монологов относилось к сферам любви, рождения и смерти, лечения болезней, к людям, находившимся на значительном от говорящего расстоянии. «Направляли» свои слова чукчи к животным, к звездам, предметам хозяйства и домашнего обихода и даже к умершим.

Монологи («слова») можно было, по мнению чукчей, получать в наследство от родителей, передавать другому, получать во сне от разных духов, «покупать» у знающих, опытных в этих делах людей. Произносить их мог кто угодно (мужчина и женщина, простой человек и шаман), но только шепотом, так как их не должны были слышать не только посторонние, но даже лежавшие поблизости камни. В противном случае «владелец» слов лишался их и они переходили к услышавшему [2, 146—147].

Даже из этих немногих фактов следует, что монологи буквально пронизывали повседневную жизнь чукчей, придававших им большое значение². Чукчи прибегали к ним, будучи уверенными, что произнесенные ими слова утрачивают свою звуковую природу, превращаются в видимые образы и в этой форме воздействуют на окружающее (причем предполагалось, что видны они только тем, на кого были «направлены»).

Так, желая обеспечить себе успех во время охоты на моржей, чукча произносил: «О моржи! Я кладу ваши уши на широкую железную сковородку, чтобы вы не могли слышать шуршащего звука подъезжающей байдары». После этих слов, думали чукчи, охотники могли открыто подъехать к стаду моржей и всех их перебить [2, текст № 3, 166].

Особенно искусными в произнесении различного рода монологов считались у чукчей женщины. Находясь дома, они пользовались ими, чтобы привлечь зверей к берегу или сделать невидимым для них охотника [2, 147, 148].

Другой пример. «Чтобы защитить мое стадо от волков,— говорил чукча,— я окружаю его длинным ремнем. Я протягиваю его в воздухе. На ремень я навешиваю много всякой одежды. От ветра она раскачивается во все стороны и отпугивает волков. Поэтому они не могут подойти к стаду» [2, текст № 7, 168]. В этом случае слова якобы «превращались» в видимые волками предметы одежды.

В монологе против прихода келет (злых кровожадных духов, опасных, по мнению чукчей, для человека) говорится следующее: «Я превращаю жилище людей в закрытый железный шар. Он не имеет ни двери, ни окон. У него есть только маленькое дымовое отверстие сверху. Я укрепляю вокруг этого отверстия острое лезвие (круглого) ножа. Ни один келе не может пройти сквозь это отверстие» [2, текст № 5б, 167]. И здесь слова, произнесенные человеком, якобы превращались в некие предметы, реальные в данном случае для духов.

Вариантами такого монолога являются и три следующих: «Если

---

² В работе В. Г. Богораза о религии чукчей приведено несколько десятков монологов, но особый интерес представляют для нас тексты под №№ 5, 6, 7, 8 т.д, ж, 116, 12 и некоторые другие. Ссылки на них даются по русскому переводу этой работы [см. 2].

я боюсь нападения келет, когда я сплю одиноко, я говорю: я делаю себя маленьким камнем. Я вхожу в камень. Он лежит на морском берегу. Разные ветры дуют на него, многие волны омывают его. Я не-вредим» [2, текст № 5г, 167]. «Если я боюсь келет, когда я один прохожу ночью, я делаю своей дорогой горло реккенг (мифическое существо — кровожадный зубастый злой дух.— С. И.). Оно очень длинное. Я пробираться внутри его, другие келет не могут найти меня» [2, текст № 5д, 168]. «Когда я боюсь спать один, то говорю, что я отрезал левую половину тела собаки и собрал в ладонь собачью кровь. Я сплю в этой крови. Кто может увидеть, где я сплю? Это все» [2, текст № 5в, 167].

В. Г. Богораз приводит еще один интересный факт. Человек, желающий оградить себя от нападений келет, пишет он, протягивает вокруг шатра ремень, тем самым «окружая» его непроходимой бурной или глубокой «рекой». Иногда вместо ремня он кладет перед входом в шатер маленький камень или кусочек льда, который «превращается» (видимо, после произнесения соответствующих слов) в высокую скалу или в ледяную гору и т. п. [2, 150].

В других случаях слова, как думали чукчи, на какое-то время «порождали» живых зверей. Об этом свидетельствует монолог против прихода келет, произнесенный одной женщиной. «Когда приходит вечер,—говорила она,—я призываю с обеих сторон входа в мой полот по одному большому медведю и говорю так: „Вы такие большие и сильные! При вашей помощи ничего дурного не может со мною случиться“. Если келет попытаются проникнуть в шатер, медведи поймают их...» [2, текст № 5а, 167].

Разумеется, чукчи не думали, что они благодаря соответствующим монологам сами делались камнем или спали в собачьей крови и т. д., но они были уверены в том, что их слова, перевоплотившись в те или иные видимые предметы, становились реальными и материальными для животных и духов.

Предполагалось, что слова, превращенные в видимые образы, помогали при лечении болезней. Когда болел желудок, чукчи говорили: «Я превращаю мой живот в морской залив. Залив замерз, весь покрыт, связан льдом. Много камней замерзло во льду залива. Эти камни и есть болезнь моего живота». Далее больной обращался к ворону и просил его своим клювом разбить лед и тем самым «сломать болезнь» [2, текст № 8ж, 170].

В отдельных случаях слова, «превращенные» в предметы, могли якобы причинять людям вред. «Если я хочу кого-нибудь лишить быстроты бега,—говорил один чукча В. Г. Богоразу,—я приношу ствол дерева из морского выкидного леса. Я держу его в зубах. У ствола много ветвей. Я кладу их поперек дороги моего соперника. Он спотыкается об них и теряет быстроту бега» [2, текст № 14, 174].

Обращает на себя внимание тот факт, что монологи произносились чукчами не только при особых обстоятельствах, имевших важное значение в их жизни, но и по любому, иногда самому незначительному поводу и независимо от обрядов или действий религиозного порядка. «Бытовое», повседневное пользование ими говорит о глубокой уверенности чукчей в особой природе, свойственной словам.

Таким образом, мы приходим к заключению, что для чукчей значение произносимых ими монологов заключалось, по-видимому, не в некоей силе самих слов, не в их звучании и не в таинственности образуемых ими словесных формул, а в приписываемой словам и фразам способности превращаться в видимые животными и фантастическими существами образы, обладающие хотя и призрачной, но все же материальной природой. Именно в силу этой воображаемой материально-

сти слова, якобы «превращенные» в живые или неживые предметы, способные действовать в нужном для человека направлении, и заняли столь важное место в общественном сознании чукчей.

Вот почему особенно опасными считались «зловредные» монологи (ujwel). «Предполагается,— пишет В. Г. Богораз,— что большинство из них имеют причудливую материальную форму... В таком виде их посылают к человеку, „обреченному на гнев“, чтобы они навлекли на него опасность и гибель». После этого слова возвращаются обратно к тому, кто их послал, и исчезают или же «просто разваливаются на месте» [2, 146].

Обращают на себя внимание и случаи, когда с той или иной практической целью чукчи прибегали не только к словам-миражам, но и к подлинным предметам, например к ремням или камням. Под воздействием слов они временно «трансформировались» в некие новые предметы — в бушующую реку, в ледяную гору и т. п.

Те же явления наблюдались и у коряков. Их обряды, по словам В. Г. Богораза, представляли собой действия, сопровождавшиеся разнообразными «заклинаниями». Причем коряки, прибегая к различным словесным формулам, полагали, что их следовало время от времени возобновлять, в противном случае слова утрачивали свое значение [2, 145].

Близкие к чукотским представления отмечены и у долган, что свидетельствует о том, что у народов Севера существовали еще не так давно сходные взгляды на природу произносимых человеком слов.

Так, по мнению долган, рассказывая былину, сказитель вызывает к жизни некие материальные образы. Это не духи, а как бы живые существа, которые действуют, движутся соответственно тексту рассказа. Они видимы животным и духам. Поэтому долганы во время весеннего прилета гусей и уток не рассказывали не только былин, но и сказок, боясь этим повредить охоте, так как, по их представлениям, «увидев» эти рассказы, испуганные птицы могли изменить направление своих полетов³.

По тем же причинам былины не рассказывали и накануне охоты на диких оленей [4, 16].

Следующий пример касается уже духов. В одном из сказаний говорится: «В старину к одному сказителю вошла русская болезнь (оспа.— С. И.) и сказала: «Укажи мне на людей, чтобы я смогла съесть их». «Ладно»,— ответил сказитель. И вот, после этого стал говорить былину, направляя ее содержание в подземный мир, и, указывая рукою, отправил оспу в ту сторону. Как стал говорить сказитель, появилась большая дорога с многочисленными жителями. Вот по ней и отправилась оспа. Через долгое время она вернулась обратно. Как увидел сказитель, оспа совершенно исхудала. Как же будет иначе, все люди были теньями. С тех пор оспа дала слово, что никогда не станет показываться людям. Так в старину знаменитый сказитель спас своих людей от болезни» [4, 15—16].

По мнению долган, сказители оказывались иногда сильнее и способнее шаманов. Так, если последние не могли узнать, какой вредный дух мучает больного, то приглашали сказителя. Шаман в это время прятался где-нибудь поблизости. Сказитель описывал борьбу злого

---

³ Эти сведения приводятся по докладам А. А. Попова об этнографической экспедиции к долганам в 1929—1930 гг., прочитанным в Институте этнографии АН СССР. Этот ученый уделял рассматриваемому нами вопросу особое внимание и ввел в научный оборот весьма ценный материал, позволяющий по-новому взглянуть на некоторые особенности мышления долган, истоки которых уходят, видимо, в весьма далекое прошлое.

духа с добрым божеством. В тот момент, когда последний в былине начинал одерживать победу, на помощь злому духу, по убеждению долган, устремлялся дух, «сидевший» в больном. Это давало возможность шаману «узнать» его и начать соответствующее камлание [4, 16].

Слова, говорили долганы, влияют и друг на друга. Поэтому действие «худых слов» может быть нейтрализовано. Для этого нужно сделать колечки из прутьев, изображающие рот человека, произнесшего такие слова, надеть колечко на палочку и держать ее над огнем, говоря: «Твои слова потерялись, твои слова не имеют силы!» При этом рот злого человека должен был покрыться язвами [11].

Долганы верили, что с помощью слова можно «изменить» и неблагоприятные результаты гадания. Если, например, перед отправлением на рыбную ловлю подброшенная кверху рукавица падала на землю тыльной стороной — это предвещало неудачу на промысле. В таком случае гадающий, откладывая ее в сторону, говорил: «Ни то, ни се», полагая, что этим изменит или уничтожит результат гадания.

У долган А. А. Поповым были открыты своеобразные представления о мысли и образе. Образу человека (животного или любого предмета), возникающему в сознании, долганы придавали огромное значение. Они мыслили его реально существующим, способным «выйти» из головы одного и «войти» в голову другого человека (или животного), как и «материализовавшееся» слово, быть видимым животным, становиться двойником или тенью животного (человека, предмета), о котором в данный момент думали.

В то же время появление в сознании образа того или иного реально существующего предмета объяснялось долганами как приход, вселение в голову тени (двойника), отделившейся от этого предмета. Этот образ мыслился живым, как и вся окружающая природа [10, 86]. «Когда я начинаю думать о своем соседе,— говорил один долганин,— это значит, что его двойник отделяется от него и входит в меня». Тот или иной образ может, по представлениям долган, витать в пространстве и вне человека и оказывать воздействие на те или иные объекты [11].

Говоря в этой связи об охоте долган, А. А. Попов пишет: «Каждый охотник, подстерегающий с ружьем на посылке диких оленей, естественно, думал, как бы добыть оленя. При этом в сознании его возникали образы убиваемых им оленей, т. е., по его представлению, вселялись в охотника... тени оленей, связанные с их материальным существом. И эти образы-тени, выходя обратно через рот охотника, могли предупредить оленей и направить их в другую сторону. Во избежание этого охотник затыкал себе рот пучком травы» [10, 88]. Таким образом, по представлениям долган, свободные, т. е. отделившиеся от реальных предметов, образы легко могут «вселиться» в человека и покинуть его. Будучи выражены словами, они приобретают зримую форму [10, 89], т. е. между словами и образами существовала, по мнению долган, глубокая внутренняя связь. Все эти весьма ценные наблюдения А. А. Попова бросают новый свет и на соответствующие представления чукчей. Они объясняют, почему чукчи (и коряки) приписывали своим словам такую силу и значение.

Близкие к чукотским и долганским представления о слове, а также об образе и мысли встречаются и у некоторых других народов. Но все они фрагментарны, разрушены исторически более поздними представлениями и удержались главным образом в фольклоре. Приведем несколько примеров.

У так называемых медных эскимосов существовал запрет на тан-

цы и песни вне дома, на открытом воздухе, так как при этом слова песни могли «разнестись» в разные стороны, а певцы — умереть [22, 184].

Намеки на существование в прошлом сходных с чукотскими представлений о словах имеются в эвенкийском фольклоре. «Эвенки верили в силу слов и одушевляли (видимо, оживляли.— С. И.) их, обращаясь к ним, как к живым существам», — пишет Г. М. Василевич [3, 341].

В сказках ненцев песня является живым существом: она летает, все видит и говорит об увиденном [9, 145].

Представления о материальном характере произносимых человеком слов отражены и в рассказе из жизни саамов: пока священник молился о благополучном разрешении от бремени, муж держал шапку около его рта, а по окончании молитвы быстро ее закрыл, чтобы слова ее не вылетели — для него эти слова были чем-то реальным [20, 312, 313].

Идея материализации слова лежит в основе ряда легенд разных народов. «Случайное слово могло вдруг получить особую силу, — рассказывала гренландская эскимоска известному исследователю эскимосов К. Расмуссену, — и то, чего особенно хотелось, сбывалось; от чего, как — никто не мог объяснить. С этих времен запомнили старики разговор между лисой и зайцем... «Мрак, мрак, мрак!» — сказала лиса. Ей-то нужен был мрак, чтобы воровать из людских складов... «День, день, день!» — сказал заяц. Ему нужен был дневной свет, чтобы отыскивать пищу. И вдруг стало так, как пожелал заяц. Его слово было сильнее. Пришел день и сменил ночь, а когда день ушел, пришла опять ночь. Так свет и мрак сменяли друг друга» [12, 180—181].

Согласно нанайскому преданию о роде Пассар, дочь правителя этого рода, однажды увидев во сне, что сошлась со стариком-шаманом, забеременела. Отец потребовал назвать имя любовника, и она рассказала о своем сне. Позвали шамана. «Ты с моей дочерью зачем жил?» — спросил правитель. Шаман ответил: «Сам не жил, только думал»⁴.

Хакасы считали обязательным рассказывать сказку до конца, не обрывая ее. Легенда гласит, что один сказитель, обычно не соблюдавший этого правила, однажды прервал сказку и отправился домой. По дороге он увидел гору и неподвижно сидевшего на ней богатыря. Богатырь держал в руках повод коня. Он был сильно обижен и спросил сказителя: «Меня почему так оставил, почему в горе оставил?» Сказитель испугался, придя домой сильно заболел и умер. С тех пор сказители боятся останавливаться на середине сказки [17, 34].

С аналогичными представлениями мы сталкиваемся и в легенде, записанной у казахов в начале XX в. «Поехал жених с шаферами к невесте. По обычаю, в эту ночь все должны были рассказывать сказки друг другу, но жених отказался. Привидения, которые увидела сестра невесты, рассердились на жениха и шли сговориться, как наказать его. Завтра, говорило первое привидение, я сделаюсь на дороге ручейком, жених напьется из него и делается насекомым. Это привидение было сказкой о насекомых. Второе решило обратиться в нож и обрезать ему пальцы, когда он возьмет его в руки. Это привидение было сказкой о холодном оружии» [1, стр. 36].

Наконец, в одной из гуцульских баек (сказок) рассказывается, как упырица (вампир) из-за байки лишилась возможности напиться крови у старика, впущенного ею в дом для ночлега. Она предупреди-

⁴ Из полевых материалов М. А. Каплан [Архив Государственного музея этнографии народов СССР (данные 1960 г.)].

ла его, чтобы он не рассказывал в доме сказок. Почуввав недоброе, старик все же начал рассказывать байку о капусте и об огородных работах. Ночью упырица не смогла приблизиться к гуцулу, так как перед ней оказалась ограда из капусты [5, 227].

Приведенные примеры, число которых можно увеличить [см. 20, 313, 314], свидетельствуют о довольно широком распространении в прошлом представлений, близких к чукотским и долганским.

Затронутая нами тема о донаучных представлениях о природе слов, мыслей и образов по своему значению выходит за пределы собственно этнографии. В равной степени она, как уже отмечалось, представляет интерес для философов, изучающих зарождение и ранние формы философской мысли.

В этой связи, в частности, заслуживают внимания некоторые представления древних греков об образе, нашедшие отражение в трудах греческих философов-материалистов — Левкиппа (конец VI — начало V в. до н. э.), Эмпедокла (V в. до н. э.) и основоположника механистического материализма Демокрита (470—380 гг. до н. э.), который развивал идеи своих предшественников.

По мнению этих философов, мир наполнен тончайшими истечениями — *εἰδῶλα* (образами) или, как их называет эпикуреец Катий Инсур, «спектрами», якобы отделяющимися от вещей, растений, животных, людей и их одежды и т. д. и попадающими в глаза видящих. Проникновение этих образов в человека вызывает в нем их видение и возбуждает те или иные мысли. Причем образы могут входить в людей не только через органы зрения, но и через поры тела. Попадая в спящих, они вызывают у них сны [7, 325, 326].

Отделяясь от предметов или живых существ, образы-спектры-истечения не являются в то же время простыми очертаниями оригиналов. Греки приписывали им способность нести с собой сходные с породившими их телами душевные движения, мысли и характер [7, 325]. В этом отношении представления древних греков очень близки описанным выше долганским, хотя и отделены от них почти двумя с половиной тысячелетиями.

Так, образы, исходящие от завистливых людей, по мнению древних греческих философов, преисполнены зловредности и сглаза, свойственных тому, от кого они исходят. «Будучи пропитаны этим, они (образы.— С. И.) остаются и пребывают с людьми, подвергшимися сглазу, вследствие чего нарушают их покой и повреждают их тело и разум», хотя сами по себе лишены и чувств, и устремленности [7, 326].

Отсюда следует, что свойства завистливого, недоброжелательного человека могут передаваться другим автоматически, независимо от воли завистников. Последние могут и не знать о том, что произошло.

Подобные представления легко могут быть истолкованы как магические, хотя в действительности они ими не являются. Марксистская философская мысль рассматривает их как наивно-материалистические.

Теория истечения, пишет В. Е. Тимошенко, «является по существу первым материалистическим учением, объясняющим непосредственный характер чувственного восприятия... Эта теория в наивно-материалистической форме обосновывает гносеологический принцип отражения». Согласно Демокриту, в процессе образования зрительного образа происходят не только истечения и от предмета и от органа зрения, но и отражения предмета в промежуточной среде, в воздухе [15, 78—79].

По представлениям долган, отражение предмета в промежуточной среде возникает в результате выхода в эту среду человеческой мысли,

превращающейся в зрительный образ. Подобные представления также являются наивно-материалистическими и совершенно правильно отнесены А. А. Поповым к числу нерелигиозных.

Нетрудно заметить, что взгляды древних греков, касающиеся мыслей и образов, в ряде случаев весьма близки к тем, которые были отмечены А. А. Поповым у долган.

Так, согласно Демокриту, если человек думает о другом человеке или о каком-либо предмете, то это значит, что образ этого человека или предмета достиг думающего и проник в него [7, 321]. Долганы, думая о каком-либо человеке, полагали, что в это время двойник последнего отделялся от него и входил в думающего.

По Демокриту, образы, отделяющиеся от животных, людей или предметов, носятся в пространстве и могут попасть в человека, вызвав у него соответствующие реакции (у спящего — сны) [7, 325]. Долганы также полагали, что тот или иной образ может витать в пространстве вне человека и оказывать воздействие на различные объекты.

Приведенные в настоящей статье этнографические и философские материалы позволяют сделать вывод о стихийно-материалистическом характере рассмотренных нами воззрений народов Сибири. Можно надеяться, что дальнейшие изыскания в этой области будут способствовать более правильному пониманию древних донаучных взглядов на природу слова, мысли и образа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баржаксин А. Зная сказки, не утайвай их,— ЗЗСОРГО, т. XXXVIII, 1916.
2. Богораз В. Г. Чукчи, II, Религия (пер. с англ.), Л., 1939.
3. Василевич Г. М. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания, М.—Л., 1966.
4. Долганский фольклор. Тексты и переводы А. А. Попова, Л., 1937.
5. Зеленин Д. К. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок.— «Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932», Л., 1934.
6. Кулебякин Е. В. Философские проблемы антропоморфизма и аниматизма, Автореф. дисс., Л., 1969.
7. Лурье С. Я. Демокрит, Л., 1970.
8. Муканов К. Анимизм — одна из религиозных форм шаманизма,— ИАН БССР, сер. общественных наук, 1969, № 1.
9. Петрова-Бытова Т. Секрет движения,— «Радуга на снегу», М., 1972.
10. Попов А. А. Пережитки древних дорелигиозных воззрений долганов на природу,— СЭ, 1959, № 2.
11. Попов А. А. Религиозные представления долган (Рукопись), АИЭАН СССР.
12. Расмуссен К. Великий санний путь, Л., 1935.
13. Спиркин А. Происхождение сознания, М., 1960.
14. Сухов А. Д. Философские проблемы происхождения религии, М., 1967.
15. Тимошенко В. Е. Материализм Демокрита, М., 1959.
16. Токарев С. А. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи,— «Охотники, собиратели, рыболовы», Л., 1972.
17. Трояков П. А. Промысловая и магическая функция сказывания сказок,— СЭ, 1969, № 2.
18. Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия, Л., 1971.
19. Шахнович М. И. Происхождение философии и атеизм, Л., 1973.
20. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936.
21. Bogoras W. The Chukchee. II. Religion,— «The Jesup North Pacific Expedition», Leiden—New York, 1907.
22. Jenness D. The life of the Copper Eskimo, Ottawa, 1923.

Е. П. Орлова

ВЕРОВАНИЯ КАМЧАДАЛОВ-ИТЕЛЬМЕНОВ

(Материалы)

Первые сведения о камчадалах, их облике, образе жизни собрал открывший Камчатку «казачий сын» Владимир Атласов, совершивший туда два похода (1697—1699 и 1707). Его «скаска» содержат много ценных, ранее неизвестных данных об этом крае, в первую очередь географических. Однако цели и характер походов В. Атласова не позволяли ему долго задерживаться на одном месте и специально изучать быт, культуру и верования вновь открытого народа. Видимо, поэтому у него сложилось впечатление, что у камчадалов «веры никакой нет, только одне шаманы». При этом Атласов отмечал, что «у тех шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги» [6, 14].

Материалы исключительной научной ценности о камчадалах были доставлены С. П. Крашенинниковым, проводившим на Камчатке пять лет (1737—1741) в составе второй экспедиции, созданной по указу Академии наук в 1733 г., и Г. В. Стеллером, находившимся на полуострове в одно время с С. П. Крашенинниковым (1740, 1742—1744). Эти исследователи собрали огромное количество важнейших сведений о культуре и быте камчадалов, в том числе и об их верованиях.

Для историков Сибири, этнографов, специалистов-религиоведов эти материалы представляют несомненный интерес, так как они свидетельствуют об очень глубоких анимистических корнях верований камчадалов и о значительной их стойкости, несмотря на многочисленные влияния как со стороны соседних народов, так и главным образом со стороны русского населения Камчатки, наконец, несмотря на христианизацию. Поэтому представляется полезным сопоставить данные С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера, относящиеся к 30—40-м годам XVIII в., с материалами, собранными исследователем К. Дитмаром в 1851—1855 гг., и с нашими собственными наблюдениями в 20—60-х годах XX в. (поездки 1926, 1927, 1934, 1958, 1961 и 1962 гг.). Это тем более нужно, что материалы авторов XVIII—XIX вв., трактующие указанную тему, мало известны¹, наши же данные вообще не публиковались.

Формально ительмены приняли христианство еще в 40-х годах XVIII в., и обрядовая сторона православия, привнесенная в их среду казачеством, прижилась и пустила довольно глубокие корни. Фактиче-

---

¹ Исключение составляет работа И. И. Огрызко «Дохристианские верования камчадалов», построенная только на материалах С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера и изданная в 1971 г. [7]. Отметим, что мы старались не касаться фактов, приведенных И. И. Огрызко.

ски же их религией оставался примитивный анимизм с неизменными его спутниками — культом антропоморфных «хозяев» природы, животных, разного рода духов; характерным для верований был и тотемизм — признание животного (в данном случае ворона — Кутха) прародителем людей, а также фетишизм.

Наша статья призвана показать это на фактах, относящихся к трем столетиям. Мы рассмотрим материалы, касающиеся преимущественно основных божеств камчадалов и некоторых наиболее распространенных примет и запретов.

Отметим сразу же, что для нас этнонимы «камчадал» и «ительмен» являются в равной мере самоназваниями этого народа, но русифицированными по форме (оригинальное произношение *чамзанлян*, т. е. «люди земли», *инценмен* — «рыбные люди», т. е. рыболовы²). И анализируемые нами верования относятся к глубинному, автохтонному, дорусскому камчадальскому (=ительменскому) пласту. Случаи же как возможных, так и очевидных заимствований или ассимиляций мы оговариваем. Правда, эти оговорки имеют значение для понимания древней религии собственно камчадалов, тогда как для религиоведения в целом они не обязательны, ибо в любом случае — будь то сугубая автохтонность или ассимиляция — речь идет о народах, находившихся на одном уровне социально-экономического развития, имевших один тип мышления, выразившийся в типологически едином комплексе воззрений на бытие.

«Главное основание веры их (камчадалов. — Е. О.) утверждается на древних преданиях, которые наблюдают они паче закону, не приемля никаких доказательств в опровержение», — писал С. П. Крашенинников [5, т. II, 77]. С. П. Крашенинников и Г. В. Стеллер отмечали многобожие камчадалов [5, т. II, 73]. Бога вообще они называли Дустехтич. В честь его ставили на ровных местах столб, обвязанный *тónишичем* (осокой). Проходя мимо такого столба, камчадалы всегда бросали кусочки пищи в жертву, около этого места никогда не собирали ягод и не убивали ни зверя, ни птицы.

«Свет-мир» камчадалы считали вечным, души — бессмертными. По их представлениям, после смерти «все твари до малейшей мухи восстанут» и будут жить под землей в полном довольстве [5, т. II, 77]. Люди там будут так же трудиться, как и на земле, но «на том свете» их ждет более спокойная жизнь, потому что «там меньше бурь, дождей и снегу и во всем такое изобилие, каково было на Камчатке во времена Кутховы: ибо они думают, что свет от времени до времени становится хуже и все против прежнего умалывается» [5, т. II, 79].

Кутх — бог-создатель камчадальского народа, первопредок, прародитель [5, т. II, 71]. В разных районах его называли по-разному: Кут, Кутха, Кутху, Кук, Кукх; Кутх — чаще всего встречающийся вариант, которого мы и придерживаемся, оставляя при цитировании старых авторов их написание. Сложнее обстоит дело с членами семьи Кутха. Жену его, по сообщению С. П. Крашенинникова, звали Илькхум [5, т. II, 71], на западном побережье — Миты, в долине р. Камчатки (селение Машура) — Какх [4, 353].

У С. П. Крашенинникова первый сын Кутху — Сымскалин, дочь — Сидуку [5, т. II, 71—72], в долине р. Камчатки — соответственно

² Это подробно рассмотрено в нашей диссертации, оппонентами по которой выступали акад. Л. С. Берг и член-корр. АН Д. К. Зеленин [см. 9]. В. В. Антропова переводит слово «ительмен» как «житель, живущий человек» [5а, 978]. Камчадалами называют также не только собственно аборигенов, т. е. ительменов, но и потомков русских переселенцев XVIII в.; естественно, мы не касаемся этой группы населения.

Трел-кутхан и Иш-шахельс [4, 353], на западном побережье — Эмем-кут и Сыру [8, 125, 129]³.

Все камчадалы почитали Кутха, «от которого произошел народ их» и который до этого жил на небе. По одним преданиям, «Кутху сотворил Землю из своего сына, называемого Сыгмскалин (отсюда по-камчадалски *сымт* — земля. — Е. О.)», по другим — Кутх со своей сестрой «Землю снесли с неба и утвердили на море» [5, т. II, 71]. Сразу же после сотворения Земли Кутх обосновался на Камчатке, которую постепенно заселяли его потомки. Первыми детьми Кутха на Земле были сын Тыжил-Кутх и дочь Сидуку, вступившие впоследствии в брак.

Кутх и его семейство носили платье, сшитое из листьев, питались березовой и таловой корой, потому что зверей в это время не было, а рыбу ловить они еще не научились. Кутх изобрел лодку для передвижения по воде, а Тыжил-Кутх, стремясь помочь своему народу, — способ вязать сети из крапивы и ловить рыбу. Он же сотворил зверей, назначил Пилячуча (или Билуюкаю) их пастухом и первым начал шить теплую меховую одежду — кухлянки и парки [5, т. II, 72—73].

Камчадалы из селения Машура сообщили К. Дитмару в 1853 г., что их главный бог Кукх со своей женой Какх, с сыном Трел-кутхан и дочерью Иш-шахельс живут на вершинах вулканов и используют для своих нужд их огонь [4, 353]. По сведениям же С. П. Крашенинникова, Кутх в свое время покинул Камчатку [5, т. II, 72]⁴.

Несколько иную картину заселения Камчатки описали мне в 1926—1927 гг. в селениях западного побережья этого полуострова: «Кутх вместе со своей сестрой-женой Миты прибыл на Камчатку с моря, с юго-западной стороны (в лодках, на байдарках или на батах — не знают). Остановились они сначала в устье Большой реки, где стоит теперь селение Большерецк. Прожили здесь два года, родили сына и дочь и, оставив их на месте, поехали дальше на север до устья следующей рыбной реки и т. д. Когда Камчатка была заселена, Кутх и Миты опять ушли в море на запад, а куда девались — не помнят» [9, 118]⁵.

Когда Кутх ездил на собаках по Камчатке, то образовывались горы и долины; особенно глубокие и большие долины получались там, где его собаки долго отдыхали. Радугу считали за «подзор» (вышивку) на подоле кухлянки Кутха; когда гремел гром, камчадалы думали, что это Кутх вытаскивает на берег баты (лодки) и т. п.

³ Подобные различия, а также (в еще большей мере) значительные расхождения разных наречий камчадалов (они бросаются в глаза при изучении приложенных С. П. Крашенинниковым к своей книге соответствующих параллельных словарей) дают нам основания предполагать, что камчадалы были конгломератным народом. Отдельные их группы, возможно, были занесены бурями и течениями с побережья и островов Восточной и Юго-Восточной Азии, другие — с низовьев Амура, третьи — с Курильских островов и т. д. С. П. Крашенинников отрицает возможность прихода камчадалов с севера — «вокруг Пенжинского моря» — на том основании, что у них не было представлений ни о якутах, ни о ламутах (эвенках), с которыми они неизбежно должны были бы встретиться при продвижении на Камчатку этим путем. Поскольку этногенетические сюжеты лежат за пределами данной статьи, отошлем интересующихся к специальным работам В. В. Антроповой [1], И. С. Вдовина [2], И. С. Гурвича [3].

⁴ С. П. Крашенинников использовал материалы Г. В. Стеллера и многократно ссылается на него в своем знаменитом «Описании земли Камчатки», впервые изданном в 1755 г. [5]. Рукопись Г. В. Стеллера была опубликована в 1774 г. на языке оригинала — немецком [11], а на русском сокращенный перевод опубликовал в популярном издании П. П. Сойкин [10].

⁵ Это позволяет предположить, что ительмены попали на Камчатку водным путем. Несколько сложнее обстоит дело с постоянно фигурирующими в преданиях кровосмесительными браками детей Кутха. В данном случае мы имеем дело либо с отражением порядков, существовавших у камчадалов когда-то в далеком прошлом, либо с логически необходимым элементом, без которого невозможна легенда о первопредке.

Кутха камчадалы отождествляли с вороном. Этот персонаж, очевидно, был заимствован у палеоазиатских народов, живущих к северу от них: коряков, чукчей, эскимосов. Особенно тесные связи у камчадалов с родственными чукчам коряками, часть которых уже столетия живет с ними бок о бок. Однако по мере продвижения на юг — от чукчей к камчадалам — этот образ претерпел любопытную трансформацию. Грозный бог-творец индейцев Северо-Западной Америки, эскимосов и чукчей у камчадалов превратился в жалкое, сластолюбивое существо, над которым все смеялись и издевались. Именно таким застаем мы Кутха в мифологии и сказках ительменов.

«Никого глупее не представляют, как своего Кутху, чего ради и не воздают ему никакого почтения, ничего у него не просят и ничем так, как именем его, не забавляются, рассказывая про него такие непристойности, о которых и писать гнусно, — сообщает в своей книге С. П. Крашенинников. — Между прочим, и то в порок ему ставится, что он столько гор и стремнин сделал и столько мелких быстрых рек, что столько дождей и бурь производит и беспокоит их. И для того, восходя зимой на высокие горы или спускаясь, ругают его всякою бранью. То ж делают и при других трудных обстоятельствах» [5, т. II, 73].

Г. В. Стеллер, стремясь поподробнее выяснить мирозерцание камчадалов, опросил больше 100 человек. Выяснилось, что все они ни страха, ни уважения, ни любви к творцу не испытывали и считали, что он мог бы все в мире устроить лучше. Камчадалы говорили, что бог «ни щастию, ни нещастию их не бывает причиной, но все зависит от человека» [5, т. II, 77].

Аналогичные материалы приводит и К. Дитмар. Согласно его сведениям, боги, по представлению камчадалов, живут в отрыве от людей, своей собственной жизнью. Поэтому ительмены не обращают на них никакого внимания. Более того, боги у камчадалов, сообщал К. Дитмар, служат предметом постоянных насмешек, их винят в том, что они плохо устроили землю, нагромоздив на ней неудобные для жизни горы, дали людям мало тепла и много снега, льда и ветра [см. 4, 353]. И в данном случае, по-видимому, имелся в виду в первую очередь «творец» земли Кутх.

Все это, на наш взгляд, делает оправданным предположение, согласно которому Кутх — персонаж, чуждый для ительменов, заимствованный ими из чужой мифологии. Сравнение же отношения к Кутху и Дустехтичу наводит на мысль, что образ последнего представляет собой остатки более древнего пласта верований камчадалов.

Семейство Кутха, как уже отмечалось, — не единственные персонажи ительменской мифологии. «Хозяином моря» в ней был Митг, представлявший камчадалами в виде рыбы, «хозяином подземного загробного мира» — Гаеч, землетрясения производил Туил, когда его собака Козей встряхивалась, сбрасывая с себя снег. «Пастухом» (богом) всех животных считался Пилячуч (или Билюкай), живший в облаках вместе с *камули* (о них см. ниже) и посылавший на Землю гром, молнию и дождь. Всеми богатствами земли ведал Пльхлен, эти богатства хранились его женой в мешочке «пете», подвешенном между ног.

Кроме того, согласно сообщению Г. В. Стеллера, приводимому Крашенинниковым, камчадалы признавали и «беса» (Канну), которого представляли весьма хитрым и ловким обманщиком. Жилищем его считали очень старую ольху возле Нижнекамчатского юстрога. «Камчадалы ежегодно в нее стреляют, отчего она вся стрелами изнатыкана» [5, т. II, 76]. По сведениям К. Дитмара, камчадалы верили в злого духа Сосочелка, который все время вертится среди людей, драз-

нит, мешает во всем и даже вредит им. Поэтому ему необходимо приносить жертвы и задабривать через шаманов [4, 353].

Старожил селения Хайрюзово Н. Змиев, женатый на ительменке, сообщил нам, что камчадалы верят в существование духа Фех-кнезуам, который может превращаться и в мужчину, и в женщину. Фех песнями заманивает людей в лес или к реке. Его боятся и избегают, так как увидевший его сходит с ума. По-видимому, Фех является местной аналогией русалки *Камак*, которой также приписывалось множество самых злых проделок, совершаемых ею из ненависти к человеку (о ней см. ниже).

Все «опасные» места — действующие вулканы, крутые и высокие горы, горячие источники, леса — были населены, по представлениям ительменов, злыми духами, которых они боялись больше, чем добрых. Злых горных духов называли *камули* (малые души; ср. *камулечь* — душа), лесных — *умахчу*, добрых — *кугуйгудучь*.

Леса и низкие горы воображение ительменов населяло карликами *пихлачами* (охотничий вариант гномов?), которые зимой и летом разъезжают по стране в очень маленьких санках, запряженных тетеревами, и накапливают запасы ценнейших мехов. Если поперек следа санок пихлачей положить очищенную от коры жердь, санки заедут за жердь и разобьются. Вынужденный обратиться к людям с просьбой исправить санки, карлик щедро вознаграждает за помощь мехами. Если человек, встретив пихлача, по его приглашению пойдет за ним, то обязательно погибнет. Особенно пихлачи преследуют христиан [4, 353—354]. Опасна также русалка *Камак*, заманивающая людей в воду, где она их убивает. Легенды о ней были распространены в долине р. Камчатки.

Земля, по убеждению камчадалов, была плоской и представляла собой «изнанку подземного неба». «Когда у нас бывает лето, — говорили они, — тогда у них зима (у жителей подземного мира. — *Е. О.*); а когда у них лето, то у нас зимнее время» [5, т. II, 77].

С «опасными» местами у камчадалов было связано большое число легенд. Дымящиеся горы, по сообщению С. П. Крашенинникова, ительмены считали жилищами мертвых, появление дыма они объясняли тем, что покойники топят свои юрты. Питались эти умершие, по убеждениям камчадалов, жиром китов, которых ловили в море под землей. Китовые же кости шли на топливо. Иногда эти кости, пояснял С. П. Крашенинников, можно найти на вершинах и склонах гор [5, т. I, 177].

Несколько иной вариант этой легенды связан с Опальской сопкой (у южной оконечности Камчатки). Согласно материалам Г. В. Стеллера, «камчадалы содержат помянутую гору в великом почтении и рассказывают о ней ужасные вещи, чего ради не токмо наверх ее, но и к подножию ходить опасаются: для того-де, что там много живет духов Гамулов (духи гор камули. — *Е. О.*)» [5, т. I, 69; см. также 5, т. II, 74—75]. Таким образом, по данным, собранным Крашенинниковым, внутренность вулканов — это жилище мертвых, а по материалам Стеллера, приводимым также Крашенинниковым, там живут духи; поведение же тех и других одинаково. Так, по словам ительменов юга Камчатки, на вершине Опальской горы есть озеро, около которого много китовых костей. Они думали, что камули ночью выходят из горы и ловят в море китов, мяса которых используют как пищу, а кости — вместо дров для отопления [5, т. I, 69].

У Г. В. Стеллера упоминается еще одно такое легендарное место — «Кутхины баты» (беловатые пемзовые останцы в виде столбов), расположенные «в 9 верстах от вершины Озерной реки». Камчадалы рассказывают что «Бог и Творец Камчатки Кутху жил там несколько времени, в сих каменных челноках или батах по морю и озеру ездил для

промыслу рыбы, а по выходе оттуда поставил челноки на объявленном камне, и оные... в таком почтении от них содержатся, что, близко подходить к ним опасаются» [5, т. I, 68].

Интересно сравнить приведенные материалы Г. В. Стеллера и С. П. Крашенинникова с нашими полевыми материалами (в основном середины и конца 20-х годов, а отчасти и 50—60-х годов).

Еще в 1926—1927 гг. многим сопкам «нэйнэ» и отдельным камням «вач», которые были известны всему населению, приносились жертвы, особенно в случаях неудачной охоты или промысла. При проезде около таких сопкок запрещалось смеяться и требовалось умиловить жертвой горных духов, живущих на них, т. е. бросить в их сторону кусочки пищи или немного табаку, или чаю, или тряпочку, или кусочек сахара. Среди таких мест особенно известными были сопки «Паппак» (близ селения Хайрюзово), «Бабушка» (недалеко от селения Сопочно-го), «Изменная» (расположенная в 15 км от селения Тигиль). Около таких сопкок обычно имеются старые юртовища, где в большом количестве находят неолитические каменные орудия. Этим, по-видимому, и объясняется возникновение разного рода легенд.

Жертвы (собольими и лисьими «норками»⁶) приносились огню.

Живым существом, могущим реагировать на поступки людей и даже мстить за них, представлялась ительменам река. Со стремлением задобрить ее и обеспечить удачу в рыбном промысле был связан весенний обряд «встречи реки». По рассказам камчатских старожилов, реку угощали тем, чего в ней нет: положив на легкую кору от тополя хлеб и соль, пускали их в воду.

До 30-х годов XX в. ительмены избегали многих «опасных» мест, так как человеку «чудилось». На таком месте никогда не ставили дом и не ночевали. Если в новом доме начинало «чудиться», его покидали.

Камчадалы, как и многие другие народы, находившиеся на той же стадии общественного развития, наделяли животных многими свойствами людей. Так, у них пор живет представление о мышках как о целом народе, разбитом на племена. Раковины моллюсков, встречающиеся по берегам рек и морей, ительмены даже в первой четверти XX в. считали «батами» мышей, на которых они переправляются через большие реки и даже через заливы моря. Ительмены думали, что мыши ведут точно такой же образ жизни, как и люди. Поэтому, когда ительменки выбирали *сарану* и *кемчигу* (луковичные съедобные растения) из мышиных складов, они всегда оставляли часть запасов для мышей, ибо были убеждены, что мыши, лишившись корма, запасенного ими на зиму, могут покончить жизнь самоубийством, удавись травинкой или сунув голову в развилку сучка. В ительменских сказках мыши всегда наделяются сообразительностью, сноровкой, хозяйственностью. К жителям, касаткам, медведям, волкам, встретив их в море или в лесу, камчадалы обращались с просьбой не трогать их и не причинять им беды.

О камчадальских шаманах писал, как уже отмечалось, еще В. Атласов. Более подробно этот вопрос освещен С. П. Крашенинниковым. «У камчадалов,— писал он,— нет особых шаманов, как у других тамошних народов, но всякая баба, а напаче старуха и всякий коек-чучь⁷ волхвом и толкователем снов почитается. При шаманстве не

⁶ Норка — узкая полоска кожи, срезанная с носа и рта зверя.

⁷ К'оекчучь — человек, вообразивший себя лицом другого пола. Чаше такими бывали мужчины, одевавшиеся в этом случае в женские одежды и выполнявшие женскую работу.

буют они ни в бубны, ни платяя нарочно для того сделанного не надевают... но нашептывают на рыбу шаглу (жаберная крышка), на сладкую траву, на тоншичь и тем лечат болезни, тем отвращают несчастье и будущее предвозвещают... Главное их шаманство бывает таким образом: две бабы садятся в угол, непрестанно шепчут, одна привязывает к ноге крапивную шитку, раскрашенную красною шерстью, и качает ногу» [5, т. II, 81—82]. Если нога легкой покажется — будет удача, если тяжелой — жди неудачу или несчастье. В случае неудачи на охоте или несчастья в семье хозяин сразу же обращается к старухе или к своей жене. Камчадалы занимались также хиромантией и толкованием снов, с чего обычно начиналось утро.

Речь идет, таким образом, не о типичном шаманстве, а скорее о знахарстве и колдовстве. Еще в 1927 г. среди ительменов сохранялись общепризнанные знахари. Нам было известно о существовании трех «шаманов» — двух женщин в селении Утхолок (особенно искусной считалась Пелагея Уксусникова) и одного мужчины в селении Хайрюзово (И. И. Заев). Лечили знахари травами и, разумеется, помогали больным (если помогали!) именно своими лекарствами, а не наговорами и камланием. Однако они окружали свое искусство таинственной оболочкой шаманских манипуляций и нашептываний. Сбором лекарственных растений, а стало быть, и изучением их целебных свойств занимались почти исключительно женщины, поэтому-то, несомненно, самыми искусными были женщины-знахарки.

Огромную роль в жизни камчадалов играли всякого рода поверья и приметы. Категорически запрещалось, например, спасать утопающего или засыпанного снежной лавиной, так как считалось, что тем самым лишаются желаемой пищи духи воды и гор. Нельзя было подниматься на действующие вулканы, ссориться или драться над кислой рыбой (по поверью, это вызывало несчастье или чирьи на теле), в одном котле варить мясо различных зверей и птиц, ножом соскабливать снег с обуви (чтобы не вызвать бурю). Извержение вулканов не только камчадалы, но и казаки считали за предзнаменование кровопролития.

Множество примет было связано с рыболовством: если перегнать через реку лошадей, то в реку не пойдет корюшка; если собака переплывет реку выше «запоров»⁸, то кижуч (вид лососевых) уйдет из реки; если перевезти через запорные места оленью кровь, шкуру выдры, зайца или убитого глухаря, то вся рыба уйдет из реки.

К рыболовному промыслу относился и целый ряд запретов, своего рода табу: по реке весной нельзя сплавлять тополевыи лес; весной нельзя разбирать старые дома и балаганы⁹, потому что на них много юкольной моли, последняя ест рыбу, поэтому рыба боится ее и может уйти из реки. Железным топором нельзя забивать запорные колья в дно реки. Примерно до 1927 г. колья забивали в дно реки деревянными громоздкими колотушками, так как рыбаки были уверены в том, что железным топором можно «перерубить» реку и тогда в ней совсем не будет рыбы. Железному топору, сразу же до невероятности упростившему работу ительменов, вооруженных еще в начале XVIII в. каменным топором, первоначально не посчастливилось. Из разных легенд мы узнаем, что когда он впервые попал в руки древних обитате-

---

⁸ Запор (заездок) — способ рыбной ловли, когда русло реки перегораживают забитыми в дно реки кольями, как бы «запирая» выход рыбе. Здесь, у запора, скопившуюся рыбу отлавливают.

⁹ Балаган — хозяйственная постройка для хранения вяленой рыбы: имеет вид чума на свайной платформе.

лей Камчатки и его качества были испробованы в лесу, то топор со страхом забросили подальше, так как подумали, что из-за него «весь лес сгнил».

В то время, когда река была покрыта льдом, запрещалось делать «толкуши»¹⁰, в противном случае река могла выйти из берегов и затопить все сенокосы, унести все сено, сложенное в стога и зароды по ее берегам.

Целый ряд примет и запретов связывался и со вторым по важности ительменским промыслом — охотой на пушного зверя. Так, например, в первый день охоты оставшимся дома женщинам нельзя было подметать пол, выбрасывать пепел из печки (что сулило либо полную неудачу охоты, либо даже несчастье), шить, чесать волосы.

Все время, пока кто-нибудь из семьи находился на охоте, во избежание неудачи, а также домашних неприятностей, нельзя было выбрасывать на улицу сор из дома. Когда хозяин уезжал на промысел в море, в первый день нельзя было совсем шить, а затем, до его возвращения, запрещалось шить иголкой от себя (так как тогда лед-припай, на котором промышляли нерпу и лахтака — морского льва, мог отойти от берега и унести людей в открытое море). Иголку с ниткой нужно было направлять к себе, — тогда морской лед-припай будет притягиваться к берегу и будет счастливая охота. Во все время промысла на морского зверя после подметания пола сор не выносили из дома. Нельзя было также выбрасывать пепел и горящие угли из печки на улицу, так как в противном случае на море якобы поднимется буря и охотник погибнет. Кроме того, на промысле запрещалось заводить товарищу, которому везет на охоте, — иначе будет беда.

У ительменов сохранилось много примет, связанных с женщинами, особенно с их «колдовскими чарами». Через места на реках, где установлены рыболовные запоры, нельзя перевозить женщин, иначе рыба совсем не будет подходить к запору (перед запором женщины должны были выходить на берег, идти пешком вверх по течению и только выше запора могли садиться в бат и плыть дальше). Если через реку перевезти беременную женщину, рыба совсем не пойдет в реку. Несчастливым считался даже муж, у которого жена беременная (поэтому при подборе артели на охоту старались не брать его в артель; такому охотнику часто приходилось охотиться одному). Если женщина переступала через ружье, то ружье уже не годилось для охоты, оно считалось испорченным (будет бить мимо или постоянно давать осечку); такое ружье приходилось снова пристреливать, как новое. Для охотника, несколько раз промахнувшегося, объяснения для этого не требовалось; ясно, что женщина «по злобе», без его ведома, переступила через ружье. Если промышленник убил соболя, лисицу или другого зверя, а зверь не сразу умер, а долго мучился, это было верным признаком для ительменов, что у кого-нибудь из товарищей в их артели жена забеременела. Если муж ушел на охоту, а жена плохо ведет себя, то бывает неудачная охота. Если женщины перевозят через реку кемчигу и сарану, взятые из нор мышей, то даже та рыба, которая вошла в реку, может уйти обратно в море (в данном случае неясно: кемчига и сарана или женщины обладают такой силой, которая может задержать даже рунный ход рыбы). Если женщина подойдет к чавычье¹¹ сетке, то рыба не пойдет в сети.

---

¹⁰ Толкуша — своего рода винегрет из съедобных корней, рыбы, ягод, жира и пр.

¹¹ Чавыча — крупная рыба из семейства лососевых.

Кроме перечисленных примет, относящихся к отдельным видам охотничьего промысла, а также к женщинам, есть и другие, чисто бытовые. Вот некоторые из них.

Нельзя смеяться, когда ходишь в лесу и собираешь ягоды: наживешь болезнь. Красные глаза куропатки ительмены по аналогии связывали с красными глазами, пораженными трахомой, и поэтому куропаток даже в голодные сезоны не употребляли в пищу. Если в селении появлялась какая-нибудь болезнь, то добывали «деревянный огонь». Для этого брали брусок дерева с ямкой, в которую вставлялась палочка. Руками или лучком крутили палочку до получения огня, от которого зажигали печи во всех домах.

У камчадалов были свои культурные герои. Например, К. Дитмар получил сведения о герое по имени Божош, которого чтили в некоторых деревнях долины р. Камчатки; нам рассказали о герое Тылвале, почитаемом на западном побережье Камчатки [9, 136—139]. Но это тема скорее фольклорного исследования, чем религиоведческого. В то же время ряд поверий и легенд носит чисто анимистический и тотемистический характер. Вот яркий пример.

В сентябре 1926 г. в селении Тигиль на западном побережье Камчатки нами была записана легенда от жителя селения Шеромы (в долине р. Камчатки) В. В. Панова. Он начал так: «На моей памяти, когда я был еще мальчиком, у нас в деревне жил шаман-тоён Мерлин. Он мог превращаться в медведя; все звери исполняли его желания. Когда тоён охотился — ни один зверь не уходил от него. Захочет на бегу остановить соболя — остановит: соболю вдруг окажется с переломанными ногами, будет кружиться и беспомощно барахтаться в снегу до тех пор, пока тоён-шаман не подойдет и не возьмет его голыми руками.

Были попытки брать потихоньку из его капканов соболей, но шаман, по своему ясновидению, уже знал об этом, и вор оставался неподвижным около капкана, в той позе, в какой его заставляло всемогущее, наказующее слово шамана. Наказывал тоён строго, поэтому скоро не осталось смельчаков, которые решились бы воспользоваться его счастливой охотой.

О способности тоёна превращаться в медведя мы узнали уже после его смерти, — продолжал Панов. — Дело было так. Каждое лето медведь давил у нас в селе коров, причем, как по выбору, гибли коровы тех хозяев, на которых сердился тоён. Летом же, как нарочно, тоён уходил и скрывался куда-то; все поиски его были напрасны. Нам и в голову не приходило, что тоён-шаман может в медведя превращаться. А медведь все ходил и давил коров. Старались его искать по следам, караулили, но все было напрасно. Так долго шло время.

Вдруг пропала сноха — жена сына тоёна. Искали — не нашли. Но с тех пор около селения стали бродить два медведя: секач с матухой, а раньше один секач бродил. Коровы всё убывали и убывали.

Пришла зима. Сын тоёна, у которого жена пропала, поехал как-то раз за дровами в лес; дрова еще с осени были нарублены и сложены в костер. Приезжает и видит — из-под костра пар валит; он сразу догадался, что медведь сделал свою берлогу около его дров; вернулся домой, рассказал брату, и, захватив ружья, они оба пошли промышлять медведя. Начали его тревожить. Медведь долго не хотел выходить, потом вылез, поднялся на дыбы и упал, сраженный пулями.

Братья, довольные добычей, принялись пластать медведя и вели веселые разговоры. Только что они сняли шкуру с медведя и разостлали ее на снегу, вдруг на шкуру выскочила матуха. Братья от неожиданности вскочили, даже ружья схватить не успели. Вдруг матуха

заговорила человеческим голосом: „Что же вы сделали? Ведь вы отца родного убили!..“ После этих слов матуха превратилась в женщину и со слезами рассказала мужу и его брату, как все произошло: „Однажды, заметив, что старик куда-то собирается, я стала следить за ним. Он пошел в лес — и я за ним потихоньку, крадучись, чтобы старик не заметил. Вдруг старик воткнул в землю нож, перескочил через него и бросился в сторону. Я подождала, подумала немного, потом подбежала к ножу и тоже перескочила через него. Сама себя не узнала и закричала, а он как рывкнет: „Эх, сноха, сноха! Что же ты наделала-то? Теперь я уже не смогу снова превратиться в человека... Ну, делать нечего — пойдем вместе!..“ Так мы целое лето вместе и ходили. Когда наступила зима, свекор нарочно выбрал место для берлоги около дров: он знал, что там его скорее увидят, убьют и через это меня скорее сможет в человека превратить.

Свекор дал мне такое наставление: „Когда приедут за дровами и будут нас промышлять, я должен выскочить первым — пусть меня убьют. Когда снимут с меня шкуру и расстелют на снегу, — ты выскакивай скорее на нее и тогда снова обратишься в женщину. Мне один конец: ты помешала в самом начале — и теперь я должен умереть, потому что не могу больше снова превратиться в человека...“ Я не могла не исполнить того, что он велел: как сказал свекор, так я и сделала. Вот я опять женщина...»

Привезли братья домой мясо секача-медведя, своего убитого отца, и бабу, пропавшую жену одного из братьев. Секача потихоньку схоронили, а баба осталась в деревне доживать свой век.

Старика шамана-медведя убили, но не одобровала и старуха за свои шаманские дела. В эту историю вмешался священник Никольской церкви в Милькове: он донес о случившемся в город Петропавловск начальнику уезда и приложил просьбу: „Сжечь эту дьяволицу!“ Начальник разрешил.

За рекой сложили большой костер, облили его керосином, все приготовили к обряду и потащили старуху шаманку на костер. Старуха не противилась, но только не велела жечь себя за рекой. „Если, — говорит, — перевезете меня за реку, — не придет к вам больше рыба!..“

Мужики не послушались старухи — должно быть, надеялись на крестную силу (священник с крестом был впереди шествия), перевезли бабу за реку и сожгли ее на костре. И что же? На другой год — нет рыбы, — вспомнили слова старухи; еще год прошел — нет рыбы, — заплакали, третий год — нет рыбы. Все чаще вспоминали старуху, да поздно было. Настал такой голод, какого никто не запомнит; ели таловую кору, смешав ее со старой сухой икрой, и долго вспоминали своих сильных шаманов».

Этими словами старик Панов закончил свой рассказ.

Таким образом, приведенные материалы рисуют довольно яркую картину древних верований камчадалов-ительменов, основанных на широком анимистическом комплексе воззрений с отчетливыми следами тотемизма и фетишизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропова В. В. Расселение ительменов первой половины XVIII в., — ИВГО, т. 81, 1949, № 4.
2. Вдовин И. С. К проблеме этногенеза ительменов, — СЭ, 1970, № 3.
3. Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири, М., 1966.
4. Дитмар К. фон. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг., ч. 1 СПб., 1901.

5. Крашенинников Степан. Описание земли Камчатки, т. I—II, СПб., 1786.
- 5а. Народы Сибири, М.—Л., 1956.
6. Оглоблин Н. Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки,—«Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 3, отд. I, СПб., 1891
7. Огрызко И. И. Дохристианские верования ительменов,—«Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 413, Л., 1971, стр. 109—125.
8. Орлова Е. Ительмены (остатки древних обитателей Камчатки),—«Статистический бюллетень», Хабаровск — Благовещенск, 1927, № 8—9, стр. 68—78.
9. Орлова Е. П. Камчадалы-ительмены, Л., 1946 (рукопись канд. дисс.).
10. Стеллер Г. В. Из Камчатки в Америку. Быт и нравы камчадалов в XVIII веке (пер. с нем.),—«Природа и люди», кн. 11, Л., 1927.
11. Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschidenen Gewohnheiten, Frankfurt und Leipzig, 1774.

Б. П. Полевой, Ч. М. Таксами

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ СВЕДЕНИЯ О НИВХАХ-ГИЛЯКАХ

В последнее время у этнографов и историков заметно возрос интерес к нивхам — одной из самых загадочных народностей Дальнего Востока. Внимание исследователей привлекает буквально все: вопросы этногенеза нивхов, их материальная культура, общественный строй, особенности языка и, наконец, их связи с другими народами Дальнего Востока. Последние обычно описываются довольно поверхностно, а в иностранной литературе — часто с существенным искажением фактов. Поэтому нам и представляется весьма важным, опираясь как на опубликованные, так и неопубликованные источники, начать разработку истории сношений нивхов с другими народами. В данной статье мы стремимся, во-первых, воссоздать наиболее подробно историю древнейших контактов между русскими и нивхами, во-вторых, дать краткую сводку ранних русских сведений о самих нивхах-гиляках¹.

Первые сведения, относившиеся к нивхам, были получены русскими летом 1639 г. Именно тогда известный основатель Братского острога Максим Перфильев от местных эвенков на Витиме узнал, что в устье р. Шилки (т. е. Амура) живут «килорцы, которые будто бы торгуют с «китайскими людьми», приезжающими к ним с «Ламы на судах»» [5, т. 2, 259]. К сожалению, в этом сообщении были допущены сразу же две ошибки. Во-первых, нивхи-гиляки были неправильно названы «килорцами». В данном случае к ним по созвучию было отнесено наименование одного из тунгусских племен (киляры, килеры, киле), живших не у устья Амура, а на территории, располагавшейся от средней части Охотского побережья до северных притоков нижнего Амура (Амгуни и Горина). Во-вторых, хотя нивхи при посредничестве других народов Приамурья иногда и получали изделия китайского происхождения, они в непосредственный контакт с китайцами никогда не входили. Последние в северную часть Японского моря и тем более в приамурскую часть Охотского моря не плавали, китайские изделия поступали к нивхам только с континента, преимущественно от жителей средней части Амура.

---

¹ Гиляки — фонетически измененное слово *гилями, гилыми, гелами* тунгусо-язычных народов, которым они называют аборигенов нижнего Амура — нивхов. Это слово может быть переведено как «люди, гребущие на больших лодках парными веслами». Именно на Амуре эвенки впервые увидели, как нивхи пользовались этим способом гребли, что дало им повод назвать таким образом нивхов. Исторические источники, в том числе и приводимые в настоящей статье сообщения первых русских землепроходцев, также подтверждают, что у нивхов имелись большие многовесельные лодки, на которых сидело много (порою до 20—40) гребцов.

Витимские эвенки справедливо указывали, что нивхи, живущие у устья Амура, имели «свой язык». Действительно, язык нивхов резко отличался от всех других языков народов Дальнего Востока.

Совершенно особого внимания заслуживает сообщение витимских эвенков о том, что у нивхов «и мечети-де и грамота у них на усть Шилки есть» [5, т. 2, 259]. Хотя сами нивхи не имели ни письменности, ни «мечетей», достоверно известно, что именно в «земле гиляков» у селения Тыр еще в XIV в. были возведены знаменитые Тырские памятники — храм и каменные столбы с надписями на трех языках [6, т. 1, 405—406; 8, 335—344; 24, 15—17].

Неизмеримо полнее были сведения о нивхах, полученные участниками похода И. Ю. Москвитина — первого русского похода на Тихий океан [27, 45; 28, 13]. Как указывается в «скаске» казака Нехорошего Колобова, весной 1640 г. москвитинцы на устье р. Ульи услышали от одного эвена, что «от них направо, в летнюю сторону, на море, по островам, живут тынгусы ж, гиляки сидячие, а у них медведи кормленные» [9, 140; 26, 447]. Эти известия о гиляках-нивхах заинтересовали москвитинцев, и они решили отправиться к ним на двух семнадцатиметровых кочах. В недавно найденных П. Т. Яковлевой подробных «расспросных речах» Ивана Москвитина об этом их интереснейшем плавании 1640 г. говорится следующее:

«А морем шли с вожами подле берег к гилятцкой орде, к островам. И как немного островов гилятцкие орды не дошли за днище, и вышли на берег, и грешною мерою у них ушел вож. И оне, Ивашко с товарищи, после вожа до островов дошли. И гилятцкая земля объявилась, и дымы оказались, и оне без вожей в нее итти не смели, потому что люди многия, и их голод изнял, и почали есть траву, и оне от голоду воротились назад. И пришли к берегу в речку, и изымали мужика тунгуса, и тому тунгусу стали сказывать про острова, где оне, Ивашко с товарищи, были. И тот тунгус им говорил, что были-де оне тут, где гилятцкая орда, от коих островов воротились². И тот же тунгус сказывал им, за тем-де островом пала в море река Омур. И по Омуру на усть реки живут сидячие люди деревнями, в трех деревнях триста человек... а хоромы у них, сказывают, избы и дворы, как у русских людей... а крепости у них окол тех деревень никакой нет, а бой лушной да копейной» [18, 29].

Для каждого этнографа очевидно, что острова «сидячих гиляк», т. е. оседлых нивхов, имевших «медведей кормленных» в особых «клетках», расположены лишь восточнее Петровской косы в Сахалинском заливе и в Амурском лимане. Под этими «островами гилятцкой орды» в первую очередь подразумевали о-ва Удд, Лангр и самый крупный из них — Сахалин, северные берега которого видны с моря в некоторых районах еще до подхода к Петровской косе. Русские, длительное время имевшие дело лишь с тунгусскими легкими юртами, особо заинтересовались тем, что гиляки-нивхи строили деревянные «избы». У нивхов эти постройки назывались «чадрыф» [29, 120—133].

Тогда же до русских дошли первые туманные известия о войнах, которые нивхи вели с «бородатыми людьми», т. е. с сахалинскими айнами [20, 10—12; 26, 447; 30, 40—43].

Особое внимание москвитинцы обратили на вооружение нивхов. И это вполне понятно, так как именно они первыми подняли вопрос о желательности скорейшего подчинения России всего Приамурья,

---

² Казак Н. И. Колобов также указывал, что участники похода Ивана Москвитина «гиляков», которые живут по островам, тех проходили». Далее он добавлял: «А то де амурское устье они видели через кошку [косу]» [9, 140].

в первую очередь «земли пиялков». По мнению И. Ю. Москвитина, для этого в Приамурье необходимо было послать около тысячи казаков [18, 31—33; 20, 58—69]. Особенно настойчиво москвитинцы отстаивали свой план у себя на родине в Томске осенью 1645 г. Сам И. Ю. Москвитин утверждал, что, идя из Томска, с зимовками в Енисейске, на Илимском-Ленском волоке и, наконец, у Джугджура «на морском волоку», служилые люди уже в четвертом году смогут наконец по морю «дойти до Омуру реки» и там над местными жителями «промышлять тем же летом, сколько милосердный бог милости своей подаст» [18, 35].

Москвитинцы тогда еще не знали, что первый якутский воевода, П. П. Головин, организовал в 1643 г. новый большой поход в Приамурье, во главе которого был поставлен его ближайший помощник — письменный голова Василий Данилович Поярков. И именно В. Д. Пояркову и его спутникам довелось первыми из русских вступить в прямой контакт с нивхами-гиляками осенью 1644 г.

Из-за того, что многие участники этого похода погибли от голода на Зее и во время военных столкновений с даурами и нанайцами, до земли гиляков смогли дойти лишь около 60 человек. «А на усть Амура реки живут гиляки — род свой, по обе стороны, — сообщили участники похода В. Д. Пояркова в ноябре 1645 г. — А плыли гиляками до усть Амура 8 дней. А гиляки люди сидячие же, а хлеба не пашут, живут рыбкою все, а ясаку-де они не дают. А человек их больши... тысячи»³. Последняя фраза написана небрежно: после слова «больши» стоит неясно начертанная буква — возможно, это буквенное обозначение числа тысяч.

Для нас в этом сообщении особо важна фраза о том, что нивхи «ясаку не платят». Она означала не только то, что нивхи никогда не были подчинены маньчжурам или китайцам, но и то, что перед русскими открывалась возможность подчинить нивхов своей власти. И, естественно, поярковцы сами пожелали воспользоваться возможностью, чтобы присоединить «землю гиляков» к владениям России. Однако из-за своего «малолюдства» они не стали форсировать события. Поэтому первоначально участники похода решили проявить осторожность: они предпочли ограничиться установлением торговых отношений с гиляками-нивхами — «покупали у них рыбу и дрова»⁴. Это помогло им организовать сбор общих сведений о нивхах. Так поярковцы узнали, что «к морю самому и около моря по губам живут гиляки улусами и ордою... а в тех гиляцких улусах юрты и клети рубленые, безоконные, а кормятся все рыбкою»⁵. Другие нивхи занимали острова. Особенно много их было на Сахалине. 9 ноября 1645 г. поярковец Микула Тимофеев и его товарищи сообщили в Якутской приказной избе: «Гиляки сказывали: есть-де на усть Амура реки в губе остров, а на том-де острову дватцать четыре улуса, а живут-де гиляки ж, а в улусе-де юрт по сту и по пятидесяти и подле моря-де есть четыре улуса, а в улусе-де юрт по сту»⁶.

³ ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 1, д. 43, л. 360. Сам В. Д. Поярков спустя семь месяцев, в июне 1646 г., почти дословно повторил в Якутске это же сообщение: «А гиляками плыл и до моря две недели же, а гиляки сидячие, живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам и губам живут многие гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбкою, ясаку они, гиляки, хану не дают» [5, т. 3, 55].

⁴ ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 1, д. 43, л. 363.

⁵ Там же, л. 139, л. 41. Аналогичное сообщение см.: [5, т. 3, 57].

⁶ ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 1, д. 43, л. 363 об, см. также: [11, 548; 20, 26].

Тогда же участники похода В. Д. Пояркова впервые узнали, что у нивхов Сахалина имеется в избытке продовольствие и пушнина: «А на острове ж рыбы много ж всякой и соболя-де на острове у гиляков много ж есть, а потому что-де они, гиляки, ни с кем не торгуют» [3, 601; 4, 135; 11, 548; 20, 26].

Естественно, поярковцы также стремились узнать, какие пути существуют с материка на Сахалин, и пришли к выводу, что им выгоднее всего отправиться на остров через Татарский пролив зимой. «А от усть Амура,—сообщали они,—до острова до гиляцкого мерзнет лед, ставает вовсе...» [там же].

Поярковцы собрали и некоторые новые сведения о южных соседях сахалинских нивхов — айнах. «Гиляки сказывали нам, служилым людям, — рассказывал казак Микула Тимофеев и его пять товарищей в Якутске 9 ноября 1645 г., — есть-де подле моря черные люди, а называют-де их куями, а живут-де они подле моря по правую сторону [от устья Амура]» [там же].

Лишь после того как были собраны достаточно подробные сведения о гиляках-нивхах, участники похода предприняли первые попытки получить с них ясак. С этой целью еще в конце 1644 г. в устье Амура был взят самый первый аманат (заложник): «И под тово-де аманата ясак взяли»⁷. Поскольку нивхи не стали оказывать сопротивления, поярковцы, несмотря на свою малочисленность, решили взять в аманаты еще несколько нивхов, в том числе влиятельного «лучшего мужика» нивха Баляя. Последний не мог примириться с тем, что русские взяли его «в железа», на глазах у русских отсек свою закованную ногу топором. Опасаясь, что этот поступок Баляя вызовет среди нивхов волнения, В. Д. Поярков решил освободить почти всех аманатов, чем вызвал недовольство у некоторых участников похода. Поэтому вскоре по приказу В. Д. Пояркова был в аманаты взят сын нивха «Гиманева». Под этого аманата поярковцы смогли получить около 40 соболей⁸.

Действия такого рода, естественно, осложнили обстановку, что и привело к первому незначительному столкновению между поярковцами и нивхами в районе устья Амура. Казак Микула Тимофеев рассказывал об этом так: «Да гиляцкие же люди приезжали к нему, Василию, в лодках, и он-де, Василий, побоялся их гиляков, чаял приехали з заводом. И он-де, Василей, убил у них двух мужиков, и они-де, гиляки, прочь отъехали»⁹. Но, видимо, этот инцидент не имел особых последствий, так как Микула Тимофеев тут же добавил: «А после-де тово они, гиляки, и опять приезжали торговать к нему, Василию»¹⁰.

В своем официальном отчете В. Д. Поярков также сообщал о взятии нивхских аманатов: «А на усть Амура реки зимовали и, Божею милостию и государским счастьем, гиляцких аманатов поимал трех человек, Сельдюгу, да Килему, да Котюгу Доскины, а в роспросе ему, Василью, сказали у себя, Сельдюга два улуса, в одном Мингалском 100 человек, а в другом в Гогудинском 150 человек, Килема у него Ончинского улусу, а в нем 200 человек, а Котюга Доскины сказал: у отца его Доскины 5 улусов Калгуйские, а в них 250 человек, да подле их иные улусы, живут чагодальцы, мужик Чеготот, а у него 4 улуса, а людей в них 300 человек, Кульца улус, а в нем князец Муготтел, у него сорок человек, да того же улусу у Рыгана тридцать человек, да

⁷ ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 1, д. 43, л. 360.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Тактинского улусу князец Узиму¹¹, у него 100 человек; и с них аманатов ясаку взял 12 сороков соболей да 6 шуб собольих и тех аманатов с собою в Якутский острог привез» [5, т. 3, 55]¹².

Трех аманатов из нивхов В. Д. Поярков решил отвезти в Якутск. Он надеялся, что русским удастся прочно закрепить за Россией всю «землю гиляков». Поярковцы рассчитывали, что туда будут организованы новые походы с целью сбора ясака в самое ближайшее время, и желали принять участие в таком походе. Но их надежды не оправдались.

В 1645 г. в Якутске произошли большие перемены. За злоупотребления главный покровитель В. Д. Пояркова — якутский воевода П. П. Головин — был отстранен от должности. В опалу попал и сам «начальный человек» Амурского похода как ближайший сотрудник бывшего воеводы [15, 124]. Положение В. Д. Пояркова еще более осложнилось в связи с тем, что его уличили в попытке утаить часть пушнины, привезенной из похода. В этих условиях не могло быть и речи об отправке Пояркова в новый поход в «землю гиляков».

Судьба трех нивхских аманатов, привезенных в Якутск, сложилась неудачно. Сперва их поместили в «казенку» аманатского двора, назначили «прокорм» и запросили у правительства дальнейших распоряжений. Через полтора года пришел наказ из Сибирского приказа везти «гиляцких аманатов» в Москву. Таков уж был обычай тех времен: представителей новых народностей, присоединенных к России, привозили в Москву. Там им устраивали особый прием, показывали «стольный град», вручали подарки и затем возвращали на родину, с тем, чтобы они могли бы своим сородичам рассказать о величии Московского государства. Но трем нивхам, взятым В. Д. Поярковым в

¹¹ Под «Мингальским улусом» здесь, вероятнее всего, подразумевалось нивхское селение Мангаль. Б. О. Долгих видит в нем ульчское селение Монголь [3, 601], но ульчей на Амуре тогда, видимо, еще не было. «Гогудинский улус» — скорее всего амгунское селение Гуги, а «Тактинский улус» — Такта. «Кульца улус» — видимо, селение Кульчи (Б. О. Долгих считал, что это селение Коль [3, 601]). О том, что поярковцы были в нивхских селениях, носящих название Коль, ясно видно, во-первых, по тому, то они, идя из Амурского лимана вдоль Охотского побережья, действительно «каждую губу обходили» [11, 550—551], и, во-вторых, по тому, что сам В. Д. Поярков справедливо указывал, что «около моря по губам живут гиляки же, улусами, у которых он аманатов взял» [5, т. 3, 57]. Конечно, не исключена возможность, что В. Д. Поярков называл одноименные селения Коль «Калгуйскими улусами». Численность населения, указанная В. Д. Поярковым, безусловно, более подходит к одноименным нивхским селениям Коль. Но Б. О. Долгих считает одним из Калгуйских улусов нивхское селение Калго. Название «Ончинский улус» пока осталось неопределенным. Под «чагодальцами» скорее всего имелись в виду жители селения Чагота.

¹² К сожалению, до сих пор исследователям не удалось обнаружить подлинных учетных книг, которые вели поярковцы во время своего похода. В этих книгах, особенно ясачных и destinato таможенной соболиного промысла, несомненно, должны быть очень ценные дополнительные сведения о деловых взаимоотношениях между русскими и нивхами. Вспомним, какое огромное значение имела для исследователей находка Б. О. Долгих ясачной книги амурских казаков 1655—1656 гг. [3, 592—600; 4, 132—134]. При формировании особого фонда ясачных книг в ЦГАДА (ф. Якутская приказная изба, оп. 4) был обнаружен лишь один отрывок из ясачной книги похода В. Д. Пояркова [15, 125]. Однако мы также еще надеемся на находку книги таможенного сбора, которая велась в походе В. Д. Пояркова. Дело в том, что она еще числилась в подробной описи дел «якутской архивы» 1703 г. под названием «Книга приходная десятинная таможенного соболиного збору целовальника Фильки Гаврилова, который был с письменным головою с Василием Поярковым в Пегой орде с промышленными людьми, которые были на службе на гиляцких и на даурских иноземцев по Амуру и по Улью рекам 152 и 153 и 154 годов за приписью дьяка Петра Стеншина и за руками целовальника Фильки Гаврилова» (ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 1396, л. 350б.). Во время работы в ЦГАДА мы смогли убедиться в том, что почти все дела, упомянутые в этой описи, уцелели до наших дней. Поэтому не исключена возможность, что и эта книга еще будет найдена исследователями.

аманаты, так и не довелось побывать в Москве. Из недавно обнаруженных в архиве документов выяснилось, что эти «гилики с Амура», в том числе «Пыванов» и «Годымей», скончались от какого-то желудочного заболевания где-то около Сургута¹³.

Между тем новые якутские воеводы, В. Н. Пушкин и К. О. Супонев, решили организовать новый поход в «землю гиляков» в 1646 г. Соответствующее указание было дано отправленному на Охотское море казаку Семену Шелковнику. Однако это задание не было выполнено. В 1647 г. С. А. Шелковник сообщил в Якутск: «В те гиляки итти за безлюдством не посмели»¹⁴. И только в 1652 г. — во время Амурского похода Е. П. Хабарова — русские вновь смогли попасть в «землю гиляков».

Необходимо отметить, что Хабаров отнюдь не спешил к гилякам, так как его первоначально больше интересовали богатые земли дауров. И лишь стечение обстоятельств заставило русских побывать там несколько раз в 1652 г.

Первой в «землю гиляков» пришла группа казака Ивана Антонова Нагибы. Она была послана в качестве подкрепления в Амурское войско Е. П. Хабарова, но разминувшись с амурскими казаками где-то среди островов среднего течения Амура. Вскоре на казаков стали нападать большие группы дючеров (нанайцев). Создалось весьма опасное положение. Один из нанайцев «в расспросе сказал про Ярофея Павловича Хабарова, что-де он на низу в гиляках...» Тогда казаки Нагибы, «видя беду неминуемую, поплыли вниз по Амуру в гиляки...» [5, т. 3, 354]. Но и там казаков ожидали новые трудности. Нивхи-гиляки «стрегили на реке во многих стругах и с нами драку учинили и нас осадили: на берег не допустят и ни вниз, ни вверх не пропустят. И мы в осаде на якоре стояли две недели, и пить и есть стало нечего... горько было! А запасу было взять мало, и тот запас весь приели, и есть стало нечего — помирали напрасною голодною смертью. И мы, холопи государевы, увидели на юртах рыбу провесную и напустились на те юрты великою нужею, голодные, и вышли на берег за щитами и на улус напустились...» [5, т. 3, 354].

Захватив небольшой запас нивхской юколы, казаки решили по примеру поярковцев плыть к морю. Они знали, что вверх по Амуру «гиляцкие мужики не пропустят», велика была опасность и со стороны нанайцев: ведь русским пришлось бы идти против течения медленно, по-бурлацки — «бечевою». В Амурском лимане «стали по нуже для морского ходу к судам нашвы нашивать». Здесь на них «гиляцкие мужики напустились боем во многих стругах». Во время этой стычки казаки смогли «струг один пробить и в стругу мужиков побить человек с сорок». Лишь после этого Нагиба и его спутники смогли пройти «по морю на гребях» [5, т. 3, 355].

«Земля гиляков» поразила И. Нагибу и его спутников своей многолюдностью. Впоследствии они сообщили: «А на устье-де Амура реки стоят гиляцкие улусы по 200 и больше, и из губы-де с камени и за губою видят острова, на тех островах видят многие юрты, только Ивашко с товарищи на тех островах сами не бывали»¹⁵.

Вскоре казаки попали в ледовый затор и едва не погибли. С большим трудом Нагиба и его спутники добрались до р. Тугур, где и поставили свое зимовье¹⁶. Это был район, заселенный тугурскими эвен-

¹³ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, ст. 308, л. 124—126.

¹⁴ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 504, л. 120.

¹⁵ ЛОААН СССР, ф. 21, оп. 4, т. 31, л. 22об.

¹⁶ Там же, см. также: [5, т. 3, 355].

ками, и от них участники похода узнали, что ближайшие от Тугура поселения нивхов находились на расстоянии двухнедельного пути на восток. Эти данные со всей очевидностью говорят, что в середине XVII в. на Тугуре нивхов еще не было.

Осенью 1652 г. русские вторично появились в районе расселения гиляков. Произошло это при следующих обстоятельствах. 1 августа 1652 г. на устье р. Зеи в Кокоревом улусе большая группа казаков открыто выступила против своего предводителя Е. П. Хабарова. Они обвинили его в том, что он «постоянства не делает... ни в Даурской земле, ни в Дючерской земле, города не ставит и аманатов теряет, даурских и дючерских князей небрежением и нерадением, а государеву казну продает... От того себе ты, приказной человек Ярофей Хабаров, корысть получаешь велику, и мы, государевы холопи твои, подымались из Якуцкого острогу и промыслов своих на своих подъемах и будучи мы, холопи твои государевы, с ним, Ярофеем, на твоей государственной службе, задолжали вконец»¹⁷.

Резкий ответ и угрозы Е. П. Хабарова привели к тому, что значительная часть казаков (132 человека!) тут же решила, что «с ним, Ярофеем, служить стало невозможно», и потому отправилась в самостоятельный поход в «землю гиляков»¹⁸, рассчитывая прокормиться там рыбой.

Впоследствии, в августе 1653 г., в челобитной на имя царя Алексея Михайловича предводитель недовольных казаков С. В. Поляков писал: «А на низ мы, холопи твои государевы,плыли ради твоей государственой прибыли, тебе, государь, служить и свою службу тебе, государю, явить. И как мы, холопи твои государевы, доплыли до Гиляцкия земли и божиею милостью и твоим государским счастьем из девяти гиляцких родов в Гиляцкой земле девять добрых гиляцких князцев поймали и в аманаты посадили, в середе Гиляцкой земли острог поставили тебе, государю, з башнями и тарасы зарубили, и хрящем насыпали для ради иноземского приступу, и ясаку к тебе, государь, взяти до ево, Ярофеева, приплыва, и что взято ясаку и тому следует ясашные книги»¹⁹.

К сожалению, эти ясачные книги также не сохранились. Но из других документов до нас дошли имена четырех из девяти нивхских аманатов, взятых С. В. Поляковым: «Мингалча»²⁰, «Вагун», «Богданча» (он же «Обогдана») и «Сергунча»²¹. Последние два — из «Махонсково улуса», т. е. из нижнеамурского селения Маго. Именно от них С. В. Поляков и его товарищи получили сведения о таинственном народе «чижем»: «По морю живут чижемы, а от чижем идет к гилякам железо, и медь, и серебро. Родитца ли [все это] в чижемах или нет, того оне не ведают...»²². Лишь в 70-х годах XVII в. выяснилось, что под «чижемами» нивхи подразумевали японцев, которые в те времена только еще начинали осваивать южную оконечность о-ва Иедзо (Хоккайдо). Как было установлено позже, нижнеамурские нивхи узнали о существовании японцев потому, что совершали порою большие торговые поездки на южную оконечность Сахалина и северную часть Хоккайдо [21, 55—57; 34].

Тогда же С. В. Поляков и его товарищи уточнили границу между «гиляками» (нивхами) и «дючерами» (нанайцами): «А от Кидийского

¹⁷ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, ст. 460, л. 12.

¹⁸ Там же, л. 13.

¹⁹ Там же, л. 14.

²⁰ Там же, л. 18.

²¹ Там же, л. 101.

²² Там же, л. 102.

улуса и до моря живут гиляки, и по устью реки Сагала (Амура) живут подле моря гиляки беспашенные»²³.

Сообщения С. В. Полякова и его спутников ценны для этнографов еще и тем, что они позволяют приблизительно определить общее число нивхов в середине XVII в. По их сведениям, в это время в «земле гиляков» было около 4 тыс. боеспособных мужчин. В этом случае со стариками и малолетними общее число мужчин могло дойти примерно до 5—6 тыс. Если же допустить, что женщин всех возрастов было столько же, то тогда общее число нивхов превысит 10 тыс. Но к этим подсчетам следует относиться осторожно, так как С. В. Поляков и его товарищи могли несколько преувеличить число мужчин в «земле гиляков».

Е. П. Хабаров не мог примириться с тем, что от него ушла большая группа казаков. Он решил заставить их силой вернуться в Амурское войско. Поэтому он и появился впервые в «земле гиляков». «А приплыл он, Ярофей,— писали С. В. Поляков и его единомышленники, — к нам, холопам твоим, сентября 30 дня [1652 г.], учал нас, холопей твоих, называть он, Ярофей, ворами и хотел нас грабить. И мы ево, Ярофеево, озорнячество видячи, жили з береженьем. И он, Ярофей, и зимовье поставил на одну улицу, и октября в 6 день приехали нижние мужики с моря в пяти стругах с твоим государевым ясаком под аманаты, которые сидели у нас, холопей твоих государевых. И он, Ярофей, послал в стругу ясаула Василия Панфилова с толмачем и служилыми людьми и велел толмачу говорить, что-де вы, мужики, ездите к ворам и ясак даете, мы-де их побьем, воров, и ваших князцов повесим. И тех гиляцких мужиков отогнал и к родникам не пустил. И тот ясак к тебе, государю, не взят. И того ж мисяца в 9 день приезжали в сороки стругах сверху Амура гиляки и порубежные дючеры с твоим государевым ясаком. И он же, Ярофей, послал того же ясаула Василия Панфилова с толмачем, и велел он, Ярофей Хабаров, отгонити гиляков и дючер также: „К ворам да вы не ездите и под аманаты ясаку не давайте“. И тут он, Ярофей, тебе, государю, не радует и твоему государеву ясашному збору учинил великую поруху. И как он, Ярофей, поставил зимовье и учинил роскаты и на роскаты вкютил пушки и велел стреляти ис пушек служилому человеку Онофрею Степанову Кузнецу да охочьему служилому человеку Титу Левонтьеву, осташковцу, и иным служилым людям велел стрелять по аманацкому двору и по твоему государеву острогу и по нас, холопам твоим государевым, велел стрелять из мелкого ружья с ранново обеда и задовечерья. И мы, холопи твои государевы, не стреляли по них противно, бояся твоей государевой грозы. И видит он, Ярофей, что нас, холопей твоих, в остроге наймет, и он учал, Ярофей, умышлять как холопей твоих побить всех наголову до единовои и статки наши подуванить. И учал считать делать и умышлять своими потаковщиками и судниками своими, служилыми людьми, нас, холопей твоих государевых, побить и поймал нас, двенадцать человек, и велел палками на смерть прибить он, Ярофей. И мы, холопи твои государевы, видячи ево, Ярофеева, воровство и непостоянство, что он, Ярофей, учиняет позор твоему царскому величеству и славу недобрую и укор от иноземцев и в понос иноземским, мы, холопи твои, по совету промежу собой били челом ему, Ярофею Хабарову, чтобы он, Ярофей, не стрелял по твоему государеву острогу и нас, холопей твоих государевых, не побил и твоему государеву имени позору не учинил. И ведаючи мы, холопи твои государевы, ево, Ярофеево, лукавство, за ротою [устное обеща-

²³ Там же, л. 101.

ние] мы ему, Ярофею, отдались и в тех аманатах мы у него, Ярофея, отпись взяли, а рота была его, Ярофеева, на том, что нас было, холопей государевых, не убить, ни твоих государевых ясачных аманатов не терять, ни наших статков не грабить»²⁴.

Е. П. Хабаров не сдержал своего обещания и крайне жестоко расправился со своими противниками. В довершение всего 7 февраля 1653 г. он «велел острог сломать и сжечь кузнецам на уголье и на дрова»²⁵.

Особенно возмущались казаки тем, что Е. П. Хабаров жестоко обращался с нивхскими аманатами, взятыми еще С. В. Поляковым и его спутниками. «То-де какие аманаты,—пренебрежительно заявил Хабаров,—воры-де их поймали, что-де их беречь и возитца»²⁶. И тут же Поляков и его единомышленники вспоминали: «А с осени, государь, гиляцкие люди к нам, холопам твоим, приезжали и ясак под те аманаты, которые аманаты сидели у нас, холопей твоих государевых, хотели давать и сулили тебе, государю, ясак с полуторых тысяч луков [дать и с их р]одников: „И мы увидим царское жалованье и вашу казачью правду и доброту и постоянство, то будут по нас и всей Гиляцкой землею государю ясак платить, а у нас в Гиляцкой земле будет ясачных людей, которые государю могут ясачным платежом промышлять и тех четыре тысячи луков добрых надежных бойцов, опроче стара и мала, и все мы будем государю послушны и покорны быть в вечном ясачном холопстве навеки неотступными, ясак давать по вся годы“»²⁷.

Приведенные нами сообщения опровергают мнение некоторых авторов, изображавших в самых мрачных красках поведение в «земле гиляков» казаков, отделившихся от Е. П. Хабарова. В то же время становится понятным, почему в дальнейшем правительство решило ни в коем случае не допускать Е. П. Хабарова вновь на Амур.

Хорошо известно, как в феодальной России власти жестоко расправлялись с «бунтовщиками». Но как ни пытался Е. П. Хабаров изобразить Степана Полякова, Константина Иванова (главного помощника Полякова) и их товарищей таковыми, представитель Москвы Дмитрий Зиновьев признал «правду» за ними. Ерофей Хабаров был отстранен от командования Амурским войском, во главе которого был поставлен Онуфрий Степанов Кузнец. Хабаров, Поляков и группа других казаков для окончательного разбора их тяжбы были направлены в Москву. Вместе с ними были посланы и нивхские аманаты.

В Москву нивхи были доставлены в феврале 1655 г. Встретили их с почетом. Из документа видно, что в Сибирском приказе по указанию самого царя Алексея Михайловича «за их приезд государево жалованье дано по 10 рублей человеку и-де корму с приезде до отпуску в дорогу... да по сукну доброму, а корму на две недели...»²⁸. По тем временам это был щедрый подарок: ведь тогда 10 рублей получали в виде годового жалованья лишь сыновья боярские (рядовые же казаки на год имели только 6 рублей).

В Москве нивхи пробыли три месяца. Затем Константину Иванову было дано задание отвезти нивхов обратно на Амур. К сожалению, пока еще не удалось выяснить, смог ли К. Иванов справиться с этим заданием. Дело в том, что к моменту возвращения К. Иванова из Москвы на Лену обстановка в Приамурье резко осложнилась. Но еще

²⁴ Там же, л. 14—16.

²⁵ Там же, л. 16.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, л. 16—17.

²⁸ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, ст. 469, состав. 159.

до этого Онуфрию Степанову Кузнецу и его людям довелось несколько раз вновь побывать в «земле гиляков». В 1655—1656 гг. туда пришло одновременно более 600 русских [20, 32], здесь тогда собрались сразу три отряда: основное Амурское войско, отряд Федора Пушина, который, не сумев попасть на Аргунь, пошел вниз по Амуру, и отряд Петра Бекетова, пришедший на Амур через Забайкалье [5, т. 4, 30; 25]. Особенно большое впечатление «земля гиляков» произвела на Федора Пушина²⁹. Историк Сибири акад. Г. Ф. Миллер писал: «Пушин выхвалил Гиляцкую землю яко одну такую страну, в которой при Амуре ясак собирать еще можно. По его мнению, надлежало было ежегодно посылать туда казаков через Охотск, которым средством можно-де удерживать народ в послушании, хотя бы верхняя при Амуре страна вся потерялась...» [цит. по: 32, 623]. И в этом нет ничего удивительного: оказалось, что только зимой 1655/56 г. русские смогли собрать в «земле гиляков»... 4827 соболей! [20, 65].

Как мы уже упоминали, выдающийся советский этнограф Б. О. Долгих в 50-х годах смог разыскать интереснейшую ясачную книгу, которую вели амурские казаки, когда собирали ясак в нижней части Амура [3, 592—600; 4, 127—135]. В этой книге имеются подробные сведения о посещении «гиляцких людей до моря» с осени 1655 и до весны 1656 г.

Вот отрывок из записей о сборе ясака с нивхов: «22 октября 164 [1655] года взято государева ясаку с гиляцких людей с Магонскова улусу с Чакуна 93 соболя, в том числе шуба из 15 пластин... он же в довоз 5 соболей.

11 апреля 164 [1656] года взято государева ясаку с Магонскова улусу с Чакуна в довоз 10 соболей + 2 шубы иноземных из 34 соболей + 10 соболей...

27 сентября 164 [1655] года взято государева ясаку с Кункунскова улусу с Тензеки з гиляцких мужиков 99 соболей, в том числе шуба из 16 пластин соболевых и еще 11 пластин.

Того же дня взято государева ясаку с Ватажинсково улусу с Палачи 46 соболей, а привезен тот ясак после боя и драки, он же в довоз 2 шубы из 28 пластин соболевых, да шуба ветхая из 13 пластин; он же в довоз 1 лису черную за 20 соболей, 2 лисы красные и бурые за 2 соболей, да ополье лисье из 6 пластин за 6 соболей, да 7 соболей, да 7 пластин соболевых.

29 сентября 164 [1655] года взято государева ясаку с Ныкинсково улусу 83 соболя + 2 шубы, в них 34 соболя.

Того же дня взято государева ясаку с Хезинсково улусу с Омисонка 99 соболей, он же в довоз 3 шубы, в них 49 пластин соболевых.

7 октября 164 [1655] г. Тот же Омисонка привез чернобурых лисиц за 2 сорока соболей + 7 соболей + 1 шуба из 18 пластин соболевых.

5 октября 164 [1655] года взято государева ясаку с Таунскова... с Кататра 19 соболей да 2 шубы из 30 пластин.

29 марта 164 [1656] года привез в довоз с того же Таунсково улусу 18 соболей + 1 лиса за 2 соболя и тот улус весь доплатил.

6 октября 164 [1655] года взято государева ясаку с понизовых гиляцких мужиков з двух улусов с Кроминскова да з Дутмытсково с Вебажи да с Сунеги 16 соболей, да 2 шубы из 30 пластин соболевых + 2 лисы за 2 соболей»³⁰.

Далее шел перечень взятого ясака «с Тобохта улусу з Дугды» (6 октября 1655 г.), «с Кунгудансково улусу с Пиехали» (6 октября),

²⁹ ЛОААН СССР, ф. 21, оп. 4, т. 31, л. 182.

³⁰ ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 4, кн. 504, л. 25—30.

«с понизовых гиялтцких мужиков с Чагадинскова улусу с Техта» (11 октября), «с усть Амуру с Лагадансково с Негды» (11 октября), «с Тахтынскова улусу с Паталага» (11 октября), «с Меунскова улусу с Чернина» (11 октября), «с Маганзясково улусу с Кахтаная» (21 октября), «с Дебагонскова с Плевуя» (21 октября)³¹.

Еще Б. О. Долгих обратил внимание, что большинство этих нивхских селений в течение последующих трех столетий сохраняли свои прежние названия. Действительно, в подавляющем большинстве приведенных «улусов» нетрудно узнать названия следующих нивхских селений, упоминавшихся этнографом Л. И. Шренком в середине XIX в.: «Магонский», или «Махонский», — Маго; «Ватажинский» — Вайт; «Ныкинский» — Ныкки; «Хезинский» — Хессь; «Меунский» — Мео.

Остальные названия «улусов» нуждаются в уточнении. По предварительному определению Б. О. Долгих: «Кулгунский» — это селение Калго, «Таунский» — сахалинское Танги, «Проминский» — Пронте, «Дутмытский» — сахалинский Дуи, «Тобохта» — Тебах, «Чагаданский» — Чангни, «Лагаданский» — Лангр, «Маганзянский» — Мангаль [3, 599; 4, 132—134]. Без определения Б. О. Долгих оставил «Кунгуданков» и «Дебагонский» улусы. Но последнее название, по нашему мнению, более похоже на Тебах, чем «Тобохта».

Заслуживает особого внимания помета, сделанная 18 декабря 1656 г.: «Взято государева ясаку с Коулинского улусу от Ламскова волоку с рубежу з пиялтцких мужиков с Нунуга 55 соболей + 1 лиса за соболя + 1 шуба из 14 пластин собольих + 10 лисьих пластин за 9 соболей»³².

Уже Б. О. Долгих совершенно справедливо указал, что здесь, в-первых, речь шла о нивхском приморском поселении Коль и, во-вторых, что именно через это селение проходил «рубеж» самой «земли гиялков» [3, 600; 4, 134]. Интересно отметить, что со времени первых русских походов на Амур прошло уже более 300 лет, а западный «рубеж» нивхских поселений остался прежним! Конечно, это можно объяснить лишь особенностями хозяйственного быта и общественного строя нивхов. Селение Коль является самым западным нивхским селением Охотского побережья, где велась относительно успешная рыбная ловля. А так как в прибрежных нивхских селениях участки рыбной ловли традиционно закреплялись за вполне определенными семействами, это способствовало стабильности западного «рубежа земли пиялков» по селению Коль.

Во время этого похода русские узнали, что в «земле гиялков» незадолго до этого был полностью перебит нивхами прибывший со стороны Охотского побережья отряд якутских казаков, во главе которого стоял Оника Логинов. Онофрий Степанов Кузнец сообщал: «В прошлом во 163 [1654—1655] году зимою иноземцы гиялцкие люди государю изменили и служилых людей Якутцкого острогу Оничку Логинова побили с товарищи 30 человек, а шли-де они, Оничко Логинов с Ламы на великую реку Амур... Гиялцкие люди на великой реке Амур побили и животы их разделили по себе меж собою, а я, Онофрейко, на тех изменников гиялцких людей ходил и языков взял; и на расспросе они, иноземцы, гиялцкие люди, сказали и повинилися: побили-де мы государевых служилых людей 30 человек, а жожа-де мы ламского тунгуса взяли к себе жива, да и ноне-де он, Широнка тунгус, у нас жив; и того они ламского тунгуса Широнку привезли ко мне, Онофрей-

³¹ Там же, л. 30—33.

³² Там же, л. 33.

ку, в войско и тот, Широнка, сказал: вел-де я через Камень с Ламы на великую реку Амур служилых людей Якутского острогу Оничка Логинова с товарищи тридцать человек, и тех-де служилых людей Гиляцкие люди побили, а живот их и ружье разделили по себе; и я, Онофрейко, под юртами находил многие казачьи признаки, ружье и всякой брошень, и я, Онофрей, проведав допряма, им, иноземцам, по государеву указу давал наказанье, кто чего довелся, и, дав наказанье, привел их к шерти и отпускал по своим улусам и по урочищам, где кто был прежде» [5, т. 4, 81—82].

Сбор ясака в «земле гиляков» в 1655—1656 гг. был настолько удачным, что русские пришли к мысли о необходимости создать здесь новый русский острог. Федор Пущин в одной из своих «отписок» с Амура сообщал в Якутск, что в 1655—1656 гг. он и его спутники «острог в гиляцкой земле поставили»³³. Некоторые из исследователей полагают, что именно этот острог позже стал известен под названием «Косогорского». Но это заключение еще требует дополнительной проверки, так как имеются некоторые источники XVII в., не согласующиеся с таким взглядом [31, 91].

Русские продолжали успешно собирать ясак в «земле гиляков» и зимой 1656/57 г., и зимой 1657/58 г. Однако летом 1658 г. положение русских в Приамурье осложнилось. Маньчжурам, сумевшим незаметно выйти из Сунгари и пробраться в лабиринте островов среднего Амура, удалось в результате внезапного удара нанести поражение главному отряду русского войска. Онуфрий Степанов Кузнец и 209 его товарищей пали смертью храбрых. Все же свыше ста русских уцелели и под командой Артемия Петриловского, племянника Е. П. Хабарова, укрылись в «земле гиляков». В каких именно местах они зимовали, пока не установлено. Однако достоверно известно, что зиму они провели спокойно и весной следующего, 1659 г. смогли без приключений подняться до верхнего Амура, где разделились. Одни вышли на Тугирский острожек и далее по Олекме на Лену, другие — присоединились на реке Нерчи к Афанасию Пашкову. Отряд А. Пашкова был отправлен из Енисейска «в Дауры» еще в 1656 г. Однако, прочно обосновавшись в Нерчинске, А. Пашков так и не решился совершить поход на Амур. Помешали осуществлению этого замысла, во-первых, острый недостаток продовольствия и, во-вторых, тревожные известия о гибели на Амуре основной части отряда Онуфрия Степанова Кузнеца. Но все-таки временами до Пашкова доходили отдельные сведения о судьбе амурских казаков. Так, в одной из отписок, отправленной Пашковым из Нерчинска в 1660 г., сказано: «А в Даурской государственной земле остались служилые люди немногие, и те живут в гиляцкой земле у моря, питаются рыбою»³⁴. Это же известие побудило группу участников похода Пашкова, сильно страдавших от голода, тогда же самовольно уйти из Нерчинска на Амур к «земле гиляков». Возглавлял эту группу некий Тимофей Полетай [20, 34; 35, т. XVI, 55]. До Пашкова дошли сведения о том, что группа Полетая смогла даже дойти «до гиляков». Но назад ей уже не довелось возвратиться. Видимо, казаки этой группы были истреблены жителями Амура. По крайней мере, таково было мнение Пашкова, который писал: «Гиляцкие мужики всех побили» [35, т. XVII, 55].

В 60-х годах вновь возродилась идея организации походов со стороны Охотского моря. К сожалению, до сих пор нам остается неизвест-

³³ ЛОААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 31, л. 181.

³⁴ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, ст. 508, л. 313.

ным, удалось ли в 60-х годах XVII в. охотским служилым людям вновь побывать в «земле гиляков». В одной из росписей острогов и зимовьев, подчиненных Якутскому острогу, имеется упоминание о том, что кочи из Охотска добегают до устья Амура «дён с 10» [10, 68]. Но пока в документах Якутска не удалось найти каких-либо сведений о таком плавании. И потому не исключена возможность, что здесь просто было перефразировано сообщение поярковцев 1645 г. о том, что морские суда могут доплыть «на прям... с устья Амура до Ульи (а не Охоты. — Б. П., Ч. Т.) парусным погодием дней в 10» [11, 551]. Все же это могло относиться и к какому-нибудь еще нам неизвестному плаванию (вроде морского похода Оники Логинава).

В последние годы в литературе (особенно польской) часто появляется версия о том, что в те же годы к устью Амура по морю к нивхам плывал польский военнопленный Адам Каменский-Длужик. В его воспоминаниях действительно рассказывается о том, что на устье Амура он смог попасть «к людям, которые называются гиляками». Он утверждал, что гиляки «ездят на медведях и так ими управляют, как у нас конями, но обрезают им когти и вытаскивают им зубы и кормят их в стойлах, как волов, и едят их также». Он справедливо указывал: «Там хлеба нет, лишь звери и рыба, однако дают царю дань очень большую». Внешний вид нивхов он описывал следующим образом: «Женщины — очень гладкие, высокие, имеют кольца в нижней губе, а мужчины в носу — медные и серебряные» [33, 387; 12, 127]. Но вряд ли Каменский-Длужик действительно был у нивхов-гиляков. По его словам, он попал в устье Амура в 1659 г. [33, 387] (т. е. тогда, когда там находилась группа А. Петриловского). Но нами документально установлено, что в 1659 г. Каменский-Длужик еще находился в пути через Сибирь [19, 51]. В Якутск он смог прибыть только в августе 1662 г. [19, 51—52]. Как явствует из документов Якутской приказной избы, в последние годы пребывания в Якутске (1665—1667) Каменский-Длужик служил «дворским», т. е. тюремным надзирателем (о чем он предпочел не упоминать в своих воспоминаниях). Для совершения путешествия к устью Амура остаются, таким образом, 1663—1664 годы. Но само описание этого путешествия заставляет лишний раз усомниться в правдивости автора. По словам Каменского-Длужика, устья Амура он достиг в ходе «плаванья... из Жиган к Индигирке» и далее морем к «земле гиляков» [см. 33, 386—388]!

Конечно, возможно, что в период с осени 1662 до конца 1664 г. Каменский-Длужик действительно побывал в Жиганах, но у нас нет никаких оснований считать, что в 1663—1664 гг. русским удалось совершить необыкновенное плавание на кочах — проплыть морем от Лены до «земли гиляков». Установлено, что Каменский-Длужик лично знал С. И. Дежнева и М. В. Стадухина [19, 52] и именно от них он мог услышать о том, что Восточная Сибирь с севера и с востока омывается морями. Очевидно, поэтому Каменский-Длужик и счел возможным выдать себя за участника им же придуманного грандиозного плаванья. Тем не менее к его сообщению о гиляках-нивхах следует относиться внимательно. Вероятно, он повторял рассказ какого-то русского землепроходца, который сам бывал в «земле гиляков», возможно, в 1659 г.

Сведения, собранные русскими землепроходцами в 40—50-х годах XVII в., принесли большую пользу при составлении первых русских географических чертежей, на которых появилось изображение «земли гиляков». Известно, что весной 1642 г. ленский картограф Курбат Иванов по заданию якутского воеводы П. П. Головина составил географический чертеж Ленского края с изображением и тех земель, «куда

ходили люди Дмитрия Копылова», т. е. Ивана Москвитина [13, 49]. Чертеж этот не дошел до наших дней, но есть все основания думать, что именно на нем было дано самое раннее русское изображение «земли гиляков». Более подробно этот район был показан на чертеже участников похода В. Д. Пояркова. Но этот чертеж был утоплен осенью 1645 г. на р. Мае [11, 547]. Не дошли до нас и географические чертежи амурских казаков 50-х годов XVII в. Известно, что в прошлом они хранились в архивах приказной избы Якутска и Сибирского приказа в Москве. В сибирской столице — Тобольске — их не было, и поэтому в 1667 г. там по опросу разных лиц пришлось сделать новые чертежи различных районов Сибири, в том числе и чертеж нижнего Амура с изображением «земли гиляков», который вошел в качестве «прилога» в состав чертежа Сибири 1667 г. В самой росписи чертежа Сибири 1667 г. было сказано: «А от устья Хамуна [Амгуни] реки вниз же по Амуру реке и до моря до Гилянской земли ходу 2 недели; и те гиляки живут подле моря, а хлеба не сеют, питаются рыбою» [31, 54]. В росписи чертежа Сибири 1673 г. это сообщение давалось уже в несколько другой редакции: «А с устья Хамунского до устья Амурского до моря плыть 2 недели; а от Хамуна до моря, и подле моря живут Гилянские люди, а хлеба не сеют, питаются рыбою, а ездят на медведях» [31, 49]. А в конце этой же росписи приводилось уже совершенно фантастическое сообщение: «А прошед через камень [с Колымы!], приходят на реку Анадырь и тут промышляют кость рыбою. А на той земле живут Гилянские люди: а против устья Камчатки реки вышел из моря столп каменный, высок без меры, а на нем никто не бывал. А которые реки в Гилянской земли, и тем рекам имяна подписаны» [31, 54].

Происхождение этого весьма произвольного утверждения о месте обитания «гиляков» (нивхов) раскрывается очень просто. Автор данного текста явно сам никогда не был в дальневосточной части Сибири, но он имел перед собой общий чертеж Сибири, на котором надпись «гиляки» или «земля гиляков» была сделана столь размашисто, что невольно создавалось впечатление, что все дальневосточные реки от Анадыря до Амгуни и Амура находятся в «земле гиляков». И именно к ним и относится особая оговорка в росписи чертежа Сибири 1673 г.: «А которые реки в Гилянской земли, и тем рекам имяна подписаны».

Известно, что текстом росписи чертежа Сибири 1673 г. пользовался во время поездки по Сибири Н. Г. Спафарий — глава русского посольства, посланного в Китай. В связи с этим в его сочинениях не раз повторялись указанные ошибочные утверждения относительно «земли гиляков». Но вместе с тем в конце 1675 г. во время краткого пребывания в Нерчинске Н. Г. Спафарий смог собрать от бывалых амурских казаков и ряд новых данных о «земле гиляков», которые и использовал при составлении своего знаменитого «Описания (или „Сказания“...) о великой реке Амур» [см. 1, 245—254]. В этом сочинении, которое, как теперь выяснилось, является литературным дополнением к региональному маршрутному чертежу всего Амура [см. 17], имеется целый ряд сведений о гиляках-нивхах. Первое сообщение явно заимствовано из росписей чертежей Сибири 1667 и 1673 гг.: «С устья той реки (Хамуна—Амгуни) до моря, до Гилянской земли и до устья Амурского плыть 2 недели, и подле того моря земля Гилянская. А в той Гилянской земле впади реки в море: 1) Лама, 2) Охота, 3) Товуй, 4) Тодуй, 5) Пенжин, 6) Камчатка, а против той Камчатки столб каменной, высок горздо, 7) река Чулдан, 8) Анадырь...» [31, 109—110].

Другие сообщения о гиляках были записаны Н. Г. Спафарием явно со слов бывалых амурских казаков: «А на устье Амурском живут мно-

гие иноземцы, гиляки, и рассказывают те гиляки, что из устья Амурского, вышед на море, в левую сторону идти подле земли к Ламе-реке и тут обретаются леса многие и великие горы...» [31, 112].

Краткие сведения даются и о землях, расположенных «в правую сторону» от устья Амура: «Гиляки, которые там живут, рассказывают, что они по морю ездят подле берег, потому что у них суды небольшие, поднимают человек 20, для рыбного промыслу, и пристают, обыскав высокий берег, к земле...» [31, 112—113].

Но самой большой известностью в литературе пользуется сообщение Н. Г. Спафария об о-ве Сахалин. В различных списках «Сказания...» или «Описания о великой реке Амур» оно читается по-разному. Наиболее любопытный вариант этого описания «великого острова» имеется в копии, хранящейся в Пушкинском доме (собрание В. Н. Перетца, № 182): «А живут на нем иноземцы многие — гиляки породой. А юрты у них деревянные, а носят летом платье из кож рыбьих, а зимою носят шубы собачьи. А ездят зимою на собаках нартами, а летом в лотках деревянных, держат в улусах своих собак по 300, и по 400, и по 500, и больше, и медведей кормленных держат, а ядят они рыбу, и собак, и медведей, и всякие морские звери» [цит. по: 20, 35].

Анализ всех сообщений Н. Г. Спафария о «земле гиляков» ясно показывает, что он пользовался известиями участников самых различных походов — и москвитинцев, и пояркоцев, и спутников Е. П. Хабарова и А. Ф. Пашкова. В свою очередь, Н. Г. Спафарий сам способствовал дальнейшему распространению этих известий не только по России, но и за ее пределами. Так, давно уже известно, что именно «Сказание о великой реке Амур» Н. Г. Спафария легло в основу аналогичного описания Амура голландского географа Н. Витсена в его книге «Северная и восточная Татария» [37, 73—75]. В этой же книге Н. Витсена также встречается множество других сообщений о «гиляках» (нивхах) [36, т. I, 2; т. II, 30, 32, 36, 54; 37, 67—68, 106, 884 и сл.]. Имеется даже особая статья «О народе гиляки или гилиятском...» («Van de Volken Giliaki of Gilaitski») [37, 106—116]. Все они, как правило, основаны на русских источниках.

Новейшие исследования позволили более подробно проследить всю историю проникновения в Западную Европу самых ранних русских известий о «гиляках» (нивхах). Если раньше кое-кто из исследователей относил появление в Западной Европе самых ранних русских известий о гиляках к 60-м годам XVII в., то теперь стало очевидным, что эти утверждения были основаны лишь на домыслах. На самом деле про гиляков в Западной Европе впервые узнали лишь в 70-х годах. Именно тогда из России были вывезены первые копии общих чертежей Сибири 1667 и 1673 гг. и их росписей, в которых упоминались гиляки. Так, «земля гиляков» уже была изображена на одном из чертежей всей Сибири, включенном в альбом «Московия», который в 1674 г. был поднесен шведскому королю Карлу XI Эриком Палмквистом, участником шведского посольства 1673 г.

Изучение ранней деятельности Н. Витсена показало, что он «землю гиляков» нанес на свой ранний набросок карты Татарии еще в конце 70-х годов. В 1685 г. бургомистр г. Девентера Х. Кюпер в своей ранней характеристике наброска карты Татарии Н. Витсена упоминал, что на ней уже были нанесены места обитания гиляков — «giliaki» [36, т. I, 2].

Первые сведения о гиляках в Восточную Европу были доставлены несколько раньше. Известно, что сочинение А. Каменского-Длужика о Сибири было написано вскоре после его возвращения в Польшу в первой половине 70-х годов XVII в.

Таким образом, русские известия о гиляках сравнительно быстро стали достоянием мировой географической науки.

Итак, собранные в середине XX в. новые данные о прошлом нивхов значительно расширили наши представления по истории древнейших русско-нивхских связей.

Теперь уже можно считать твердо установленным, что русские впервые узнали о существовании «пиляков» (нивхов) еще в первой половине 1640 г. Осенью 1644 г. русские впервые вступили в прямой контакт с нивхами и уже тогда предприняли первую попытку подчинить их России. В течение почти двух десятилетий русские считали нивхов подданными русского государства и потому вели среди них сбор ясака.

Таким образом, уже тогда в России смотрели на «землю гиляков» как на составную часть обширной русской земли. Вторжение маньчжуров в среднюю часть Амура в 1658 г. значительно осложнило сношения русских с «землей гиляков». Но и после этого русские делали попытки возобновить связи с гиляками. И если в 60-х годах XVII в. они были малоуспешными, то уже с 80-х годов XVII в. русские вновь начали свое продвижение в сторону «земли гиляков».

В самом начале 80-х годов XVII в. русские казаки, жившие в Тугурском и Удском острогах, предприняли новые походы на р. Амгунь. Там же вскоре появились албазинские казаки во главе с Гавриилом Фроловым. Соединившись на Амгуни вблизи устья Немилена, эти два отряда предприняли поход в низовья Амура. Впоследствии участники его рассказывали: «Они же-де Албазинские и Якуцкие служилые и промышленные люди ходили с усть Немилены-речки на Амур-реку к новым неясачным иноземцам, к гилякам и наткам, чтоб тех новых неясашных иноземцев призвать под самодержавную великих государей высокую руку в ясачный платеж»³⁵. Но и эта попытка оказалась безуспешной: «натки» (нанайцы) и «гиляки» (нивхи) «учинили бой», во время которого были убиты два албазинских, один нерчинский, один якутский казака и два якутских промышленных человека³⁶. Через нанайцев известие об этом инциденте дошло до маньчжурских властей, и последние поспешили воспользоваться создавшейся ситуацией для расширения своего влияния на севере.

После 1686 г. возобновились походы нивхов в западную часть Охотского побережья, что привело к созданию небольшого нивхского поселения на Тугуре и, наконец, к появлению на Шантарских островах нивхских охотников в зимний период, следы пребывания которых и удалось обнаружить русским в 1713—1717 гг.

Посылая военный отряд в низовья Амура, маньчжуры надеялись сами постепенно подчинить нивхов своей власти. Однако свободолюбивые нивхи, охотно вступавшие в торговые отношения с маньчжурскими купцами, решительно отказались подчиняться маньчжурским властям. После же заключения в 1689 г. Нерчинского договора территория, расположенная к северу от низовьев Амура, была официально признана не разграниченной между Россией и Китаем. Поэтому не удивительно, что в начале XVIII в. русские на Дальнем Востоке неоднократно слышали от бродячих якутских, эвенкских и эвенских торговцев, что нивхи продолжают сохранять свою независимость. В справедливости этих сообщений русские смогли удостовериться лично, когда группе русских моряков удалось (около 1730 г.) совершить успешное плавание из кам-

³⁵ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, ст. 1084, л. 167—169.

³⁶ Там же, л. 169.

чатского Большерецкого острога в «землю гиляков». Позднее участник этого плавания матрос Илья Скурихин сообщал: «А на том устье [Амура] живут иноземцы, прозоваемы гиляки, тысяч с сорок (?) по морскому берегу и по островам, а те иноземцы вольные и никому ясаку никакова не платят и ни у кого в подданстве, да у тех же иноземцем у всякого человека в ноздре по кольцу, а огненного оружия не имеют, а имеют луки, стрелы и копья...»³⁷. Скурихин рекомендовал русским властям попытаться войти в контакт с независимыми «гиляками» (нивхами).

В середине XVIII в. некоторые нивхи через бродячих купцов сообщали в Удский острог о своем желании получить покровительство со стороны русских. Уже во времена Второй Камчатской экспедиции кое-кто из русских моряков, например знаменитый Алексей Чириков, рекомендовали правительству создать военную крепость в центре «земли гиляков» на устье Амура [2, 210; 20, 77].

При сибирских губернаторах В. А. Мятлеве и Ф. И. Соимонове были предприняты в этом направлении первые шаги, однако царское правительство отказалось поддержать инициативу сибирских властей [20, 77—78].

В середине 80-х годов XVIII в. до русских властей в Сибири вновь дошли известия о том, что «гиляки» (нивхи) хотят принять покровительство России.

2 марта 1788 г. иркутский генерал-губернатор И. В. Якоби писал Екатерине II: «Гиляки, ищущие теперь частия быть подданными Вашими, и с ними другие роды и поколения, населяющие здешнюю сторону Амура, увидят благоприятнейшее время следовать внутреннему их побуждению повергнуть прошение свои пред престолом Вашим о призрении их и покровительстве. Безспорно примут тогда и китайцы матерые (их племена) призрение и, конечно, им будет давнее и неопровержимое право Вашего Величества на народы тамошние и правую сторону Амура, так как оной тогда еще принадлежал России и обитатели тамошние платили тогда еще подати, когда китайцы об оных и сведения не имели»³⁸.

И. В. Якоби предлагал немедленно восстановить подданство гиляков и срочно направить к ним отряд русских солдат с целью создания в «земле гиляков» русского порта, «магазинов», казарм, «мастеровых верфей», а также создать там военные укрепления³⁹. Он настаивал на непременно оказании помощи гилякам: «Можно бы надеяться, что племя сие не отступит от желания своего, но, когда не будет видеть нас готовыми защитить их, то, может быть, наконец, по неосновательности своей истожа свое желание последовать внушениям китайским, чтобы тревожить нас в тамошних заведениях. Напротив того, всякие там укрепления подаст им совсем другие мысли, что им же самих можно противопоставить китайским предприятиям, ежели оныя были, и потому необходимым полагаю, зделав тут полевые укрепления с углублением — рвами и возвышением бруствера, чего уже и довольно будет, чтобы и самим китайцам навести страх и уважение, которое там будет больше, что и морские силы Вашего Величества послужат им напоминанием о том уважении к высочайшему двору Вашему, какие имеют просвещенные народы»⁴⁰.

³⁷ ЦГАДА, д. 248, л. 28, л. 77.

³⁸ ЦГАВМФ, ф. Канцелярия Адмиралтейств-коллегии, д. 585, л. 188.

³⁹ Там же, л. 185.

⁴⁰ Там же.

По распоряжению И. В. Якоби в Удский острог для переговоров с нивхами был отправлен специальный эмиссар Атласов, который, однако, из-за запойного пьянства свою миссию исполнить не смог [7, 102]. В 1789 г. к нивхам из Удского острога был направлен другой эмиссар вместе с мореходом Л. Ф. Терентьевым. На этот раз встреча с нивхами состоялась, но результаты переговоров до сих пор остаются неизвестными [20, 85—86]. Вскоре Екатерина II дала отставку главному инициатору этих переговоров Якоби, и связь с нивхами была вновь прервана.

Между тем интерес сибирских купцов к «земле гиляков» не угасал. Некоторые из них (например, братья Стручковы) усиленно добивались получения официального разрешения на право торговли с южными народами, в том числе и с нивхами [7, 101].

Нельзя считать случайностью, что в самом начале XIX в. правительство Александра I сочло нужным поручить И. Ф. Крузенштерну ознакомиться с Северным Сахалином и устьем Амура — главной зоной обитания нивхов. К сожалению, из-за большой спешки И. Ф. Крузенштерн провел там свои исследования недостаточно внимательно и в результате сделал ряд ложных заключений относительно нивхов. В 1849 г. Г. И. Невельскому и его сподвижникам удалось внести существеннейшие коррективы в ошибочные выводы Крузенштерна [23, 111—115].

В 1849 г. Г. И. Невельской смог еще раз убедиться в том, что нивхи сумели сохранить свою независимость от их южных соседей. Более того, в опознании в 1953 г. в Архиве Географического общества СССР подробном отчете Г. И. Невельского 1849 г. приводится целый ряд данных, которые свидетельствуют о крайне отрицательном отношении нивхов к маньчжурам. «Нелюбовь же их и боязнь к маньчжурам, — писал Г. И. Невельской, — можно было видеть во многом. Например, в одной деревне, когда мы уже ознакомились и называли их гиляками и они убедились, что мы не маньчжуры, то в доказательство их к нам расположения втыкали в землю палки, называя их маньчжурами, и потом с сердцами сколачивали одну за одной» [22, 117; 23, 111]. Уже в 1849 г. нивхи, убедившись в весьма гуманном к ним отношении со стороны русских моряков, решили обратиться к русским с просьбой защитить их как от маньчжуров, так и от приходящих с моря иностранных, главным образом американских, китобоев. С этой целью в 1850 г. в Аян делегатами от нивхов были посланы два весьма влиятельных нивха — Позвейн [см. 14] и Паткен⁴¹. Просьба нивхов была выполнена: с 1850 г. «земля гиляков» окончательно стала частью Российского государства.

Восстанавливая власть России над гиляками, Г. И. Невельской неоднократно в своих официальных заявлениях подчеркивал, что «земля гиляков» была составной частью Русского государства еще в середине XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев Ю. В. О происхождении «Сказания о великой реке Амуре», — ИРГО, 1882, № 4.
2. Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков, М., 1953.
3. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., — ТИЭ, Новая серия, т. LX, М., 1960.

⁴¹ См. ЦГАВМФ, ф. 410, д. 415, л. 15; см. также [14; 23, 115—119].

4. Долгих Б. О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам,— «Сборник статей по истории Дальнего Востока», М., 1958.
5. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией, т. 2—6, СПб., 1846—1857.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней, т. 2, Л., 1968.
7. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. I, СПб., 1860.
8. Окладников А. П. Первые известия об археологических памятниках Нижнего Амура,— ИВГО, 1955, № 5.
9. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов, составлен Н. С. Орловой под редакцией А. В. Ефимова, М., 1951.
10. Полевой Б. П. Доходил ли Иван Москвитин до устья Амура?,— «Материалы отделения истории географических знаний Географического общества СССР», Л., 1962, вып. 1.
11. Полевой Б. П. Забытые сведения спутников В. Д. Пояркова о Сахалине (1644—1645 гг.),— ИВГО, 1958, № 6.
12. Полевой Б. П. Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII в. (О сочинении Адама Каменского-Длужика),— СЭ, 1965, № 5.
13. Полевой Б. П. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640—1645 гг.),— ИВГО, 1960, № 1.
14. Полевсий Б. П. Нивх Позвейн, сподвижник Г. И. Невельского,— «Советский Сахалин», 20. XII. 1970.
15. Полевой Б. П. Новое об Амурском походе В. Д. Пояркова (1643—1646 гг.),— «Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969)», Новосибирск, 1973.
16. Полевой Б. П. Новое о Г. И. Невельском,— сб. «Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв.», М.—Л., 1965.
17. Полевой Б. П. Новое о происхождении Сказания о великой реке Амуре,— сб. «Рукописное наследие древней Руси. По материалам Пушкинского дома», Л., 1972.
18. Полевой Б. П. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан («Расспросные речи» И. Ю. Москвитина и Д. Е. Копылова, записанные в Томске 28 сентября 1645 года),— «Труды Томского областного краеведческого музея», 1963, т. VI, вып. 2.
19. Полевой Б. П. О пребывании в России Адама Каменского-Длужика — автора первого польского сочинения о Сибири (Новые документы),— сб. «Historia kontaktów polsko-rosyjskich w dziedzinie geologii i geografii», Wrocław, 1972.
20. Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина, Южно-Сахалинск, 1959.
21. Полевой Б. П. Первые известия сибирских казаков о японцах (1652—1653 гг.),— «Краткое содержание докладов годичной сессии Института этнографии 1970 г.», Л., 1971.
22. Полевой Б. П. Подробный отчет Г. И. Невельского о его исторической экспедиции 1849 г. к о-ву Сахалин и устью Амура,— «Страны и народы Востока», вып. XIII, М., 1972.
23. Полевой Б. П. Этнографические наблюдения Г. И. Невельского (1849 год),— СЭ, 1955, № 4.
24. Попов П. Н. О Тырских памятниках,— ЗВОРАО, т. XVI, СПб., 1906.
25. Сем Ю. А. Походы Онуфрия Степанова по Амуру и Уссури,— «Сообщения ДВ фил. СО АН СССР», вып. 15, 1962.
26. Степанов Н. Н. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII в.,— ИВГО, 1958, вып. 5.
27. Таксами Ч. М. Географические представления нивхов и их использование русскими исследователями Сахалина и низовьев Амура,— ИВГО, 1969, № 4.
28. Таксами Ч. М. Нивхи. Современное хозяйство, культура и быт, М.—Л., 1967.
29. Таксами Ч. М. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и Западного побережья Сахалина (середина XIX — начало XX в.),— «Сибирский этнографический сборник», вып. III, ТИЭ, новая серия, т. XIV, М., 1961.
30. Таксами Ч. М. Фольклорные материалы об истоках этнических и культурных связей народов Нижнего Амура и Сахалина,— «Фольклор и этнография», Л., 1970.
31. Титов А. А. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях, М., 1890.
32. Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, СПб., 1774.

33. Kamiński-Dłużyk A. Dyaryusz wiśzienia moskiewskiego miast i miejc,—
Warta. Książka zbiorowa ofiarowana ksidzu Franciszkowi Bazýńskiemu proboszczo-
wi przy kościele św. Wojciecha w Poznaniu na Jubileusz 50-letniego kapłaństwa w
dniu 23 kwietnia 1874 r. od jego przyjaciół i wielbicieli. (Публикация Кс. А. Ма-
рыански), Poznań, 1874.
34. [Kannemon], Jesso-ki ou Description de l'île d'Jesso avec une Notice sur la
revolte de Samsay-in, composée par l'interprète Kannemon et publiée le huitième
mois de la seconde année du Nengo Forekki ou en 1652 — Annales de voyages, publ.
par Malte — Brun, т. XXIV, Paris, 1814.
35. Pascal P. La Conquête de l'Amour. Les Campagnes de Pascov,— «Revue des
Etudes Slaves», т. XV—XVI, 1949—1950.
36. Witsen N. Noord en oost Tartarye, т. I—II, Amsterdam, 1962.
37. Witsen N. Noord en oost Tartarye, and ed., Amsterdam, 1705.

СВЕДЕНИЯ О ЯПОНИИ, ПОЛУЧЕННЫЕ ОТ ЯПОНЦЕВ В ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ

Впервые о существовании японцев в России узнали через сибирских казаков в 1652 г. [7]. В одном из реставрированных документов, относящихся к амурскому походу Е. П. Хабарова, сообщалось, что «нивхи-гиляки нижеамурского селения Маго поведали русским, что к югу от устья Амура „по морю живут чижемы, от чижем идет к гилякам железо и медь, и серебро, родитца ли в чижемах или нет, того они не ведают“» [7, 55—57].

Опубликованы же были в России первые сведения о Японии в 70-х годах XVII в. В книге «Космография 1670 года», в главе «О Иапонии, или Ианан-острове» приводились некоторые, хотя и неточные, данные о географическом положении этой страны, ее животном мире, природных ресурсах, занятиях жителей, их верованиях, нравах и обычаях, а также о государственном управлении Японией. Кроме того, в ней говорилось об отношениях японцев с португальцами, испанцами и голландцами [3, 379—389].

На основании этих данных была составлена общая характеристика Японии, включенная в «Наказ» Н. Г. Спафарию, отправленному царем Алексеем Михайловичем в 1675 г. послом в Китай. Спафарий был знаком и с приведенным выше известием сибирских казаков. О нем ему рассказал в 1674 г. в Посольском приказе есаул С. В. Поляков, получивший в 1652 г. указанное сообщение. Этот известный русский дипломат был первым, установившим, что под «чижемами» подразумевались японцы.

В рукописи о Японии (входившей в состав представленного в Посольский приказ Н. Г. Спафарием после его возвращения в Москву в 1678 г. описания Китая и сопредельных с ним стран) были приведены уже несколько более достоверные сведения.

В целом, однако, из-за отсутствия реальных данных представления о Японии в России носили еще фантастический характер.

В то же время нельзя не отметить, что на представленном Семёном Ремезовым в Сибирский приказ 18 сентября 1699 г. «Чертеже всех сибирских городов, рек и земель» был обозначен «Остров Апония» «против устья Амура», а в составленной им в 1701 г. «Чертежной книге Сибири» он использовал уже сообщения казаков, а также «Скаски» Владимира Атласова, присоединившего в 1697—1699 гг. к России Камчатку.

Первая из них была составлена в Якутской приказной избе в июне 1700 г.¹ В ней Атласов сообщал о Денбее, первом японце, с которым

¹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стлб. 1423, л. 11—12.

русские вступили в контакт. Его Атласов нашел у ительменов на р. Иче и взял с собой в Анадырский острог, а оттуда отправил в Якутск. Из Якутска Денбей 18 февраля 1701 г. был отправлен в Москву в сопровождении казачьего пятидесятника Ивана Софронеева. В Москву Денбей прибыл в конце декабря того же года, а 8 января 1702 г. был представлен царю Петру I в селе Преображенском. В тот же день был издан указ, в котором говорилось, что, после того как Денбей изучит русский язык, он должен обучить «японскому языку и грамоте» трех-четырех русских².

До 1705 г. Денбей жил в Москве. Указом от 16 апреля 1702 г. он был передан в ведение Приказа артиллерии. Его показания в Сибирском приказе были записаны в «Скаске Денбея»³. «А тот полоненник,—говорилось в этом документе,—говорит немного по-русски и в Сибирском приказе сказался Денбеем зовут, Дисаев сын, родом Японского острова города Осака, а стольный того острова город Меако (Киото. — О. П.), расстоянием от Осака города верст с полтора. В нем живет владетель того острова званием Дайин-сама (Дайри-сама. — О. П.). А отец Денбеев, Диса, живет в том же городе Осака, промышляет торговым промыслом. А он-де, Денбей, с товаром своего того же Осака города торгового человека, и именем Аवासия, сына Матавина (Авадзия сына Матазмон'а. — О. П.), в найму у него с иными хозяина его наемными людьми, всего 15 человек на судне, да с ними на иных 30 судах — на бусах или кораблях, по их званию, едовни (вероятно, эдофунэ. — О. П.), длиною те суды сажень маховых по 15, а шириною и вышиною по 4 сажени — пошли было под парусами по морю-океану того же Японского государства в город Енду (Эдо. — О. П.), который стоит на взморье расстоянием от Асака (Осака. — О. П.) с 700 верст... и на океане-де море те их суда волнами разнесло — а куды те суды разнесло, про то он не ведает. А их-де судно носило по морю великим ветром 28 недель, и они-де, избывая от ветру, шоглы (мачту. — О. П.) с парусами срубя, опустили в воду, а с теми парусами потонули у них два человека. А в том судне была с ними пресная вода взята из Осака города, и той воды стало им на 2 месяца, а как воды не стало — тогда они пшено варили в вине, и, то вино выщедя, подсаживали пшено сахаром-леденцом и понемногу питались. И как-де ветры перестали, тогда по матошнику усмотрели, что их далеко в море унесло, стали домышлять, как бы им назад воротиться? И нашли в море небольшое дерево с корнем, и то дерево вместо шоглы на судне они поставили и сшили из камок паруса. И теми парусами принесло их к Курильской земле, и они, увидя реку, пошли той рекой вверх и дошли до Курильского на-роду»⁴.

Таким образом, из показаний Денбея русские не только узнали о названиях некоторых городов Японии, но и получили представление о японской торговле, которая, видимо, была довольно обширной. Кроме того, были получены сведения о размерах японских судов и расстояниях, на которые они плавали.

² Указание Петра I о необходимости начать в России изучение японского языка было проведено в жизнь. 16 октября 1705 г. Петр I приказал генерал-майору Я. А. Брюсу выяснить: «Японского государства иноземец Денбей русскому языку и грамоте в Приказе артиллерии выучился ли и своему языку и грамоте робят сколько человек выучил и ныне учит ли?» [2 отд. VIII, 4 см. также отд. VII, 171].

В литературе имеются разные сведения о времени открытия школы японского языка. Так, по мнению Н. П. Веселовского, она была открыта в Петербурге в 1705 г. [1]. Но А. Сгибнев указывает иную дату — 1706 г. [8]. Достоверные документы об этой школе еще предстоит разыскать в архивах петровского времени.

³ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 1282, л. 79об.—8^л.

⁴ Там же.

Сообщение Денбея о том, что потерпевшие кораблекрушение японцы через 28 недель смогли попасть на «Курильскую землю» (под которой в данном случае подразумевалась южная часть Камчатки), говорило о существовании морского пути от Японии к Камчатке. Это были очень важные сведения, свидетельствовавшие о возможности установления прямых контактов с Японией через Курилы.

В «Скаске» содержатся и некоторые сведения о государственном устройстве Японии. «В Японской-де земле, — сообщал Денбей, — владетель или царь, которому имя Кубо-сама, да наподобие патриарха — Дайро-сама (Дайри-сама. — *О. П.*), да меньше того Дайра властью — кинчю-сама (*кинчю* — знать. — *О. П.*) живут в граде Миако, а иной царь их переезжая живет в городе Енде (Эдо. — *О. П.*)»⁵. Таким образом русские узнали о дуализме системы правления в Японии, сочетавшей абсолютную светскую власть сёгуна (резиденция которого была в Эдо) и духовную власть номинального императора (тэнно), постоянно пребывавшего в Киото.

Большой интерес представлял также рассказ Денбея о денежной системе Японии. «А деньги у них, — записано со слов Денбея в „Скаске“, — медные называют жени (*дзэни*. — *О. П.*), подобно русским медным денешкам округлостью да толщиной, да серебряные деньги, которые называют у них гинь, весом близко московского золотника. А медных денег на серебряную копейку дают 50, а за той золотой — кован (*кобан*. — *О. П.*) серебряных их денег дают 40 копеек. А иные золотые большие — шириною вершка в два, которые называют убан (*обан*. — *О. П.*), а дают за них по 4 кована. А иные золотые есть меньше, которые называют ичим (*итимон*. — *О. П.*), за которые дают серебряных по 10 копеек»⁶.

Таким образом, Япония в рассказах Денбея рисовалась как государство с обширной торговлей и развитой современной системой денежного обращения. Не удивительно поэтому, что в среде русского купечества пробудился интерес к торговле с этой страной. Так, еще в 1716 г. несколько купеческих торговых домов обратились с ходатайством в сенат о предоставлении им права торговать с Японией [4, 449].

Под диктовку Денбея в Сибирском приказе было записано несколько десятков японских слов, первых в истории русской лексикографии японского языка [см. 6, 164]. Наконец, от него русские получили и некоторые сведения о религии японцев. Будучи сам буддистом, Денбей перечислил буддийских богов, почитаемых у него на родине [см. 6, 164].

Заканчивая рассказ об этом первом японце в России, следует подчеркнуть, что он был человеком грамотным. Данный момент специально отмечен в «Скаске» Атласова: «И тот де индеец (так ошибочно называл Атласов Денбея. — *О. П.*) сказал про себя, что он по-своему грамоте умеет, и был подъячим, и объявил книгу индейским (японским. — *О. П.*) письмом, и ту книгу привез он, Володимер (Атласов. — *О. П.*), в Якуцкой [острог]» [4 а, 14]⁷.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ «В Камчатском остроге нашел он (казачий атаман Морозко. — *О. П.*), между прочим, неизвестные письма, которые и привез с собою. Мы тотчас увидим, что они были японские. Ибо, после Морозка на другой год отправившись, Атласов с большим числом служивых людей на Камчатку, и поставив на том месте, где в последующее время построен верхний Камчатский острог, ясажное зимовье, нашел на реке Иче одного японца, которого за два года перед тем принесло погодою к Камчатскому берегу и выбросило с судном при устье реки Опали, которая впадала в Пенжинское море от Большой реки под полдень» [4, 294].

Сообщение Денбея было существенно дополнено японцами, спасшимися в апреле 1710 г. с судна, потерпевшего кораблекрушение у побережья Камчатки — в Калигирской губе (севернее Авачинской губы). Первые сведения об этом поступили от камчатских казаков (в их челобитной на имя Петра I от 17 апреля 1711 г.). Казаки сообщали, что на берег выбрались десять японцев, которые тут же подверглись нападению камчадалов. Четыре японца были убиты, остальные шесть захвачены в плен. Четырех из них отбили казаки. Двое из этих японцев, научившись немного русскому языку, рассказали, что их родиной является расположенный на острове в Пенжинском море, против Камчатского мыса, Эдо, близ которого находятся еще семь городов.

Г. Ф. Миллер, изложив эту историю, добавляет, что один из этих японцев — Санима — был отправлен в Петербург, где стал помощником Денбея в школе японского языка при Сенатской конторе [4, 296—297], а после смерти последнего продолжал преподавать японский язык в той же школе до 1734 г. [см. 1, 157—159; 4, 304—305; 4а; 9, 446 и сл.; 12].

Профессор университета Сангё в Киото Ситиро Мураяма занялся выяснением личности Санима [см. 11, 69—78]. До самого последнего времени в Японии не было известно, откуда дрейфовало судно Санима и откуда последний был родом. Ситиро Мураяма на основании проведенных им лингвистических изысканий приходит к выводу, что родиной Санима было Хокуоку или Мацумаэ (Северо-Восточная Япония) [11, 73]. Дело в том, что имени «Санима» в японском языке нет. Ситиро Мураяма справедливо считает его производным от «Санэмон». В диалектах Тохоку (Северо-Восточная Япония), указывает он, общепринятый звук 'е' произносится как 'ie', т. е. является средним между 'i' и 'e'. «Санэмон» в таком произношении звучит как «Санимон». Другой особенностью этих диалектов является назализация гласных перед звонкими и носовыми согласными, что ведет к произношению «Санимо». У русских же казаков, по аналогии с привычными им мужскими именами, оканчивающимися на 'а' (Фома, Кузьма, Лука, Никита и т. п.), «Санимо» превратилось в «Санима»⁸.

Однако Ситиро Мураяма, использовавший в своей статье многие сведения, содержащиеся в русских публикациях разного времени, не был, по-видимому, знаком со статьей И. И. Огрызко [5, 167—199], к которой были приложены фотографии сделанной Г. Ф. Миллером копии «Чертежа как Камчадалского носу, також и Морским островам, коликое число островов от Камчадалского носу до Матмайского и Нифона островов», составленного монахом Игнатием Козыревским и помеченного 1726 г. [5, 187, 200—207]. На «Чертеже» имеются многочисленные надписи, сделанные Козыревским на основании сведений, полученных от одного из спутников Санимы — Кисити.

В этих надписях, в частности, довольно подробно излагается история приключений японцев на Камчатке. Так, против изображения рек «Шемячек, Березовые» на «Чертеже» записано: «Меж сими реками, оставя бусу, в шлюпке нифонцы выехали на землю, и в то время неприятельские иноземцы в полон взяли и одного убили» [5, 201]. Рас-

⁸ На последнее обстоятельство автор данной статьи указала Ситиро Мураяма в письме, целиком приведенном в его статье: «В прошлом в России было много мужских имен, оканчивающихся на 'а': Фома, Кузьма, Лука, Никита и др. В особенности подобные имена были распространены у казаков. Такие имена изначально оканчивались на 'а', по аналогии и другие имена в просторечии также произносили с окончанием на 'а': Гавриил — Гаврила, Даниил — Данила, Михаил — Михайла (например, Михайла Татаринов), Еремей — Ерёма. Поэтому и Санэмон — Санимо стал Санима в русском и казаков произношении» [цит. по: 11, 76].

сказ продолжается в надписи против мыса «Камень» (южнее «Калиперской губы»): «На сем носу в прошлом 710 году в апреле месяце бусу розбило пустую, понеже что было у них, то все в море сами они иноземцы сбросили. И носило четыре месяца. А бусу на море видели еще в марте месяце как носило» [5, 201]. Таким образом, точно датируется год и месяц, когда Санима и его спутники попали на Камчатку, и указывается место их высадки.

Дальнейшая судьба японцев освещается в двух надписях. В первой — в промежутке между изображением верховья р. Камчатки и восточного берега п-ова «Шипун» говорится: «В сих урочищах двух человек нифонцов Киста, Китара служилые люди взяли, а я (Козыревский. — *О. П.*) в то время морем шел и якори четыре из моря вынял и на землю в удобное место положил. А ныне где оные: или иноземцы нашли и взяли — и о том не ведаю» [5, 202]. Во второй — против рек «Ашпилова она ж Шолоды, Явина она же Шохожахойты» читаем: «Да с разбойной⁹ же бусы иноземцов трех человек Ширюкея, Тиски, Сана¹⁰ по разным рекам брал в показанных годах (имеются в виду 1711, 1712 и 1713 гг. — *И. О.*), в том же числе и выкуп дал за одного» [5, 200].

Итак, из надписей на «Чертеже» видно, что японцев осталось не шесть, как указывает Г. Ф. Миллер, а пять, и выясняются их имена: Ширюкей, Тиски, Сан, Кисть и Китара. Попытаемся восстановить их имена по-японски: Ширюкей, по-видимому, — Shirynhei, Тиски — Chosuke, Сан — Sanemon, Кисть — Kishichi, Китара — Kitago.

Имеется на «Чертеже» и надпись, позволяющая, на наш взгляд, решить вопрос о месте, выходцами откуда были Санима и его спутники (в скобках даем наше прочтение): «Из Кинокуни города ходили в государство (т. е. Эдо. — *О. П.*) оные иноземцы Кисть (Кисити), Китара (Китаро), Ширюкей (Сирюхэй), Тиски (Тёсукэ), Сан (Санэмон — Санима) — всех четырнадцать человек с торгом, а имянно с лесом, и продав лес купили вино, табаку, гороху и возвратясь, своего города недошед дни за три, и отнесло их ветром в море, а хозяин из государства (т. е. Эдо. — *О. П.*) горою (по суше. — *О. П.*) в свой город уехал. А как их отнесло от земли, и стало на море бить волнами, и они дерево срубили и со снастями опустили, и якорь с шеймою потеряли. А оные люди были работные из найму» [5, 206].

Итак, Санима и его товарищи отправились из пров. Кинокуни (старое название пров. Кин, расположенной в районе Кинки, т. е. Киото). Крайне важно при этом отметить, что диалекты пров. Кин имеют некоторые фонетические особенности, совпадающие с отмеченными выше в тохокских диалектах (т. е. уроженец этой провинции также вместо «Санэмон» скажет «Санимо»). Кроме того, кинским диалектам свойствен шипящий призвук в произношении 'S': Ширюкей вместо Сирюкей, Шэндай вместо Сэндай.

Наибольший интерес для нас, естественно, представляют нашедшие отражение на «Чертеже» сведения о Японии. Так, под заголовком «Матмайский остров» (Хоккайдо) там написано: «На сем концу стоит Матмай город по край проливы, а по скаскам полоненных иноземцев Киста, Ширюкея, Сана и других построен вновь не из давних лет, а которые люди явятца в каких винностях, и тех с Нифона-острова ссылают в Матмай-город в ссылку. И Матмайского города жители всякое ружье при себе имеют ради оберегательства, а в городе пушки, и

⁹ Разбойная — зд. разбитая.

¹⁰ Имена японцев. Напомним, что в токугавской Японии простолюдины не имели фамилий. Сан — аббревиация имени Санима.

ружье, и всякий снаряд. И меж Матмайским и Нифоном островами в проливе с обеих земель прилегли носы, и когда бывает ветер боковой, а вода прибывающая или упала, и тогда в пути бусам их великая нужда, а иногда и разбивает, понеже против де носов нешироко и место каменное-де. В означенном сим письмом таковым образом объявлял вышеписанной Кисть (Кисити) Матмайской остров на полуострове к Камчатской стороне и сказывал, что де иноземцы их званием Езо с Матмайского и других островов приходят в Матмай город с рыбою и с китовым жиром и кожами звериными, и знаются с Матмайского города с жителями, и по своему языку с ними говорят, и к ним из Матмая ходят. И мы де, нифонцы, далее Матмая в Северную сторону на иные острова не ходим» [5, 204—205].

На другом углу «Чертежа» против обозначения «Восток» сообщаются не менее интересные данные: «Город великой званием Шендай владение особливое, а владетель — родственник нифонскому царю. И от того города есть на море к государству (т. е. к Эдо. — О. П.) остров, на которой люди их съезжаются ради мольбища и привозят дары: золото и серебро и другие вещи. И множество де оного имения обретается, и ежели кто от того украдет, и тому скорое обращение бывает: жилы станут корчить и тело сохнуть. А ежели кто забвением учинит или на ногах принесет, и тем обличение бывает. Того ради имеют особливое на себе одеяние ради моления, а как возвратятся к судам, и оную одежду снимают с себя, и прилипший прах отрясают, и облачаются в иную одежду» [5, 205].

Далее следует запись: «Стоит город близ моря званием Нанбу (княжество. — О. П.), особливое ж владение подданное, и которые морские бусы ходят в Матмай и другие города из государства их званием Фуней (по-видимому, *фунай* — префектура. — О. П.), и сего города не минуют, понеже в проливе стоит... Народ острова сего Нифона на пищу себе коров не бьют и мяс их не едят, и ружья при себе держать им не повелено, кроме сабель, и то у знатных людей, також и торговым людям не велено ж, которые ходят и морем. А в службу де выбирают великовозрастных (т. е. высокого роста. — О. П.) людей и обучают по своей обыкности в особливом городе и тогда приводят в государство (т. е. в Эдо. — О. П.). А к воинскому делу зело неискусны и боязливы. Которые у меня (Козыревского. — О. П.) в полону были, когда увидят человека кровава (окровавленного. — О. П.), и тогда падут на землю или глаза руками закроют, и про других своих людей також сказывали.

Да близ де великой губы к государству есть остров караульный, которого не могут миновать морскими судами, и караул стоит крепкой, и проходящих в государство и назад из государства осматривают накрепко: вначале людей и ружья и выписи на товары дают, а ежели найдут ружье и другое что, то без остатку обируют, а торговым указ чинят. А вышеописанное мольбище на сем острову или на ином, о том в достаток не уведомился, или близ моря стоит. Також и по земле по дорогам многие караулы стоят: близ государства торговых и всяких людей накрепко осматривают» [5, 205].

На краю листа, против обозначения «Север» идет следующая надпись: «На сей стороне за перелевом от Матмайского острова стоит город званием Цынаду (Цугару. — О. П.) — особливое владение, подданное Нифонскому государству их языком. И приходят с большой земли с Западной стороны из китайских городов и других владений и городов с торгами и путь морем в государство, а другой землю ездят в полмесяца.

А войны из давних лет у них на Нифоне острове меж большими

и другими владельцами и нифонским и узакинским (осакским. — *О. П.*) не сказывали, но токмо мир меж собою имеют и торги водят. В полуденной — в подданстве узакинскому, а во востоке и сивере — нифонскому. А все ли владельцы в подданстве или не все ко оным большим государствам, о том в достаток не уведомился, понеже полоненные мною и служилыми людьми нифонцы русскому языку в достаток не навывкли, також и я большим разговором и поступкам не заобыкновен и прежде того иностранных государств людей не видел и обыкности не знал и ныне не ведаю таких порядков, как с начальными людьми государственными поступать надлежит» [5, 205—206].

Из приведенных отрывков видно, что японцы, попавшие на Камчатку, описали как Хоккайдо («Матмайский остров»), так и северо-восток Хонсю: Сандай, княжества Нанбу и Цугару.

Сообщили они и о внешней торговле Японии с Китаем и другими «владениями» (под которыми, вероятно, подразумевается Корея), и о внутренней торговле между Осака и другими районами феодальной Японии. Они отметили также и окончание междоусобной борьбы в стране.

Приведенные на «Чертеже» сообщения о государственной структуре Японии подтвердили сведения Денбея о дуализме правления в этой стране. Данные последнего были дополнены хотя и примитивным, но достаточно обстоятельным рассказом о японской феодальной системе. Более подробны, чем у Денбея, и географические и этнографические сведения о Японии. Ниже приводятся соответствующие надписи на «Чертеже».

«Всех де особливых владельцев у них на Нифоне острове близ седи-мидесять, у которые города каменные и малые пригородки под ними. Да у них же на Нифоне острове обретается Великий властитель, например, по нашему папа или ин кто, званием Фанно Сомы (Тэнно-сама. — *О. П.*), и оному поклоняются большие их цари и владельцы и весь народ, и честь воздают по-нашему, что богу. Или оной Фанно Сомы — бог их, о том в достатке не уведомился, и порядков вопросам не знал, а и полоненные иноземцы были не начальные люди, токмо в работе из найму ходили, чья буса была.

Государство стоит в великой губе морской над рекой, званием их Эдо общим называют Нифонское, а люди называются нифонцы. А от моря по реке не в дальном расстоянии стоит, и морские суды не подходят, и стоят на усть-реки, а возят товары мелкими, на то устроенными особливыми судами, а приходят и отходят безпрестанно понеже зимы нет: в полдень в Узаку (Осаку. — *О. П.*), а в сивер к Камчатской стороне, к Матмаю и в другие города. А каменных городов в государстве два, на которых по стенам и по башням пушки и караул крепкой и всякое ружье огненное. И царя своего не выдают, а когда бывает ему ход, и в то время падут на землю и смотреть не смеют же. А звание оному царю Кубо Сомы Танка (Кубо-сама тэнка — сёгун. — *О. П.*). И другие владельцы в государстве при нем живут, а в свои места и города посылают от себя ради управления наместников. А вокруг де Нифона острова на их бусах морем скорым путем едва можно де годишным временем обойти» [5, 206].

Далее в тексте к «Чертежу» отмечается: «В особливой в губе ж морской близ моря стоит город великой званием Иши (Исэ. — *О. П.*), особливое ж владение, а владетель званием Уал Сомы (ува-сама? — *О. П.*) подобен нифонскому Кубо Соме (Кубо-сама. — *О. П.*).

Особливое ж владение — город Кинокуни. Да между сими городами стоит город званием Иманву (?).

Из Нифонского в Узакинское государство горою ходу сказывали

полтора месяца, а морем в два и в три и в один месяц бывают, понеже морской путь не равно.

А узакинскому царю звание Кубо Ноками Тенка (?). И во оное государство приходят из других государств и из Китайского государства, понеже из полоненных показанной Кисть (Кисити) в Узакинском государстве бывал и видал других государств торговых людей, и морские их суды, и сказывал в Узаке (Осаке) — де многое число всяких вещей обретается: серебро и медь и шелк родится и всякие дорогие добрые товары делают.

Да на их же земле на высокой горе, например, по-нашему будто монастырь великой, в котором обретается по их вере множество церквей и домов и безчисленно богомольщиков чернецов, которым и жалование присылается от их царя, и всякие люди за моления им дают.

А хлеб у них родится по трижды в год: а овощ и всякой земли плод безпрестанно; а табак сеют, и множество родится, и делают; а шелковые и бумажные товары делают, ткнут мужики и бабы и оттого одежду имеют и торгуют» [5, 206—207].

Все изложенные выше сведения, как пишет И. Козыревский, ему сообщил японец Кисть (Кисити). Он же сделал «Чертеж» Японии с надписями на родном языке. Козыревский добавляет, что, узнав об этом, остальные японцы очень рассердились на Кисити, и он больше ничего не рассказывал.

Несколько слов о судьбе самого Козыревского. В 1717 г. он постригся в монахи под именем Игнатия. (Так он и подписался на «Чертеж»). По доносу Козыревский, несмотря на монашеский чин, был арестован и отправлен в Якутск для следствия, но сумел оправдаться. В 1724 г. он просил Якутскую воеводскую канцелярию отпустить его в Москву, где собирался рассказать «о пути в Японию». Его не отпустили, но сообщили о нем в Тобольск. Летом 1725 г. через Тобольск проезжал Витус Беринг. Тобольская канцелярия предложила Берингу расспросить Козыревского, а если понадобится, то взять его с собою в экспедицию. 6 июня 1726 г. состоялась их встреча, во время которой Козыревский передал Берингу свой «Чертеж».

И последнее. Хотя рассматриваемый «Чертеж» датируется 1726 г., однако исходные «чертежи», с которых он был заимствован, относятся к 1711, 1712, 1713 гг. Именно после экспедиции Козыревского в 1713 г. не только в Якутске, но и в Москве получили более широкое и достоверное представление о географическом, этнографическом и политическом положении Японии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, — «Труды Третьего международного съезда ориенталистов в С. Петербурге, 1876 г.», т. 1, СПб., 1879—1880, стр. 97—256, 605—606.
2. Иванов П. Распоряжения Петра Великого об обучении в России японскому языку, — ВИРГО, СПб., 1853, кн. III, отд. VII, VIII.
3. Космография 1670. Книга, глаголемая Космография, сиречь описание сего света земель и государств великих», СПб., 1878—1881.
4. Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных, — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», т. 1, СПб., 1758.
- 4а. Оглоблин Н. Н. Первый японец в России 1701—1705, — «Русская старина», т. 72, 1891, октябрь, стр. 11—24.
5. Огрызко И. И. Открытие Курильских островов, — сб. «Языки и история народов крайнего Севера СССР», Ученые записки ЛГУ, № 157, сер. Факультета народов Севера, Л., 1953, стр. 167—199, приложение, стр. 200—207.
6. Петрова О. П. Японский язык в России в первой половине XVIII в., — «Народы Азии и Африки», 1965, № 1, стр. 163—177.

7. Полевой Б. П. Первые известия сибирских казаков о японцах (1652—1653 гг.),— «Краткое содержание докладов годичной сессии Института этнографии АН СССР, 1970», Л., 1971.
8. Сгибнев А. Исторический очерк главных событий на Камчатке,— «Морской сборник», т. CI, 1869, № 4, стр. 65—142.
9. Сгибнев А. Об обучении в России японскому языку.— «Морской сборник», 1863, № 12.
10. Егерман Э. Путь до Япон,— «Записки по гидрографии», т. XXXVIII, вып. 3, Петроград, 1914, стр. 446—456.
11. Мураяма Ситиро, Росиа-э но хёрюмин Санима-ни цуитэ (О Санеме, занесенном морским течением в Россию),— «Нихон Рэкиси», сентябрь, 1967, № 232, стр. 69—78.
12. Dostojewsky M. Rußlands Vordringen zum Stillen Ozean und seine erste Berührung mit Japan,— «Japanisch-Deutsche Zeitschrift», Neue Folge 2, 1930, тетр. 4—6.

В. Т. Дашкевич

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ЯПОНИИ С ЕВРОПОЙ В XVI—XVIII вв.

(По материалам Эрмитажа)

В середине XVI в. жажда наживы привела португальские каравеллы к берегам Японии. Купцы, торговавшие в основном огнестрельным оружием, и проповедники-иезуиты познакомили японцев со многими достижениями западноевропейской цивилизации. Почти столетие связи Японии с Европой протекали при преобладающем культурном влиянии сначала португальцев и испанцев, а потом англичан и голландцев. В конце концов соперничество чужестранцев и их преследующая далекие цели политика привели к запрещению правителями Японии христианства, «закрытию» страны и изгнанию из нее всех европейцев. Минимальные возможности для торговли были оставлены лишь «красноволосым» (так в Японии называли голландцев), которые и использовали их в течение последующих столетий.

Эти известные истории факты, а также вопросы культурного воздействия Европы на Японию явились темой многих ценных работ как европейских, так и японских исследователей.

Целью настоящей статьи является попытка показать, в какой степени и каким образом контакты с Европой нашли свое отражение в прикладном искусстве феодальной Японии XVI—XVIII вв., охарактеризовать пути проникновения в него художественной культуры Запада и выявить в нем различные типы художественного сплава явлений японского искусства и искусства других стран. Для этого привлечены как уже опубликованные произведения прикладного искусства Японии, хранящиеся в музеях Европы и Японии, так и впервые вводимые в научный оборот предметы искусства из коллекции Эрмитажа, вследствие чего определенное место в статье отведено вопросам их атрибуции.

Контакты с Европой оказали на японское прикладное искусство и прямое и опосредствованное воздействие, проявлявшееся различными путями. Прежде всего оно коснулось орнаментики произведений прикладного искусства, не задев его основ и принципов. Так, с распространением христианства в Японии в XVI в. изготовлявшиеся по заказу обратившихся в католичество японцев вещи украшались заимствованными из европейских книг элементами орнамента, насыщенного христианским содержанием. Классическим примером является круглая деревянная лаковая шкатулка, хранящаяся в одном из храмов г. Камакура [28, 398]. В центр крышки этой шкатулки вписаны иезуитская монограмма IHS (первые буквы слов «Иисус, Человечества Спаситель»), крест и гвозди, символизирующие распятие. Такая же монограмма нередко украшала и типично японские по форме *цуба* — кова-

ные железные пластины, надеваемые на сабли таким образом, чтобы они, отделяя эфес от клинка, предохраняли руки от ранения [6, 164].

Наиболее непосредственное отражение интерес к Европе, европейцам, их культуре нашел в вещах чисто национальных по своему назначению, форме, материалу, технике, но представляющих собою или несущих на себе в качестве орнамента изобразительные композиции из фигур европейцев, европейских парусных кораблей, глобусов и т. д. Эти сюжеты, появившиеся сначала в живописи на многосторчатых ширмах XVI в. [2; 4, 76—79], получили широкое распространение в XVIII—XIX вв. и в резьбе по кости, и в изделиях из фарфора, металла и лака. Причем со временем они изменялись строго в соответствии с действительно происшедшими переменами. Например, цуба XVI в. изображали первых открывателей Японии — португальцев, а в XVIII в., когда существовала лишь одна фактория голландцев, — корабли голландской Ост-Индской компании [6, 164, 168].

Автор подсвечника из фарфора типа Орибэ¹, живший в конце XVI в., сделал его в виде фигуры португальца, одетого по моде того времени в широкие шаровары [4, 87]. Использованы европейские сюжеты и на лаковых *инро* (подвесных коробочках для лекарств, состоящих из раздвижных секций-отделений), являющихся образцами лаковой живописи XVIII в. На поверхности этих чисто национальных по форме и назначению вещей написаны разноцветным лаком (в соответствии с законами японского изобразительного искусства) фигуры португальцев и голландцев в характерных для них костюмах [23, 14—15]. Этими же законами руководствовался и художник из прославленного центра фарфорового производства Арита, расписавший в XVII—XVIII вв. блюдо изображениями парусных кораблей и фигурами беседующих голландцев [20, 1165].

В эрмитажном собрании (№ ЯД177) хранится *нэцкэ*² из слоновой кости в виде фигурки стоящего европейца (высота — 8,8 см, ширина — 2,7 см; см. рис. 1)³. Противоречия в трактовке костюма позволяют сделать заключение о времени изготовления *нэцкэ*. Тщательно перерисованы детали костюма, поразившие воображение японцев еще в XVIII в.: камзол, гравированный пышными цветами в подражание парчовой ткани, отсутствующие в японском костюме пуговицы на груди, инкрустированные камнем, чулки, обтягивающие ноги, башмаки — все это сходно с аналогичными деталями туалета в изображениях голландцев на уже упоминавшихся изделиях XVIII в. Но верхняя одежда с отворотами, широкими рукавами и длинными полами, представляющая помесь кафтана XVIII в., сюртука или фрака начала XIX в. и японского халата, отсутствие парика и шляпы, характерных для европейской моды XVIII в., и, напротив, прическа со взбитыми надо лбом волосами, свидетельствующая о знакомстве мастера с европейцами 20-х годов XIX в., позволяют предположить, что *нэцкэ* была изготовлена в первой трети XIX в. Рассмотренная *нэцкэ* представляет характерный пример того, что даже в условиях изоляции, когда в стране лишь изредка появлялись иностранцы, мастер все же сумел внести в традиционное изображение голландцев XVIII в. новые черты, подмеченные им во внешности европейцев начала XIX в.

В то же время эта *нэцкэ* чисто японская по своему художественному исполнению. В ней со всей очевидностью проявляется свойствен-

¹ Один из центров керамического производства, развивавшегося с XVI в.

² Подвеска, при помощи которой японцы могли носить подвешиваемые на шнурке к поясу *инро* и другие мелочи.

³ *Нэцкэ* подписная, однако выгравированное на ней имя мастера Тадамаса, к сожалению, не упоминается в доступной нам справочной литературе [см. 9; 16].

ное японским резчикам знание материала, экономное его использование. Соблюдены и все требования, связанные с утилитарным назначением нэцкэ. Фигурке придана плоская удлиненная форма (вследствие чего она удобно ложится в руку), умело расположены отверстия для шнура и т. п.

Таким образом, все названные выше вещи традиционны по форме, технике, материалу и украшены также в соответствии с привычными художественными принципами, но в них использованы чужеземные сюжеты, отражающие интерес японцев к пришельцам из далеких стран.

Подобное изображение традиционными средствами того, что поразило своей «необычностью» воображение японцев, было не единственной формой, в которой проявилось влияние европейской культуры. Параллельно в японском прикладном искусстве рассматриваемого периода можно проследить и более глубокое проявление взаимодействия различных, чуждых по своему характеру художественных культур.

Процесс смешения, заимствования, поглощения японским искусством элементов художественной культуры других стран проявлялся по-разному в зависимости от того, изготовлялась ли вещь на экспорт или предназначалась для японцев.

Прекрасными образцами первых является группа из трех предметов, хранящихся в Эрмитаже. Это деревянные, покрытые черным лаком, инкрустированные перламутром и украшенные золотым лаком кабинет и два различной величины сундука. Они резко отличаются несвойственными для произведений японского прикладного искусства чертами, начиная с их назначения, формы и кончая их художественно-техническими особенностями. Не удивительно, что до последнего времени (атрибуция дана только в 1972 г. [см. 1]) они не считались японскими, как это явствует из хранящейся в отделе западноевропейского искусства Эрмитажа инвентарной описи музея училища Штиглица (т. II, стр. 262). Более того, кабинет вообще был приобретен в 80-х годах прошлого века в Париже как образец французской работы XVII в. Основания для такого заблуждения налицо. Кабинет (№ ЯР 1011, высота — 39,5 см, длина — 51,8 см, высота — 32,4 см; рис. 2) имеет типично европейскую форму параллелепипеда на четырех низких круглых ножках, с откидывающейся передней стенкой, открывающей восемь выдвигаемых ящичков, тесно прилегающих друг к другу. Центральный высокий ящик конструктивно оформлен в виде полукруглой арки, опирающейся на колонны, — архитектурный мотив, издавна используемый в европейской мебели. Все ящики, за исключением центрального, имеющего замочную скважину, снабжены неподвижно прикрепленными в центре металлическими ручками-шишечками. Углы кабинета обиты бронзовыми позолоченными обкладками барочной формы, гравированными цветочно-растительным орнаментом. Такая же, но более осложненная по орнаменту обкладка имеется на замке отки-

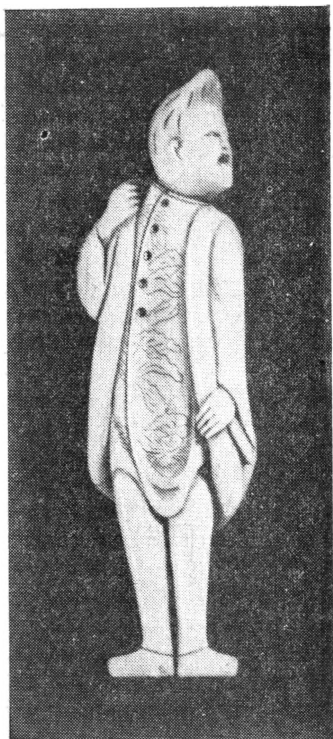

Рис. 1. Нэцкэ из слоновой кости в виде европейца

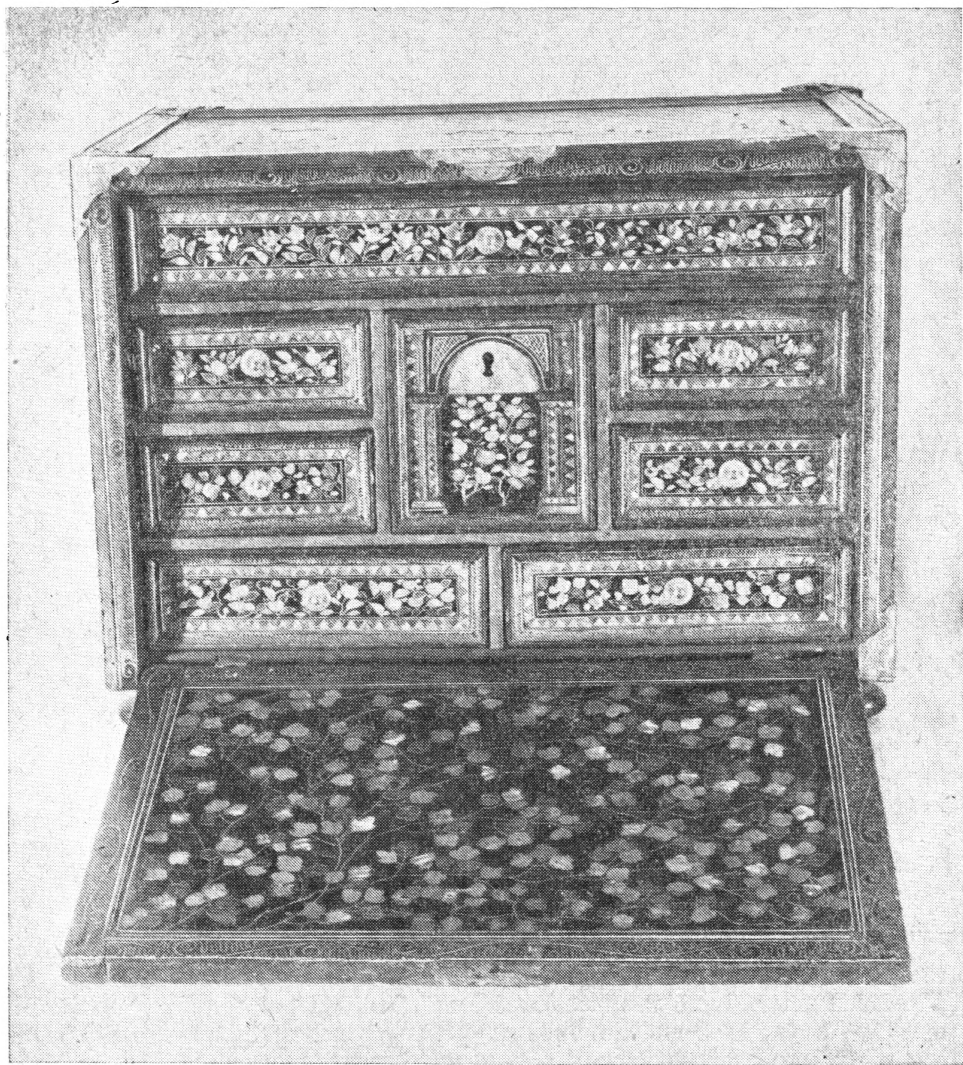

Рис. 2. Кабинет с откинутой дверцей

дывающей стенки. Подобной формы кабинеты, по-видимому, изготовлялись сначала в Германии, а затем получили распространение в Европе, включая Испанию и Португалию [12, 194]. В Японии они до появления европейцев не были известны.

Особенности архитектуры и бытового уклада Японии исключали распространение не только кабинетов, но и сундуков. Форма сундуков, о которых идет речь, типично европейская: ящики с откидной полуцилиндрической крышкой на четырех петлях и с двумя замками — на большом сундуке (№ ЯР 1013, высота — 59 см, длина — 113 см, ширина — 45 см; см. рис. 3) и на двух петлях и одним замком — на маленьком (№ ЯР 1012, высота — 35 см, длина — 60 см, ширина — 25,7 см; см. рис. 4). Замки, петли и углы декорированы бронзовыми обкладками барочных форм, гравированными растительным орнаментом.

Принципы орнаментации, одинаковые для всех трех предметов, также нехарактерны для Японии. Сплошное заполнение всех внешних

Рис. 3. Большой сундук

поверхностей изображениями растений и животных, расположенными на фоне геометрического орнамента, не наблюдается в произведениях мастеров прикладного искусства Японии, предпочитавших и предпочитающих противопоставлять изображению пустоту фона. Несвойственны японскому искусству и обильное использование геометрического орнамента в качестве фона и принцип его расположения по краям стенок в качестве бордюра, подчеркивающего конструктивные особенности предмета. Он прямо противоположен издавна распространившемуся в прикладном искусстве Японии принципу контрастного сопоставления формы и узора, зачастую представляющих собой единую живописную композицию, не ограниченную одной плоскостью, а простирающуюся по всей поверхности предмета.

Так же чужд японскому искусству и принцип отделения изображения от остального пространства, проявившийся в обрамлении картушем архитектурных пейзажей на верхней и передней стенках кабинета, корзины с цветами — на крышке маленького сундука и изображений животных и птиц — на крышке и передней стенке большого сундука. Наконец, техника инкрустации геометрического орнамента различной формы крупными пластинами фиолетово-розово-зеленого перламутра также не встречается в японском искусстве. Фон и бордюры всех трех предметов заполнены сочетающимися в различном порядке тремя-четырьмя видами инкрустированного перламутром геометрического орнамента, составленного из треугольников, соединенных вершинами, из квадратов, расположенных в шахматном порядке, из сегментов, составляющих круги, розеток, или лепестков, образующих звездообразный или крестообразный орнамент. Такой геометрический орнамент наблюдался в XVI в. в инкрустациях на мебели в Корее, Китае (перламутром), Индии, Испании, Португалии, Италии (слоновой костью).

Рис. 4. Сундучок

Перечисленные особенности могут натолкнуть на мысль, не были ли привезены эти предметы в Японию из Европы. Ведь существовал же в Японии XVI в. период сильного увлечения Европой, ее культурой и даже модами. Еще в 1569 г. иезуит отец Фруа, посетивший замок тогдашнего правителя Японии Ода Нобунага, удивлялся обилию европейских вещей, увиденных им в залах: оружие, бархатные шляпы с перьями, песочные солнечные часы, кордовские кожи, изделия из тончайшего стекла, европейские ткани, хранящиеся в «ящиках, напоминающих по форме португальские» [7, 95—96]. Серьезно сказывалось европейское, в частности португальское, влияние на одежду и обычаи придворных и при дворе следующего правителя Японии — Тоётоми Хидэёси⁴.

Однако ряд деталей в технике исполнения в кабинете и сундуках указывает на их дальневосточное, в частности японское, происхождение. В странах Дальнего Востока издавна была известна техника черного лака, наносимого на деревянную основу, а также техника украшения лаковых изделий перламутром. Кроме того, сюжеты росписей также свойственны Дальнему Востоку. Архитектурные пейзажи на кабинете включают в себя здания с изогнутыми дальневосточного типа крышами (см. рис. 5). Ваза с букетом на маленьком сундуке — дальневосточная по своей форме, а букет составлен по законам, раз-

⁴ «Придворные настолько скрупулезно следовали европейским модам, что увиденную на некотором расстоянии группу придворных можно было принять за европейцев» [21, 272].

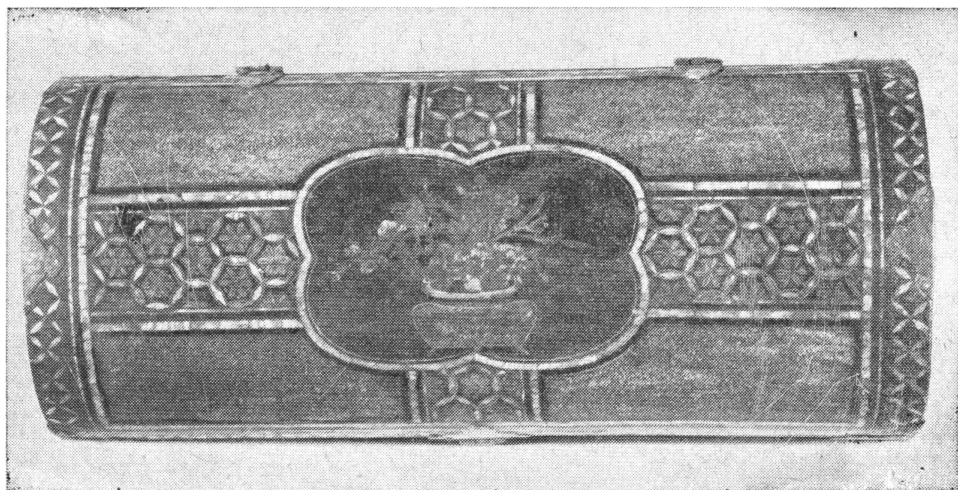

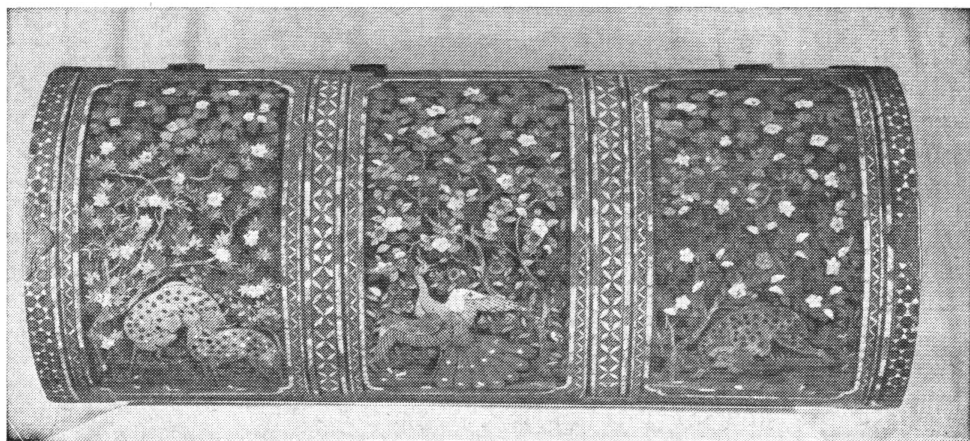
Рис. 5. Кабинет с закрытой дверцей

работанным в Японии, из цветущих веток пионов, персимона и листьев ириса, имеющих благопожелательное значение (см. рис. 6).

Наконец, сюжеты изображений в шести картушах на крышке и передней стенке большого сундука (явно китайского происхождения) распространены в Японии, где они сохраняли иногда частично видоизмененную, китайскую благопожелательную символику. На крышке сундука (см. рис. 7) изображена в картушах слева направо пара оленей (самец и самка), стоящих у клена (символ долголетия и осени) [27, 114, 190, 317, а также 16, 104] и цветущего куста пиона (эмблемы любви, женской красоты, весны, счастья), а также эмблемы императорской власти [127, 317, а также 14, XXXIX]: павлин (символ красоты, достоинства, высокого положения [27; 315, 68]) среди хризантем, пионов и вьюнков; лев (символ мощи, энергии, мудрости [27, 252]) рядом с побегами бамбука (эмблема долголетия, преданности, постоянства [27, 32, а также 14, XXV]) под цветущим сливовым деревом (символ мужества). На передней стенке сундука (см. рис. 8) изображены: слева — пара животных на четырех коротких лапах, с мордами щенков и большими пышными поднятыми вверх хвостами (символика их неизвестна; возможно, это лисы, которые в Китае являются символом долголетия и силы [27, 199]) под вишневыми деревьями (символ весны); в центре — феникс (атрибут императорской власти) среди

Рис. 6. Сундучок, вид сверху

Рис. 7. Большой сундук, вид сверху

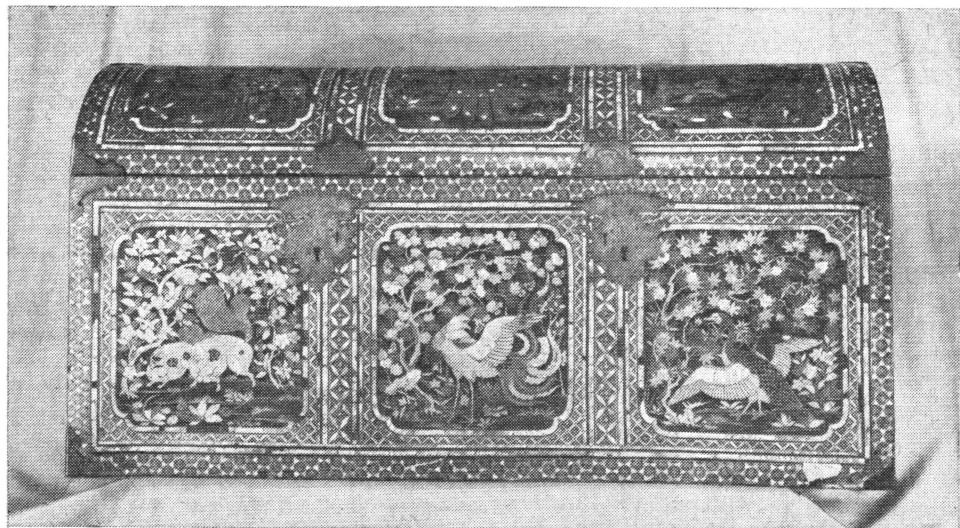

Рис. 8. Большой сундук, вид на переднюю стенку

цветущей павлонии (символ высокой нравственности [14, XXXVIII]); справа — гусь под кленами (символ верности [27, 214]).

Манера изображения всех животных также восходит к китайским прототипам, а точечная трактовка шерсти на оленях и львах и плотное заполнение ограниченного обрамлением пространства изображением растений встречаются в персидской керамике XIV—XVI вв. [19; 43—44] и в персидской лаковой миниатюре середины XVI в. [17, 72].

Однако техника выполнения изобразительных композиций сугубо японская. Это роспись золотым и серебряным лаком, называемая *хирамакиэ* и заключающаяся в ровном распыливании на сырую лаковую основу тончайшего золотого или серебряного порошка с последующим закреплением лака и полировкой его поверхности. Японцы были издавна непревзойденными мастерами этой техники, получившей высокую оценку даже на родине лака — в Китае. В той же технике и в японской трактовке выполнены виноградные побеги на внутренней стенке крышки маленького сундука. И наконец хризантемовидные металлические основания ручек у всех трех предметов также свидетельствуют об их японском происхождении.

Описанные нами предметы имеют много аналогий, подтверждающих их японское происхождение и позволяющих датировать их периодом Момояма — началом эпохи Эдо, т. е. концом XVI — началом XVII в.

Признаками в подборе аналогий являются форма, конструкция, сюжеты, характер и манера выполнения росписей, техника золотого и серебряного лака *макиэ*, форма металлических обкладок, равномерное заполнение орнаментацией внешних поверхностей, украшение фона, бордюров, картушей геометрическим орнаментом, инкрустированным перламутром, а также волнисто-зубчатый линейный орнамент, отдаленно напоминающий лезвие пилы и применявшийся лишь в период Момояма [1а, 168—173].

Время создания кабинета и двух сундуков с несомненностью определяется их сходством с вещами XVI — начала XVII в., находящимися в Японии, в частности с сундучком из Национального музея в Токио [см. 1а, 165, рис. 3], кабинетом из токийского музея Нэдзу [см. 1а,

165—168, рис. 4], уже упоминавшейся шкатулкой из г. Камакура с христианской эмблемой, которая не могла быть исполнена после запрещения христианства в Японии, т. е. после 1614 г.

XVI в. датируются и имеющие аналогичные особенности кабинеты из музея Виктории и Альберта в Лондоне, поступившие туда не позднее 20-х годов XVII в. из португальских коллекций, куда, всего вероятнее, они попали во второй половине XVI в., т. е. в то время, когда португальцы еще держали в своих руках торговлю с Японией и не были вытеснены испанцами и голландцами [24]. Аналогичные эрмитажным сундуки и кабинет из Кунсткамеры курфюрста Бранденбургского [22], а также шкатулка для гребней периода Момояма (1573—1615) из Национального музея Дании, обкладка иконы из музея в Утрехте начала XVII в., кабинет из замка Транэкар в Дании, сундук начала XVII в. в Швеции, кабинет в Вене, записанный в инвентарях музея Истории искусства в 1586 г., кабинеты из Амстердама и Лиссабона, опубликованные датской исследовательницей Мартой Бойер, а главное, поднятые ею архивные материалы убедительно свидетельствуют о том, что подобные вещи в большом количестве изготавливались на экспорт в Европу в конце XVI — начале XVII в. [8, 67, 97—98]. Правда, лаковые сундуки и кабинеты фигурируют в экспортных списках голландской Ост-Индской компании и после закрытия Японии в 1639 г. [26, 60]. Тем не менее после выхода в свет работы М. Бойер эрмитажные вещи, не имеющие паспортных данных (а кстати, и упомянутые вещи из Берлина, ранее с осторожностью датировавшиеся временем их инвентаризации в 1703 г.), можно с большой долей уверенности датировать временем не позднее первой половины XVII в. Для этого имеются следующие основания: все японские лаковые экспортные изделия из Копенгагена, опубликованные Бойер, точно датируются второй половиной XVII в. и отличаются отсутствием картушей, свободным расположением изобразительных композиций на нейтральном фоне, выполнением изображений в рельефе, отсутствием инкрустаций перламутром на геометрическом орнаменте, а иногда и полным исчезновением последнего. Очевидное изменение стиля экспортных лаков со второй половины XVII в. подтверждается результатами изучения счетных книг Ост-Индской компании в Хирадо и Нагасаки. Если в 1635—1645 гг. в них часто упоминаются кабинеты и сундуки, украшенные кожей рыб и «овалями», расписанные золотым лаком (что характерно и для эрмитажного маленького сундучка), то в 1648—1688 гг. уже не упоминаются ни украшения из кожи рыб, ни золотые росписи и речь идет лишь о лаковых изделиях, украшенных рельефными изображениями, характерными для периода Токугава (1603—1868) [102—103]. Известно, что именно кабинеты, украшенные изображениями, выполненными в рельефе, пользовались в Европе большим успехом с середины XVII и в XVIII в. и именно их заказывали в Японии и им подражали европейские мастера [12].

Наконец, подтверждением того, что эрмитажные вещи были выполнены до 1637 г., является и отсутствие на них красного и зеленого лаков, которыми стали покрывать именно с этого времени по заказу голландцев внутренние стенки изделий [26, 61].

Таким образом, в течение полустолетия в Японии создавались предназначенные для европейской знати роскошные вещи, европейский тип и формы которых определили и необходимость более соответствующих им, но чуждых для Японии орнаментальных и композиционных принципов. В результате родился новый декоративный стиль, своим появлением обязанный многим странам и Востока и Запада. Приемы геометрического орнамента, инкрустированного костью, были за-

имствованы европейцами в Индии и, обогатившись свойственной мусульманскому искусству растительной орнаментикой (густо заполняющей ограниченное рамками пространство), пришедшей вместе с арабами на Иберийский полуостров, в конечном счете дали толчок развитию инкрустаций растительно-геометрического типа на мебели в Испании, Португалии, Италии [8, 104—105]. Познакомившись в XVI в. с удивительным искусством лаков в Японии, португальцы стали заказывать лаковую мебель. Последнюю японские мастера выполняли в подражание европейской, заменив черное дерево черным лаком, слоновую кость — перламутром, давно известным им по китайским и корейским изделиям. Японские мастера ввели в мебель дополнительные украшения — росписи на пришедшие из Китая сюжеты, насыщенные благожелательной символикой и выполненные в национальной технике золотого лака. Такова история этих старинных вещей в стиле «намбан»⁵, появившемся в результате культурного взаимодействия стран Запада и Востока.

Вещи в этом стиле создавались не только для европейцев, но и для японцев, однако в них смешение западной и восточной культуры проявилось иначе. Таким изделиям обычно свойственны чисто японские формы, материал, техника. В то же время вместе с заимствованными из Европы элементами орнамента перенимаются и чуждые японскому искусству орнаментально-композиционные принципы, зачастую не отвечающие форме вещи. В таких вещах наблюдается нарушение формальных основ художественного образа, характерного для искусства Японии. Говоря о вещах намбан, предназначенных для японцев, часто имеют в виду прежде всего имеющие отдаленное сходство по форме и технике ажюра с европейскими гардами так называемые намбан-цуба. Для них характерны равномерно распределенный по всей поверхности стилизованный растительный орнамент в виде побегов винограда, переплетающихся друг с другом в пространстве, и расположенные симметрично относительно центра два дракона и жемчужина между ними (см. рис. 9) [20, 211; а также 25, 7—37]⁶. Однако европейское влияние на происхождение намбан-цуба оспаривается, и по этому целесообразно ограничиться лишь их упоминанием.

В то же время с интересующей нас точки зрения заслуживают рассмотрения предметы, созданные мастером Кунисигэ из Хирадо, жившим в первой половине XVIII в. [11, 72]. Его работы хотя и упоминались в литературе, однако не подвергались тщательному анализу [6, 154, 167, 174]. В Эрмитаже имеются два предмета, подписанные именем Кунисигэ. Это *касира* (навершие) и *фути* (кольцо) для японской сабли, как обычно выполненные в одной технике, из одного материала *сэнтоку* (сплав из меди, олова, свинца и цинка), примерно одинаково украшенные. Касира (№ ЯМ464, высота — 0,6 см, длина — 3 см, ширина — 1,9 см) имеет овальную форму с двумя симметрично расположенными в боковой стенке отверстиями для шнура, прикрепляющего его к рукояти сабли (см. рис. 10). Лицевая сторона касира обрамлена узким бордюром с гравированным стилизованным изображением нити жемчуга. В овал лицевой поверхности, на углубленном

⁵ В XVI—XIX вв. словом «намбан» в Японии называла страны, расположенные к югу от Японии и Китая, а так как португальцы и испанцы прибыли в Японию со стороны о-вов Ява, Борнео и Филиппин, то и их стали называть людьми «намбан», т. е. «южными варварами».

⁶ По мнению Джолли, характерный для прорезных намбан-цуба способ изготовления путем соединения двух прорезных пластинок таким образом, чтобы орнамент одной переплетался с орнаментом другой, заимствован из Индии или Малайи [15, 33, 39—41].

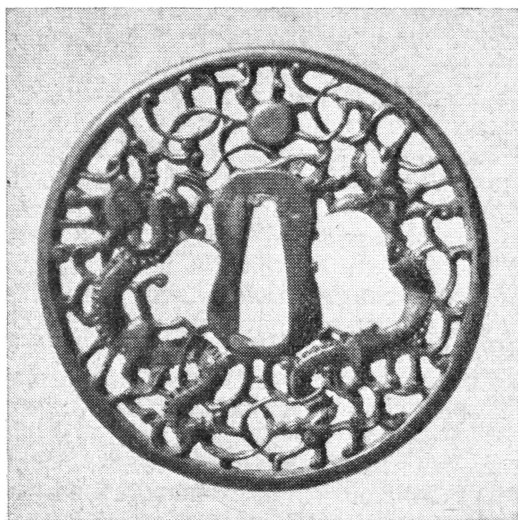

Рис. 9. Намбан-цуба

другом шестью симметричными рельефными вертикальными перемычками. По всей длине верхнего бордюра выгравировано 51 изображение латинских букв и непонятных знаков, чередующихся без определенной последовательности, не образуя смысловых сочетаний. Нижний бордюр и перемычки, так же как и углубленное черненное пространство между бордюрами, орнаментированы стилизованными изображениями волн или облаков — обычное в японской и китайской мифологии место обитания дракона.

Фути (№ ЯМ451, высота — 1,4 см, длина — 3,9 см, ширина — 2,3 см; см. рис. 11), имеющее овальную форму, служащее для закрепления гарды на клинке, так же как и касира, украшено гравированным в высоком рельефе изображением дракона, вытянутым вдоль одной стороны лицевой поверхности кольца. Техника исполнения изображения дракона аналогична технике предыдущей детали оправы. Оно обрамлено прямоугольным, несколько усложненной конфигурации, рельефным бордюром, по всему полю которого расположены 62 изображения тех же букв и знаков, что и на касира.

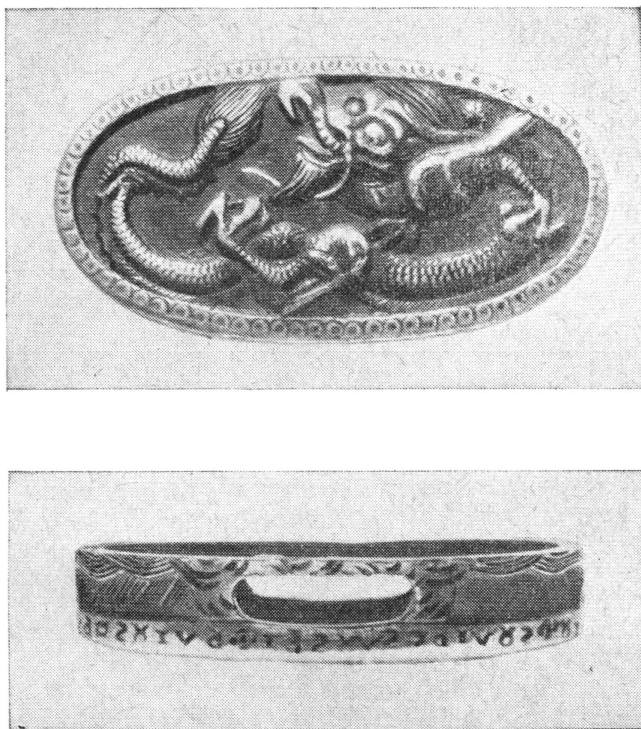
В верхней части другой стороны лицевой поверхности фути расположено подобие картуши с теми же выгравированными знаками, ограниченного сверху узким бордюром гравированной нити жемчуга. По бокам и снизу картуши охватывают симметричные завитки стилизованных изображенных облаков и лента с тремя подвесками. Нижняя часть фути украшена рельефно гравированным изображением волн, смыкающихся по обеим сторонам с облаками.

Из всех элементов орнамента на этих предметах традиционному японскому искусству знакомы только изображения заимствованных из Китая жемчужин (часто встречающиеся на бордюрах японских гард), драконов, волн и облаков. Такие изображения характерны и для намбан-цуба. Все остальное чуждо японскому искусству и непосредственно связано с европейской культурой.

Самое интересное — это чисто орнаментальное применение латинских букв, орисованных мастером, видимо незнакомым с европейскими языками, с какой-то книги. Использование этих букв в качестве орнамента объясняется отношением японцев к каллиграфии, которая рас-

черненом фоне, вписано гравированное в высоком рельефе изображение дракона с характерными как для китайского, так и для японского искусства атрибутами этого фантастического животного [5, 7; 14, 54] — рогами оленя, телом змеи, чешуей карпа, четырьмя лапами, заканчивающимися когтями орла, гребнем острых шипов на спине, глазами демона и огненными полосами на плечах и бедрах. Полосы, глаза, усы дракона выполнены золотой насечкой, язык инкрустирован красной медью.

Боковая стенка касира окаймлена снизу и сверху параллельными выпуклыми бордюрами, соединенными друг с

Рис. 10. Касира, вид сверху и сбоку (увеличено вдвое)

смаатривается ими как самостоятельное искусство и часто используется в декоративных целях.

Ограничение изображения рамкой, как уже упоминалось ранее, несвойственно японцам и, напротив, применяется в европейском искусстве, а изображение рамки со сдвоенными углами встречается в Европе уже в XVI в. [13, 65, рис. 45].

Совершенно чуждо японскому искусству и использование такой распространенной в Европе орнаментальной детали, как картуш, ибо красиво написанные иероглифы, будучи сами по себе украшением, не нуждаются в дополнительной орнаментации.

Симметричная композиция и отдельные элементы картуша — завитки свитка, не понятые японским мастером и превращенные им в облака, ленты с симметрично расположенными подвесками внизу, — свидетельствуют о том, что прототипом этой детали мог явиться голландский картуш XVI—XVII вв. [10].

И в изображении дракона не все безупречно с точки зрения как японского, так и китайского искусства, откуда он был заимствован. Вместо изображавшейся в японской живописи и в работах по металлу традиционной, почти безбородой, обычно чрезвычайно свирепой и угрюмой морды голова дракона на этих вещах со злорадно усмехающейся физиономией и плотной, вытянутой вперед клинообразной бородой скорее напоминает маскарона или сатира, которых можно видеть в голландской и немецкой орнаментальной графике XVII в. [13, 47, рис. 32].

Итак, налицо настолько несомненные элементы чисто европейского, точнее, голландского искусства XVII в., что могут возникнуть сомнения: не созданы ли рассматриваемые предметы европейским мас-

Рис. 11. Две стороны лицевой поверхности футы
(увеличено вдвое)

тером в подражание японским образцам? Однако подобное предположение, безусловно, ошибочно. Подлинные японские работы не могли попасть в XVII—XVIII вв. в Европу, так как вывоз оружия был под строгим запретом до 1872 г., а распространившиеся позднее многочисленные копии, создававшиеся в Японии на экспорт, стоили очень дешево, так что европейскому мастеру не было смысла их производить. Кроме того, европеец никогда бы не смог так искусно воспроизвести подпись японского мастера.

Обращение же японского мастера в работах по металлу к европейским мотивам вполне объяснимо историей развития связей Японии этого периода с Западной Европой. Если в 1639 г. из Японии были изгнаны все иностранцы, за исключением голландцев, и населению запрещалось под страхом смертной казни всякое сношение с ними, то с 1720 г. политика изоляции страны была несколько ослаблена. Сёгун Ёсимунэ снял запрет с ввоза, перевода и публикации книг на голландском языке. Таким образом появилась возможность легального проникновения в страну европейской культуры и науки. Знакомство с медициной, естествознанием, геологией, математикой, астрономией и т. п. привело к широкому увлечению этими *рангаку* («голландскими науками») среди горожан и самурайской интеллигенции. Представители этих слоев были, вероятно, первыми заказчиками Кунисигэ; они познакомили его с рисунками и украшениями из голландских книг, установили моду на распространившиеся позднее сабли с западноевропейскими мотивами в орнаменте.

Разобранные в настоящей статье явления в художественной практике Японии XVII—XVIII вв. позволяют яснее представить причины

их недолговечности: они не имели достаточной почвы для своего развития вследствие глубокого различия художественных принципов в искусстве Европы и Японии того времени, обусловленных спецификой исторически складывавшихся мировоззрения и образа жизни вообще.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дашкевич В. Т. Экспортные лаки Японии в Эрмитаже,—«Сообщения Государственного Эрмитажа», XXXIV, Л., 1972, стр. 33—37.
- 1а. Накагава Сэнсаку. Сицугэй-дэ-но намбан каракусамоё-ни цунтэ (Об орнаментах «намбан каракуса» в искусстве лаков),—«Бидзюцу кэнкю», т. IV, 1950, № IX, стр. 168—173, рис. 5 в, с.
2. Нисимура Тэй. Намбан бидзюцу (Искусство стиля «намбан»), 1958, стр. 207—227.
3. Окада Дзю. Намбан когэй (Прикладное искусство стиля «намбан»),—«Нихон-но бидзюцу», 1973, № 85.
4. Танака Итимацу. Момояма-но би (Искусство периода Момояма), 1960.
5. Anderson W. The Pictorial Arts of Japan, London, 1886.
6. Boxer C. R. European Influence on Japanese Sword-fittings 1543—1853 Years,—«Transactions and Proceedings of the Japan Society», т. XXVIII, London, 1931.
7. Boxer C. R. The Christian Century in Japan 1549—1650, London, 1951.
8. Boyer M. Japanese Export Lacquer from the Seventeenth Century in the National Museum of Denmark, Copenhagen, 1959.
9. Brokhaus O. Netsuke, Berlin, 1905.
10. Guilmard D. Les maîtres ornementalistes, Paris, 1881, рис. 170, 172.
11. Hara Shinkichi. Die Meister der japanischen Schwertzieraten, Hamburg, 1931.
12. Irwin J. A Jacobean Vogue for Oriental Lacquer-Ware,—«The Burlington Magazine», т. XCV, 1953, № 603.
13. Jessen P. Der Ornamentstich, Berlin, 1920.
14. Joly H. L. Legend in Japanese Art, London, 1908.
15. Joly H. L. Note sur la fer et le style Namban,—«Bulletin de la Société Franco-Japonaise», Paris, 1914.
16. Jonas F. M. Netsuke, London — Kobe, 1928.
17. Kühnel E. Miniaturmalerei im Islamischen Orient, Berlin, 1922.
18. Kummel O. Kunstgewerbe in Japan, Berlin, 1919.
19. Mostafa M. Islamische Keramik, Kairo, 1956.
20. Münsterberg O. Japanische Kunstgeschichte, т. III, Braunschweig, 1907.
21. Murdoch J., Yamagata I. A History of Japan during the Century of Early Foreign Intercourse (1542—1651), т. II, London, 1952.
22. Reidemeister L. Der Große Kurfürst und Friedrich III als Sammler Ostasiatischer Kunst,—OZ, neue Folge, 8 Jahrgang, 1932, стр. 184—186, табл. 25, № 14, 15; табл. 26, № 16, 17.
23. Stevens H. P. Intro with European Subjects,—«Oriental Art», т. 3, 1957, № 1.
24. Strange E. F. Catalogue of Japanese Lacquer, London, 1924, ч. 1, рис. XL, № 688, 689; рис. XLI, № 690.
25. Tressan (comte de). L'Evolution de la garde de sabre japonaise de la fin du XV au commencement du XVII siècle,—«Bulletin de la Société Franco-Japonaise», Paris, 1910, № XIX—XX, стр. 7—37.
26. Volker T. Japanese Export Lacquer,—«Oriental Art», т. III, 1957, № 2.
27. Williams C. A. S. Encyclopedia of Chinese Symbolism and Art Motives, New York, 1960.
28. Yashiro Yukio, Art Treasures of Japan, т. II, Tokyo, 1960.

Ю. В. Ионова

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА И ОБЩИННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОРЕЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ XIX в.

Вопрос о характере общинных отношений и их роли в жизни корейской деревни еще недостаточно изучен. В нашем распоряжении имеются лишь отдельные упоминания, свидетельствующие о наличии общинного землевладения, по которым трудно составить представление об удельном весе общинных земель. Вместе с тем исследование этого вопроса имеет важное значение для выявления специфических черт феодализма в Корее.

Характер землевладения и землепользования в средневековой Корее окончательно не исследован, дискуссионными являются вопросы о специфике феодальной собственности на землю и соотношении между государственной собственностью и частным землевладением.

Земельный строй в Корее, как и во многих странах Востока, был тесно связан с податным обложением. В зависимости от системы обложения создавалось правовое деление земель на различные категории: государственные, частновладельческие, культовые, общинные и т. д. [2, 14].

В работах советских историков отмечается, что характерной чертой феодализма в Корее являлось наличие государственной собственности на землю [10; 12]. По закону верховным собственником земли считался король (государство), а все землевладельцы выступали лишь как держатели государственных земель, за которые они обязаны были платить в пользу казны поземельную подать. Крупное землевладение было связано с государственной службой. Земли раздавались чиновникам в виде наградных и служебных наделов. На их основе создавалось частное землевладение аристократии — *янбаней* (гражданских и военных чиновников, консолидированных в государственную бюрократию). Значительную часть непосредственных производителей составляли лично-свободные крестьяне — *янины*, обрабатывавшие земли на правах бессрочного пользования.

Общинные земли в Корее существовали в рамках государственной собственности. Государство осуществляло контроль над ними, производило распределение наделов крестьянам, контролировало куплю-продажу крестьянских полей. Обрабатываемые земли распределялись на основе наделной системы. Согласно «Своду законов», опубликованному в 1875 г., каждому мужчине выделялся участок в 4 кёль¹

---

¹ Кёль — основная единица земельной площади, служившая одновременно и мерой обложения поземельной податью. Кёль был величиной непостоянной для различных по своему качеству земель. Так, 1 кёль земли первого разряда составлял 2758 пхён (1 пхён = 3,31 кв. м), второго разряда — 3071 пхён и т. д.

земли. Такие наделы закреплялись за каждой семьей на правах вечного пользования. Нарезы земли происходили каждые 20 лет. Государственные чиновники перемеривали земли, составляли на нее списки, которые хранились в палате финансов [см. 1, 169].

Корея до середины XIX в. оставалась феодально-бюрократическим государством с характерными для Востока крайне застойными формами общественных отношений. Однако во второй половине XIX в. развитие товарного производства затронуло и сельское хозяйство. Разрушению натурального хозяйства крестьян способствовала замена натуральной ренты денежным налогом. Теперь крестьянин, прежде чем выплатить государственный налог, должен был реализовать часть своего урожая (сам или чаще через скупщика-ростовщика). Расширявшийся ввоз дешевых европейских и японских товаров (главным образом тканей) разрушающим образом воздействовал на ремесленное производство (прежде всего ткачество), подрывая тем самым основу натурального хозяйства — соединение земледелия и ремесла.

Развитие товарно-денежных отношений (проявлением которого была возрастающая ориентация на рынок в рисо-, хлопко- и женьшеневодстве) создало почву для появления в сельском хозяйстве Кореи элементов капиталистического производства. Естественным следствием этого было социальное расслоение корейского крестьянства: выделение численно незначительной кулацкой прослойки и массы разорившихся крестьян, вынужденных наниматься в качестве батраков или сельскохозяйственных рабочих [см. 4, 155].

Однако, несмотря на развитие новых тенденций, старые общинные традиции в социальной жизни деревни продолжали играть заметную роль.

Сохранению общинных отношений в корейской деревне в немалой степени способствовали объективные факторы — климатические условия страны и направление сельского хозяйства (господство поливного земледелия). Практически постоянная необходимость проведения тех или иных ирригационных работ, наличие в годовом сельскохозяйственном цикле крайне напряженных периодов (посев и уборка урожая) — все это обуславливало развитие трудовой взаимопомощи в корейской деревне. Соответствующие традиции имеют древние корни и восходят к первым векам нашей эры [см. 18].

Значительное влияние на размещение населения и экономическую специализацию районов в Корее оказывают горы, так как их расположение воздействует на климат, в значительной степени определяет течение и режим рек. Между горными цепями и по их окраинам у морских берегов расположены равнины, которые, будучи обособлены друг от друга, обладают местными физико-географическими различиями. Самые большие из них находятся в западной части страны у побережья Желтого моря. Равнины отличаются наиболее плотным населением и представляют собой основные сельскохозяйственные районы.

В Корее культивировалось до 25 видов сельскохозяйственных культур. Основной из них был (и не только на юге, но и в отдаленных районах севера) рис, известный на полуострове с первых веков нашей эры. Этому благоприятствуют высокие летние температуры и большая влажность².

---

² В течение трех летних месяцев на Корейском полуострове выпадает больше половины всех годовых осадков. Это, в общем, благоприятный фактор для сельского хозяйства. Однако в Корее наблюдаются периодические наводнения и чередующиеся с ними засухи.

Наибольшее распространение в стране получил заливной рис, посевы которого производятся в мае—июле. Посадка риса выполнялась вручную, в ней участвовало все деревенское население. Рассадку высаживали на затопленное рисовое поле, разделенное небольшими валиками на участки — чеки (*нончон*). Необходимость проведения посадки в минимальные сроки (от этого в огромной степени зависел будущий урожай) обуславливала распространение совместного труда соседей или сородичей.

Культура поливного риса требует много влаги. (Для вызревания риса необходимо, чтобы поле было равномерно покрыто на продолжительное время водой.) Вследствие этого в сельскохозяйственном производстве в Корее огромную роль играла ирригация. Сложная система плотин, искусственных водоемов, сети отводных и оросительных каналов в принципе находилась в ведении государства. Для расширения и поддержания этой системы в надлежащем порядке использовался труд крестьян. Плата за пользование водой с них не взималась.

Рис редко высаживали подряд несколько лет на одном и том же поле. Его, как правило, чередовали с ячменем, пшеницей или бобовыми³, а иногда и с овощами. Для корейского земледелия характерно также интенсивное хозяйство с грядковым способом обработки суходольных полей. Сущность этого способа сводится к тому, что посев производится на грядках шириной около метра, которые отделяются широкими и глубокими канавами, что весьма целесообразно при изобилии летних осадков. Такой способ обработки поля хотя и отнимал много времени, но давал больше урожая, чем посев вразброс.

Ручные сельскохозяйственные орудия труда, используемые корейскими крестьянами, были разнообразны и в значительной степени специализированы. Целинные земли обрабатывали заступом — *кквакчи* или своеобразной лопатой — *чанъбугире*, которая состоит из железной лопасти с ушками для веревок и длинной деревянной ручки. Для того чтобы пользоваться этим орудием, требуются усилия нескольких человек (от трех до семи). Один человек нажимает на ручку, а другие тащат чанъбугире за веревки. Далеко не во всякой семье было столько взрослых работников. Поэтому при работе этим орудием также применялась родственная или соседская кооперация.

Вспашка земли производилась и сохой с плоским лемехом, входившим в землю почти под прямым углом. Нередко в такую соху крестьяне впрягались сами, так как тяглового рабочего скота (волов, коров и лошадей) в корейской деревне было мало.

Для рыхления земли и ее очистки применялись различной величины и формы мотыги: с широким загнутым концом, лопатообразные и др. Для этой же цели использовали деревянную борону с железными или деревянными зубьями. Прополка, являвшаяся самым кропотливым и трудоемким процессом, производилась руками или цапками — *хоми*, которые применялись также для окучивания растений и разрыхления почвы. Все эти работы отнимали у крестьян много времени и труда, так как окучивать и рыхлить почву из-за интенсивных летних дождей приходилось не менее двух раз в сезон, а борьба с сорняками продолжалась в течение всего вегетационного периода.

Сбор урожая производился прямым или несколько вогнутым серпом — *нат* с короткой деревянной ручкой.

---

³ Бобовые культуры занимали значительное место в рационе корейцев. Бобы идут также на подкорм скоту в зимние и весенние месяцы.

Собранное зерно обмолачивалось деревянными цапами — *торикке* или каменным катком, приводимым в движение с помощью впряженного вола [см. 24, 37—66].

Основные принципы ведения земледелия в Корее были выработаны много веков тому назад и передавались из поколения в поколение. Сроки сеяния и жатвы, выбор почвы, благоприятной для той или иной культуры, характер севооборота и т. д. определялись на основе многовековой практики. Носителями этих знаний были люди старшего поколения, поэтому роль стариков в производственной жизни каждой деревни была исключительно велика.

В XIX в. сельские жители составляли 75—80% общего числа населения Кореи, которое насчитывало 12—15 млн. Они жили в поселениях двух основных видов: *сиголь* и *маым*. Первые отличались наличием в них волостного управления и школы. Планировка сельских поселений зависела от рельефа местности. Деревни, расположенные вдоль дорог или по долинам рек, имели вытянутую форму. Дома располагались по обеим сторонам дороги, образуя довольно плотно застроенную улицу.

Большие деревни в 200—300 дворов располагались в земледельческих равнинах Южной Кореи. Поселения хуторского типа с малым количеством дворов (от пяти до семи) были более характерны для северной части страны и горных районов.

Наиболее типичная деревня насчитывала 50—80 хозяйств. Если в поселении было меньше 30 дворов, то они объединялись в одну административную единицу — *тонъ* или *ни* [9, 370—371].

Государственный фиск рассматривал деревню как низшую единицу налогового обложения. В зависимости от числа дворов, количества и качества обрабатываемых полей деревня облагалась натуральным и денежным налогом и трудовыми повинностями. Сбор налогов производился по принципу круговой поруки. Крестьяне были ответственны друг за друга. Если кто-либо не мог внести разного рода подати или отработать феодальные повинности, то эти обязанности возлагались на родственников или соседей [14, 197]. Такая система, конечно, облегчала эксплуатацию крестьянства со стороны феодального государства. При определении низших административно-фискальных единиц государство учитывало естественно сложившиеся коллективы-общины, что в немалой степени способствовало сохранению общинных отношений в деревне.

Корейская деревня представляла собой замкнутый социально-экономический организм, базировавшийся на натуральном хозяйстве.

Каждой деревне принадлежала определенная территория с четко обозначенными границами. В нее входили как обработанные земли, так и леса, пустоши, находившиеся в общем пользовании. Кроме того, общинными считались земельные участки, на которых устраивались общедеревенская конная зернотерка и мельница. В общем пользовании находились и колодцы. В некоторых деревнях были свои *инчан* — общественные рабы, исполнявшие грязную работу [22, 238].

Жители деревни обеспечивали себя не только продуктами питания, но и предметами первой необходимости: тканями, обувью, изделиями из дерева (утварью, мебелью), простыми сельскохозяйственными орудиями. Повсеместно было распространено производство плетеных изделий. Из рисовой соломы, тростника и других материалов (на юге — из бамбука) крестьяне плели циновки, сита, занавески, шляпы, обувь, мешки для зерна, сушеной рыбы и др. Плетением занимались обычно те мужчины, которые по состоянию своего здоровья не могли участвовать в земледельческих работах.

В некоторых деревнях имелись специальные ремесленники — гончары и кузнецы. Крестьяне обеспечивали ремесленнику содержание, обязывая его работать на всех жителей деревни.

Потребность деревни в гончарных и металлических изделиях удовлетворялась в основном кочующими ремесленниками. Горшечники останавливались в тех местах, где находили хорошую глину и дрова для обжига своих изделий. Они строили временное помещение, печь и начинали работу. Когда местные жители запасались их изделиями, они переносили свою мастерскую на новое место. Такие же передвижные мастерские были у обувщиков, кузнецов, ювелиров и др.

В конце XIX в. с проникновением иностранных товаров роль обмена в корейской деревне увеличилась. По стране раскинулась широкая сеть местных рынков, на которых крестьяне обменивали продукты сельского хозяйства на изделия бродячих ремесленников. Торговля шла как в натуральной форме, так и на деньги.

Деревня в Корее являлась не только хозяйственной и административной, но и социальной единицей. На факт адекватности деревни и общины обратил внимание японский исследователь сельского общества Мория Коку [см. 16]. Об этом же писал в одной из своих ранних работ советский ученый М. Н. Пак: «Крестьяне жили обособленными деревенскими общинами, которые носили замкнутый и самодовлеющий характер. По своей структуре все деревенские общины были похожи друг на друга» [11, 72].

Внутренней жизнью деревни-общины руководил орган самоуправления — деревенский совет (*тонге*). В него входили староста (который выбирался из наиболее авторитетной семьи [см. 25, 30—31]), несколько его помощников и выборные представители (*тонсу*) от каждого десяти дворов.

Деревенские советы исполняли как общинные, так и административные функции. Они ведали общественными землями, полями, лесами, следили за состоянием находившихся в общем пользовании оросительных каналов и дорог. В их обязанность входило также распределение по дворам податей и трудовых повинностей, возложенных на деревню.

Советы организовывали совместную помощь во время стихийных бедствий и голода, а также при похоронах и проведении свадеб. В его ведении находилась общая общинная касса, «в которую,— по свидетельству одного из первых французских миссионеров,— все жители без исключения должны делать взносы. На эти деньги приобретается земля, или их отдают на проценты и доходы, употребляют на добавочные налоги, на покупку необходимых предметов для свадьбы, погребений и на другие непредвиденные расходы» [3, 88]. В эти кассы поступал и вступительный пай, который должна была уплатить (чтобы занять в общине полноправное место) каждая вновь прибывшая в деревню семья.

В ведении советов находились также общинные дома и местные школы. На содержание последних, для оплаты учителя и приобретения школьных принадлежностей с каждого жителя деревни ежегодно взималась определенная сумма.

На местное общественное самоуправление в конце XIX в. были возложены еще две задачи, имевшие важное государственное значение: производство ежегодной всенародной переписи и (с 1894 г.) устройство, содержание и заведование запасными хлебными складами зерна (магазинами). Каждая волость имела свой склад, выстроенный на средства, которые слагались из сборов с входивших в нее деревень. В неурожайные годы и во время всенародных бедствий из этих складов выдавали продовольствие беднейшей части населения с тем усло-

вием, чтобы долг был возвращен натурою на следующий год или в течение ряда лет. Кроме того, весной местные жители могли получить зерно на семена, обязуясь вернуть долг осенью того же года [9, 381—385].

Поздней осенью, после снятия урожая, совет созывал общее собрание, которое обычно продолжалось с утра до позднего вечера и сопровождалось общей трапезой. На этих собраниях обсуждались хозяйственные и другие вопросы (вплоть до «персональных дел» сельчан), которые решались общим голосованием. При распределении голосов поровну голос старосты имел решающее значение. Староста обладал правом вето. Если деревенское собрание, несмотря на вето старосты, настаивало на проведении какого-либо мероприятия, то разрешением спорного вопроса занимался волостной старшина, если же и после этого дело не было улажено, то оно передавалось в уездное управление.

Заседания деревенских советов и общие собрания происходили в специальных общинных зданиях (*точхонъ* или *кончжон*). Одно-два таких здания имелись почти в каждой деревне (не случайно поэтому только в уезде Пукчхен их было 764) [см. 20]. По размерам и архитектуре такие здания отличались от обычных крестьянских *чиби* — каркасно-столбовых построек, обмазанных глиной. Общественные дома нередко были двухэтажными и по своему архитектурному стилю напоминали дворцы. Здания эти строились самими крестьянами на средства и из материалов общины. Каждый двор должен был затратить на строительство определенное число дней и внести в общий фонд свой пай зерном. Обслуживание и уход за зданием также были общим делом. (Например, зимой дрова для отопления общинного дома доставляла молодежь деревни, собирая хворост в близлежащих лесах.)

В общинных зданиях проходили всякого рода общественные праздники. Там же хранились утварь, музыкальные инструменты (барабаны, флейты, цимбалы и др.). На собраниях в общинных зданиях старики знакомили молодежь с общинными традициями, учили моральным нормам поведения, давали необходимые советы в повседневной жизни. В этих же домах наказывались лица, нарушавшие общинные обычаи и нормы поведения. На общих собраниях существовала строгая иерархия возрастных групп. При наличии двух залов люди старшего поколения собирались отдельно от молодежи. Если же второго зала не было, то старики занимали лучшее, более теплое место на кане, а молодежь — противоположную сторону. Женщины в общинные дома не допускались.

В общинном доме размещали на ночлег знатных приезжих. Они считались гостями всей общины, и каждый двор выделял свою долю на соответствующий прием. Иногда в общинном здании ночевали и жители самой деревни.

Кроме того, в общественном ведении находился похоронный дом — *тока*. В нем держали предметы, предназначенные для похорон: катафалк, посуду и др. Тока считался «нечистым», зловещим, поэтому его строили вдали от селения.

* * *

В сельскохозяйственном производстве в Корее XIX в. большую роль играли различные формы совместного труда. Как правило, пять-семь семей объединялись в группы — *туре* или *пхумаси*. Между этими двумя типами объединений была известная разница. Члены *туре* (*ту-*

рекун) — мужчины — совместно проводили сельскохозяйственные работы: посадку рассады, уборку урожая, рубку камыша, расчистку земли от леса и кустарника и т. д. Иногда все туре уходило на заработки. В этом случае все заработанное ими шло в общую кассу и расходовалось на общие нужды. У туре были и свои праздники — *туренори*. Некоторые исследователи считают, что слово «туре» означает «очередность». Это предположение не лишено основания, так как действительно члены туре поочередно работали на полях друг для друга. Чен Чянь Сек, исследовавший эту форму совместных работ, характеризует ее как пережиток общины, по его мнению разрушенной еще до объединения Кореи в единое государство (VII в. н. э.) [19, 12].

Пхумаси представляли из себя бригады взаимопомощи, в основу отношений которых был положен принцип обязательной эквивалентности трудовых услуг, оказываемых ее членами друг другу. При учете выполненной работы во внимание принимался ее характер и возраст работающего.

Обычай обязывал трудиться на чужом поле лучше, чем на своем. Хозяин поля, на котором происходила совместная работа, кормил всю группу. Нередко на эти общие трапезы приглашали вдов и бедных односельчан [17].

«У корейцев, — писал В. Ф. Ладыгин о характере взаимоотношений, сложившихся в деревне, — идут работать без особого приглашения всем селом решительно ко всем, и к богатым, и к бедняку, и работают так, точно каждый работает на ...своем поле, для себя лично, а не на соседа... Здесь они работают с полным сознанием того, что от аккуратности их работы и от пользы такой усердной работы, хотя бы и на чужой пашне, зависит урожай, следовательно, и достаток односельчан, и с тем вместе и аккуратное поступление с него долга в сельскую ссудную кассу, членами которой состоят все односельчане... круговая порука и побуждает односельчан строже исполнять хороший обычай „помочи“, побуждает всех следить за тем, чтобы кто-нибудь из членов кооператива не нанес ущерба остальным сочленам нерадивым своим отношением к главному источнику благосостояния сельчанина — к пашне» [8, 140].

В корейских деревнях в рассматриваемый период создавались объединения типа *кей*. Каждый вступающий в это объединение вносил денежный пай, размеры которого устанавливались в зависимости от суммы, необходимой на конкретные общественные нужды. Все члены кей имели равные права.

Общинные отношения, представления находили в корейской деревне свое воплощение в религиозных культах. Так, исследователи религии корейцев Кларк [21] и Акиба Такаси [15] отмечали повсеместное распространение общедеревенских молений — *кут* — во время бедствий (засухи, наводнений, эпидемий) и дарственных жертвоприношений перед началом полевых работ и после снятия урожая.

Особо необходимо отметить явные следы тотемизма. На границах деревень у дороги и в XIX в. ставились «покровители деревни» — резные столбы, на верхней части которых вырезалась получеловеческая, полуживотная маска мифического тотемного предка [6]. Нередко граница деревни определялась по какому-нибудь приметному дереву. Такие деревья считались священными, и под ними устраивались алтари и приносились общедеревенские жертвоприношения.

В корейских деревнях одним из наиболее распространенных праздников был обряд *санче* — «поклонение горам». По представлениям корейцев, в горах обитала их мифическая прародительница [7, 293]. В народе этот праздник осмыслялся как поклонение предкам

вообще. Во всем, что с ним связано, довольно явственно прослеживается сохранение архаических представлений и обрядности, восходящих к древнему культу медведя [5, 154—157]. Праздник санче устраивался в 10-м месяце по лунному календарю. В нем принимали участие все жители деревни. Они собирали деньги, на которые покупали жертвенного быка. Для совершения обряда выбирали знающего ритуал старика, в доме которого в это время не произошло ни рождений, ни смерти. Он назначал группу из семи-восьми человек, совершавших обряд моления и жертвоприношения, во время которого соблюдались словесные запреты. Праздник заканчивался играми в масках, пением и танцами и общей трапезой. Женщины в обряде не участвовали.

Как явление более позднего порядка следует отметить общедеревенский обряд поклонения богу богатства — *бу-гун* [23, 17—20]. В его честь под священным деревом деревни устраивали алтарь — соломенную хижину (*бугун чжу чжо*), внутри которой помещали глиняный горшок с зерном нового урожая. Обряд общедеревенского жертвоприношения совершался ежегодно — вскоре после Нового года, в полночь. Для проведения церемонии каждая семья, в зависимости от благосостояния, вносила определенную сумму денег. Исполнял его староста деревни, который за несколько дней подготавливался к этой церемонии: воздерживался от общения с женой, мыл голову, а в день праздника надевал новую одежду. К утру, после первого крика петуха, в больших котлах начинали готовить кушанья, варить рис и гнать рисовую водку — *сули*. Все угощения распределялись согласно внесенному паю, но при этом стариков угощали первыми.

Приведенные материалы красноречиво свидетельствуют о той большой роли, какую играли общинные отношения в социально-экономической жизни корейской деревни XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриевский П. А. Записки, составленные переводчиком при окружном управлении на острове Цусима, Отано Кигаро, — ЗИРГО, т. XII, СПб., 1884.
2. Домбо Л. М. Земельный строй Востока, Л., 1927.
3. Ждан-Пушкин П. Корея, Очерки истории учреждений, языка, нравов, обычаев и распространение христианства (пер. с фр.), — «Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей стран», т. I, вып. 2, СПб., 1876.
4. Ионова Ю. В. Корейская деревня в конце XIX — начале XX в., — «Восточно-азиатский этнографический сборник», ТИЭ, новая серия, т. LX, М.—Л., 1960.
5. Ионова Ю. В. Культ медведя, пещер и гор у корейцев, — сб. «Страны и народы Востока», вып. IV, М., 1968.
6. Ионова Ю. В. Пережитки тотемизма в религиозных обрядах корейцев, — сб. «Религия и мифология Восточной и Южной Азии», М., 1970.
7. Ким Бусик, Самкук саги (пер. с кор. М. Н. Пака), М., 1959.
8. Ладыгин В. Ф. Корея. Отчет коммерческого агента Китайской восточной железной дороги по поездке в Корею в декабре — январе 1912/13 г., Харбин, 1915.
9. Описание Кореи, ч. II, СПб., 1900.
10. Пак М. Н. К характеристике социально-экономических отношений в Корее в XIX в., — «Сборник статей по истории стран Дальнего Востока», М., 1952.
11. Пак М. Н. Очерки из политической истории Кореи во второй половине XIX в. (автореферат), — «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», М., 1948.
12. Тягай Г. Д. Очерки истории Кореи во второй половине XIX в., М., 1960.
13. Хван-тонюк. Аграрный вопрос в Корее, — «Революционный Восток», 1934, № 5.
14. Чон Чин Сок, Чон Сон Чхоль, Ким Чхан Вон. История корейской философии (пер. с кор.), т. 1, М., 1966.
15. Акиба Такаси. Тёсэн фудзоку-но гэнти кэнкю (Порайонное изучение шаманизма в Корее), Киото, 1959.
16. Мория Коку. Кюрай-но тёсэн ногё сякай-ни цуитэ-но тамэ-ни (К вопросу об изучении прошлого и будущего сельского общества Кореи), — сб. «Тёсэн сякай кэйдзай си кэнсю» («Исследования социально-экономической истории Кореи»), вып. 1, т. 6, Токио, 1933.

17. Судзуки Эйтаро. Тёсэн-но кэй то пумаси (Объединение кей и пхумаси в Корее),— «Миндзоку кэнкю», т. 27, 1963, № 3.
18. Хироси Сиката. Кюрай-но тёсэн сякай-но рэкиси тэки сэйкаку-ни цуитэ (О характере традиционных общин в Корее),— «Тёсэн гакухо», 1951, № 2.
19. Чен Чанъ Сек, Турэ-э кванха-э [К вопросу о «туре» (Происхождение туре и социально-экономическая основа)],— «Мунхва юсан», 1957, № 2.
20. Чен Чанъ Сек. Пукчхень чипанъ-ы минсок (Народные обычаи в районе Пукчхен),— «Мунхва юсан», 1957, № 4.
21. Clark C. A. Religions of Old Korea, New York, 1932.
22. Griffis W. E. Corea. The Hermit Nation, New York, 1882.
23. Heydrich M. Koreanische Landwirtschaft, Leipzig, 1931.
24. Osgood C. The Koreans and their Culture, New York, 1961.
25. Wilkinson W. H. The Corea Government Constitutional Changes from July 1894 to October 1895, Shanghai, 1897.

В. С. Стариков

**КИДАНЬСКО-КИТАЙСКАЯ БИЛИНГВА
ЧЖУРЧЖЭНЬСКОГО ВРЕМЕНИ (1134 г.)**

*(Определение киданьской языковой принадлежности текста
стелы из Шэньси при помощи позиционно-статистического метода)*

Статья посвящена сооруженной в 1134 г. двуязычной так называемой стеле Салихэ, или Салиханя, известного чжурчжэньского военачальника. На этом основании некоторые авторы считают [см. 1; 5; 6; 7; 8; 10], что она была написана помимо китайского и на чжурчжэньском языке. В связи с этим была даже предложена расшифровка основного текста данной стелы с транскрипцией киданьских знаков, якобы читаемых по-чжурчжэньски [см. 5, 152—153]. Вместе с тем, по мнению некоторых исследователей, некий текст стелы был написан на киданьском языке. Однако никаких доказательств в пользу этого предположения не приводилось [2; 3; 4].

В свое время автором было предпринято сопоставление монограмм (идеограмм) и полиграмм основного текста этой стелы с заведомо киданьскими текстами эпитафий [см. 3] на стелах, найденных в подземных мавзолеях киданьских императоров во Внутренней Монголии [см. 9]. Это сравнение, проведенное на основе прямого и обратного словарей, составленных в результате исследования киданьских текстов с помощью позиционно-статистического метода, дало возможность установить истинную — киданьскую языковую принадлежность некий-тайского текста указанной стелы.

Ниже приводятся материалы сопоставления. Все киданьские знаки записаны в трехзначной цифровой транскрипции (кодировке), которая применяется автором при дешифровке киданьских текстов малого письма [подробнее об этом см. 2; 3].

Сопоставление выявляет, таким образом, яркую картину. Из 72 монограмм и полиграмм основного текста стелы аналоги в заведомо киданьских текстах имеют 32 монограммы и полиграммы. Инициальные графемы (в том числе и одиночные знаки) совпали с киданьскими в 68 случаях (кроме знаков 332, 334, 335, которые не встречаются в киданьских текстах в инициальных позициях); знак 238, по-видимому, является аллографом знака 236, но в написании, данном на стеле, в киданьских текстах его нет. Полностью совпадают все финальные переменные знаки, причем некоторые из них встречаются в тексте данной стелы неоднократно; исключением является лишь один знак 330. Особенно же показательно и важно то, что все без исключения сочетания переменных в финальных и медиальных позициях во всех полиграммах стелы целиком соответствуют подобным сочетаниям в заведомо киданьских текстах. Такого количества совпадений основ и, главное, сочетаний переменных знаков, являющихся грамматическими показателями, в разных языках быть не может.

Инвентарный номер монограммы или полиграммы	Монограммы и полиграммы в цифровой транскрипции	Инвентарные номера аналогов из заведомо киданьских текстов и дополнительные данные для сопоставления
1901	222	43, 307, 464, 504, 540, 618, 743, 1050, 1129, 1316, 1352, 1532, 1639, 1714, 1754, 1832, 2101, 2632, 3136, 3328, 3387, 3394, 3457, 3881, 4198, 4263
1902	037	54, 285
1903	264—310—119	991, 1127, 1721, 3291, 3490, 3628
1904	024—005—192	3525, 3567
1905	164	880, 1065, 4204
1906	133—155	Ср. 133—339 (3739)
1907	031—078	443, 933, 975, 3776
1908	264—134	3872, 3930, 3987
1909	066—166—211	Ср. 066—166—075 (1138, 3489), 066—166—292 (2310)
1910	238—177—273	Знак 238 в других киданьских текстах не встречается и, возможно, является аллографом знака 236; ср. 236—177 (3818), 236—177—066—210 (2460)
1911	110—080	318, 1306, 2732, 2738.
1912	168—074	Знак 074 является довольно часто встречающимся переменным компонентом в киданьских полиграммах
1913	257—177—192	Ср. 257—177—218 (224) и еще 6 полиграмм с той же основой
1914	198	28, 32, 123, 731, 1608, 2395, 2580, 2612, 2674, 3029, 3033, 3588, 3617, 3679, 3700, 3775, 3910
1915	149—183	449
1916	066—330	Со знаком 066 в качестве основы, но с другими переменными имеется много полиграмм
1917	236—177—192	Ср. 236—177 (3818), 236—177—006—210 (2460)
1918	057—014—182	Ср. 057—004 (1441, 1663); с основой 057, но с другими переменными компонентами есть еще несколько киданьских полиграмм
1919	205—041—232	Ср. 205—041—277—089—073—055 (1455) и др.
1920	074—067—182	Ср. 074—067—159 (778, 2331), 074—
1921	103—219—119	067—129—066—303—159 (1507) 1346
1922	332—151	Знак 332 встречается только в этом тексте, знак 151 — переменный компонент, встречающийся в полиграммах довольно редко
1923	066—134—191	Ср. 066—134 (3940, 3957, 3968). С основой 066, но с другими переменными компонентами имеется еще много полиграмм
1924	289—198—110	777
1925	264—142—196	Ср. 264—142—196—261 (2354)
1926	090—225—151	Ср. 090—225—151—188 (4205), 090—225—151—191 (809)
1927	129—217—014	С основой 129, но с другими переменными компонентами имеется очень много полиграмм
1928	010—089—198—182	С основой 010, но с другими переменными компонентами имеется исключительно много полиграмм. Знак 182 — очень часто встречающийся в полиграммах финальный переменный

Инвентарный номер монограммы или полиграммы	Монограммы и полиграммы в цифровой транскрипции	Инвентарные номера аналогов из заведомо киданьских текстов и дополнительные данные для сопоставления
1929	180—188	533, 1690
1930	147	414, 502, 953, 1147, 1183, 1213, 1227, 1238, 1318, 1481, 1791
1931	242a—066—055—280	Ср. 242a—066 (2661), 242a—066—084 (56, 755), 242a—066—188 (845) 4237
1932	066—182	Ср. 110—328 (1508, 1585)
1933	110—328—119	Знак 290 встречается в качестве отдельного и основы в ряде полиграмм 249, 1170
1934	290—004—280	С основой 236, но с другими переменными компонентами есть несколько полиграмм 874, 3370, 3911
1935	144—036—055—280	С основой 074, но с другими переменными компонентами имеется весьма много полиграмм. Знак 232 встречается очень часто в полиграммах в качестве финального переменного 536, 605, 1518, 2015
1936	236—191—210—155—004	Знак 130 встречается в качестве отдельного и как основа еще в 13 полиграммах
1937	284	Ср. 289—198—243—034 (1288), 289—198—243—144—188 (451, 1726) 1382, 1806, 3760
1938	074—329—008—066—005—161—232	Знак 007 довольно часто встречается в качестве отдельного, а также в сочетании с другим переменным, ср. 007—208 (3981)
1939	232—175	Ср. 236—134 (3843), 236—177 (3818), 236—310 (4087), 236—056 (4318)
1940	130—292—198	Ср. 010—232 (290, 3727), 010—232—264—280 (1223)
1941	289—198—243—074—2426	Знак 066 встречается в качестве отдельного, а также основы, но с другими переменными компонентами в 24 полиграммах 3017
1942	232—045	Знак 104 в качестве основы, но с другими переменными компонентами встречается в четырех полиграммах
1943	007—159	Ср. 289—182—134 (2316, 3206, 3237, 3357, 3400), 289—182—277—066—303—280 (1159), 289—182—277—289—198 (2010)
1944	236—151	Знак 232 в качестве переменного часто встречается в полиграммах
1945	010—232—108—2426	Ср. 011—074 (2546), 011—232 (3474)
1946	066—219—049—110	Знак 011 в качестве основы встречается еще в 7 полиграммах
1947	260—195—289—198	Ср. 290—004—280 (1016). Знак 290 встречается как отдельный, а также как основа еще в 4 полиграммах
1948	104—159—280	Знак 164 (880, 1065, 4204) встречается как отдельный 164—005—192 (1005)
1949	289—182—014	Этот знак в качестве переменного встречается в полиграммах, но довольно редко
1950	334—232	Ср. 006 как отдельный знак (1167, 2775), 006—119 (1039), 006—159 (3759), 006—173 (2307)
1951	011—119	
1952	290—004	
1953	164—310	
1954	335—144	
1955	006—110	

Инвентарный номер монограммы или полиграммы	Монограммы и полиграммы в цифровой транскрипции	Инвентарные номера аналогов из заведомо киданьских текстов и дополнительные данные для сопоставления
1956	289—182—277—289—198	Ср. 289—182—014 (1949). Знак 198 в качестве финального переменного довольно часто встречается в полиграммах
1957	010—172—066—232	Ср. 010—172—066—005—161—055 (863), 010—172—177—041 (469, 1644), 010—172—129—159 (100), 010—172—182 (1634, 3608, 3695)
1958	042	812, 3372, 3408
1959	065	2700, 2990
1960	183	73, 78, 153, 470, 586, 790, 844, 917, 949, 979, 1086, 1199, 1255, 1803, 1828, 2110, 2203, 2300, 2323, 2340, 2347, 2364, 2421, 2423, 2469, 2615, 2621, 3068, 3070, 3118, 3121, 3132, 3239, 3270, 3399, 3573, 3605, 3844, 4141, 4275, 4400
1961	090—142—280	Ср. 090—142—156 (44, 137, 151, 255, 287, 773, 893, 919, 952, 1007, 1031, 1095, 1448, 1540, 2104, 2574, 3329, 3551, 3564, 3719, 3744), 090—142—156—280 (2424, 3626), 090—142—188 (1422), 090—142—234 (2649), 090—142—285 (248)
1962	250	51, 756, 796, 2344, 2678, 2809, 3101, 3376
1963	007	187, 775, 2501, 3267, 3330, 3419, 4137, 4346
1964	074—166—225	49, 758
1965	024—005—275	Ср. 024—005—297 (1044, 3503)
1966	080	46, 81, 793, 813, 938, 1135, 1702, 2106, 2343, 2682, 2806, 3383, 3373, 3861, 4278
1967	180—310—232	1566, 2102
1968	210—073	Ср. отдельный знак 210 (2810, 3852), 210—073—089—310 (3424)
1969	250	51, 756, 796, 2344, 2678, 2809, 3101, 3376
1970	249	247, 492, 794, 1136, 1505, 1710, 2303, 2312, 2439, 3000
1971	184	797, 1299, 1696, 1773, 2313, 2348, 2882, 3073, 3097, 3308, 3318, 3340, 3377, 3435, 3462, 3889, 4348
1972	010—211—139	Ср. 010—211—004 (2445), 010—211—108—005—080 (139, 974, 3281, 3318)

Таким образом, все приведенные данные совершенно отчетливо показывают киданьскую языковую принадлежность языка некитайского текста стелы 1134 г. и полную несостоятельность попытки читать этот текст по-чжурчжэньски. Равным образом неправомерно и употребление термина «кидань-чжурчжэньская письменность» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Иакинф [Н. Я. Бичурин], Статистическое описание Китайской империи, ч. 2, СПб., 1842, приложение (таблица).
2. Стариков В. С. Формальный анализ функциональной структуры текста,— «Материалы по дешифровке киданьского письма», кн. I, М., 1970.

3. Стариков В. С. и Надеяев В. М. Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма,— «Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма», М., 1964.
4. Таскин В. С. Опыт дешифровки киданьской письменности,— НАА, 1963, № 1, стр. 127—147.
5. Шавкунов Э. В. К вопросу о расшифровке малой кидань-чжурчженской письменности,— ЭВ, т. XV, 1963.
6. Тоё рэкиси дай дзитэн (Большой словарь по истории Востока), Токио, 1905.
7. Chavannes Ed. Notes sur l'inscription joutchens de K'ientcheu,— «T'oung Pao», сер. 2, т. IX.
8. Huth G. Zur Entzifferung der Niüci Inschrift,— «Bulletin de l'Academie Impériale des sciences de St. Pétersbourg», т. V, 1896, № 5.
9. Tamura I. and Kobayashi Y. Tombs and Mural Paintings of Ch'ing-ling Liao Imperial Mausoleums of Eleventh Century A. D. in Eastern Mongolia, Tokyo, 1963.
10. Wylie A. On an Ancient Inscription in the Neu-chih Language,— «The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», т. XVII, ч. 2, 1860.

М. Ф. Чигринский

**К ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ
ТАЙВАНЯ**

О существовании Тайваня европейцы узнали в конце XVI в. В 1590 г. португальские моряки высадились на северном побережье этого острова, в районе Цзилуна. Природа острова настолько понравилась им, что они назвали остров Формоза (букв. «Прекрасная») ¹. Однако по каким-то неизвестным нам причинам португальцы быстро покинули его [37, 82].

Первыми из европейцев обосновались на Тайване голландцы. Это было связано с колониальной политикой Нидерландов в Юго-Восточной Азии и их стремлением проникнуть в Китай в начале XVII в. [2, 325]. Китайские и голландские источники по-разному описывают обстоятельства, связанные с этими событиями.

Согласно китайским источникам, голландцы появились на Тайване в 1620 г., когда один из кораблей Нидерландской Ост-Индской компании, якобы шедший в Японию, попал в бурю и укрылся на Тайване в бухте Саккам (Синьган) ², где находилась небольшая фактория японских купцов [4, 434; 16, 10755].

Голландским морякам остров понравился, и они решили здесь задержаться под предлогом ремонта судна и пополнения запасов продовольствия. В тайне от японцев командир корабля приказал провести разведку местности, после чего он попросил начальство японской фактории разрешить постройку дома, заявив, что для этого потребуется площадь не больше размера шкуры быка. Японцы согласились. Тогда голландцы, разрезав шкуру быка на узкие ремешки, обозначили ими территорию, достаточную для постройки фактории. Пораженные японцы даже не протестовали. Получив от голландцев дань (30 оленьих шкур), японские купцы смирились с присутствием европейцев на Тайване [9, цз. 1109, 29а; 26, 12].

К приведенному выше рассказу, напоминающему легенду о возникновении Карфагена, еще в прошлом веке скептически относился китайский исследователь Дин Шао-и [см. 10, 9а]. Тем не менее некоторые современные китайские ученые продолжают утверждать, что голландцы обосновались на Тайване в 1620 г. [15, 9].

Согласно голландским же источникам это событие произошло в 1624 г. и было связано с очередной неудачной попыткой захватить

---

¹ По мнению исследователей, первым европейцем, точно обозначившим местоположение Тайваня, был голландец Линсхотен [3, 64—65; 35, 408, 46, 164].

² Сейчас г. Аньпин на Тайване.

Макао (Аомынь) — португальскую колонию на территории Китая³. После поражения голландцев в бою под Аомынем часть их кораблей двинулась к о-вам Пэнху. Высадив там десантную группу (10 июля 1622 г.⁴), голландцы приступили к сооружению форта⁵. Одновременно голландские корабли начали широкие пиратские операции у юго-восточного побережья Китая [см. 11, 13—15; 19, 86]. Решительный отпор со стороны китайского флота [см. 40, 420] вынудил возглавлявшего голландскую эскадру адмирала Рейерсзоона встать на путь переговоров. В последовавшей сложной дипломатической игре, трижды прерывавшейся военными действиями, голландцы добивались права свободной торговли в Китае и стремились сохранить опорную базу на о-вах Пэнху, а китайская сторона требовала их ухода с Пэнху на Тайвань. Любопытно, что на этой позиции стояли не только китайские официальные представители, но и частные лица (рыбак, купец, отшельник), в разное время предлагавшие голландцам свои услуги в качестве посредников [39, 184, 191; 43, 366, 369]. Все они, по-видимому, были подставными лицами минской⁶ администрации, которая, судя по всему, широко пользовалась подобными методами из престижных соображений.

В течение почти двух лет Рейерсзоон отвергал китайские предложения. Полагаясь на свое военное превосходство, Ост-Индская компания считала, что Пекин пойдет на уступки. Однако в конечном итоге концентрация крупных китайских сил и арест нескольких высших голландских офицеров (на торжественном приеме у фуцзяньского *дуду*⁷) заставили сменившего Рейерсзоона М. Сонка пойти на подписание соглашения с фуцзяньским *дуду* (в начале августа 1622 г.).

Голландцы оставили Пэнху и ушли на Тайвань, получив взамен свободу торговли [11, 8; 19, 86; 26, 12; 36, 658—659; 39, 200; 42, 42—49; 43, 372—374].

Китайцы могли отказаться и от этой уступки, если бы Сонку не помог фуцзяньский негоциант Хэ Бин (Хо Тин-пин; Хо Пин) [33, 29—30], стремившийся играть роль посредника в голландско-китайской торговле и использовавший свое влияние на фуцзяньские власти.

Минское правительство рассматривало договор как победу. «Только тогда наступило успокоение на Пэнху и кончилась тревога. Они [голландцы] получили Тайвань, где были предоставлены сами себе»⁸, — сообщает официальный документ [19, 86].

Позиция китайской дипломатии в этом конфликте явно определялась одной целью: любыми средствами удалить «варваров» с терри-

---

³ Ранее такие попытки предпринимались голландцами в 1604 и 1607 гг. [26, 10; 32, 11—12; 41, 180—181; 42; 42].

⁴ Интересно отметить, что глава английской фактории в Хирадо Р. Кокс сообщал о строительстве голландских укреплений на Пэнху в письме от 13 декабря 1620 г. Однако эта дата не совпадает ни с китайскими, ни с голландскими данными [27, т. I, 339].

⁵ В качестве рабочей силы использовались экипажи захваченных китайских джонок. За время строительства форта 1300 из 1500 пленных умерли от истощения, так как им выдавали меньше полупунта риса на несколько дней. Кроме того, более тысячи китайцев были отправлены в Батавию для продажи в рабство. Из-за бесчеловечного отношения к концу пути в живых из них осталось менее половины [см. 4, 434; 39, 181]. Голландцы уверяли, что китайские власти отказались обменять пленных [см. 39, 189].

⁶ В Китае в то время правила династия Мин (1368—1644 гг.).

⁷ *Дуду* — один из высших административных чинов минского Китая. В голландских источниках — генерал-губернатор.

⁸ Правда, в некоторых китайских источниках утверждается, что Пекин не был осведомлен фуцзяньским сюнфу (генерал-инспектором) Шан Чжоу-цзо об уходе голландцев на Тайвань [16, 4740].

тории Поднебесной. Тайвань же, по-видимому, в начале XVII в. частью ее не считался. Возможно, именно поэтому фуцзяньская администрация не сообщила в Пекин об уступке Тайваня [12а, 4740]. Нет никаких упоминаний о китайских гражданских чиновниках или войсках на этом острове и в голландских источниках. Наконец, указанное предположение подтверждается официальными трудами по географии Китая периода династии Мин⁹.

С заключением договора 1 августа 1624 г. начинается период европейского колониального господства на Тайване.

Голландцы обосновались на маленьком островке, находившемся напротив д. Саккам¹⁰.

Здесь они возвели небольшой временный форт, на постройку которого пошли строительные материалы и орудия Пэнху. Позднее на месте форта была построена мощная крепость Зееландия. На холме, недалеко от крепости Сонк приказал соорудить усиленный палисадами каменный редут Утрехт с семью орудиями. Южнее начали строить крепость Провидения [5, 272; 26, 13].

Голландские укрепления строились по всем правилам фортификационного искусства. Стены были очень широкими, хотя и полыми внутри. При постройке кирпичи скреплялись раствором из толченых ракушек, рисового отвара и сахара [13, 16—2а]. По мнению китайцев, Зееландию «могла разбить только дьявольская сила, а людям [это] недоступно» [13, 36]. Однако на самом деле крепость имела существенные недостатки — велика была мертвая зона со стороны моря, башни располагались так, что могли быть использованы лишь для фронтального боя и становились бесполезными в случае прорыва неприятеля внутрь крепости.

Рядом с Зееландией возник город того же названия. Сохранилось его описание: «Город пешеход мог пройти за четверть часа, но по красоте он не уступал городам Нидерландов. Улицы замостили обожженным кирпичом и содержали в чистоте. Там позднее проживало 10 тыс. китайцев, в основном мелких торговцев, а также много туземцев — христиан и язычников. Здесь располагались фактории, магазины, оружейные мануфактуры, административные здания» [31, 30; 29, 22].

Тайвань поражал голландцев богатством своей флоры и фауны. На острове в изобилии произрастали сахарный тростник, рис, овощи, фрукты, камфарное дерево, бродили бесчисленные стада оленей и лосей.

Кроме того, миссионеры со слов местных жителей выяснили, что «на Северо-Востоке есть ущелье, где во время августовских дождей намывается золото. Жители откачивают воду из ям, а там золото лежит» [31, 10]¹¹. Это не лишнее оснований сообщение крайне

⁹ О Тайване как части китайской территории не упоминают ни Чжан Тянь-фу [17, 11а], ни Лу Ин-ян. Дополнивший и издавший в 1802 г. труд Лу Ин-яна Цзай Фан-бин сообщал о Тайване: «Тайвань — [остров] в океане. Из истории известно, что принадлежал Голландии. В конце Мин [начало XVII в.] род Чжэнов овладел этой землей. При Нашей династии, в годы правления Канси [1662—1723 гг.], учреждено административное управление Тайваньским уездом» [8, 536]. Утверждение тайбэйских этнографов Хэ Лянь-куя и Вэй Хуй-линя о начале китайской государственности на Тайване в конце XIII — начале XIV в. [15, 26] не подтверждается историческими материалами.

¹⁰ В результате вулканической деятельности он впоследствии соединился с большим островом. Островок китайцы называли Тайванем, а большой остров — Большим или Малым Люцю [42, 33—34]. Спустя некоторое время название Тайвань распространилось и на большой остров.

¹¹ Это ущелье идентифицируется с районом р. Суао [26, 461].

заинтересовало голландцев (батавский генерал-губернатор потребовал от голландской администрации золота для покрытия ущерба, нанесенного судоходству Компании стихийными бедствиями [30, 185])¹². Однако голландцам так и не удалось проникнуть в указанную местность из-за сопротивления туземцев.

Главную ценность для голландцев Тайвань представлял как перевалочная база. Глубина зееландской бухты позволяла заходить туда кораблям любого тоннажа. Поэтому в порту всегда стояло много судов с товарами из Китая, Японии, Индии, Явы. Зееландию считали самым оживленным портом Дальнего Востока, однако никаких конкретных сведений о количестве проходивших судов источники не сообщают [24, 143—144; 26, 15—16; 32, 22; 35, 55—56; 40, 427].

Торговля велась также непосредственно на острове. Голландцы вывозили ежегодно 4—5 тыс. оленьих шкур и от 4665 до 5332 т сахара [24, 143], экспорт которого приобрел для Нидерландов особое значение после потери бразильских владений в 1645 г. [36, 689]. Занимались голландцы и работорговлей. У одного из местных племен они покупали детей, в основном мальчиков [31, 8].

Меновую торговлю с туземцами вели также китайские и японские купцы. Вывозили же главным образом оленьи и лосиные шкуры и рога, которые пользовались большим спросом и в Китае, и в Японии. Связанное с этим усиленное истребление данных животных привело к резкому сокращению их поголовья в равнинных районах острова, что, в свою очередь, заставило туземные охотничьи племена уйти в горы [12, 11—13].

В новой колонии Ост-Индская компания проводила политику «разделяй и властвуй».

С целью более эффективного контроля за туземным населением голландские власти привлекали на свою сторону вождей и старейшин. В 1627 г. они учредили Земельный совет — Ланддаг, куда вошли старейшины всех деревень, захваченных голландцами. На членов Ланддага была возложена обязанность следить за аборигенами и держать в курсе дел администрацию Компании [7, 30]. Вместе с тем осуществлялся дифференцированный подход к коренным жителям острова. С принимавшими христианство заключались союзы. Против тех, кто не желал подчиниться миссионерам и чиновникам, Компания посылала войска [23, 116—121].

Всячески разжигались традиционные распри между туземными племенами гаошань. Кроме того, зная о вражде китайцев и аборигенов, колониальная администрация использовала туземцев в качестве карателей при усмирении волнений китайского населения.

Для осуществления надзора за китайцами, бывшими основными налогоплательщиками и арендаторами земель, объявленных собственностью голландского государства¹³, Колониальный совет Тайваня (орган колониального управления при губернаторе) ввел особую звеньевую систему. В звено входили десять арендаторов, одного из которых выбирали начальником звена. Начальники нескольких десятков звеньев, в свою очередь, выбирали главного уполномоченного — *дацзешоу*, непосредственно подчиненного Компании. Дацзешоу и начальники звеньев, пользуясь своим привилегированным положением, всячески эксплуатировали рядовых общинников [15, 9—10].

¹² Тайвань действительно имеет богатейшие месторождения золотonosных песков.

¹³ Так называемые «королевские поля» были на деле собственностью Компании. В качестве арендной платы за них она получала с китайцев рис, сахар, а также 30 тыс. оленьих шкур ежегодно.

По-иному складывались отношения Компании с японскими поселенцами, которые появились на Тайване раньше голландцев.

Разведывательные и военные экспедиции посылались японцами на Тайвань в 1609 и 1616 гг.¹⁴. Несмотря на их неудачи, морские связи Японии с Тайванем развивались, и в 1621 г. там была основана торговая фактория [11, 7; 12, 30; 21, 298; 27, т. I, 80, 131, 149]¹⁵. Отсюда японские купцы вели посредническую торговлю с Китаем, закупаая готовый шелк, шелк-сырец, сахар и другие товары [12, 29; 18, 416; 27, т. II, 53—56, 322, 339].

После водворения голландцев на Тайване Компания заверила японцев, что их интересы не пострадают. Вероятно, Совет Компании учитывал интересы японо-голландской торговли. Однако, укрепившись на острове и вступив в непосредственную связь с китайскими купцами, голландцы сочли японское посредничество излишним. На японцев стали смотреть как на конкурентов. В 1627 г. голландский губернатор Петер Нейтс, сославшись на инструкцию из Батавии, потребовал, чтобы японские поселенцы платили налоги. У японских купцов, отказавшихся выполнить это указание, были конфискованы товары, после чего Нейтс потребовал от японского правительства запретить его подданным торговать на Тайване, а судам заходить туда [12, 31]. Япония квалифицировала эти действия как нарушение своих прав и направила на Тайвань отряд кораблей под командованием губернатора Нагасаки Суэцугу Хэйдзо. Прибыв летом 1627 г. в Зееландию, он потребовал восстановить свободу торговли и вернуть конфискованное имущество стоимостью 180 тыс. таэлей¹⁶. Японский командующий напомнил Нейтсу, что права Компании никогда не нарушались японцами, и потребовал взаимного соблюдения обязательств [5, 3; 40, 423]. Однако Колониальный совет Тайваня отказался уступить. В ответ Суэцугу решил пойти на обострение конфликта. Покидая Зееландию, он захватил с собой 16 туземных старейшин из д. Саккам во главе с вождем Рикка и инсценировал их обращение к императору Японии с «просьбой» принять Тайвань под свою власть. Историк Тайваня Ван Юй-дэ утверждает, что этот замысел не удался из-за отрицательной позиции сёгуна Иэмицу Токугава, с которым якобы «вообще трудно было разговаривать» [7, 30]. Этой абсолютно неубедительной версии противостоит более реалистическое, хотя и далеко не исчерпывающее, голландское объяснение событий. Нейтс, узнав о действиях Суэцугу, проявил исключительную дипломатическую активность. Прибыв в Японию, он подкупил должностных лиц, убедивших императора¹⁷ отказаться от подарка «дикарей» [32, 24; 40, 42].

Разумеется, объяснить такое решение сёгуна только подкупом нельзя. Его поведение диктовалось, вероятно, также стремлением не допустить усиления нагасакских *даймё*¹⁸, политикой изоляции страны (нежелательностью контактов японцев с иностранцами на Тайване), возможностью использовать голландцев как союзников против Испании и Португалии, с которыми сёгунат вел ожесточенную борьбу.

---

¹⁴ Еще в 1593 г. знаменитый японский полководец Т. Хидэёси направил на Тайвань посланника с требованием дани.

¹⁵ Китайские источники связывают это событие с прибытием на Тайвань объединенной китайско-японской пиратской эскадры под командованием Янь Сы-ци [19, цз. 1109, 296; 10, 9а; 11, 7; 13, 27а].

¹⁶ Эта цифра явно завышена и другими известными нам источниками не подтверждается.

¹⁷ Так в источнике. Вероятно, в начале XVII в. голландцы плохо разбирались в японской политической структуре и путали «императора» и «сёгуна».

¹⁸ Д а й м ё — крупные феодалы в средневековой Японии.

Несмотря на отказ сёгуна от Тайваня, далеко не все в Нагасаки были согласны с его позицией. Вероятно, в этой связи следует рассматривать авантюру нагасакского самурая Ёхэй Хамада, решившего изгнать голландцев с Тайваня. Выдав себя и сопровождавших его за торговцев, последний с отрядом в 470 воинов (среди них были и китайцы) высадился в апреле 1628 г. в Зееландии. Прибыв на место, японцы начали антиголландскую агитацию среди островитян и китайцев. Узнав о планах Хамады, Нейтс вызвал его к себе и обещал не задерживать японцев, если те сдадут оружие. После отказа Хамады японцы по приказу губернатора были арестованы. Вскоре, однако, опасаясь ограничений голландской торговли в Японии, Нейтс согласился отпустить их в Китай. Но этот план сорвался из-за отказа китайских лодочников, сославшихся на указ минского правительства, запрещающий японцам появляться в Китае. Тогда Нейтс решил задержать Хамаду и его отряд до получения распоряжения из Батавии.

Дальнейшие события разворачивались по всем канонам приключенческой литературы. Освободившись каким-то образом из-под стражи, Хамада 29 июня 1628 г. с шестью помощниками проник в губернаторский дворец. Нейтса связали и пригрозили убить, если он не примет японских условий. Стража губернатора, пытавшаяся прийти ему на помощь, была обращена в бегство. Находившиеся поблизости голландские артиллеристы не решались открыть огонь по губернаторскому дому, опасаясь за судьбу Нейтса, так как Хамада пригрозил, что в этом случае он пришлет им голову губернатора. В это время голландское командование узнало, что остальные спутники Хамады с помощью китайцев и небольшой группы туземцев готовятся атаковать Зееландию ночью. В этих условиях голландцы вынуждены были принять японские требования. Шесть голландцев, включая сына губернатора, были отправлены в Японию в качестве заложников. На Тайване в аналогичной роли были оставлены пять японцев. Арестованные голландцами китайцы и аборигены освобождались, а их конфискованное имущество возвращалось. Кроме того, Хамада получил 11 184 таэлей серебром и примерно 7194 кг шелка [26, 18; 40, 421—422; 42, 52—59]¹⁹.

Однако сразу же после отъезда Хамады Нейтс нарушил достигнутую договоренность, приказав захватить два японских судна, а их экипажи арестовать. Опасаясь преследований голландских властей, проживавшие на Тайване японцы, так и не получившие свободы торговли, в июле 1628 г. покинули остров.

В ответ на эти враждебные действия в 1629 г. Япония запретила торговлю с Нидерландами. Существовавшая с 1589 г. голландская фактория на о-ве Хирадо была закрыта и частично разрушена самураями. Многих находившихся в Хирадо и Нагасаки голландцев арестовали. Доставленных Хамадой из Зееландии заложников посадили в тюрьму, где трое из них (в том числе сын Нейтса) умерли в конце 1631 г. [40, 423—424].

Боясь окончательно потерять японский рынок, Ост-Индская компания решила пойти на уступки. Нейтса арестовали и выдали японцам. 11 сентября 1632 г. его доставили в Японию, где он несколько лет просидел в тюрьме [21, 369; 22, 28—29]. Кроме того, учитывая враждебное отношение японского правительства к христианам, Компания фактически прекратила обращение в христианство, широко практиковавшееся на Тайване до 1631 г.

---

¹⁹ На переговорах с голландцами Хамада не ставил вопрос о торговых правах японцев на Тайване.

Главным же фактором, способствовавшим смягчению позиции сёгуна по отношению к голландцам, было очередное обострение начавшейся задолго до этого борьбы Японии с Испанией и Португалией²⁰. Так, в 1628 г. испанцы напали на японских торговцев в портах Таи (Сиам). В ответ правительство Японии конфисковало три испанских и один португальский галеон [40, 423—424].

Решив воспользоваться сложившейся ситуацией, Ост-Индская компания направила в Японию посольство во главе с Франсуа Кароном с целью добиться возобновления торговли, признания своих прав на Тайвань и возвращения Нейтса. Взяв с собой ценные подарки, в том числе пользовавшиеся большим спросом в Японии шелк и ртуть, голландские послы 31 августа 1635 г. прибыли в Хирадо.

Несмотря, однако, на явное улучшение японо-голландских отношений²¹, переговоры затянулись. Голландцы объясняли это тем, что «японцы люди гордые, не сносят обиду, которую им наносят, но умеют это хорошо скрыть и до поры до времени таят желание отомстить» [45, 117]. Тем не менее богатые подарки различным чиновникам, в частности губернатору Хирадо (ему подарили голландскую шляпу), сделали свое дело. Губернатор ускорил аудиенцию посольства у сёгуна. Посетив последнего в Эдо, Франсуа Карон принес ему многочисленные извинения за тайваньский инцидент 1628 г. и преподнес корону и канделябры европейской работы. Ценные подношения были приняты благосклонно и отправлены в усыпальницу сёгуна Иэясу Токугава в Никко [см. 12, 31; 40, 424—441; 44, 412—416]. Удовлетворенный поведением голландцев, сёгун разрешил 5 июля 1636 г. освободить Нейтса из тюрьмы [см. 40, 423—424; 44, 417—418].

Продолжавшееся сближение Японии и Голландии привело к тому, что, признав в 1640 г. японского императора формально своим сюзереном, Ост-Индская компания получила монопольное право на торговлю с Китаем, а Испания и Португалия окончательно потеряли японский рынок [32, 29; 40, 423]. В свою очередь, Япония пошла навстречу Голландии и не возобновляла своих претензий на Тайвань.

Это обстоятельство облегчило голландцам борьбу за Тайвань с их главным конкурентом — Испанией.

Испанцы познакомились с Тайванем и о-вами Пэнху еще в конце XVI в. Уже тогда, заинтересованные в торговле с Китаем²², испанские власти на Филиппинах проявляют повышенный интерес к Тайваню. Первая неудачная попытка испанцев обосноваться на этом острове была предпринята Хуаном Замадесом в 1593 г. Несмотря на неудачу, испанские власти продолжали внимательно следить за политической ситуацией, складывающейся вокруг Тайваня. По мнению испанской администрации, занятие последнего Японией позволило бы ей захватить

---

²⁰ Именно в связи с этим в Японии начались массовые гонения на христиан. В 1606 г. христианство было официально запрещено. После подавления восстания японцев-христиан в Симабара в 1636—1637 гг. христиан почти поголовно вырезали в Японии. Антихристианская политика сёгуната встретила сочувствие в Китае и среди китайцев на Тайване [18, 70а—70б].

²¹ Судя по записям капитана Хагенаара, доставившего посольство в Японию, голландские суда могли беспрепятственно заходить в гавань Хирадо еще до заключения официального соглашения. Он, в частности, сообщает о встрече там с кораблем Компании, имевшим на борту 400 солдат. Этот отряд направлялся на Тайвань для подавления там восстания туземцев [44, 410].

²² Ежегодно 30—40 джонок с шелком, фарфором и другими товарами стоимостью 1,5 млн. долл., курсировали между Манилой и Сямынем [26, 10]. От доставки шелка-сырца зависела испанская шелкоткацкая промышленность в Мексике, куда шелк привозили транзитом через Манилу. Таким образом, торговые связи Испании с Китаем имели большое значение для всей испанской колониальной империи.

в свои руки торговлю китайским шелком и перерезать коммуникации между Манилой и Макао [21, 298]²³.

Появление на Тайване голландцев заставило губернатора Филиппин Фернандо де Сильва принять контрмеры. Он решил создать испанскую базу на Тайване в противовес Зееландии. Судя по его письму Филиппу III, Сильва опасался, что укрепившиеся на острове голландцы будут контролировать внешнюю торговлю Китая. Поэтому, несмотря на нехватку средств, он приказал отправить экспедицию на Тайвань [см. 29, 143—144]. Начальником экспедиции назначили Антонио Коррено де Вальдеса, а главным духовником и гражданским руководителем — провинциального прелата Бартоломео Мартинеса. Им надлежало создать укрепление на севере Тайваня «с наветренной стороны от врага» [29, 143].

11 мая 1626 г. две испанские галеры с тремя отрядами пехоты и пятью доминиканскими монахами на борту достигли северного побережья Тайваня. Место высадки назвали портом Сант-Яго. Однако открытая гавань была неудобна, и испанцы перебрались в защищенную от ветров бухту, где основали форт Сан-Сальвадор и порт Сантиссима Тринидад (Цзилун) [29, 142—144; 32, 30]. Форт находился на окруженной со всех сторон морем горе Цзилун и имел три линии обороны. Закончив строительство форта, Мартинес с главными силами возвратился в Манилу.

Испанские власти придавали новой колонии большое значение. Порт Сантиссима Тринидад был очень удобен. Там могло одновременно находиться до 500 кораблей. Используя такую выгодную стратегическую позицию, как Северный Тайвань, испанцы рассчитывали стать хозяевами всех торговых путей, соединяющих Японию с Таиландом, Китаем, Камбоджей. Они полагали, лишив Японию китайского шелка, заставить ее снять запрет на торговлю с Испанией. Используя близость Тайваня к побережью Китая, Сильва хотел также положить конец китайско-голландской торговле, применив для этого вооруженную силу. «Я бы запретил это (торговлю с голландцами.— М. Ч.) со всей строгостью, дав знать ему („королю” Китая.— М. Ч.) о тех средствах, которые используют галеры, когда они пройдут около берегов [его страны]», — писал он Филиппу III [29, 144].

Важнейшей своей задачей филиппинские власти считали уничтожение Зееландии. В 1626 г. испанцы или португальцы (из источника это не ясно), отправившись на четырех галеонах из Макао к Тайваню, собрали самые подробные сведения о Зееландии. Была составлена карта, на которой четко обозначались все военные объекты [29, 142].

Освоение Тайваня испанцы начали с посещения ближайшей к Сантиссима Тринидад деревни, насчитывавшей 1500 домов. Туземцы напомнили испанцам одно из лусонских племен, однако они были светлее лусонцев и говорили на другом языке. Заметив испанцев, аборигены бежали в горы, но затем вернулись.

Миссионеры построили маленькую часовню Всех Святых и развернули активную деятельность по обращению островитян в христианство. Первыми неофитами стали два метиса (сыновья китайца и туземки). В честь этого события испанцы устроили военный парад, что произвело на туземцев большое впечатление [26, 20]. Точное число обращенных неизвестно, но, по-видимому, их было достаточно много.

---

²³ Филипп III дал указание сорвать эти планы дипломатическим путем, но испанские дипломаты считали это излишним, полагая, что Китай не допустит японцев на остров [22, 143—144].

так как провинциальный капитул объявил новую территорию викариатом. Викарием назначили Франсиско Мола.

Закрепившись в Сан-Сальвадоре, испанцы двинулись вдоль северного побережья Тайваня и основали форт Сан-Доминго (ныне порт Даньшуй) [5, 302]. Здесь воздвигли церковь Мадонны с четками. Форт Сан-Доминго и Сантиссима Тринидад соединили дорогой [26, 20; 32, 29—30].

Усиление испанской колонии насторожило голландцев. Губернатор Нейтс доложил о действиях испанцев Совету Компании в Батавии и предложил уничтожить Цзилун. Свое предложение он мотивировал тем, что, используя Цзилун, испанцы могли совершать нападения на голландские суда, направлявшиеся в Китай. Кроме того, Нейтс опасался, что, укрепившись, испанцы настроят туземцев и китайцев против Компании. По мнению Нейтса, это нанесло бы Компании большой вред и серьезно угрожало бы интересам и прибылям, ибо без дружеского отношения туземцев голландцы не могли бы здесь оставаться, не укрепив значительно гарнизон, что привело бы к увеличению расходов и уменьшению доходов» [28, 272]. Нейтс считал также, что, захватив Цзилун, голландцы могли бы получать все те товары, которые китайцы продавали испанцам [28, 274]. Это предложение было, однако, отвергнуто. Видимо, Компания считала его несвоевременным, учитывая прежде всего соотношение сил. В Батавии, вероятно, ожидали распада единого католического альянса, создавшегося в результате заключенной в 1580 г. испано-португальской унии. Там знали, в частности, что португальцы в Макао не хотели ее признать [3, 26].

Только после того как Португалия порвала унию и заключила 12 июня того же года союз с Нидерландами против Испании [см. 1, 113], Совет Компании распорядился послать вооруженные силы против испанцев.

В конце августа 1641 г. голландский губернатор Тайваня Паулус Традениус послал командующему испанскими войсками Гонсало Портильо ультиматум, в котором ему предлагалось немедленно сдаться. В случае сдачи испанцам гарантировалось «приемлемое обращение согласно обычаям и традициям войны» [34, 57—58; 42, 72—73]. Портильо отверг ультиматум, подчеркнув, что он будет сражаться с голландцами так хорошо, как сумеет.

После этого голландцы напали на Цзилун и Тамсуй, но, встретив ожесточенное сопротивление, отошли. Испанские власти, предвидя новое наступление противника, обратились к губернатору Филиппин Уртадо де Коркуере с просьбой о помощи, но получили отказ, так как испанские войска на Филиппинах в это время вели войну против мору²⁴. Это исключало возможность переброски резервов на Тайвань. Кроме того, немаловажную роль сыграли интриги иезуитов, стремившихся подорвать влияние своих конкурентов-доминиканцев, хозяйничавших в тайваньском викариате. Поэтому они сделали все, чтобы убедить Коркуере отказаться от помощи испанским войскам на Тайване²⁵. Все это привело к тому, что вместо помощи из Манилы пришел приказ, отзывавший с Тайваня три из четырех находившихся там отрядов испанских войск. Взамен Коркуере прислал лишь восемь солдат, немного оружия и продовольствия. Такая позиция манильских властей решила судьбу испанской колонии на Тайване [20, 189; 25, 342, 377—379; 26, 21—22; 38, 138].

²⁴ Филиппинские мусульмане.

²⁵ Исключительное влияние иезуитов объясняется тем, что они поддерживали Коркуере, решившего подчинить церковь светской власти.

3 августа 1642 г. голландский флот в составе четырех фрегатов, одного скутера, девяти мелких и нескольких транспортных судов под командованием Хендрика Гароузе подошел к форту Сан-Доминго, гарнизон которого состоял из 12 испанцев, 8 лусонцев, 40 туземных лучников. Несмотря на упорное сопротивление, форт пал, после чего часть его защитников отошла к Сан-Сальвадору. Голландская артиллерия с господствующих высот обстреливала Сан-Сальвадор, и после семи суток непрерывных боев он был взят 26 августа 1642 г.

Победители захватили богатые трофеи: 40 пушек, оружие, амуницию, различных товаров на 500 тыс. песо и 25 тыс. песо серебром [20, 189]. Пленных отправили в Батавию, а затемпустили в Манилу [26, 22].

Таким образом, Голландской Ост-Индской компании удалось установить свое господство на Тайване и устранить своих основных соперников — японцев и испанцев. Однако победа голландцев оказалась непрочной, ибо население острова не покорилось иноземному господству. В горах против захватчиков сражались туземные племена. В 1652 г. произошло восстание китайского населения под руководством Го Хуай-и. Наконец, в 1662 г. голландцы были полностью разгромлены войсками китайского полководца Чжэн Чэн-гуна и изгнаны с острова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтемира Р. История Испании, т. II, М., 1951.
2. Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI—XVIII веках, М., 1949.
3. Кюнер Н. В. Исторический обзор сношений европейцев с Китаем с 1514 по 1842 г., [б. м.], [б. г.].
4. Очерки по истории Китая, под ред. Шан Юэ, М., 1959.
5. У Чжуан-да. Тайвань, М., 1959.
6. Яутихара Тадао, Формоза под властью японского империализма, М., 1934.
7. Ван Юй-дэ. Тайван, Токио, 1971.
8. Гуан юй цзи (Записки по географии Китая), т. 2, [б. м.], 1802, цз. 18.
9. Гуцзинь тушу цзичэн (Полное собрание древних и современных книг и чертежей), т. 147, Шанхай, 1936, цз. 1109, 1110.
10. Дин Шао-и. Дунинчжилюе (Краткое описание Тайваня). Даньшуй, 1875, цз. 6.
11. Лянь Хэнь. Тайвань тунши (Всеобщая история Тайваня), т. 1, Шанхай, 1947.
12. Нихон то Оранда (Япония и Голландия), Токио, 1914.
- 12а. Сюй вэнсянь тункао (Продолжение исследования исторических памятников и их традиций), т. 2, Шанхай, 1936, цз. 238.
13. Сюй сю Тайвань сяньчжи (Дополненное и исправленное описание Тайваньского уезда), Фучжоу, 1805, цз. 5.
14. Тайван такасагадзоку кэйто сэдзоку по кэнкю (Изучение генеалогии аборигенов Тайваня), т. 1, Тайхоку, 1935.
15. Хэ Лянь-куй, Вэй Хуй-линь. Тайвань фын ту чжи (Описание местных обычаев на Тайване), Тайбэй, 1966.
16. Цинчао сюй вэнсянь тункао (Продолжение исследования исторических памятников и их традиций при династии Цин), т. 4, Шанхай, 1936, цз. 334.
17. Чжан Тянь-фу. Гуан хуан юй као (Исследование географии Китая при Мин), [б. м.], [б. г.], цз. 7.
18. Юй Юн-хэ. Бэйхайцзию (Записки в помощь морским путешественникам), [б. м.], [б. г.].
19. Юйпи лидай тунцзянь цзилян (Свод исторического зеркала по всем династиям с пометками императора), [б. м.], 1759, цз. 113.
20. Benitez C. History of the Philippines: Economic, Social, Cultural, Political, Manila, 1954.
21. Boxer C. R. The Christian Century in Japan, 1549—1650, New York, 1951.
22. Boxer C. R. Jan Compagnie in Japan 1600—1817, Tokyo—London—New York, 1968.
23. Campbell R. W. Formosa under the Dutch, London, 1903.
24. Chiao-min Hsieh. Taiwan—ilha Formosa, London, 1964.
25. Costa H. de la. The Iesuits in the Philippines. 1581—1768, Harvard, 1961.
26. Dawidson J. W. The Island Formosa, London—New York, 1903.

27. Diary of Richard Cocks Cape-Merchant in the English Factory in Japan (1615—1622), т. I—II, London, 1883.
28. Discussion de la Question,—«Recueil des Voyages», т. IX, Rouen, 1725.
29. Duro C. F. Isla Formosa. Carta de D. Fernando de Silva, Gobernador de las islas Filipinas escrita al Rey con fecha 30 de Julio de 1626,—«Boletin de la Sociedad Geografica de Madrid», т. XII, Madrid, 1882.
30. Extrait d'une Lettre du Gouverneur General des Indes envoyé aux Sieurs Directeurs, Touchant le commerce du Japon,—«Recueil des Voyages». т. X, Rouen, 1725.
31. Gedenkwürdige Verrichtung der Niederländischen Ost-Indischen Gesellschaft in dem Keiserreich Taising oder Sina, durch ihre zweite Gesandtschaft an den Unter-König Singlamong und Feldherren Taising-Lipoui, Ausgefuehrt durch Ioan van Kampen und Constantin Nobel, Amsterdam, 1674.
32. Imbault-Huart. L'île Formosa, Paris, 1898.
33. Lo Shu Fu (Fu Lo Shu). A Documentary Chronicle of the Celestial Empire. Sinowestern Relations as Revealed in Chines Sources, т. I, Jen-yin, 1962.
34. Mengarini J. Formosa, Manila, 1895.
35. Miscellanies Formosa,—«Chinese repository», т. II, Canton, 1834.
36. The New Cambridge Modern History, т. IV, Cambridge, 1970.
37. Paske-Smith M. Western Barbarians in Japan and Formosa in Tokugava Days, 1603—1838, Kobe, 1930.
38. Phelan J. L. The Hispanization of the Philippines, Madison, 1967.
39. Relation abrégée De L'Empire de la Chine,—«Recueil des Voyages», т. IX, Rouen, 1725.
40. Riss L. Geschichte der Insel Formosa,—«Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens in Tokio», т. VI, Tokio, 1893, № 59, срр. 405—448.
41. Suite du voyages de Corneille Matelief Le'jeune aux Indes orientales,—«Recueil des Voyages», т. VI, Rouen, 1725.
42. Valentyn F. Beschryvinge van Tayouan, of Formosa,—«Zaaken van den Godsdienst op het Eyland Java..., der Zaaken van China», т. IV, ч. II, Dordrecht — Amsterdam, 1726.
43. Voyage de Guillaume Isbrantsz Bontekou de Hoorn,—«Recueils des Voyages», т. VIII, Rouen, 1725.
44. Voyage de Hery Hagenaar aux Indes Orientales,—«Recueil des Voyages», т. IX, Rouen, 1725.
45. Voyage des Hollandois autour du Monde. Sous la conduite de General Olivier de Noort — «Recueil des Voyages», т. II, Rouen, 1725.
46. The Voyage of John Huyghen van Linschoten to the East Indias, т. I, London, 1885.

С. А. Маретина

«ДОМ ХОЛОСТЯКОВ» У НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

«Дом холостяков», или «мужской дом», — социальный институт, который имеет (или имел в недавнем прошлом) широкое распространение у многих народов мира. По словам одного из первых исследователей этого явления, С. Пила, его можно было встретить на территории от Ассама до Новой Гвинеи и от Маршалских островов до Нигера [24, 244]. В Юго-Восточной Азии институт «дома холостяков» зафиксирован (с запада на восток): у горных народов Ассама, Нагаленда и сопредельных территорий, бирманских нага, мои и кха Индокитая, джакунов Малакки, игоротов, бонтоков и ифугао Филиппин, у ряда даякских племен Калимантана, горных народов Флореса, Тимора, Сулавеси, Новой Гвинеи¹.

У различных народов Юго-Восточной Азии «дом холостяков» имеет свои названия — морунг у нага, декачунг у гаро, аризу у микиров, пахарунан у игоротов.

Наличие «дома холостяков» зафиксировано лишь у народов, населяющих изолированные горные районы. По-видимому, данный институт присущ общинно-родовому строю и не сохраняется при переходе к классовому обществу. По словам Т. Ходсона, «он в большей степени характерен для определенного уровня развития культуры, чем для особой этнической группы или групп» [12, 75].

Мы уже имели случай говорить об удивительных совпадениях многих явлений культуры у отдельных горных народов Юго-Восточной Азии, различных по происхождению и языку [см. 1]. Одним из таких общих элементов и является «дом холостяков». Формы и пути трансформации этого института у разных народов серьезно варьируются, однако его основные формально-описательные и функциональные характеристики совпадают. Поскольку «дом холостяков» на протяжении последних десятилетий находится в состоянии трансформации (а у некоторых народов — и отмирания), описание этого института в насто-

---

¹ Этот институт еще крайне слабо изучен. Это отмечают и в рассматриваемом регионе исследователи, например В. Элвин [6, X] и С. Пил [23, 255]. Исключение составляют лишь тибето-бирманские народы горных штатов Северо-Восточной Индии. «Дому холостяков» у этих народов посвящен целый ряд ценных публикаций, начиная от работ самых ранних исследователей — Дж. Батлера [3] и С. Пила [22; 23; 24] — до специальных работ К. фон Фюрер-Хаймендорфа [8; 10]. Большой конкретный материал, позволяющий восстановить основные аспекты «дома холостяков» для всего юго-восточного района Азии, дает также фундаментальная монографическая серия британских авторов по ассамским народам, к которой нам придется неоднократно обращаться.

ящей статье является в какой-то степени реконструкцией: если у ряда народов эта модель остается действующей до наших дней, то у других сохраняются лишь отдельные ее черты.

Исследователи по-разному подходят к определению значения и основных функций «дома холостяков». По мнению В. Элвина, последний в основном является или военизированной организацией, основанной на строгой сегрегации юношей и связанной в первую очередь с войной, охотой и отправлением магических обрядов, или — у других народов — известным регулятором добрачных связей, допускающим общение молодежи разных полов [6, 269]. Последний момент особо подчеркивается С. Пилом и связывается им с практикой добрачной половой свободы [24, 246]. Напротив, Б. Гуха на первый план выдвигает иные, преимущественно общественно-социальные функции «дома холостяков» — «создание привычки к дисциплине у детей в период их формирования и развитие духа кооперации и сотрудничества, так, чтобы племя могло действовать как коллектив и не было почвы для роста дезинтегрирующих тенденций» [11, 83].

При всей разнородности оценок этого института его социальная значимость несомненна. Располагается «дом холостяков» либо на центральной площади, либо — чаще — при входе в деревню (что отчасти связано с его оборонительными функциями, так как в прошлом в обстановке постоянных межплеменных и междоусобных войн он выполнял роль как бы форпоста деревни). Внешний вид и размеры выделяют «дом холостяков» из массы остальных построек. Это большое строение, часто приподнятое на сваях (что вообще характерно для горных построек). Фронтон и столбы такого дома принято украшать богатой резьбой с традиционными орнаментальными мотивами (голова *митхана*², птицы-носорога и т. д.), пучками волос. Основания свай иногда обкладывают камнями-талисманами, приносящими удачу. Как правило, этот дом имеет два входа (в противоположных концах), посередине его — проход, где в прохладные ночи зажигают очаг (или очаги), вокруг которых спят юноши. Иногда имеются отдельные спальные ячейки. По бокам дома нередко тянется открытая, приподнятая на сваях галерея. Будучи главным строением деревни, «дом холостяков» служит и своего рода ритуальным центром. Это святилище, место хранения деревенских святынь и ценностей. Сюда приносили военные трофеи, в том числе головы убитых врагов. Здесь хранятся также большой деревенский барабан, представляющий собой полый ствол дерева, ритуальный ксилофон, гонги и прочее общинное достояние. Все хранящееся в «доме холостяков» считается находящимся под покровительством высших сил и поэтому не может быть похищено или повреждено. Под покровом этого дома никто не может быть обижен, и даже преступник (как и в средневековых европейских храмах) недосыгаем для преследователей. У большинства народов именно на галерее «дома холостяков» хранились (у некоторых временно) черепа врагов, с которыми связаны представления о мистической силе, сообщаемой ими роду и деревне победителя. Дом является предметом неусыпного внимания как его обитателей, которые являются его коллективными владельцами, так и всей общины.

У тех народов, где институт «дома холостяков» получил наибольшее развитие, в деревнях насчитывался не один, а несколько таких домов, распределявшихся по родам или по кварталам (например, у некоторых нага) [26, 52; 9, 69].

---

² Митхан — одна из пород одомашненного индийского буйвола (*Bos frontalis*).

Членами «дома холостяков» являются все юноши общины (или части ее). Там они до вступления в брак регулярно проводят ночь. У многих племен существует правило, по которому мальчики, достигшие определенного (разного для различных народов) возраста, не должны ночевать вместе с родителями; это объясняют стремлением отстранить их от интимной жизни родителей, а также от находящихся в родительском доме девушек (сестер и других родственников). Возраст вступления в «дом холостяков» колеблется от трех-четырех (у игоротов) до шести-семи и даже двенадцати-тринадцати лет у прочих народов. Вступая в брак, юноши иногда платят небольшой взнос (мясом дичи или домашних животных) — своего рода компенсацию сотоварищам за свой уход [18, 24].

Вступление мальчиков в «дом холостяков» у ряда народов связано со специальными обрядами, чаще всего — с обрядами инициации, которые обычно символизируют магическую подготовку к войне или — в более отдаленное от нас время — к охоте за черепами. Так, у бирманских нага целью обрядов было испытание храбрости, выносливости, умения охотиться. В прошлом пройти инициацию нередко означало принять участие в набеге [2, 349]. У ассамских коньяк нага на мальчика, вступающего в «мужской дом», первый раз надевают дао — универсальное оружие нага [8, 349].

Для подростков переход в «дом холостяков» означает начало зрелости. После вступления в «мужской» дом у мальчиков появляются свои общественные обязанности, они начинают играть определенную роль не только в семье, но и в общине.

В «доме холостяков» царит строгая дисциплина. Хотя дни юноши проводят в родительском доме, однако их поведение и распорядок времени с самого начала регулируются целым рядом правил, которые они обязаны неукоснительно выполнять. Нарушение или невыполнение этих правил влечет за собой различные наказания. Чаще всего это штрафы, но не исключены и меры морального и физического воздействия. Дисциплинарные функции относятся к числу важнейших для «дома холостяков». Отдельные исследователи непосредственно связывают высокую дисциплинированность молодежи того или иного племени с наличием у него «дома холостяков» [21, 28].

Обязанности членов «мужского дома» меняются с возрастом. В обязанности младших членов «мужского дома» входит выполнение подсобных работ, самой распространенной из которых является доставка топлива для общих нужд коллектива. Иногда еще до вступления в «дом холостяков» мальчики обслуживают членов этой организации. Они учатся беспрекословно повиноваться распоряжениям главы дома и старших юношей. С возрастом они переходят в следующую категорию, составляя основной костяк «мужского дома», получая право в свою очередь распоряжаться младшими товарищами.

Однако вместе с тем важной чертой организации «мужского дома» является полное равенство всех его членов, принадлежащих к данной возрастной градации. Причем принцип равноправия распространялся даже на рабов у тех народов, у которых существовало патриархальное рабство [26, 125].

Наибольшая стройность внутренней структуры характеризует «дом холостяков» — «морунг» у ао нага, у которых он теснейшим образом связан с системой возрастных классов, что позволяет ему органически вписаться в социальную организацию общины. До недавнего времени у ао нага все мужчины от рождения до смерти принадлежали к тому или иному возрастному классу, для каждого из которых имелся свой круг функций и обязанностей и определенная роль в общественной жизни.

ни общины. Переходя последовательно из класса в класс, они приобщались к разным сторонам жизни своего общинного коллектива [7, 30]. У ао нага юноши вступали в «дом холостяков» в возрасте 12—14 лет. В течение первых трех лет они выполняли низшие и подсобные виды услуг. Затем их статус повышался, а еще через три года они имели право на вступление в брак, что означало переход в следующий возрастной класс, уже вне пределов «морунга».

Очень любопытны взаимоотношения членов «мужского дома» с семьей. Как уже упоминалось, юноши днем находятся у родителей, вместе с ними питаются, работают на принадлежащей семье земле. Однако родители не властны ни вмешиваться в распоряжения главы дома, ни отрывать детей от выполнения возложенных на них общественных обязанностей. В противном случае на них налагается штраф. В то же время наличие «дома холостяков» не приводит к отдалению сыновей от родителей; больше того, «дом холостяков», беря на себя многие дисциплинарные функции, избавляет от них тем самым отца и этим способствует улучшению отношений в семье.

У «дома холостяков» есть свой глава или главы. Насколько позволяют судить имеющиеся сведения, положение глав дома различно у каждого племени. Так, если у коньяк нага, по свидетельству К. фон Фюрер-Хаймендорфа, лица, возглавлявшие «дом холостяков», выступают преимущественно как организаторы различных церемоний [8, 349 и сл.], то у кабуи (Ассам) они обладают деспотической властью [6, 286]. У некоторых куки глава дома упоминается в ряду главных должностных лиц деревни [5, 184].

Воспитательные функции «дома холостяков» не ограничиваются привитием привычки к послушанию и исполнительности. На базе этого коллектива в прошлом нередко существовала военная дружина. Юноши обучались военному искусству и, будучи самой молодой и оперативной частью населения деревни, служили надежным подспорьем при защите общины от вражеских нападений [28, 1 и сл.].

Очень важным аспектом воспитательной деятельности «дома холостяков» было приобщение молодежи к традициям, обычаям, нормам жизни общины и рода. Проводя основную часть дня с родителями, юноши, тем не менее, постоянно принимают участие в общих праздниках, играх и развлечениях «мужского дома» и всей общины. Вечерами в «доме холостяков», как правило, собираются мужчины, чтобы скоротать время за беседами и обсуждением общих дел (привычка, сохраняющаяся с юношеского возраста). Присутствующие при этом юноши знакомятся с легендами и мифами своего народа, разучивают народные песни и танцы, приучаются к соблюдению родовых табу и запретов. Впоследствии, став отцами семейств, они, в свою очередь, будут передавать полученные знания следующему поколению. Так сохраняется преемственность культуры у не имеющего письменности народа.

Таким образом, объединение подрастающего поколения под одной крышей усиливает социальные позиции общинного коллектива, который, разделяя воспитательную функцию с семьей, тем самым препятствует полному обособлению последней.

К числу важнейших воспитательных функций «дома холостяков» относится также приобщение юношей к совместному труду. Становясь членом дома, юноша вступает в «экономическую жизнь морунга» [6, 290]. Таким образом, трудовое воспитание юноши включает как работу на семейном участке, так и совместный труд с товарищами по «мужскому дому». Это в первую очередь периодический ремонт дома, который производится исключительно силами его обитателей. Кроме

того, «дому холостяков», как правило, принадлежала земля³, которая совместно обрабатывалась его членами [16, 81; 27, 14]. В данном случае перед нами едва ли не единственный случай действительно совместного труда и коллективного потребления, ибо вырученная от реализации урожая сумма шла на общие нужды — чаще всего на подготовку праздника (покупку свиньи и других угощений). Наконец, у некоторых народов на основе «дома холостяков» создавались рабочие группы, которые по договоренности помогали обрабатывать поле нуждающимся общинникам и получали за это угощение [4, 447]⁴. Выработавшаяся в процессе совместного труда привычка к постоянной взаимопомощи, совместному планированию работ в дальнейшем, когда юноши начинают вести собственное хозяйство, помогала регулировать экономическую жизнь общины.

Несмотря на то что внутри «дома холостяков» не всегда бывает светло и уютно — там зачастую темно, дымно, много мух, несмотря на суровую дисциплину и многие трудности, с которыми приходится сталкиваться молодежи, время пребывания в «доме холостяков» остается для нее самым светлым временем юности. «Лхота говорит о своих счастливых днях в чампо „доме холостяков“. — С. М.) совершенно так же, как англичанин о своих школьных годах» [18, 25].

Хотя «дом холостяков» является молодежной организацией, значение его у многих народов значительно шире этого определения. В своей развитой форме «дом холостяков» выступал как центр, оплот социальной жизни всей общины. «Система морунга регулирует отношения каждого мужчины и каждой женщины с другими членами общины, она является базой для многочисленных взаимных обязательств отдельных лиц и групп. Она укрепляет чувство социального единства, способствуя развитию у юношей духа сотрудничества, и в то же время вызывает дух соревнования между морунгами, что стимулирует активность всей деревни» [6, 290].

По своему положению «дом холостяков» часто бывает одновременно и общинным домом. Здесь проходят общие собрания, заседает совет старейшин. Молодые люди, не имеющие пока права голоса на этих заседаниях, тем не менее обычно присутствуют на них и становятся свидетелями отправления деревенского правосудия, решения общих дел, планирования работ и походов и т. д. Участвуя в совместном труде, юноши приучаются к планированию своей будущей экономической деятельности, постигая нормы военного дела — готовятся к роли воинов. И так же, приобщаясь к нормам социальной жизни, они учатся управлять общиной, готовясь стать членами общества. Вступив в иную социальную и возрастную категорию, став полноправными общинниками и главами хозяйств, они продолжают жить согласно тем правилам и нормам, которые стали привычными для них со времени пребывания в «мужском доме».

Таким образом, именно знакомство с институтом «дома холостяков», с его широкими воспитательными функциями (к которым относятся воспитание словом, делом, примером, приказом) создает реальное представление о том, как складывались и сохранялись от поколения к поколению те нормы общинного коллективизма, которые лежали в основе жизни и деятельности общины до начала ее разложения. Вос-

---

³ В настоящее время подобная практика сохранилась в виде остаточных явлений лишь у некоторых народов.

⁴ Эти молодежные группы не следует смешивать с многочисленными другими группами взаимопомощи, которые могут формироваться по соседскому признаку [18, 27] или выступать как кооперативные объединения [4, 447].

питание дисциплинированности, привычки участвовать в делах, касающихся всего коллектива, приобщение к разным аспектам жизни обеспечивает крепость общинного коллектива. Каждый человек с детства знает свое место в общине, отдает себе отчет в своих правах и обязанностях. В этом смысле о «доме холостяков» можно говорить как об оплоте общинного коллективизма. При этом очень важно подчеркнуть, что это организация не добровольная, как многие более поздние объединения, а традиционная, членство в которой является обязательным. Поэтому воспитание юношей в «доме холостяков» носит всеобщий характер, оно охватывает всех без исключения. Нарушение этого правила, т. е. начало распада организации «мужского дома», свидетельствует и о начале разложения всего общинного коллектива.

Есть еще один аспект института «дома холостяков», который уже давно привлек внимание исследователей и до сих пор вызывает противоречивые мнения. Речь идет о роли «дома холостяков» в отношениях полов и влиянии его на сексуальную жизнь молодежи. Споры ведутся вокруг вопроса о том, способствует ли институт «дома холостяков» свободе полового общения или, напротив, ведет к разделению полов. Трактовка этого вопроса варьирует от рассмотрения «дома холостяков» как пережитка промискуитета до определения его как оплота воздержания [6, 270—271]. Безусловно, обе эти оценки являются крайними, и, видимо, у отдельных народов могут преобладать те или другие моменты. Недостаточная изученность данной проблемы у ряда народов заставляет нас ограничиться лишь некоторыми соображениями.

Никак не поддерживая тезис о том, что «дом холостяков» представляет собой пережиточный институт группового брака, мы не можем не отметить тот факт, что для всех народов, у которых отмечено его наличие, характерна свобода добрых половых отношений [24, 246]. Это, однако, не исключает того, что у части народов вход в «дом холостяков» был категорически запрещен для девушек (и женщин) — их встречи с юношами происходили вне его стен.

В связи с этим следует отметить, что у многих (но не всех) народов существуют «дома девушек», которые, хотя и не являются обязательными спутниками «мужских домов», но довольно часто сопутствуют последним. В отличие от мужских, «дома девушек» не были столь организованными институтами и центрами трудового и социального воспитания [4, 447]. Это просто место, где девушки по достижении определенного возраста ночуют. И хотя иногда создаются объединения девушек для работы на полях, эти группы в отличие от рабочих групп «дома холостяков» носят временный и добровольный характер.

Взаимоотношения между домами молодежи складываются по-разному у различных народов. Так, у филиппинских игоротов наряду с «мужскими домами» («пахафунан») повсеместно имеются и «дома девушек» («олаг») [6, 278—279]. Девушкам строго запрещается входить в «пахафунан», в то время как юноши свободно навещают «олаг» (тесное строение, где размещается ряд постелей и где с трудом можно встать во весь рост) [15, 66]. У батаков Суматры девушки могут входить в «мужские дома» («сопо») и часто проводят там время за тканьем и развлечениями [28, 8]. У нага с «морунгом» обычно связан определенный «дом девушек», в котором и происходит общение юношей и девушек [19, 49; 6, 286]; встречаются и случаи, когда они пользуются одним домом и спят в два яруса [6, 286].

В тех случаях, когда отсутствует специальное помещение для девушек, они обычно ночуют отдельными группами в чем-нибудь до-

ме, где есть свободное место, или на галереях семейных домов. Тут их и навещают юноши.

Вся та свобода половых отношений, которой пользовалась молодежь «мужских домов», отнюдь не исключала определенного уровня сексуальной морали. Дело в том, что добрачные связи были традиционным обычаем и не считались аморальными. Больше того, девушка, забеременевшая до брака, гордилась этим, ибо она доказала свою способность иметь детей [15, 66]. В случае отказа отца ребенка жениться на ней она без труда находила себе другого мужа. Некоторые исследователи отмечают, что у народов, пользующихся добрачной свободой отношений, случаи нарушения супружеской верности встречаются значительно реже, чем у других народов [6, 284]. Наконец, общение молодежи, как правило, происходит в дозволенное обычаем время, с соблюдением экзогамных и эндогамных норм и прочих правил поведения. Свобода добрачных связей не означает обязательной постоянной смены партнеров: например, у игротов девушка обычно имеет одного возлюбленного, хотя юноши могут быть близки с несколькими девушками [15, 66].

Таковы основные аспекты и функции «дома холостяков», которые у тех или иных народов могли быть развиты в различной степени, с преобладанием какой-либо из них. Даже краткая характеристика «дома холостяков» показывает, что это древний институт, восходящий к развитому общинно-родовому строю. Об этом свидетельствует и то, что наибольшее развитие он сохранял у тех народов, которые принадлежат к самым ранним этническим пластам. «Не может быть сомнения, — писал К. фон Фюрер-Хаймендорф, — что система мужских домов является очень древним институтом. Та роль, которую морунг играет в деревнях коньяк-нага, показывает, сколь глубоко он укоренился в их социальной организации; а так как коньяк, по-видимому, представляют более древний, чем другие племена, тип культуры нага, весьма вероятно, что и морунг принадлежит (вместе с барабаном, сделанным из ствола) к древнейшему культурному пласту в горах Нага» [8, 378; цит. по: 6, 283]. О том же свидетельствует и тот факт, что у ао нага связанная с «домом холостяков» система возрастных классов наибольшее развитие получила у подгруппы чангки, являющейся древнейшей ветвью ао [7, 30].

По мере разложения первобытного строя «дом холостяков» постепенно утрачивает свои функции; при этом естественно, что в первую очередь исчезают те его черты, которые характеризуют социальную значимость «дома холостяков» как цитадели общинного коллективизма. Дольше всего он сохраняется просто как место ночлега подростков и юношей деревни, но воспитательная роль все в большей степени переходит к семье — тенденции развития направлены к ее всестороннему обособлению от коллектива. У ряда народов старые разрушающиеся «дома холостяков» не восстанавливаются, а юноши находят себе место на ночь на галереях одного из домов деревни, чаще всего дома вождя. Так, в частности, обстоит дело у сема нага. Их общины, в отличие от остальных нага, возглавляют влиятельные вожди, и юноши, ночующие в их доме, по сути, превращаются в их личную гвардию [7, 23]. Это говорит о перерождении института «мужского дома»: из организации, выражающей коллективную волю общины, он превращается в силу, преданную вождю, который уже противопоставляет себя общине.

«Дом холостяков» — институт традиционный, поэтому постепенное его исчезновение народы воспринимают как нарушение традиций, которое может привести к нежелательным последствиям. Поэтому, на-

пример, сема нага, у которых «дом холостяков», по существу, отсутствует, во время грозящих бедствий изготавливают небольшую модель такого дома, чтобы высшие силы не покарали их за забвение старых обычаев [14, 37]. У пурум куки, у которых сохранилась лишь должность главы «дома холостяков», юноши, отдавая дань традиции, должны две ночи в году (в феврале и в мае, в дни местных праздников) проводить в его доме [5, 184].

Претерпевают изменения и некоторые другие аспекты института «дома холостяков». Работа членов «дома холостяков» на принадлежащей «дому» земле или на полях односельчан у ряда народов принимает форму наемного труда. В этом случае молодежные группы ничем не отличаются от других соседских и прочих рабочих групп, о которых речь шла выше. Таким образом, работа, которая раньше была традиционной обязанностью членов «дома холостяков», превратилась в добровольный, денежно оплачиваемый труд.

Этот путь эволюции молодежных трудовых групп интересно прослеживается на примере балийцев — народа высокоразвитого, давно миновавшего стадию родового строя. Для социально-экономической структуры балийского общества характерно наличие множества групп взаимопомощи (*сека*), которые постоянно функционируют во всех общинах [1а]. Подобные объединения создаются по любому поводу и на любой срок. Отличительные черты этих организаций — их сугубая добровольность и нацеленность на определенный вид занятий. Возможно, что часть сека восходит к группам, близким к коллективам «дома холостяков». Об этом свидетельствует организация бали-ага (обитателей изолированных общин северной части Бали), которая сохраняет многие черты архаичного уклада. У бали-ага к числу сека относятся не только группы взаимопомощи добровольного типа, но и традиционные объединения юношей и девушек, которые одновременно с выполнением тех или иных работ являются воспитательными центрами молодежи и членство в которых обязательно для молодых людей определенного возраста [17, 322]. Таким образом, у истока некоторых современных организаций лежит в конечном счете древний институт «дома холостяков».

Хочется отметить еще одно обстоятельство. Часто встречающийся в наши дни обычай, когда юноши проводят ночь вместе, на галерее какого-нибудь дома, не всегда следует рассматривать как пережиток института «мужского дома». Так, например, традиционным жилищем даяков Калимантана является «длинный дом», который иногда вмещает целую общину (или общину составляют несколько таких домов). «Дом холостяков» у них отсутствует, но юноши должны спать не в своих семейных ячейках, а на галерее, окружающей «длинный дом». Здесь принимают гостей и проходят общие собрания [13, 52]. Возможно, если бы в прошлом, до начала разложения общинно-родового строя, произошло рассредоточение «длинного дома», то галерея выделилась бы как «дом холостяков», ибо функционально она исполняла роль такового. Однако разделение «длинного дома» на индивидуальные жилища относится к более позднему периоду, которому институт «дома холостяков» уже не был присущ, поэтому у даяков самостоятельный «мужской дом» так и не получил развития. Можно сказать, что у них мы видим как бы предстadium «дома холостяков».

Постепенное исчезновение или перерождение этого института связано со стремительным развитием новых тенденций и факторов, влияние которых ощущается даже в самых отдаленных районах. Распространение товарно-денежных отношений привело к появлению социального и имущественного неравенства и — вследствие этого — к разру-

шению общины как единого социального коллектива. Нарушение равенства ослабило связывающие членов общины узы и усилило частно-собственнические тенденции. По мере того как общинное землевладение сменялось индивидуальной собственностью на землю, отпадала необходимость в оплоте общинного коллективизма, одним из выражений которого служил «дом холостяков».

Из числа прочих факторов, способствовавших отмиранию института «мужского дома», следует отметить влияние христианства. Миссионерские школы призваны были заменить в качестве воспитательных центров молодежные дома. В христианизированных поселениях устанавливался пренебрежительный взгляд на «дом холостяков» как на пережиток дикости и оплот аморальности. Модернизация жизни племени и проникновение современного образования наносят окончательный удар по институту «дома холостяков».

Крайне любопытно, однако, что в настоящее время в странах, освободившихся от колониальной зависимости, наблюдается усиление интереса к местным традициям и культуре. В связи с этим в одном из самых труднодоступных районов расселения национальных меньшинств — в Северо-Восточном Пограничном Агентстве (с 1972 г. Аруначал), на границе Восточной Индии и Тибета, ученые, заботясь о путях дальнейшего развития племен, подошли к изучению их традиционных институтов не с нигилистических позиций и обнаружили в «доме холостяков» рациональное и ценное содержание, которое следовало бы учитывать и использовать в дальнейшей работе по благоустройству быта местных жителей. «Институты молодежных домов индийских племен, — утверждает Тханкапан Наир, — заслуживают поддержки и развития для сохранения племенной сплоченности и увековечивания традиционной культуры народа. Молодежные дома — это не места, где царит безудержная сексуальная распущенность. Эти дома выступают в роли хранителей племенной эндогамии. Они обеспечивают высокий уровень сексуальной морали в племенных деревнях. Высокий моральный уровень деревень, где такие дома продолжают действовать, заслужил восхищение всех посетителей этих областей» [20, 76].

В заключение хочется привести высказывание о «домах холостяков», принадлежащее одному из виднейших исследователей этого института — В. Элвину, которое как бы резюмирует их роль в социальной жизни: «Дом холостяков... поистине представляет собой попытку человеческого духа на определенном этапе развития разрешить некоторые физические и социальные проблемы, которые даже самые „развитые“ народы еще не решили к своему полному удовлетворению» [6, 271].

ЛИТЕРАТУРА

1. Маретина С. А. К вопросу об общности происхождения нага (Ассам) и даяков с острова Калимантан (Борнео), — «Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии», 1964.
- 1а. Маретина С. А. «Сека» — институт добровольных сообществ у балийских крестьян (Индонезия), — «Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология», М., 1973.
2. Народы Юго-Восточной Азии, М., 1966.
3. Butler J. A Sketch of Assam, with some Accounts of the Hill Tribes, London, 1847.
4. Das J. Ch. Some Notes on the Economic and Agricultural Life of a Little Known Tribe on the Eastern Frontier of India, — «Anthropos», т. XXXII, 1937, стр. 3—4.
5. Das T. The Purums; an Old Kuki Tribe of Manipur, Calcutta, 1945.
6. Elwin V. The Muria and their Ghotul, Oxford, 1947.
7. Fürer-Haimendorf C. von. Staat und Gesellschaft bei den Nagä, — «Zeitschrift für Ethnologie», т. 63, 1932, тетрадь 1—3.

8. Fürer-Haimendorf C. von. The Morung System of the Konyak Nagas,—JRAI, т. LXVIII, 1938.
9. Fürer-Haimendorf C. von. The Naked Nagas, London, 1939.
10. Fürer-Haimendorf C. von. Das Junggesellenhaus im Westlichen Hinterindien,—«Wiener Beiträge zum Kulturgeschichte und Linguistik», т. I, 1930.
11. Guha B. S. The Abor Moshup as a Training Centre for the Youth,—«Vanyajati», 1953, т. I, № 4.
12. Hodson T. C. The Naga Tribes of Manipur, London, 1911.
13. Hose Ch., McDougall W. The Pagan Tribes of Borneo, т. I, London, 1912.
14. Hutton J. H. The Sema Nagas, London, 1921.
15. Jenks A. E. The Bontoc Igorot, Manila, 1905.
16. Kauffmann H. E. Landwirtschaft bei den Bergvölkern von Assam und Nord Burma,—«Zeitschrift für Ethnologie», т. 66, 1934, тетрадь 1—3.
17. Korn V. E. The Village Republic of Tenganan Pegeringsingan,—«Bali. Studies in Life, Thought and Ritual», The Hague, 1960.
18. Mills J. P. The Lhota Nagas, London, 1922.
19. Mills J. P. The Rengma Nagas, London, 1937.
20. Nair P. Th. Youth Dormitories of NEFA India,—«Ethnos», т. 30, 1965.
21. Parry N. E. The Lakhers, London, 1932.
22. Peal S. E. Notes of a Trip up the Dihing basin to Dapha Pani etc., Jan. and Feb. 1882,—JASB, т. LII, 1833.
23. Peal S. E. On the Morong as Possibly a Relic of Premarriage Communism,—JRAI, т. XXII, 1893.
24. Peal S. E. The Communal Barracks of Primitive Races,—JASB, т. LXI, 1893.
25. Schmidt W. und Koppers W. Völker und Kulturen, т. III, Regensburg, 1924.
26. Smith W. C. The Ao Naga Tribe of Assam, London, 1925.
27. Verma B. B. Agriculture and Land Ownership System among the Primitive People of Assam, Delhi, 1956.
28. Webster H. Primitive Secret Societies, New York, 1908.

Л. М. Демин

**ЯВАНСКАЯ ИМПЕРИЯ МАДЖАПАХИТ
И СУМАТРАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО МАЛАЙЮ**

(Из истории Индонезии XIII—XIV вв.)

Национальный музей в Джакарте может по праву гордиться богатейшей коллекцией древних каменных скульптур. Украшением этой коллекции служит огромная тяжеловесная статуя из красноватого камня¹ (см. рис. 1) — фигура Адитьявармана, раджи княжества Малайю на Центральной Суматре, жившего в XIV в., в эпоху расцвета средневековой яванской культуры и империи Маджапахит [см. 16; 18; 19; 28; 30]. Она была обнаружена в джунглях Западной Суматры, на северном берегу р. Батанг Хари у поселения Сунгей Лангсат² еще во времена голландского колониального господства.

О дальнейшей судьбе статуи рассказывается в книге Ф. Шнитгера «Забытые королевства на Суматре». Колониальные власти решили переправить ее из джунглей в один из крупных центров. Три сотни кули спустили каменную фигуру с высокого берега с помощью толстых канатов на крепкий плот. «Много дней потребовалось для того, чтобы переправить эту колоссальную статую вверх по течению от Сунгей Лангсата до Сунгей Дарена, — писал Ф. Шнитгер. — Там она была погружена на грузовик и доставлена в Сиджунджунг. Во время перевозки разразилась сильная буря, и огромное дерево рухнуло прямо перед грузовиком, едва не раздавив статую при своем падении. Создавалось впечатление, будто дух умершего раджи протестовал» [24, 32].

Некоторое время фигура Адитьявармана находилась в этом городке, а через несколько месяцев было решено отправить ее в Форт де Кок³. Статую установили на холме в зоологическом саду. Впоследствии она была перевезена в Национальный музей Джакарты. Статуя Адитьявармана имеет внушительные размеры и устрашающий вид [см. ее описание, например: 12, 24—25; 24, 30—32; 27 и сл.]. Общая высота изваяния — 4,4 м, вес — более 4 т. Адитьяварман изображен в статичной торжественной позе, попирающим человеческое

---

¹ Эта статуя числится в коллекции музея под номером 5470.

² Расположено в среднем течении реки, на значительном удалении от ее устья, на стыке границ современных провинций Джамби и Западная Суматра, где Восточно-суматранская низменность переходит в нагорье, населенное народом минангкабау [24, 30—32].

³ Сейчас г. Букиттингги — административный центр провинции Центральная Суматра.

тело, лежащее на пьедестале из восьми черепов. В правой руке раджа держит нож, в левой — чашу из черепов. Большие пальцы обеих его рук, а также мизинцы ног украшены кольцами, а лодыжки, запястья и верхние части рук — браслетами в виде змей, в ушах — серьги. Нижняя часть туловища прикрыта коротким саронгом с клетчатым узором⁴, оставляющим открытыми голени. Лицевая, свешивающаяся часть нарядного кушака украшена часто встречающимся в декоративном искусстве того времени мотивом — головой злого чудовища Кала, которое держит во рту нитку жемчуга с колокольчиком на конце. Волосы раджи собраны в высокую пышную копну, вздымающуюся вверх и стянутую у основания лентой или обручем.

Весьма примечательно малозаметное на первый взгляд миниа-
турное изображение Аксобхи (Будды-созерцателя) в углублении на
лицевой стороне прически раджи. Эта фигурка, как и некоторые дру-
гие атрибуты изваяния, указывает на его связь с буддистской рели-
гией. Голова Адитьявармана окружена сияющим нимбом, который мы
видим на вертикальной каменной плите, составляющей вместе со ста-
туей единое целое.

Человеческая фигура, попираемая раджей, обнажена. Ее ноги
поджаты под туловище. По всей видимости, судя по прическе, это
гуру (учитель, божество в образе учителя, наставника). Основание
статуи отдаленно напоминает традиционный мотив двойного лотоса,
в форме которого обычно делались постаменты индонезийских средне-
вековых каменных скульптур. Только в данном случае лепесткам ло-
тоса соответствуют человеческие черепа.

«Фигура Адитьявармана, высеченная из красноватого камня,
произвела и производит на исследователей огромное впечатление. Эта
статуя свидетельствует о техническом совершенстве искусства ваяния,
проявившегося особенно в украшениях на фигуре. Но это не рассеива-
ет ужасного впечатления, если мы увидим статую, черепа и человека
под ее ногами» [12, 25].

Кто же такой Адитьяварман и какую роль он сыграл в истории
средневековой Индонезии? Что известно о его княжестве, носившем
название Малайю? С какой религиозной системой связана его скульп-
тура и какие ритуалы нашли свое отражение в ее столь специфическом
характере?

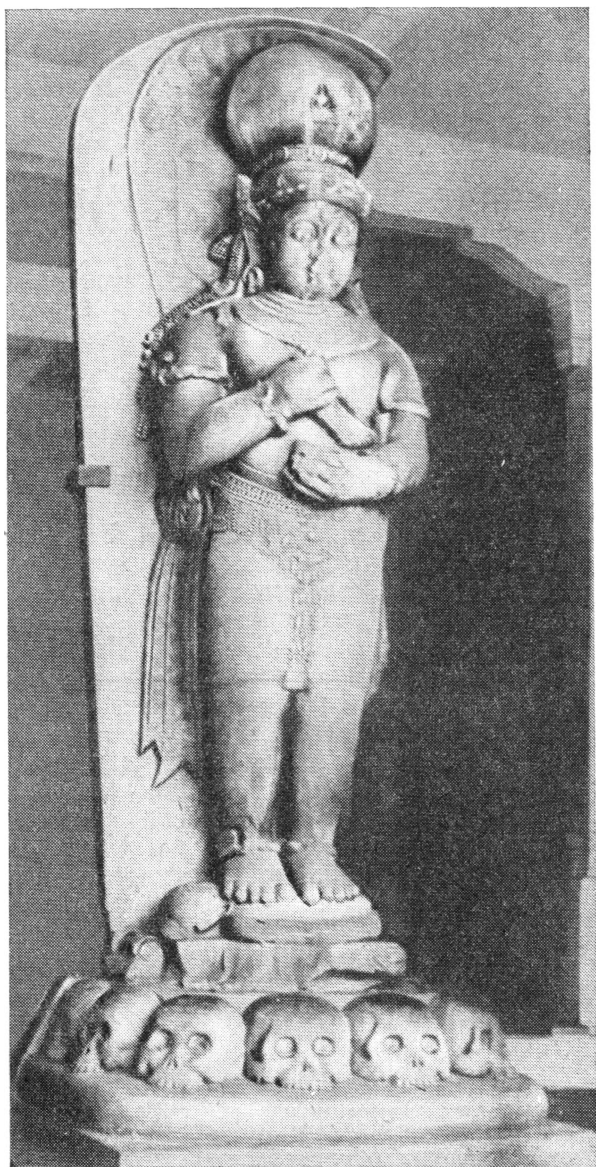
Скудность исторических источников⁵ не дает возможности отве-
тить на эти вопросы с исчерпывающей полнотой. Тем не менее для
исследования может быть использован определенный круг письменных
памятников и предметов материальной культуры.

Имя Адитьявармана упоминается в исторической хронике — поэме
«Нагаракертагатама». Именно поэтому крупнейшее произведение сред-
невековой яванской литературы, написанное на древнеяванском языке
кави около 1365 г. придворным поэтом Прапаньчей и посвященное
событиям царствования махараджи Маджапахита Хаяма Вурука и
его ближайших предшественников, может послужить для нас важней-
шим историческим источником [21; 2].

---

⁴ Традиционное малайско-индонезийское одеяние, обычно расписанное орнамен-
том.

⁵ Немногочисленность памятников материальной культуры, связанных в той или
иной мере с именем Адитьявармана или хотя бы с периодом его правления на Цент-
ральной Суматре, объясняется тем, что данный район весьма слабо освоен в археоло-
гическом отношении. Кроме того, по всей вероятности, в эпоху средневековья основ-
ным строительным материалом здесь было недолговечное дерево. Очевидно, из дерева
строились и жилища аристократии, и ритуальные сооружения, не сохранившиеся до
наших дней.

Рис. 1. Статуя Адитьявармана

Некоторую вспомогательную роль при исследовании может сыграть и другой литературный памятник — «Параратон», созданный, по-видимому, позднее, чем поэма. «Параратон» в принципе представляет собой компилятивную обработку различных легенд, хроник, более ранних рассказов, не имевших в значительной своей части ничего общего с реальной историей, однако некоторые сюжеты «Параратона», очевидно, навеяны имевшими место историческими событиями [20; 13].

Кроме того, раджа Адитьяварман оставил ряд надписей на камнях и каменных статуях. Часть из них переведена и издана. Исследованием этих эпиграфических памятников занимались западные, преимущественно голландские, ученые: Дж. Керн, Н. Кром, Дж. Мунс, Ф. Шнитгер, а также индийский профессор Чаттерджи [14, т. VI, 239—263, 266—275; т. VII, 165—175, 217—221; 15; 18; 23; 9]. В Индонезии последней значительной работой, подвергающей анализу семь надписей Адитьявармана, был опубликованный в 1966 г. реферат лектора Малангского педагогического института Питоно Харджовардой [12, 9—23].

Из этих весьма немногочисленных источников мы узнаем, что Адитьяварман, живший в XIV в., был современником Хаяма Вурука и его всеильного главного министра (мапатиха) Гаджа Мады. Адитьяварман был связан родственными узами с правящей династией Маджапахита. Однако относительно степени его родства с махараджей Хаямом Вуруком и характера взаимоотношений его княжества с Маджапахитской империей бытуют разные точки зрения.

Длительное время район Малайю входил в состав империи Шривиджайя (возникла, вероятно, не позже середины VII в.), охватывавшей в период своего расцвета в IX—X вв. всю Восточную Суматру с прилегающими островами, Малаккский полуостров и крайний запад Явы (район Бантама). Важную роль в возвышении этого государства, контролировавшего Малаккский пролив, раньше играла морская торговля. Однако уже к XIII в. Шривиджайя пришла в упадок и переживала процесс распада. Ее влияние на морских торговых путях было подорвано арабскими торговцами и молодыми мусульманскими княжествами Малаккского полуострова.

Упадок Шривиджайи привел к активизации сепаратизма феодально-племенных сил Суматры. Отдельные ее области превратились в более или менее независимые княжества: Самудра на севере, Малайю на восточном побережье Центральной Суматры, Палембанг на юге, в нижнем течении р. Муси.

Распад суматранской империи на ряд мелких государственных образований, соперничавших между собой и стремившихся закрепить свою независимость от агонизирующей Шривиджайи, создал благоприятные возможности для осуществления экспансионистских планов восточно-яванского государства, политическим центром которого в XIII в. был Сингасари. Здесь начинают складываться более развитые феодальные отношения.

Энергичный правитель Сингасари Кертанагара (1268—1292) пытался распространить восточнояванское влияние далеко за пределы своего государства [см. 12, 35—36; 29, 63—65]. В его панъяванской политике угадываются черты того политического курса, который более последовательно и успешно проводился в следующем столетии Гаджа Мадой. Вероятно, Кертанагара подчинил на некоторое время часть Суматры и Малаккского полуострова.

В 1275 г. Кертанагара предпринял политическую или военную акцию в отношении Центральной Суматры с целью подчинения Ма-

лайю⁶, где в то время правил раджа Мауливармадева. Эта акция получила название «Памалайю». Упоминание этого события в «Нагаракертагама» ограничивается лишь приведением даты экспедиции [21, т. III, 47].

Многие из исследователей рассматривают «Памалайю» как военный завоевательный поход, результатом которого было подчинение одного из суматранских княжеств и превращение его в плацдарм яванского влияния. Такова, например, точка зрения видного голландского ученого В. Стютерхейма. По его образному определению, «Малайю в период правления Мауливармадевы была пистолетом, направленным в грудь Шривиджайи, и пистолет этот находился в руках яванцев, оказавшихся более искусными» [29, 103]. Индонезийские официальные издания (например, многотомный справочник по провинциям Республики Индонезии) также обычно рассматривают «Памалайю» как военную экспедицию [см. 22, 53—56].

Однако другой голландский исследователь, С. Берг, отрицает интерпретацию слова «Памалайю» в смысле завоевательной экспедиции и считает, что никакого военного похода против центральносуматранского княжества яванцы не предпринимали. Речь, по мнению Берга, шла лишь о заключении соглашения с Малайю. Эту акцию ученый рассматривает как часть усилий Кертанагары по сплочению индонезийских государств в своего рода «священный союз» перед лицом угрозы монголо-китайского нашествия [7, т. IV, 481—520; т. V, 198—202].

Индонезийский исследователь Питоно Харджовардой соглашается с точкой зрения Берга, приводя свои аргументы, подкрепленные лингвистическим анализом. Он ссылается на свидетельство «Параратона» о «Памалайю». По мнению Харджовардой, неверное истолкование их как военной экспедиции происходит от перевода яванского глагола «andona» как «атаковать», тогда как это слово может иметь и другое значение: «намереваться», «иметь целью». Таким образом, другой вариант перевода этого слова дает основание для иного объяснения «Памалайю» [12, 36].

При всей разноречивости мнений о методах политики Кертанагары на Центральной Суматре несомненным является его стремление закрепить здесь свое влияние. Из источников нам известно [см. 12, 37], что в 1286 г. правитель Сингасари послал в дар радже Малайю статую Амогхапасы (одного из бодхисатв), которой поклонялись и как образу прежнего раджи Вишнуварджана, отца Кертанагары, считавшегося воплощением данного представителя буддистского пантеона. Этот дар Сингасари можно истолковать и как знак духовного единства двух государств, и как символ покровительства со стороны яванцев. Английский исследователь Дж. Холл пишет, что появление на Суматре статуи — подарка Кертанагары — «можно рассматривать как вывоз его собственной шакти⁷ в страну, которой угрожала монгольская экспансия» [6, 72].

Из текста надписи Паранг Рочо⁸, датированной 1286 г. и сообща-

---

⁶ Необходимо отметить, что в конце XIII в. Малайю была уже одним из самых значительных государственных образований на Суматре. Видимо, поэтому мы находим название Малайю у посетившего в 1292 г. Суматру Марко Поло, который при этом вовсе не упоминал Шривиджайю [см. 29, 105]. В указанное время название центральносуматранского княжества употреблялось также для обозначения всей Суматры.

⁷ Под термином «шакти» здесь имеется в виду символ силы и могущества правителя.

⁸ Обычно надписи в научной литературе носят названия по имени населенного пункта или местности, где они обнаружены.

ющей о посылке статуи в дар радже Мауливармадеве, мы узнаем, что ее сопровождало представительное посольство из высших вельмож Сингасари во главе с Шри Вишварупа Кумарой. Дар восточнояванского раджи был с восторгом принят Мауливармадевой и его подданными. Фигуру Амогхапасы установили в районе Дхармашрайи (дельта р. Кампар) [см. 12, 37].

Делая попытку выяснить личность Вишварупа Кумары, П. Харджовардой предполагает, что титул Кумара указывает на принца крови. К сожалению, история не оставила нам свидетельств относительно того, имел ли Кертанагара мужское потомство. Законным наследником этого раджи суждено было стать его племяннику и зятю Кертараджасе (1293—1309), деду Хаяма Вурука. Однако П. Харджовардой допускает возможность того, что этим послом мог быть неизвестный нам сын Кертанагары или какой-либо другой отпрыск правящей династии Сингасари [12, 38]. Таким образом, по мнению исследователя, столь высокий уровень посольства мог свидетельствовать скорее о союзнических отношениях, чем об отношениях сюзерена и вассала.

Свое влияние на Центральной Суматре Кертанагара пытался закрепить и с помощью родственных династических связей. После «Памалайю» на Восточную Яву были привезены две малайские принцессы, одна из которых, согласно Стюттерхейму, вышла замуж за Кертанагару. Вторая принцесса вступила в брак с другим представителем династии, имя которого неизвестно. От этого брака родился принц, ставший наследником (или одним из ближайших наследников) Мауливармадевы в княжестве Малайю. Это и был Адитьяварман [см. 29, 103—104].

Несколько иная точка зрения у Берга. По его мнению, вторая принцесса, Дара Джингга, по обычаям буддистской секты Бхайрава сперва вступила в брак также с махараджей, а затем была отправлена на Суматру и там стала женой Вишварупа Кумары (которого Берг считает сыном и преемником Мауливармадевы). Если принять точку зрения Берга, замечает Дж. Холл, то можно предположить, что сыном Дара Джингги и Вишварупа Кумары был Адитьяварман, который в силу двойного брака своей матери считался старшим сыном суматранского правителя и младшим родичем махараджи [6, 80]⁹.

П. Харджовардой, опираясь на «Параратон», свидетельствующий, что Дара Джингга вступила в брак с «дева» и родила сына — раджу Малайю, подчеркивает, что этот аристократический титул обычно не встречается на Яве и в яванской литературе. Он скорее может быть титулом суматранского принца. Возможно, что им мог быть сам Мауливармадева или кто-нибудь из членов его династии [см. 12, 38].

Достигнув совершеннолетия, Адитьяварман был отправлен на Восточную Яву, новым политическим центром которой стал Маджапахит в долине р. Брантас (вблизи современного г. Моджокерто). Суматранский принц получил воспитание в кратоне маджапахитских правителей. Очевидно, пребывание Адитьявармана при дворе махараджи Маджапахита диктовалось стремлением правителя восточнояванского государства воспитать своего ставленника и тем самым закрепить свое влияние на Центральной Суматре.

⁹ Если согласиться с Бергом и отождествить отца Адитьявармана с Вишварупа Кумарой, то придется допустить, что во главе посольства, доставлявшего статую Амогхапасы от Кертанагары в дар радже Малайю, стоял суматранский, а не яванский принц. Но тогда получается, что речь шла о посольстве не из Сингасари, а, наоборот, из Малайю, отправленном на Яву за дарственной статуей. Однако такое предположение не подкрепляется содержанием надписи Паданг Рочо.

Не лишенный, по-видимому, способностей, Адитьяварман делает карьеру при дворе, получает одну из высших сановных должностей «мантрипраудхатара», участвует под руководством главного министра Гаджа Мады в военном походе с целью завоевания о-ва Бали и становится одним из видных сподвижников всемогущего мапатиха, осуществлявшего панъяванскую политику в рамках значительной части Индонезийского архипелага¹⁰.

Как правило, в работах большинства зарубежных исследователей истории средневековой Индонезии Адитьяварман является лишь эпизодической фигурой. В советской востоковедной литературе пока, к сожалению, нет капитальных исследований по истории средневековых индонезийских государств, и в частности Маджапахита. В таких общих работах, как «Всемирная история», статьи Советской исторической энциклопедии и соответствующие разделы университетских курсов по истории средних веков зарубежной Азии, изданных МГУ и ЛГУ, дается лишь общий и сравнительно краткий обзор исторического развития Индонезийского архипелага в эпоху средневековья. Авторы не забывают обратить внимание читателя на экспансионистский характер панъяванской политики Кертанагары и Гаджа Мады [см. 1, 174]. Но далеко не во всех из этих публикаций упоминается имя Адитьявармана. Даже в наиболее обстоятельных зарубежных работах мы обычно не встречаем четкой его оценки как сподвижника мапатиха Гаджа Мады. Так, на наш взгляд, оценка Адитьявармана в работе Харджовардой как выдающейся личности, чуть ли не равной по своему значению мапатиху, не подкрепляется какими-либо убедительными фактами. По мнению автора, Адитьяварман был верным соратником Гаджа Мады, помогавшим ему осуществлять программу установления доминирующего влияния Маджапахита над значительной частью архипелага. Но этот деловой контакт не мог оказаться продолжительным, хотя и не привел к открытому конфликту. Оба они отличались честолюбием и преследовали несовместимые цели. Гаджа Мада стремился к максимальному распространению господства Маджапахита в Нусантаре¹¹, Адитьяварман был заинтересован в укреплении и расширении своего княжества [см. 12, 30—31].

Эти выводы могут быть в общих чертах и правильными. Но, к сожалению, мы не располагаем источниками, которые конкретизируют

---

¹⁰ П. Харджовардой на основе анализа свидетельств средневековых яванских и балийских хроник «Бабад Танах Джави», «Усана Джава» и «Усана Бали» считает возможным идентифицировать Адитьявармана с Арья Дамаром, видным полководцем и сподвижником Гаджа Мады, принимавшим активное участие в военных походах на Бали. В хрониках сообщается, что у махараджи Маджапахита был младший брат по имени Дамар из Палембанга. Как мы уже упоминали, Адитьяварман (если предположить, что он сын принцессы, бывшей в первом браке за Кертангарой) мог для племянника и зятя последнего — махараджи Кертараджасы (речь идет в данном случае, видимо, о нем) считаться с известными натяжками братом. «Кто эта личность Арья Дамар? По моему мнению, это одно и то же лицо, что и Адитьяварман», — утверждает индонезийский исследователь. Свои доводы П. Харджовардой пытается подкрепить и элементами лингвистического анализа текстов, имеющих отношение к той или другой исторической личности. Так, автор указывает, что слово «дамар» означает на древнеяванском языке «сияние», «сиять». Имя Арья Дамар может быть переведено как «человек, излучающий сияние». Примерно то же самое значение на санскрите имеет и имя Адитьяварман. Однако ученый все же видит недостаточную убедительность своих доводов в пользу идентификации, приводящих к хронологическим несоответствиям. Он пытается объяснить их вольным обращением авторов хроник — *бабадов* с хронологической последовательностью повествования и нередким по этой причине смещением фактов во времени. На наш взгляд, пока нет достаточных оснований как соглашаться со смелыми выводами индонезийского исследователя, так и категорически отвергать их [12, 32—33].

¹¹ Местное название Индонезийского архипелага.

вали бы характер взаимоотношений этих двух исторических фигур, степень зависимости Адитьявармана и его княжества от Маджапахита и, наконец, обстоятельства отъезда суматранского принца к себе на родину.

Известно, что в 1343 г. Адитьяварман воздвиг в чанди Джаго, одном из восточнояванских святилищ, статую Манджушри-бодхисатвы,— побеждающей неверие и незнание [6, 80]. По мнению Стюттерхейма, это было сделано в знак благодарности за воспитание, полученное при дворе махараджи [29, 104].

Статуя Манджушри — один из шедевров средневековой каменной скульптуры Восточной Явы. Фигура изображена сидящей на цветке лотоса с поджатыми ногами. Голова бодхисатвы окружена нимбом. Одежда, закрывающая нижнюю часть туловища, покрыта рисунком, воспроизводящим различные декоративные мотивы, среди которых встречается фигура слона [см. 12, 20].

Позади и спереди статуи выбиты надписи. Между исследователями ведутся споры о том, есть ли какая-нибудь логическая связь между этими двумя текстами и имеют ли они прямое отношение к Адитьяварману. Босх, например, полагает, что между ними нет никакой связи и что суматранский принц сделал надпись лишь позади статуи [см. 8, № 77, 28]. Против его доводов возражал Н. Кром. По мнению этого видного голландского ученого, было бы странным предположить, чтобы одну и ту же статую могли использовать для своих надписей два разных лица [15, 389].

Можно согласиться с той точкой зрения, что, воздвигнув статую в одном из почитаемых святилищ маджапахитского государства, Адитьяварман желал подчеркнуть свою связь с восточнояванской правящей династией. Вскоре после этого он отправился на Суматру, где стал правителем Малайю, наследовав, очевидно, престол княжества.

О суматранском периоде деятельности Адитьявармана известно очень немного. Все исследователи сходятся во мнении, что он расширил пределы своего княжества за счет внутренних возвышенных областей Центральной Суматры, населенных народом минангкабау. Туда же из района Восточносуматранской низменности был перенесен политический центр Малайю. Именно там были обнаружены некоторые археологические находки, связанные с Адитьяварманом [см. 12, 28—29; 24, 31].

Раджа Малайю оставил несколько надписей на камнях, сделанных по возвращении на Суматру. Первая надпись Капало Букит Гомбак, датированная 1269 г. сака¹², или 1347 г. н. э., позволяет установить, что Адитьяварман вернулся на Центральную Суматру не позднее 1347 г. [12, 9—10]. Язык надписи может быть назван «варварским санскритом», он изобилует множеством орфографических и грамматических ошибок. «Санскритский язык, используемый в этих надписях,— отмечал австрийский историк и этнограф Юго-Восточной Азии Гейне-Гельдерн,— является исключительно испорченным и несовершенным; это явный признак упадка культуры после VII в.— того периода, когда Шривиджайя была центром буддизма» [цит. по: 17, 326—327]. Таким образом, на основании языка надписи можно сделать вывод об ослаблении к тому времени индийского влияния на Суматре и традиционных связей с Индией.

---

¹² Старая индийская система летосчисления, употреблявшаяся и в средневековой Индонезии домусульманского периода. Календарь сака (санскр. *шака*) был введен в 78 г. н. э., принятом в качестве начальной даты эры.

Другая надпись — на оборотной стороне статуи Амогхапасы, датируемая тем же годом и известная как надпись из чанди Паданг, — также написана на плохом санскрите и содержит много ошибок. Несмотря на то что в силу этого она пока не может быть полностью и безошибочно расшифрована, данная надпись содержит ряд сведений, представляющих интерес. В ней 27 строк, составленных в метрической форме и частично в прозе. Основное ее содержание сводится к восхвалению раджи по случаю установления статуи. В этой надписи Адитьяварман называет себя «махараджадхирайя» (великий махараджа), что может быть расценено как свидетельство усиления его власти и влияния.

В тексте также упоминается некто Токох Дева Туан Прапатих. По всей вероятности, это титул главного сановника (министра) княжества. П. Харджовардой предполагается, что это лицо могло быть яванского происхождения, поскольку титул «патих» («прапатих» — почтительная форма от «патих») не встречается в суматранских надписях [см. 12, 10—15; 9, 79—81; 14, т. VII, 199—168].

Надпись Букит Гомбак II, датированная 1272 г. сака, или 1356 г. н. э., интересна с лингвистической точки зрения тем, что «варварский санскрит» здесь представлен с примесью древнемалайского языка и весьма труден для перевода. Из этого текста мы узнаем, что Адитьяварман основал обитель *вихару* для священнослужителей [см. 12, 15—17].

Надпись Суроасо, датируемая одними исследователями 1349 г., другими — 1353 г., представляет определенный интерес для понимания характера религии, господствовавшей в то время на Суматре [12, 19—20; 18].

Надпись Кубу Раджо (1378 г.), состоящая из 16 строк, привлекает внимание тем, что в ней Адитьяварман называет себя «Канакамединдра», или «раджой земли Канака», т. е. земли золота¹³, а также представителем «династии Индра». Однако о каких-либо ее связях с предшествующими суматранскими династиями мы ничего не знаем. В этом тексте также упоминается отец Адитьявармана, носивший имя Адваявармма (Адваяварман?) [12, 20—21; 8, № 92, 152]¹⁴.

Надпись Бандар Бапахит (найденная вблизи надписи Суроасо), выбитая на коралловом камне, пока не прочитана полностью. Она интересна тем, что одна часть ее исполнена обычным для надписей Адитьявармана санскритским шрифтом, а другая — южноиндийским письмом, отличающимся округленной формой знаков. Это дает основание предполагать, что в числе приближенных раджи были люди из Южной Индии, культурные связи с которой не были окончательно прерваны [см. 12, 21—22].

Все перечисленные нами надписи Адитьявармана относятся к более или менее изученным эпиграфическим памятникам, хотя исследователи еще не решили всех связанных с ними загадок, обусловленных противоречиями в разночтениях. Кроме них известны и другие малоизученные и неизданные надписи этого раджи.

Этот не слишком богатый эпиграфический материал, подкрепленный некоторыми археологическими находками, дает тем не менее основание сделать определенные выводы.

Поскольку надписи охватывают период с 1347 по 1378 г., можно

¹³ Это название имеет то же значение, что и Суварнадвипа, — санскритское название всей Суматры, употреблявшееся в свое время.

¹⁴ Попутно следует обратить внимание, что это имя не имеет ничего общего с Вишварупа Кумарой, которого Берг считает отцом Адитьявармана.

предположить, что правление раджи Адитьявармана в Малайю относится к середине XIV в. Тот факт, что основные археологические находки, связанные с его именем, сделаны в верхнем течении р. Батанг Хари, в возвышенном районе Минангкабау, может рассматриваться как свидетельство переноса туда раджей центра своего княжества. Это перемещение было вызвано не только экспансионистскими стремлениями расширить пределы своих владений за счет плодородных освоенных земель на западе, но и соображениями безопасности, так как политический центр Малайю, удаленный на значительное расстояние от морского побережья, был недостижим для военно-морских сил Маджапахита. Дело в том, что контроль маджапахитского государства над тем или иным удаленным районом архипелага поддерживался лишь с помощью периодических военных экспедиций. И если местному радже или вождю не угрожало нашествие яванцев, он мог вполне считать себя независимым. Не случайно, по-видимому, все надписи Адитьявармана не содержат ни малейшего намека на какую-либо его зависимость от Явы [см. 6, 80].

Вероятно, изменение границ княжества и перемещение его центра в глубь острова ослабили роль морской торговли в его экономической жизни и, наоборот, повысили роль земледелия.

Об общественной жизни и государственном устройстве Малайю судить на основании имеющихся источников очень трудно. Несомненно, это была деспотическая монархия с менее высоким уровнем развития феодальных отношений, нежели тогдашняя Ява. По мнению П. Харджовардой, надписи Адитьявармана свидетельствуют о том, что «в сфере государственного устройства заметно наличие организованного управления и центральной власти» [12, 22]. Очевидно, большую роль в княжестве играли феодально-сановная верхушка, эксплуатировавшая крестьян-общинников, высшие буддистские священнослужители, военачальники. Ясно также, что более или менее феодализированные районы вклинивались отдельными анклавами в территорию, где господствовали общинно-родовые, дофеодальные отношения. В пользу этого предположения говорят как географические, так и этнографические факторы. Первое упоминание княжества у народа минангкабау относится к XIII в. [см. 5, 502; 4, 281]. По-видимому, в то время это было раннеклассовое государственное образование, в котором процесс развития феодальных отношений находился, как и в последующем веке, на ранней стадии. Весьма продолжительное время у минангкабау сохранялась старинная общинная организация. Большой знаток этнографии Центральной Суматры Ю. В. Маретин пишет: «До начала нашего столетия эта народность сохраняла прочную общинную организацию в форме соседской общины со всеми свойственными ей особенностями», а также указывает на сохранение сильнейших пережитков материнского рода [4, 280—281]. Эта устойчивость древних общественных институтов свидетельствует о замедленности процесса развития местного общества в прошлом.

О том, что раджа занимался строительной деятельностью, связанной преимущественно с религиозным культом, свидетельствует как упоминание в одной из надписей о строительстве обители, так и найденные статуи и постройки. Остатки одного из ритуальных сооружений были обнаружены Шниттером в 1935 г. невдалеке от того места, где была найдена упоминавшаяся выше статуя Адитьявармана [24, 31]. В верховьях р. Батанг Хари и к северу от них (округ Танах Датар) обнаружено немало каменных скульптур, которые могут относиться ко времени Адитьявармана. Но все они не идут ни в какое сравнение со статуей из Сунгей Лангсат.

Из надписей также явствует, что Адитьяварман был ревностным последователем секты Бхайрава, одного из ответвлений тантризма¹⁵. Об этом же свидетельствовал и сам характер статуи раджи, чуждый характерному для яванского шиваизма и буддизма стилю [см. 12, 26—27; 6, 80].

Тантризм был, в свою очередь, ответвлением позднего махаянистского буддизма. Он возник в первые века нашей эры в Индии. По определению А. Н. Кочетова, автора одной из последних крупных работ о буддизме, «путь к спасению, указываемый тантризмом, пронизан представлениями, терминами и требованиями, связанными с областью эротики» [3, 132]. Далее автор указывает, что запутанные и сложные тантрийские обряды восходят к весьма древней магической практике, направленной на повышение плодovitости растений. Получив широкое распространение, буддизм махаяны приспособил к своей системе также представления и обряды, свойственные народным массам, в том числе низшим кастам и отсталым племенам, среди которых тантрийские представления держались особенно прочно [3, 132—133].

Мистическая секта Бхайрава, содержащая в себе и некоторые элементы шиваизма, возникла примерно в VI в. в Восточной Бенгалии. Отсюда она проникла в ряд стран Юго-Восточной Азии, в том числе и на Суматру (в XI в.). Последователи этой секты искали высшего блаженства в достижении мистического союза, единения с божеством. Для этой цели проводились жестокие обряды с человеческими жертвоприношениями. Посвящающий себя в боги попирает тела жертв и пил человеческую кровь, которую рассматривали как «небесное вино». Опыанный кровью и пришедший в экстаз посвященный исполнял ритуальный танец [см. 12, 26; 24, 30—31; 9, 80]. Вероятно, статуя Адитьявармана и запечатлела раджу во время подобного обряда посвящения. Об этом говорят и подножие из человеческих черепов, и фигура жертвы, попираемая раджей. Описание этого страшного обряда мы находим в надписи Суруасо [см. 12, 19—20].

Мы ничего не знаем о судьбах преемников Адитьявармана и конце истории княжества Малайю. Известно только, что на севере Суматры в то время утвердился ислам, начавший свое успешное наступление на буддистские районы. На Малаккском полуострове возвышается молодое торговое государство — Малаккский султанат, начавший теснить своих более слабых соседей. В китайских хрониках династии Мин, относящихся к 70-м годам XIV в., описывающих посольские связи императора с восточным побережьем Суматры, упоминаются три правителя восточносуматранских княжеств: Джамби, Малайю и Палембанга [см. 10, 405; 11, 69].

После 70-х годов XIV в. исчезают всякие сообщения о Малайю как независимом государственном образовании. Его западные районы, очевидно, вошли в состав княжества Минангкабау, восточные — служили объектом притязаний и взаимной борьбы яванцев, китайских пиратов и тайцев¹⁶.

¹⁵ В то же время, по-видимому, прав П. Харджовардой, утверждающий, что секта Бхайрава не имела большого влияния среди народа минангкабау, отверженного своим традиционным обрядам и религиозным представлениям [см. 12, 27].

¹⁶ В одном из сиамских законов, датированном 1358 г., но фактически относящемся к значительно более позднему времени, Малайю упоминается в числе владений тайской державы Аютии [см. 10, 406].

«Нагаракертагама», датируемая 1365 г., упоминает район Батанг-Хари (Дхармашрайя) в числе областей Суматры, подчиненных Маджапахиту. Но это упоминание не подкрепляется никакими суматранскими эпиграфическими свидетельствами и поэтому может расцениваться скорее как декларативное выражение претензий махараджи на сюзеренитет над Малайю, как и другими частями архипелага [см. 21, т. III].

ЛИТЕРАТУРА

1. Демин Л. М. К спору о территориальных границах империи Маджапахит в середине XIV в.,— НАА, 1971, № 2, стр. 172—183.
2. Демин Л. М. Яванская средневековая поэма «Нагаракертагама» и ее идеологическая направленность,— «Источниковедение и историография стран Юго-Восточной Азии», М., 1971, стр. 56—71.
3. Кочетов А. Н. Буддизм, М., 1965.
4. Маретин Ю. В. Община Минангкабау и ее разложение (первая треть XX в.),— «Восточноазиатский этнографический сборник», М., 1961.
5. «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966.
6. Холл Д. Дж. Е. История Юго-Восточной Азии, М., 1958.
7. Berg C. C. De Geschiedenis van Pril Majapahit,— «Indonesië», т. IV—V, 1953—1954.
8. Bijdragen tot de taal-, en Volkenkunde, uitgegeven door Koninklijk instituut voor de taal-, land- en Volkenkunde van Nederlandisch-Indië, Amsterdam—'s-Gravenhage, 1928, т. 77.
9. Chatterjee B. R. India and Java,— «Greater India Society Bulletin», Calcutta, 1933, № 5.
10. Coedès G. Les états hindouisés d'Indonésie, Paris, 1948.
11. Groeneveldt C. Historical notes on Indonesia and Malaya. Compiled from Chinese Sources, Djakarta, 1960.
12. Hardjowardojo Pitono S. Adityawarman, Djakarta, 1966.
13. Hardjowardojo Pitono S. Pararaton, Djakarta, 1965.
14. Kern J. H. C. Verspreide Geschriften, т. I—XV, The Hague, 1913—1928.
15. Krom N. J. Hindoe-Javaansche Geschiedenis, 's-Gravenhage, 1926.
16. Krom N. J. Hindoe-Javaansche Kunst, т. I—III, 's-Gravenhage, 1923.
17. Loeb, E. M. Sumatra, its History, and People,—Heine Gebdern R., The Archeology and Art of Sumatra, Vienna, 1935.
18. Moens J. L. Het Buddhisme of Java en Sumatra in zijn laatste bloei periode,— «Tijdschrift voor Indische taal-, land- en Volkenkunde uitgegeven door het Batavia'sch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen», Batavia—'s-Gravenhage, 1915, т. 64.
19. Pane Sanusi, Sedjarah Indonesia, т. I, Djakarta, 1955.
20. Pararaton. The Book of Tumapel and Majapahit, Batavia, 1920.
21. Pigeaud T. G. Th. Java in the 14th Century, A Study in Cultural History. The Nagara Kertagama by Rakawi Prapança of Madjapahit 1365 A. D., т. I—V, The Hague, 1950—1963.
22. Propinsi Sumatera Tengah, Djakarta [после 1952].
23. Schnitger F. M. The Archeology of Hindoe Sumatra, Leiden, 1937.
24. Schnitger F. M. Forgotten Kingdoms in Sumatra, Leiden, 1939.
25. Slamet Muljono. Menudju puntjak kemegahan. Sedjarah keradjaan Madjapahit. Djakarta, 1963.
26. Slamet Muljono. The Structure of the National Government of Madjapahit, Djakarta, 1966.
27. Soeleiman S. Di zaman purbakala,— «Dian», 1957. № 3.
28. Stutterheim W. F. Indonesian Archaeology, The Hague, 1956.
29. Stutterheim W. F. Cultuurgeschiedenis van Indonesië, т. II, Djakarta—Groningen, 1952.
30. Wojowasito S. Sedjarah kebudayaan Indonesia, т. II, Djakarta—Jogjakarta, 1957.
31. Yamin M. Gadjra Mada, Djakarta, [1953].
32. Yamin M. Tatanegara Madjapahit, т. I—IV, Djakarta, 1962.

Е. И. Гневушева, В. А. Жаров

**ПЕРВЫЙ «БЕЙТЕНЗОРГСКИЙ» СТИПЕНДИАТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК С. Г. НАВАШИН
НА ЯВЕ В 1898—1899 гг.**

(По материалам неопубликованного дневника)

В последней четверти XIX в. для русских естествоиспытателей, лишенных возможности на родине ставить опыты и делать наблюдения в условиях экваториального и тропического климата, назрела необходимость работы в соответствующих широтах. Однако материальные возможности Русского географического общества и обществ естествоиспытателей при университетах, куда ботаники и зоологи обращались за помощью для получения научных командировок, были весьма ограничены. Вследствие этого научные путешествия русских ученых в экваториально-тропическую зону, в частности в крупнейший научный центр — Ботанический сад на Яве, носили случайный, несистематический характер.

Только в 1897 г. Академия наук учредила стипендию для русских ученых-натуралистов, направляемых на Яву, в Ботанический сад Бейтензорга (ныне Богора). Учреждению «бейтензоргской» стипендии во многом содействовал директор Ботанического сада проф. Трейб. Заботясь о развитии естественных наук, он привлекал к работе в Ботаническом саду Бейтензорга ученых всего мира¹. С этой же целью он в 1895 г. ездил в Петербург, после визита на Яву высоких гостей из России², в числе которых находился князь Э. Э. Ухтомский, написавший впоследствии книгу об этом путешествии [4; 5]. В ней он, восторженно описав Ботанический сад, выразил, в частности, сожаление, что русские ученые не занимаются здесь исследовательской работой вместе с учеными других европейских государств. Составленное не без влияния Трейба ходатайство русских ученых в Академию наук (между прочим, со ссылкой на книгу Э. Э. Ухтомского) об учреждении стипендии для научной работы русских натуралистов на Яве было удовлетворено³.

Во время пребывания в России Трейб познакомился с талантливым ученым Сергеем Гавриловичем Навашиным, труды которого ему были известны и который однажды даже полемизировал с Трейбом в печати по теоретическим вопросам. Чтобы встретиться с Навашиным, Трейб поехал в Киев, где тогда в университете работал молодой про-

---

¹ В Архиве Академии наук хранятся письма Трейба выдающимся русским ученым, в которых он призывал ботаников и зоологов России к исследовательской работе в тропиках.

² В 1890—1891 гг. наследник русского престола, будущий император Николай II, совершил путешествие по странам Востока. Во время пребывания на о-ве Ява он и его свита посетили знаменитый Бейтензоргский ботанический сад.

³ Более подробно о «бейтензоргской» стипендии см. [1].

фессор. Заявление Навашина в Академию наук с просьбой о предоставлении ему научной командировки на Яву было, бесспорно, результатом встречи двух ученых.

С. Г. Навашин был первым «бейтензоргским» стипендиатом Российской академии наук. На Яве он пробыл с 9 декабря 1898 г. по 6 апреля 1899 г. Согласно положению о «бейтензоргской» стипендии, стипендиаты должны были представлять отчет о проделанной работе, который обычно печатался в изданиях Академии и хранился в ее архиве. С. Г. Навашин неоднократно ссылаясь в отчете на свои дневниковые записи. Работая над книгой о русских ученых в Индонезии, Е. И. Гневушева не смогла обнаружить в архивах дневник Навашина. Лишь несколько лет спустя после выхода работы Е. И. Гневушевой В. А. Жарову удалось отыскать дневник С. Г. Навашина в семье внука первого «бейтензоргского» стипендиата — Сергея Михайловича Навашина⁴.

За три года, которые отделяют встречу Трейба и Навашина в Киеве от их новой встречи уже на Яве, Сергей Гаврилович приобрел мировую известность. Его труды печатались в изданиях Академии наук, и с ними были знакомы ученые-ботаники за рубежом. Биограф С. Г. Навашина Д. А. Транковский прав, когда пишет, что на Яву ученый ехал не как ученик, а как почетный гость [3, 21].

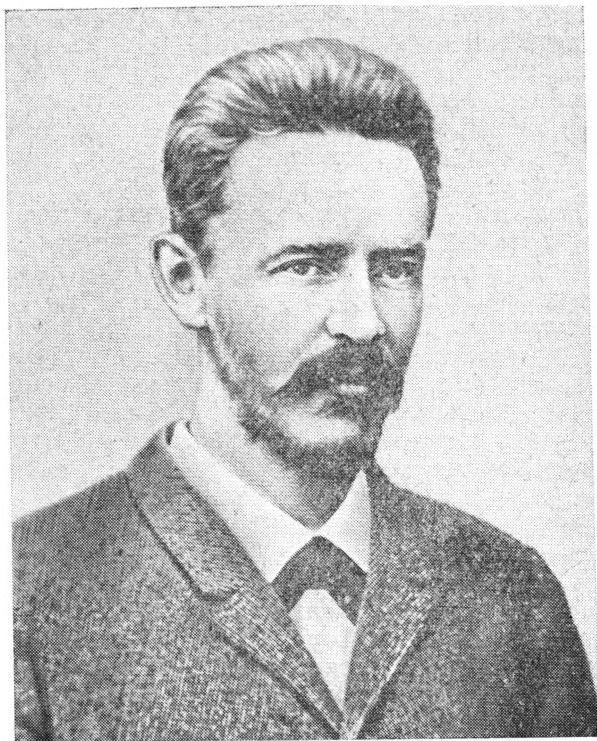
Путешествие Сергея Гавриловича началось из Одессы, плыл он кратчайшим путем — через Босфор и Суэц. Вместе с ним ехал на Яву молодой ученый — зоолог Киевского университета Владимир Афанасьевич Караваев, поездка которого финансировалась Киевским обществом естествоиспытателей.

Сергей Гаврилович с нетерпением ждал встречи с тропиками. «Первый раз тропический ландшафт с растительностью» он увидел на о-ве Маникая. О низкий атолл, огражденный бакенами, бились высокие волны прибоя. («Громадный прибой, над которым стоит водяная пыль, как над водопадом», — записал в дневнике Навашин.) Но внутренняя лагуна острова заставляла забыть тревожный шум прибоя: все дышало покоем, все было изумрудно-зеленым. Остров казался давно обжитым — у берега стояла лодка. Тянуло дымком. На самом берегу возвышался маяк, и виднелись хижины в окружении пальм, по-видимому кокосовых, как издали определил Сергей Гаврилович.

Подходя к Цейлону, русские ученые не переставали любоваться морской водой, которая при приближении к острову становилась совершенно зеленой, его горами и лесом пальм. Город Коломбо, где пассажиры провели день, Сергей Гаврилович определил как «прекрасный парк со строениями под пальмами». И, конечно, прежде всего Навашин и Караваев направились в музей. Там было «много интересного, но — увы! — не для ученого-ботаника.

По городу ходили пешком. Навстречу шли люди, очень смуглые, непривычно одетые. Женщины — с серьгами в ноздрях и множеством браслетов на руках и ногах. Чем ближе к пристани, тем гуще толпа торговцев, фокусников, различного вида попрошаек. Океанская набережная была широка, чиста и очень красива — «местами роскошна». Полуголые мальчишки в лодках, на которых «непостижимо плыть»... Все это осталось в памяти Навашина яркой картиной, освещенной тро-

⁴ Дневник представляет собой общую тетрадь в твердой нарядной обложке. Страницы в линейку исписаны с двух сторон четким почерком, почти без помарок, иногда в пояснение тексту автор пером набрасывал рисунок, план, схему. Страницы дневника не пронумерованы. (Поэтому все приводимые в тексте цитаты из него делаются без указания страницы.) Ученый практически ежедневно вел дневник: первая запись сделана 29 октября 1898 г. в Одессе, последняя — на Яве 4/16 апреля 1899 г.

С. Г. Навашин

пическими лучами солнца, и вместе с тем производило впечатление мимолетного сна. Впервые в жизни ученые зашли в буддийский храм, в котором увидели статуи будды, голубые с приятным ароматом цветы, принесенные в дар божеству, и обратили внимание на колокол — необходимую принадлежность буддийского богослужения.

28 ноября 1898 г. пароход, на борту которого находились Навашин и Караваев, вошел в Малаккский пролив. И хотя близость земли давала о себе знать, берегов долго не было видно. «Весь день (уже 29 ноября) мимо парохода плыла всякая всячина: ветки, трава, стволы деревьев, плоды, медузы, водяные змеи, летают и плавают птицы», — писал Навашин. Только на третий день после входа в пролив показалась длинная полоса южного берега Малаккского полуострова. Накануне ночью прошел «страшный ливень; вообще, ночь была трудной, но день наступил прекрасный: воздух тих, море спокойно. Навстречу шло множество судов — это были и европейские пароходы, и шхуны, и разнообразные азиатские суда с разноцветными парусами, часто с красными, встречались даже такие, у которых парус был сделан из циновки».

1 декабря вошли в Сингапур. Здесь Навашина и Караваева встретил русский консул К. В. Клейменов, предупрежденный о приезде ученых консулом в Батавии М. М. Бакуниным. Конечно, первый визит — в Ботанический сад. Особого восторга Навашин не высказывает, хотя и отмечает в своем дневнике, что это довольно красивый парк и в нем большое число разных видов пальм.

Русские ученые познакомились в Сингапуре со своими соотечественниками: владельцем кондитерской — поляком из Варшавы, который

хорошо говорил по-русски, аптекарем-поляком из Бреславля и русским подданным купцом Штегманном. Именно он уделил особое внимание ученым — вместе с Клейменовым организовал для них экскурсию в княжество Джохор. О самом княжестве Навашин ничего не пишет, но его как ботаника восхитила дорога: «Множество ананасных, сахарных, гвоздичных плантаций, великолепные деревья вдоль дороги, папоротники, мимозы, рододендроны, орхидные и т. д.».

В гавани Батавии — Танджунгприоке ученых встречали Трейб и М. М. Бакунин, который очень обрадовался приезду соотечественников и сразу же похвалился своими коллекциями, очевидно этнографическими, собранными на Яве и Суматре.

Батавия Навашину понравилась («прелесть, куда лучше, чем Сингапур»), но долго в ней оставаться он не мог. 10 (22) декабря ученые прибыли в Бейтензорг — место своей научной работы.

Из Батавии до Бейтензорга ехали по железной дороге, которая показала Навашину интересной — он увидел затопленные и отделенные друг от друга земляными валиками рисовые поля, которые перемежались пальмовыми рощами. Вдали виднелись горы.

В январе и феврале все время шли дожди, но даже постоянная дождевая завеса не могла скрыть «очаровательного и величественного вида» на гору Салак. Правда, первое знакомство с тропическим девственным лесом было разочаровывающим: слишком буйная растительность создавала впечатление беспорядочного нагромождения, лишнего какой бы то ни было живописности. Рассмотреть дерево в тропическом лесу было очень трудно даже тогда, когда оно стояло отдельно: видна была только четверть ствола, выступавшая из чащи. Цветов почти не было, изредка встречались орхидеи.

Навсегда запечатлелся колорит яванского ландшафта: красно-коричневая вода, красно-бурая, не покрытая растительностью земля, все остальное — однообразно зеленое; оттенки в этой зелени лесов и пашен можно различить только вблизи. Но во время восхода или заката солнца все приобретало новый вид и неожиданную красоту.

До конца своего пребывания на Яве Сергей Гаврилович не переставал любоваться пальмами⁵. Вот одна из его записей в дневник: «Гулял в саду и любовался на пальмы, которые положительно надо рассматривать по очереди, только тогда получаешь полное впечатление: величина, сила, возраст! *Attalea*, *Metroxylon*, *Oreodoxa*! Что это за великаны, какая страшная гармония членов! Гигантские соцветия производят особенно сильное впечатление. Хороши и малорослые пальмы по своей стройности и изяществу, например *Trupax*».

Навашин с присущей ему точностью ученого подробно описывает тропические плоды, которые он впервые отведал на Яве. Вот, например, запись о мангустане: «Сегодня первый раз были мангустаны — цвета граната кора, которую надрезают поперек ножом, в ней множество дубильных веществ, и она очень плотна. Надрезанный плод легко открывается руками. Внутри несколько нежно-белых долек, одна больше остальных и с семенами, прочие — бесплодны. Едят вилкой, вкус кисловато-сладкий, нежный, ароматный, действует освежающе».

Исследовательская работа отнимала у ученого большую часть времени. Однако по вечерам, оторвавшись от «своих» растений, он совершал прогулки по городу, который хорошо осматривал разнообразными светильниками. Тут были и маленькие фонари, и различные лампы и лампочки. Вдоль улицы обычно располагались торговцы с фруктами

---

⁵ Пальмы были одним из главных объектов внимания Навашина, который изучал строение цветка и соцветие пальм.

и съестными продуктами, и у каждого непременно была своя лампочка. Навашина всюду преследовал запах сушеной рыбы или дуриана⁶. С большим интересом он присматривался к обстановке, совсем непохожей на ту, которая окружала его дома. Многие вначале казалось ему непонятным. Однако примерно через две недели он уже, по собственным словам, стал «понемногу понимать разные вещи».

Очень удивлялся Сергей Гаврилович множеству людей на базаре Бейтензорга, «просто невероятному для такого маленького города». Кроме индонезийцев здесь можно было встретить арабов и, уж конечно, китайцев.

Ученый отмечал в своем дневнике, что китайское население жило обособленно, в отдельном квартале. Занятия торговлей, ремеслом, ростовщичеством приносили китайцам значительные доходы. «От яванцев они выделялись,— пишет Навашин,— своей толщиной и упитанностью». Если встречался большой дом, к тому же устроенный на европейский лад, можно было не сомневаться, что в нем жил богатый купец-китаец. Ученому довелось наблюдать празднование китайского нового года с красочными процессиями (во время которых носили огромных драконов и других персонажей китайской мифологии), с фейерверками, хлопушками, со всей оглушительной музыкой, столь непривычной европейскому уху.

С. Навашину посчастливилось застать на Яве и единственный в году мусульманский праздник, которым отмечается конец поста. Вообще, даже в письмах семье он с особым удовольствием описывал праздники.

С. Г. Навашин очень сожалел, что из-за отсутствия свободного времени он не может овладеть индонезийским языком, так как ему часто приходилось общаться с индонезийцами, особенно с теми, которые работали в Ботаническом саду. Младший персонал Ботанического сада, состоявший из индонезийцев, был прекрасно подготовлен. Об одном из них, «подсадовнике», Сергей Гаврилович написал, что тот «знает все латинские названия растений» и отличается наблюдательностью и исполнительностью.

Несмотря на то что у ученого не хватало времени глубже изучить жизнь индонезийцев, тем не менее краткие записи в его дневнике, касающиеся этнографических и социальных наблюдений, позволяют заключить, что Навашин интересовался бытом местного населения, старался понять, как живет простой человек на Яве. Никакой предвзятости в отношении индонезийцев у Сергея Гавриловича не было. Расовые и национальные предрассудки для него просто не существовали, были чужды и непонятны.

Навашин восхищался физической красотой индийцев и яванцев. Еще в Сингапуре, наблюдая за тяжелым трудом молодых индусов, строивших дорогу, он писал, что все их движения были исполнены изящества, их телосложение напоминало ему статуи античных атлетов. «Такие чудные фигуры — за такой работой»,— посетовал Навашин.

Отмечал ученый и красоту внешнего облика яванцев. «Нередко встречаю теперь очень красивых девушек,— писал он,— продолговатый овал лица, длинный, тонкий, но очень невысокий нос, выражение лица — интеллигентное». Рядом с этой записью Навашин поместил рисунок яванской девушки. Отмечая, что «руки у мужчин и женщин тонки и красивы», он в то же время сетует на обычай яванцев ходить босиком. Это приводило к тому, что ступня становилась широкой, а пальцы — растопыренными.

⁶ Дуриан — лакомый для индонезийца плод с резким неприятным запахом.

Навашин сразу же обратил внимание на то, что голландцы не решали индонезийцам носить одежду и обувь европейского типа. По его словам, легко было отличить школьника-индонезийца от «индо» (так называли лиц от смешанных браков с голландцами), которые имели право носить обувь и полуюропейскую одежду.

По-видимому, ученому приходилось более всего встречать сунданцев (Бейтензорг находится на Западной Яве, населенной именно этой народностью). Когда Навашин пишет о яванцах, то, безусловно, он подразумевает уроженцев о-ва Ява, но скорее всего это были все-таки сунданцы.

Сунданец по облику, по наблюдениям Навашина, отличался от жителя Центральной Явы. Сунданцы, по крайней мере те, которых видел ученый, были крупные люди, черты их округлого лица были «энергичны». «Между ними много помеси с арабами», — отметил Навашин.

Одежда яванца, по описанию ученого, удивительно соответствовала тропическому климату. И мужчины, и женщины носили подобие юбки — кусок набивной ткани с рисунком, обернутый вокруг тела от пояса до лодыжек или только до колен. Навашин в своем дневнике всегда называл эту одежду «юбкой-платком»⁷. Мужчины подвязывали ее кожаным поясом поверх вязаного шерстяного. Женщины носили большей частью белую легкую кофту — кебайу.

Наиболее распространенным головным убором была широкополая шляпа, плетенная из рисовой соломы, часто выкрашенная и даже про-смоленная. Поля шляпы были так широки, что Навашин называет этот головной убор «шляпа-зонтик». Когда яванец нес такую шляпу в руках, она напоминала большой щит. Мужчины повязывали голову и платком, причем очень искусно, «точно мы галстук», всегда одинаково и точно.

Тропики накладывали особый отпечаток на характер и поведение индонезийцев. Навашин обратил внимание на очень плавную походку местных жителей, что он объяснял обыкновением ходить, немного подогнув колена. «Когда в природе царил тишина и вместе с ней создавалось настроение торжественности, яванцы своей плавностью движений были в особенной гармонии с природой, казались такими же торжественными...» Как впоследствии узнал С. Г. Навашин, резкие движения у яванцев считаются даже неприличными.

Вообще яванцы строго соблюдали правила этикета. Они с презрением относились к тем, кто не знал правил приличия, вежливости. О таких они говорили: «Это житель гор», объясняя невоспитанность такого человека принадлежностью его к какому-нибудь отсталому племени, живущему в горной местности.

Навашин видел много необычного вокруг себя. Так, он писал, что яванцы носили у пояса крис — особый кинжал с пламевидным лезвием («на малайцах часто видишь нож вроде древнего меча, часто изогнутого, всегда в ножнах») — и что грудных детей женщины носят в платках и шарфах, перекинутых через плечо. При таком способе ребенок лежит, как в гамаке, а руки у матери свободны. Как было не удивиться неожиданному использованию кокосового ореха в качестве обуви: «Ребята в кампонге прикрепляют себе к ногам, как подковы, половинки скорлупы кокосового ореха». Однако Навашин не поясняет, было ли это игрой и можно ли было ходить или скользить в такой «обуви».

Жилье индонезийского крестьянина было бедным, в нем находились только самые необходимые предметы обихода. Даже в сравнительно большом кампонге, расположенном к тому же в Ботаническом саду

⁷ Индонезийские названия — *саронг* и *каин*.

(«деревенька побольше других»), хижины были малы («подобие веранды и внутреннего жилья... стены плетеные, местами решетчатые, окон нет»). Мебели в хижине не было. И стол, и стул, и кровать в быту индонезийского крестьянина в то время заменяла циновка. Европейскую утварь можно было увидеть только в домах тех индонезийцев, которые обслуживали европейцев.

Необходимой принадлежностью самой бедной хижины были клетки с птицами — или с красивым оперением, или радовавшими слух прекрасным пением.

Сергей Гаврилович часто наблюдал за работой на рисовом поле, особо он отметил пахоту «совсем в воде», на буйволах, деревянными плугами. Он любовался выработанной веками трудовой сноровкой яванского крестьянина. «Видел оригинальный способ косить серпом на длинной рукоятке. Малаец машет наотмашь через голову рис этой штукой, а сам в это время курит».

Без всякого предвзятого мнения, только запечатлевая бросившиеся в глаза некоторые черты быта яванца, Навашин разрушает нелепое, усердно распространяемое колонизаторами представление о жителях тропических стран как о ленивых людях. Наоборот, после прочтения дневника у читателя возникает образ яванца, способного к труду и привыкшего трудиться. Русский ученый не мог не отметить, что даже самые маленькие дети, как правило, являются помощниками в индонезийской семье. Дочь академика Навашина Т. С. Рогалина помнит рассказы отца о яванцах: «Он говорил, какие они милые люди. Сергей Гаврилович умел многое делать сам. У него были золотые руки. И в людях он ценил умение работать. Он хвалил честность яванцев, добросовестность, их любовное отношение к труду. Особенно ему нравились яванцы — рабочие и служащие Ботанического сада, они были великолепными помощниками ученых».

С. Г. Навашин с горечью пишет о том, что колонизаторы внесли в жизнь яванцев много плохого. Так, обращая внимание на то, что в индонезийском языке раньше не было слова «пьяный», он записал в своем дневнике: «Мабук — значит собственно иметь головокружение, например, мабук лаут (mabuk laut) — морская болезнь (лаут — море)». По его мнению, выражение «мабук сердаду» (mabuk serdadu) — «пьяный по-солдатски» — получило распространение уже во времена португальского господства на Востоке.

Наблюдения Навашина подтверждались рассказами Трейба о яванцах, об их культуре, об их умении вести себя, воспитанности.

Почтительность яванцев определялась выработанным веками отношением младшего к старшему, слуги к господину, подчиненного к повелителю. Голландцы сохранили черты феодального общества с его строгими сословными делениями и уничижительным для нижестоящего этикетом. Сергей Гаврилович долго не мог понять странного реверанса, который делали яванцы, находящиеся в услужении у голландцев, пока не понял: приветствуя, яванцы садились на корточки. Рассказывая в дневнике о первых впечатлениях от Бейтензорга, описывая обстановку, в которой ему придется жить, русский ученый поражался, что яванец-слуга, подавая Трейбу нужные ему вещи и получая их, каждый раз становился на колени. И Трейба — этого во многих отношениях передового человека и, безусловно, крупного ученого — это ничуть не смущало, хотя ничего подобного он, конечно, не мог встретить у себя дома. Дочь Навашина помнит, как удивлялся ученый количеству прислуги у Трейба. По рассказам Сергея Гавриловича, Трейб занимал целый дворец и имел огромный штат слуг. Но функции слуг были очень ограничены: так, один слуга только должен был зажигать и га-

силь лампы. Впрочем, Навашин находил, что яванцы очень слабосильны, и этим объяснял такое большое число прислуги у Трейба.

Чертой уже вполне колониального колорита был способ отбивания часов в Бейтензорге. На крыльце главного полицейского участка, между колоннами висела выдолбленная деревянная колода, которой была придана форма человеческого тела. Как и следовало ожидать, деревянная фигура была выкрашена черной краской: висел туземец! И вот по этому деревянному изображению индонезийца «жарят палкой, выбивают сначала дробь, а потом бьют часы». Не удивительно, что в этом способе Навашин увидел «острастку для простонародья», разумеется индонезийского.

Вместе с тем на приеме у генерал-губернатора ученый увидел лиц, у которых чувствовалась примесь индонезийской крови. И хотя женитьба на местных женщинах из высшего яванского общества раньше вполне допускалась, в конце XIX в. голландские власти стремились положить предел подобным смешанным бракам. Однако к этому времени уже образовался слой «индо» — голландско-индонезийских метисов.

Особый интерес вызывают те строки дневника Навашина, которые касаются некоторых сторон голландской колониальной политики.

Особенности землевладения в Нидерландской Индии русский ученый уяснил себе без труда: рис производили индонезийцы, и земли, занятые под посевы риса, составляли собственность яванских крестьян. Что касается европейцев, то земельную собственность «по старинному праву» (вероятно, частные или особые земли) имели лишь очень немногие из них. Почти все плантаторы арендовали землю у государства, причем эта аренда была долгосрочной — до 99 лет.

Но Навашин усмотрел материальную независимость колонии от метрополии в том, что товары, ввозимые в нее из Голландии, облагались пошлиной, ввозимая же в Голландию индонезийская продукция пошлинами не облагалась. Непосредственную выгоду и в том и в другом случае имел голландский капитал.

Во все времена Ява была самым населенным островом Индонезии. Конец города никогда не поддавался определению. «Говорят, что вся Ява представляет сеть кампонгов,— записал Навашин,— до 60 миллионов жителей!»

Голландия в 1870 г. изменила колониальную политику: она перестала быть монопольным эксплуататором, открыв двери в свои колонии другим державам. Предприниматели разных национальностей устремились в недавно заповедные для них районы. На пароходе, который вез русских ученых из Сингапура на Яву, ехали два немца — один лесничий, другой — купец. Два англичанина ехали к своим семьям в Нидерландскую Индию. В Бейтензорге Навашин встретился с художником-биологом из Бреславля, с ботаником поляком Лотским, уже переделавшим свою фамилию на голландский лад — Лотси. Там же он познакомился с миллионером — голландцем по фамилии Янсе, у которого, по словам Навашина, во всех, кажется, частях света есть «интересы». На следующей странице дневника мы читаем краткую запись: «История богатства отца Янсе». И далее следует рассказ о предприимчивых дельцах, занимавшихся выращиванием табака в Дели на Суматре. Некий голландец, живя на Суматре, заметил, что произрастающий там табак по свойству листа незаменим для сигар. Возвратясь в Голландию и, очевидно, не имея достаточных средств, чтобы основать «дело», он предложил своему более состоятельному знакомому участвовать в предприятии. Поняв, что это выгодно, знакомый отдал приятелю все сбережения — 30 тыс. гульденов. Банк в Батавии, куда затем обратился инициатор будущего «дела», поддержал предприятие, направив конт-

ролером служащего банка. «Дело» пошло. И вот удачливые партнеры уже имеют по миллиону гульденов годового дохода. А контролер ушел из банка, став директором нового предприятия. Ко времени пребывания Навашина на Яве этот «молодой человек из банка» был уже министром колоний. «И, вероятно, будет генерал-губернатором»,— предполагал Навашин.

В этом рассказе интересно все: и то, с какой быстротой создавались огромные состояния, и то новое участие, которое принимал банк в экономике (не только ссуда, но и контроль над предприятием), и та связь между крупным предпринимательством и государственным управлением — директор предприятия становится министром колоний. Это всё были черты нового времени — черты империалистической эпохи.

Навашин побывал на чайной и кофейной плантациях. Чайная плантация находилась недалеко от Бейтензорга (примерно на расстоянии 6—7 км) и принадлежала акционерному обществу. Управлял ею внук бывшего генерал-губернатора. «Знаменательно»,— отмечает в скобках Сергей Гаврилович.— На плантации работали преимущественно женщины и дети. «Работают семьями»,— пишет Навашин, имея в виду, вероятно, мать и ее детей. «Рабочие получают 3,5 гульдена и рисом на 2,5 гульдена в месяц. Надсмотрщик — 6 гульденов. Женщины и дети получают по 1 центу за 1 фунт свежих листьев, собирают до 20 фунтов»⁸.

Орудия труда на плантациях были самые простые, преобладал ручной труд — прополка, подрезка куста, сбор листа, его сортировка. Собирали и сортировали листья руками, просеивая их через решето. Правда, свертывали лист дорогой английской машиной.

Посещение кофейной плантации не нашло в дневнике сколько-нибудь подробного описания. Сергей Гаврилович сообщает, что на плантациях применялись удобрения, в том числе на чайной — химические. Но зато способ обработки кофе описан довольно подробно. Сразу же была отмечена особенность и кофейной и чайной обработки — «необходимость работы тотчас: ни листья, ни плоды не могут сохраниться».

Обработка кофе проходила восемь этапов: вымачивание, размягчение окоплодника, обдирание или чистка, брожение, сушка, шелушение, сортировка, упаковка. Но здесь уже в каждом процессе участвовала машина. Навашин отметил, что сортировку производили исключительно женщины. Только низкие сорта кофе поступали на яванский рынок, все же остальное вывозилось из страны.

Многое в дневнике Навашина записано со слов других людей, в первую очередь Трейба. Надо сказать, что последний оказывал Навашину и Караваеву большую помощь во время пребывания их на Яве. Ученые постоянно ощущали заботу Трейба. Он постарался оградить их от всяких хлопот по устройству быта, организовывал экскурсии.

Трейб много времени проводил с русскими учеными. Так, Сергей Гаврилович пишет в своем дневнике, что 25 декабря нового стиля, несмотря на рождество, Трейб отправляется с недавно приехавшим Навашиным в Ботанический сад и показывает ему интересные растения. На следующий день русские ученые приглашены к Трейбу на праздничный обед. Он зовет их то в клуб поиграть на бильярде, то посмотреть на церемонию поздравления служащих сада с Новым годом. Часто Трейб приглашал на прогулки, чтобы полюбоваться красотой тропиче-

---

⁸ Уяснить величину заработной платы плантационного рабочего позволяет сообщенная ранее Навашиным заработная плата прислуги. «Положение прислуги такое,— пишет Навашин, — ей дается помещение, жалованье, мужчинам — 10—12 гульденов в среднем на свое содержание».

ской природы и днем, и ночью. Впечатление от одной такой ночной прогулки описано Навашиным довольно подробно: «Полная луна, чистое небо, местами просто волшебный вид. Луна выглядит много ярче, чем у нас, а освещение комнаты слабее, я думаю, потому, что все краски слишком уж густы: если что-либо есть белое — то блестит, как днем, этикетки в саду можно читать смело. Еще раньше мы с Трейбом ходили смотреть закат солнца — вдали виден темно-синий Салак, по поясу которого и на верхушке ползут белые облака. Краски замечательные, яркость, разнообразие. Например, аквамариновый клочок неба окружен фиолетовыми облачками, в другом месте — бирюза и пурпур. С противоположной стороны уже в это время — яркая, серебристо-белая луна. Вся картина выглядит так чисто и ясно, что не веришь, что смотришь простыми глазами: точно в панораме, где нарочно все тона сделаны правильнее и чище. Именно и поражает эта правильность, элементарность тонов: чисто зеленое, чисто ярко-голубое и тому подобное. Зелень так чиста, что и ночью заметен основной фон, причем листья еще большей частью блестят на лунном свете, точно лакированные»⁹.

Судя по записям в дневнике, к концу своего пребывания на Яве С. Г. Навашин довольно близко сошелся с Трейбом. Он уделяет Трейбу довольно много места в своих записях, в которых Трейб предстает подвижником, энтузиастом науки. Он действительно таким и был. Однажды Трейб сказал откровенно Сергею Гавриловичу, что не видит себе преемника. И Сергей Гаврилович записал в дневнике: «Жаль видеть его, так сильно любящего свой сад и все учрежденное в нем и не надеющегося пристроить, как должно, свое детище!»

Даже по внешности Трейб не казался обычным. «Фигура Трейба очень характерна, — пишет Навашин, — сложен он плохо, держится несколько сутуловато, правое плечо заметно выше левого. Одевается очень разнообразно и элегантно». По воспоминаниям дочери Навашина, Т. С. Рогалиной, внешним обликом Трейб напоминал Дон Кихота. В огромном помещении на Яве («настоящий дворец»!) Трейб жил совершенно один, если не считать бездомного черного кота, которого ученый приютил, несмотря на предостережения суеверных яванцев: они полагали, что кот — оборотень, «скорее всего, тигр».

На плечах Трейба лежала огромная административная и организационная работа, но он умел находить время для своих исследований. «Трейб встает в 4 часа утра, чтобы приготовить свежие растворы для своих жидкостей, — пишет Навашин. — Обыкновенно уже и не засыпает. Затем он собирает листья и производит опыты».

Трейб обладал даром привлекать к себе людей, был доброжелателен и щедр: самое дорогое, что есть у ученого, — его время — он охотно предоставлял своим коллегам по науке. После Навашина много русских ученых побывало на Яве, работая в Бейтензорском ботаническом саду. И каждый из них вспоминал Трейба с теплотой и признательностью. По-видимому, архив профессора Трейба хранит не одно письмо русского ученого — трудно предположить, чтобы связи, начало которым положила плодотворная научная работа на Яве, прекратились после окончания командировки.

---

⁹ Только прожив некоторое время на Яве, привыкнув к климату, Навашин почувствовал, как он писал, «приятность» тропиков: «И небо, и деревья, и воздух — особенно воздух — все улыбается ласково, чувствуешь себя именно в раю». Окончательная акклиматизация произошла перед отъездом, когда «приятность» сменилась восторгом: «Разве только в детстве испытал такое необыкновенно яркое и приятное чувство благосостояния во всем теле, — записал Сергей Гаврилович 1 марта 1899 г. (уехал он 4 апреля. — Е. Г., В. Ж.). — Как говорится, радуешься своему существованию».

Трейб не без основания считал, что выполнил свое назначение в жизни, превратив Ботанический сад в Богоре в научное учреждение мирового значения. Здесь и развернулся его блестящий организаторский талант. Какой же удар готовила ему судьба! В результате конфликта с генерал-губернатором Трейб был отстранен от руководства Ботаническим садом и вскоре, в 1910 г., умер.

Русские ученые не могли пожаловаться на невнимание и со стороны российского генерального консула в Батавии М. М. Бакунина. Срок пребывания Бакунина в Батавии уже кончался. Новизна впечатлений давно прошла. Бакунин находился на Яве с 1894 г. и к опыту жизни в тропиках уже присоединил хорошее знание голландской системы хозяйства и управления колонией. Связи России с далекой от нее голландской колонией были ограничены, и Бакунин смертельно скучал. Он был очень рад приезду русских ученых, познакомил со своей семьей и даже предложил поселиться у него. Первый день приезда Навашин и Караваев провели у Бакунина, обедали у него, полюбовались этнографической коллекцией, собранной консулом, но предложение поселиться у Бакунина отклонили — они торопились в Богор. Бакунин приезжал в Ботанический сад, привозил соотечественникам русские газеты и, по свидетельству Навашина, проводил с ними много времени. У Бакунина был широкий круг интересов. Помимо своих прямых обязанностей он выполнял поручения научных учреждений России, собирал разнообразные коллекции. К этому делу он привлек и Навашина, который помог ему пополнить коллекцию жуков. Сергей Гаврилович не интересовался сувенирами и коллекциями предметов, если это не имело научного интереса. Своим родным он привез изделия яванских ремесленников и коллекцию яванских крисов, которая при его жизни находилась у него в кабинете, а затем при переездах семьи затерялась.

Приближался день отъезда. Все чаще думалось о доме, о родных местах. Апрельская утренняя свежесть в тропиках неожиданно напоминала ему свежие и ясные утра, какие бывают весной и осенью в средней полосе России. Сергей Гаврилович очень обрадовался, когда впервые на небосклоне увидел знакомое созвездие — «нашу милую Большую Медведицу!» Начала сказываться тоска по родине.

* * *

С. Г. Навашин принадлежал к числу крупнейших русских ученых, которыми родина вправе гордиться. Он был заслуженным деятелем науки, академиком с 1918 г. Ученик Тимирязева, он в 1923 г. в Москве организовал Биологический институт имени своего знаменитого учителя. Директором этого института он был почти до конца своей жизни. Всюду, где он жил и работал — в Киеве, Тбилиси, Москве, — он оставил благодарную память и многочисленных учеников. В его лаборатории считали за честь работать иностранные ученые.

По мнению самого Навашина, его поездка на Яву не имела важных результатов: «Особой выгоды в научном отношении я от этой поездки не получил, — писал он впоследствии в автобиографии, — если не считать за необходимость, чтобы натуралист раз в жизни видел океан и тропики» [2, 17]. Но даже короткое пребывание на Яве он считал полезным и нужным для ботаника, занимающегося преподаванием [см. 1, 87].

Не будучи ни в какой степени историком или географом (по словам родных, историей он совсем не интересовался), Навашин сообщил ряд ценных и для историка, и для этнографа сведений о Яве и яванцах, о некоторых чертах колониальной политики Голландии, проявив-

шихся ко времени приезда русского ученого в Нидерландскую Индию. Дневник, который вел на Яве Сергей Гаврилович, явно не предназначался для опубликования. В нем много записей, касающихся личной жизни, но, как можно заметить, много фактов, имеющих общественный и исторический интерес. Более того, автор дневника дал почувствовать не только тропическую, но и колониальную атмосферу жизни на Яве. Свежесть восприятия, непредвзятость, интерес к далекой стране, симпатии и уважение к индонезийскому народу — вот что характерно для записей русского ученого, что позволяет их оценить как вполне объективный источник.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гневушева Е. И. В стране трех тысяч островов (русские ученые в Индонезии), М., 1962.
2. Навашин С. Г. Избранные труды, т. I, М.—Л., 1951.
3. Транковский Д. А. Сергей Гаврилович Навашин, М., 1947.
4. Ухтомский Э. Э. (сост.), Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890—1891, т. I, Лейпциг, 1893.
5. Ухтомский Э. Э. (сост.) Путешествие Государя-Императора Николая II на Восток (в 1890—1891 гг.), т. II—III, Лейпциг, 1895—1897.

В. А. Цыганов

**СИСТЕМА ПРОСВЕЩЕНИЯ
В КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДОНЕЗИИ
И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ
(1900—1942 гг.)**

Многоплановая система народного просвещения, созданная голландцами в колониальной Индонезии, была и остается предметом пристального внимания, споров деятелей национально-освободительного движения Индонезии, ученых, педагогов-специалистов. Исследовавшая эту уникальную систему в 1933 г. группа ученых США и Британии¹ пришла к заключению, что «голландцы создали одну из эффективнейших колониальных систем образования» [7, 71], открыв народу путь к прогрессу. Сукарно же в своей малоизвестной довоенной статье «Быть учителем во время подъема» отмечал, что система просвещения в Голландской Индии адекватно отражает колониальное общественное устройство и закрепляет неравенство [33, 614—615]. Индонезийский ученый Селосумарджан, развивая эту мысль, утверждает, что целью данной системы было искусственное создание верной голландцам элиты [29, 343].

**Становление и развитие государственной системы
просвещения колониальной Индонезии**

Периоды развития. В индонезийской деревне издавна сложилась народная система образования, восходящая к средневековой Индии. Сельские учащиеся посещали так называемые песантрены, где с помощью мусульманских наставников — кьяи изучали Коран, хадис — «житие пророка Мохаммеда» и принципы исламского законоучения, по своему выбору делая упор на любую из этих «дисциплин». Завершившие курс обучения становились влиятельными людьми в местной мусульманской общине. Лишь много позднее появляются мадраса (медресе) — начальные церковные училища, сочетающие духовные предметы с немногими светскими. Как правильно отмечают индонезийские историки, эти школы (по крайней мере песантрены) «консервировали старые формы общественной жизни» [29, 343], т. е. феодально-общинные пережитки.

В городах, главным образом на Яве, с начала XIX в. существовали немногочисленные начальные школы европейского типа для детей голландских чиновников. Вне Явы, в так называемых Внешних владени-

---

¹ Эта группа представляла Фонд Джулиуса Розенвальда — частную американскую организацию, финансирующую изучение и сопоставление систем просвещения в различных (в том числе колониальных) странах с целью совершенствования американских, в частности негритянских, школ.

ях, подобные школы создавались в основном христианскими миссиями. Первым индонезийским учащимся в голландской школе стал внук яванского принца, который был принят туда только в 1867 г.

Лишь в конце XIX в., с началом перехода метрополии к «этической политике»², начала складываться государственная система просвещения для индонезийцев, развитие которой можно условно подразделить на следующие периоды.

Первый период (с 1893 по 1907 г.) — создание школьной системы в городах, положившее начало откровенной расовой сегрегации и классовой дифференциации в сфере просвещения. В эти годы были основаны два типа начальных школ: так называемые школы I класса, предназначенные для детей аристократии и феодально-чиновничьей прослойки (прияи), и школы II класса для «среднего сословия» — детей торговцев, низшего чиновничества, богатых крестьян. Тип и методика преподавания были западными, однако предметы преподавались не на голландском языке, не был он представлен и в качестве отдельной дисциплины. Единственными голландцами в таких школах были учителя. Эти школы отражали и классовую дискриминацию: срок обучения в школах I класса был на год дольше (пять лет), и преподавательский состав, пособия и учебники лучше, чем в школах II класса. Третьим типом городских школ были начальные европейские школы для голландских детей. Они представляли собой точный сколок с соответствующих школ в метрополии. За редчайшими исключениями, туда не допускались даже дети представителей индонезийских привилегированных классов.

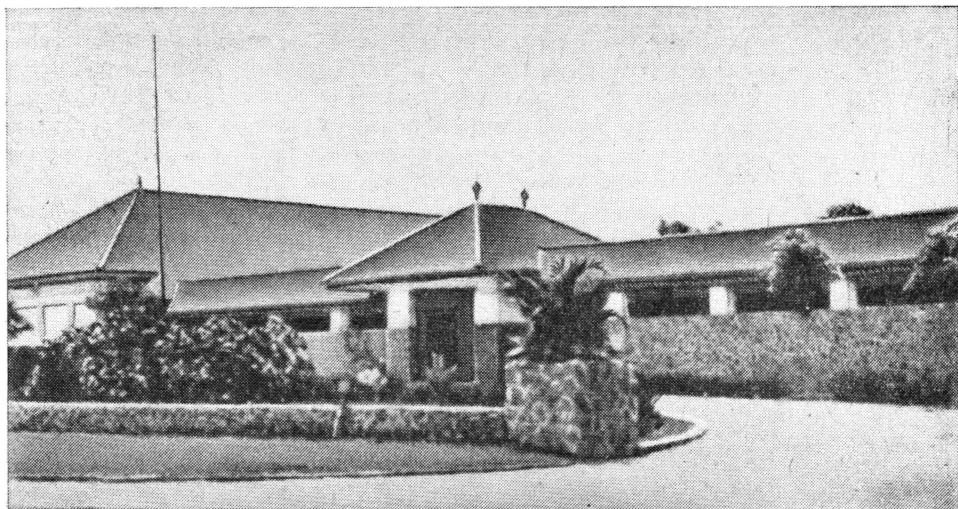
Второй период (с 1907 по 1914 г.), совпадающий с расцветом «этической политики», знаменует важные сдвиги в системе государственного просвещения. Система голландского управления была децентрализована и распространена на все острова Внешних владений. Появилась охватывающая весь архипелаг кредитная система. Одновременно наблюдалось бурное вторжение частного западного капитала (в 1909 г., например, в Нидерландской Индии обосновались 232 новые западные компании с капиталом 47 млн. гульденов, в 1911 г. — 290; их капитал превысил 74 млн. гульденов [21, 71]). Государство и частный капитал начинают ощущать острую нехватку служащих, клерков, фельдшеров, телеграфистов, техников и т. п. Широкое же использование голландцев было экономически невыгодным, так как им приходилось выплачивать высокие колониальные оклады и возмещать дорогостоящие поездки на родину в отпуска. Массовое привлечение местных кадров стало, таким образом, объективной необходимостью. С 1913 г. было официально разрешено допускать индонезийцев на все посты в государственном аппарате.

В связи с этим число школ II класса увеличилось более чем вдвое; срок обучения в них возрос. После их окончания выпускники получали возможность поступить на два-три года в профессиональное училище. Однако голландский язык по-прежнему не был включен в программу.

Еще более заметные изменения произошли в школах I класса: со второго или третьего года обучения в них вводится преподавание голландского языка, курс обучения становится семилетним. Наконец, они подразделяются на две группы: «голландско-туземные» (ХИС) и «голландско-китайские школы» (ХЧС) — в зависимости от этнического состава учащихся. Европейские начальные школы (ЕЛС) для голланд-

---

² Об «этической политике» и ее воздействии на колониальную Индонезию см.: [2, 47—76].

Европейская начальная школа

ских детей практически остаются без изменений. Таким образом, расовая сегрегация в это время становится еще более отчетливой.

Но наиболее значительным мероприятием на данном этапе было создание сельских школ (деса-схолен) с трехгодичным курсом обучения и преподаванием на местных языках. Это начинание могло стать важным шагом на пути ликвидации неграмотности, если бы оно проводилось более быстрыми темпами. И хотя в 1912 г. насчитывалось уже 2500 сельских школ (в 1905 г. — только 723) [19, 65], их требовалось в десятки раз больше.

В 1914 г. на Яве и Мадуре, по официальным данным, на 1000 жителей приходилось 14 учащихся, тогда как в Голландии — 150 человек [2, 65].

Наконец, в эти же годы оформляются первые средние школы, полные (ХБС) для европейцев и неполные (МЮЛО) главным образом для «туземцев». Индонезийцы и китайцы, окончившие ХИС и ХЧС, получили возможность продолжать учебу в МЮЛО. В 1914 г. создается учительский техникум в г. Пурвореджо для обеспечения ХИС учителями.

На третьем этапе (1914—1921 гг.) развития государственной образовательной системы была поставлена задача ликвидации разрыва между МЮЛО и деса-схолен и школами II класса. Дело в том, что индонезийские подростки, окончившие школы этих типов, не могли продолжать свое образование. «Трагедия туземных школ II класса, — справедливо отмечает американец Р. ван Нил, — заключалась в факте, что они возбуждали в учениках аппетит к успеху и продвижению в колониальном мире, где доминировал Запад, но не снабжали их ни дипломом, ни предпосылками для удовлетворения этого голода» [19, 70]. Путь в МЮЛО для выпускников сельских школ и школ II класса был закрыт: там преподавание велось на голландском языке.

Для преодоления языкового барьера в 1921 г. было решено создать так называемые связующие школы (схакелсхолен) — пятилетнюю школьную надстройку над деревенской школой и над первыми тремя классами «стандартной» городской школы (так стали называться школы II класса). Голландский язык в них преподавался как отдельный

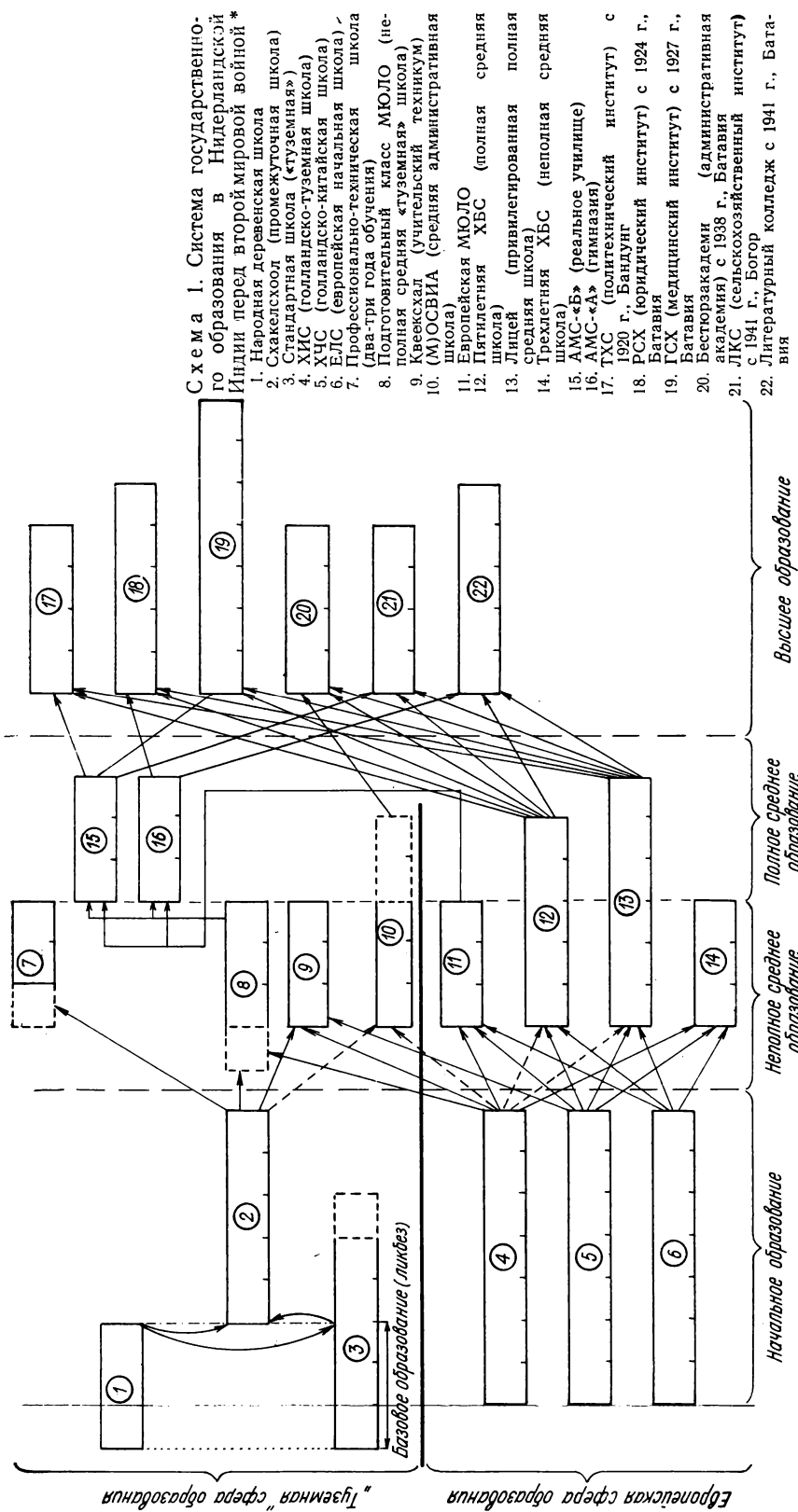
Школа МЮЛО в Бандунге

предмет в последних трех классах. Окончив эту школу, индонезийский юноша из простонародья мог, как декларировалось, поступить в подготовительный класс МЮЛО «на равных правах с сыном аристократа». Но в отличие от последнего он не мог и помышлять о продолжении образования в европейской средней школе или европейском лицее.

В 1919 г. голландские власти создают два типа «туземных» школ всеобщего полного среднего образования со специализацией по гуманитарным (типа гимназии — АМС-«А») и естественным наукам (типа реального училища — АМС-«Б»), а также ряд «туземных профессиональных школ». Появилось несколько специальных школ и для европейцев. Расовая сегрегация и национальная дискриминация продолжали развиваться — теперь на более высоком уровне. В 1920 г. открывается первый вуз — частный (с 1924 г. ставший государственным) политехнический институт в Бандунге.

Четвертый период (с 1921 по 1942 г.) по преимуществу и представляет предмет изучения в настоящей работе. К 1942 г. голландская государственная система просвещения отлилась в формы, зафиксированные на схеме 1. Наиболее характерным моментом данной системы является нарочитое разделение ее на две сферы, два замкнутых мира. Объясняется это тем, что при ее формировании голландцы руководствовались принципом «индонезийское образование для масс и голландское образование для лидеров» [36, 218].

Колониальная политика голландцев в области просвещения. Большинство исследователей Запада отмечают механический, не продуманный до конца характер этой системы. Р. ван Нил с полным основанием бросает «этикам» упрек в том, что никто из них не задумывался всерьез над возможными последствиями ее внедрения в Индонезии [19, 66].

- Схема 1. Система государственно-го образования в Нидерландской Индии перед второй мировой войной *
1. Народная деревенская школа (народная школа)
  2. Стандартная школа («туземная»)
  3. ХЧС (голландско-туземная школа)
  4. ХЧС (голландско-китайская школа)
  5. ЕЛС (европейская начальная школа)
  6. Профессионально-техническая школа (два-три года обучения)
  8. Подготовительный класс МЮЛО (не-полная средняя «туземная» школа)
  9. Квеекшал (учительский техникум)
  10. (М)ЮСВИА (средняя административная школа)
  11. Европейская МЮЛО (полная средняя школа)
  12. Пятилетняя ХБС (полная средняя школа)
  13. Лидей (привилегированная средняя школа)
  14. Трехлетняя ХБС (неполная средняя школа)
  15. АМС-«Б» (реальное училище)
  16. АМС-«А» (гимназия)
  17. ТХС (политехнический институт) с 1920 г., Бандунг
  18. РСХ (юридический институт) с 1924 г., Батавия
  19. ГСХ (медицинский институт) с 1927 г., Батавия
  20. Бестюракадеми (административная академия) с 1938 г., Батавия
  21. ЛКС (сельскохозяйственный институт) с 1941 г., Богор
  22. Литературный колледж с 1941 г., Бата-вия

* Настоящая схема составлена автором с использованием [6; 7; 18; 19; 35].

Англо-американская комиссия, изучавшая постановку образования в Индонезии, называет четыре цели, которые сознательно или под-сознательно преследовали колонизаторы: с одной стороны, «превратить туземные народы в европейцев»; «обучать их таким образом, чтобы они могли стать квалифицированными рабочими, пригодными для эксплуатации Западом» (!); с другой стороны, «сохранить туземным народам их собственные обычаи и культуру»; и, наконец, «сохранить в них уважение к древнему порядку...» [7, 97].

При этом очевидно, что первый пункт относится по преимуществу к местной аристократии и бюрократии. Так, Хюргронье еще в конце XIX в. выдвигал предложение «превратить туземную традиционную аристократию в образованную элиту западного типа» [19, 176]. Во втором пункте речь идет о создании слоя городского и плантационного пролетариата, третий касается преимущественно сельского населения, а четвертый относится ко всем слоям индонезийского общества. Первой цели был призван служить западный сектор системы просвещения, трем последним — индонезийский.

«Голландская политика в области просвещения в значительной степени отражала политику администрации Нидерландской Индии», — отмечает современный индонезийский автор Селосумарджан [29, 354]. Кроме того, эта политика в начале XX в. была направлена на то, чтобы облегчить победное вторжение в экономику Индонезии частного западного капитала. Даже весьма консервативные западноевропейские авторы вынуждены констатировать, что развитие экономики колониальной Индонезии в XX в. базировалось на поощрении частного капитала [19, 180]. Ввиду экономической и военной слабости Голландии и проводимой ею в связи с этим «политикой открытых дверей» в ее колонию интенсивно вторгся также капитал других европейских стран, США и Японии. Вряд ли поэтому можно оспаривать мнение западных ученых, согласно которому подобный пристальный «интерес» к ее колонии был одним из факторов, заставивших Голландию «уделить серьезное внимание как защите своих владений, так и их развитию» [7, 42].

Ответственно и система просвещения призвана была готовить в расширенных масштабах кадры образованных чиновников гражданской администрации и клерков, владеющих голландским языком, что, в частности, облегчало деятельность вновь прибывшим предпринимателям, которые, в отличие от голландских колониальных чиновников, получавших специальную подготовку, с местными языками не были знакомы, — а также многочисленный технический и обслуживающий персонал и хотя бы минимально грамотную и квалифицированную рабочую силу для растущих как грибы предприятий Запада³. Как отмечает группа англо-американских ученых, «единственное, чего этот коммерческий народ (голландцы. — В. Ц.) добивается от системы туземных школ, это чтобы они стали средством подготовки дешевых клерков и механиков и, возможно, распространили грамотность в достаточной степени — для расширения рынка европейских товаров» [7, 89].

Отсюда и принципы, которыми руководствовались голландцы, создавая систему просвещения, — «индонезийское образование для масс и голландское образование для лидеров» [35, 218].

³ Не случайно первая фельдшерская школа в Голландской Индии (СТОВИА) была создана в 1900—1902 гг. под «прямым давлением плантаторов», как отмечает Р. ван Нил [19, 51]. В 1913 г. она была преобразована в подобие медицинского техникума повышенного образца, и второй такой медицинский техникум (НИАС) был создан в Сурабае. Оба этих учебных заведения должны были обеспечить плантации и фабрики дешевым медобслуживанием.

Действительно, государственная система образования (как это явствует из схемы 1) представляла собой две замкнутые сферы, два самодовлеющих мира.

Западный сектор системы просвещения. Начальное образование европейского образца проводилось тремя типами семилетних школ, разграниченными по национальному признаку: ЕЛС, ХЧС и ХИС. Последние представляли собой питомники для привилегированной «туземной элиты», отгороженные от «простонародья» высокой платой за обучение и сословным цензом. При этом ХЧС и ХИС сближало то, что в них голландский язык, не применявшийся как средство общения в китайских и индонезийских семьях, первые два года преподавался как предмет, а последующие пять лет являлся средством обучения. Однако большим функциональным сходством обладают как раз европейские начальные школы (ЕЛС), обучавшие детей голландской крупной буржуазии и немногих детей высшей индонезийской аристократии, и ХЧС, где учились дети средней компрадорской китайской буржуазии. Выпускникам китайских и голландских школ достаточно было простой сдачи экзаменов, чтобы попасть в лицей, пятилетнюю или трехлетнюю среднюю школу (ХБС) и далее — в вуз. Они, как правило, не поступали в средние школы «туземного типа» (АМС). Напротив, значительная часть выпускников ХИС, не обладавшая высоким происхождением (а часто и необходимыми средствами) для дальнейшей учебы в голландских средних школах, была вынуждена поступать в «нижние туземные средние школы» (МЮЛО) с перспективой последующего поступления в полную среднюю школу (АМС). Выпускники ХИС, избравшие преподавательскую или другую специальную профессию, могли поступить в учительский техникум или в профессиональное училище. Лишь единицы из них попадали в специальную школу для подготовки чиновников гражданской администрации (ОСВИА, затем МОС-ВИА). Кандидатов в последнюю из числа сыновей местной аристократии отбирал лично голландский резидент по согласованию с феодальным князем-регентом.

Следует отметить, однако, что до 1906—1907 гг. индонезийские аристократы не обнаруживали особого желания посылать своих детей в школы европейского типа. Не исключено, что поначалу они опасались изоляции выпускников «безбожных» западных школ в обществе, где все еще задавали тон песантрены. Лишь успешная карьера первых индонезийцев — выпускников средних школ в Индонезии (или выпускников вузов в Голландии) убедила их в целесообразности подобного решения. Правительство Нидерландской Индии, со своей стороны, подтолкнуло приток в школы детей высших прии, подтвердив в 1913 г. наследственное право регентов, однако при обязательном условии соответствующего образовательного ценза наследника. С этих пор поток домогающихся поступления в школы западного типа возрастал с каждым годом и спрос на европейское образование далеко превышал предложение вплоть до самого вторжения японцев.

Все школы западного типа находились в городах. В крупных городах их целиком финансировало центральное правительство, в областных и уездных центрах — так называемые муниципальные органы самоуправления, и, кроме того, до 10% расходов покрывалось за счет фонда, вносимого деревенскими общинами. Учителя, как правило, были голландцами. Среди преподававшихся предметов были математика, география, экономика, английский язык и история.

Все исследователи голландской системы просвещения отмечают с начала второго десятилетия XX в. возникновение и бурный рост тяги всех слоев городского населения к западному образованию. Эпитет «за-

падный» становится синонимом определений «прогрессивный», «современный». Песантрены начинают приходить в упадок. Вместе с этим наблюдается и заметное ослабление интереса населения (особенно городского) к национальной культуре. Объяснение этого явления кроется вовсе не в «восхищении туземцев своими старшими братьями» — голландцами [7, 49], а в осознании индонезийцами роли современного образования, науки и техники как источника могущества белых. Школа же закрепляла мнение о превосходстве всего западного.

Не только в европейском, но и в индонезийском секторе образования истории и географии Нидерландов отводилось неизмеримо больше внимания и времени, чем историческому прошлому и географии Индонезии. Вообще, школа восхваляла все западное, культивировала западный индивидуализм, противопоставляя его свойственному индонезийскому обществу коммунализму; превозносила европейскую, в особенности голландскую, культуру в ущерб индонезийской. Индонезийские интеллигенты жаловались, что школа вытравливала эмоциональные моменты в воспитании, заменяя их сухим рационализмом. Все неголландцы — исследователи данного вопроса единодушно признают, что такое образование отрывало индонезийскую молодежь от родной почвы, превращало ее в «коричневых голландцев», часто с чувством стыда и презрения взиравших даже на привилегированные слои индонезийского общества, откуда они вышли, не говоря уже о «простонародье»⁴.

Английские и американские авторы с полным основанием отмечали также, что с точки зрения систем просвещения их стран голландская система была скорее обучением, нежели образованием в полном смысле слова [7, 74; 4, 498].

Наконец, при трудоустройстве выпускников или получении разрешения на поездку в Голландию для завершения образования главным критерием для колониальных властей оставались не одаренность молодых людей, не достигнутый ими интеллектуальный уровень, а их социальное происхождение и степень лояльности к колонизаторам. Поэтому сыну аристократа отдавалось предпочтение перед сыном мелкого приями-чиновника, евразийцу — перед китайцем и индонезийцем, китайцу — перед «туземцем», индонезийцу-христианину с Амбона, Северной Суматры или Северного Сулавеси — перед индонезийцем-мусульманином с Явы.

Индонезийский сектор просвещения. Совсем иной мир представляло так называемое «туземное» образование. Его фундамент был заложен при генерал-губернаторе ван Хейтце вместе с созданием трехлетних «деса-схолен», просуществовавших до провозглашения республики. В городах им соответствовала первая трехгодичная ступень «стандартной школы» (бывшей школы II класса). Эти школы давали даже не начальное, а еще более низкое, базовое образование, главной целью которого была, в сущности, ликвидация неграмотности — задача, так и оставшаяся неосуществленной: в 1930 г. лишь 6,5% индонезийцев (т. е. около 4 млн. человек) умело читать и писать хотя бы на одном из употребляющихся в стране языков, и только 340 тыс. из них могли общаться на голландском языке. Выпускник деревенской школы до 1921 г. был лишен всякой возможности продолжать образование. Окончивший «стандартную школу» в городе при желании продолжал учиться в так называемой «продленной» трехклассной школе, последний

---

⁴ Тип такого юноши выведен известным индонезийским общественным деятелем и писателем Абдул Мусом в переведенном на русский язык романе под знаменательным названием «Неправильное воспитание» [3].

класс которой давал ему подобие специализации: в земледелии, портняжном, кузнечном, столярном, слесарном деле и т. п.

В 1921 г. с образованием так называемой «промежуточной» или «связующей» школы (схакелсхоол) детям индонезийской буржуазии был впервые открыт путь к овладению голландским языком, а с ним — к неполному (затем и к полному) среднему образованию. Схакелсхоол первая из «туземных» школ обеспечивала выпускнику пусть скромные, но все же знания голландского языка, дававшие ему хоть какую-то возможность поступить в подготовительный класс неполной средней школы (МЮЛО), по окончании которой он мог надеть наконец вожде ленный белый мундир колониального клерка. Второй возможностью было поступление в профессиональные двух- или трехгодичные школы, выпускавшие техников для плантаций и фабрик. Третьим вариантом был учительский техникум. Однако у выпускника схакелсхоол не было никакой надежды преодолеть «цветной барьер» и получить европейское среднее образование. Очевидно, что создание схакелсхоол являлось официальной констатацией краха концепции «голландский язык для общения господ, местные языки — для общения слуг и для отдачи им распоряжений». Бурное развитие частного капитала ликвидировало запрет «туземцам» изучать язык их господ⁵.

С созданием двух типов «туземных» всеобщих средних школ (АМС) индонезийский юноша наконец обретал возможность получить такое же образование, как и выпускник голландского лицея, и поступить в институт — впрочем, не любой (как, скажем, выпускник лицея или пятилетней ХБС), а соответствующий профилю законченной им средней школы (гимназии или реального училища).

При этом, однако, нельзя не учитывать весьма ограниченного числа МЮЛО и АМС, а также дороговизны обучения в них⁶, не говоря уже о вузах. Кроме того, еще одно обстоятельство не может не привлечь нашего внимания. Питомцу европейского сектора образования приходилось тратить на обучение 17 лет, чтобы стать инженером, и 20 лет, чтобы стать врачом. Индонезийскому же юноше, пробивающему себе путь в секторе «туземного» просвещения, пришлось бы учиться соответственно 19 лет и 22 года⁷. Бремя платы за обучение в школах европейского типа в течение этих долгих лет могли вынести только весьма обеспеченные люди.

Характерно, что распространение образования в деревне было встречено населением с большой холодностью, сохранившейся вплоть до революции 1945 г. Голландские колонизаторы наперебой сетовали на «косность» и «лень» деревенских жителей. Англо-американская группа исследователей категорически отвергла эти нарекания [7, 85—

⁵ В книге уже упоминавшейся англо-американской миссии можно встретить забавные lamentации на то, что «империя с шестидесятимиллионным населением» с трудом добилась права изучать голландский — «один из наименее распространенных европейских языков». «Невольно роняешь слезы, — пишут участники обследования, — видя борьбу островитян Ост-Индии за изучение западного языка — и все это только для того, чтобы обнаружить, что это язык малой нации, обитающей в маленьком уголке Европы» [7, 79]. В этих словах отчетливо сквозят великодержавно-шовинистические настроения «гостей Департамента просвещения» Нидерландской Индии.

⁶ Хотя ежегодная плата за обучение для голландца в средней школе составляла 120, а для индонезийца — «только» 10 гульденов, разница в жизненном уровне была настолько велика, что голландская семья без особого труда оплачивала содержание в школе даже нескольких детей, тогда как индонезийская, как правило, едва была в состоянии покрыть расходы на обучение хотя бы одного ребенка.

⁷ Так, например, Сукарно, выходящий из семьи малоимущего прии Радена Сукеми, школьного учителя, лишь при поддержке влиятельного дальнего родственника Х.О.С. Чокроаминото удалось после деса-схоол перейти в ХИС, затем окончить пятилетнюю ХБС и Бандунгский политехнический институт, в итоге затратив на образование 19 лет.

86], но не сумела дать удовлетворительное объяснение самому явлению.

По-видимому, объяснялось это, во-первых, склонностью родителей к «старым, испытанным» формам традиционного образования — песантренам и мадраса; во-вторых, тем, что деревенская школа не открывала перед окончившим почти никаких новых возможностей; в-третьих, обучение части крестьянских детей в продленной школе сельскохозяйственным новшествам (например, использованию удобрений и т. п.) не приносило реальной пользы, так как крестьянин не мог при его мизерном доходе применить эти новшества в своем хозяйстве. Еще большее недоверие питала деревня к схакедсхоол, не без основания считая, что она только вскружит деревенскому подростку голову, не дав ему реальной возможности поступить на желанную, но недостижимую государственную службу. Не удивительно поэтому, что практика школ «туземной» сферы просвещения обнаружила невероятно высокую текучесть учащихся. «Только 33% учеников, поступивших в трехгодичную деревенскую школу, оканчивали ее. Для пятилетней стандартной школы эта доля составляла 37%, а для семилетней голландско-индонезийской школы (ХИС) — 40,9% [36, 218]⁸. Столь высокий процент отсева объяснялся, помимо всего прочего, и тем, что школьный год в деревне совершенно не был приспособлен к сельскохозяйственному циклу. Посевная и уборочная страда неминуемо отвлекала детей от школы. Наиболее поразительным, однако, является не само это явление, а то, что «пекущиеся о развитии массового туземного образования» голландцы «не заметили» его и не сделали ни одной попытки привести школьный год в соответствие с циклом местного земледелия.

Здание деревенской школы обычно строилось общиной, которая также поставляла мебель и простейшие школьные пособия. В примитивном здании утром занимались школьники двух первых классов, а в полдень — ученики старшего, третьего, класса.

Учителей в деса-схоол было, как правило, двое. Они были индонезийцами. Их назначал департамент просвещения после сдачи соответствующих экзаменов или окончания учительского техникума. Жалованье им выплачивалось правительством. Выступая по отношению к учителям в качестве нанимателя и предлагая всем школам стандартные программы, правительство, не обременяя себя большими затратами на «туземные» школы, вместе с тем сохраняло над ними эффективный контроль.

«Стандартные школы» содержались на муниципальные средства и частично за счет отчислений от деревенских общин.

Преподавание во всех этих школах велось на местных языках (яванском, сунданском, даякском, минангкабау и т. п.). Характерно, что голландцы не сделали никаких попыток унифицировать средство обучения путем повсеместного введения понятного для всех малайского (ныне индонезийского) языка, опасаясь, по-видимому, сплочения своих подданных на любой основе. Голландские (или евразийские) учителя в индонезийском секторе просвещения использовались обычно на уровне МЮЛО, АМС и специальных неполных средних школ, реже — в старших классах схакедсхоол. В 1932 г. под ударами мирового экономического кризиса произошел бурный процесс индонезиации учительского состава в школах этого типа, сопровождавшийся увольнением дорогостоящих европейских педагогов.

Пороки голландской колониальной системы просвещения сказывались и в «туземном» образовании. «Наша критика,— писала англо-аме-

---

⁸ Между тем было установлено, что только после четырех (!) лет обучения учащийся мог считаться грамотным.

риканская исследовательская группа, в целом восторговавшаяся „успехами“ голландских колонизаторов в области просвещения,— нацелена против системы — пусть даже компетентной,— направленной на отрыв народа от его собственных традиций и образа жизни» [7, 72].

Государственную систему просвещения колониальной Индонезии характеризовало отделение ее от церкви, нейтральность в вопросах религии. Никогда не чувствовавшая себя в Индонезии особенно прочно, слабая империалистическая Голландия, памятуя мощный размах народных войн, ведшихся под знаменами ислама (например, яванской и ачехской войн), избегала использовать школы для насаждения христианства. Однако это не было выражением равнодушия к вопросам религии. Функции распространения христианства и развития просвещения просто были разделены. Первой из них не без успеха занимались католические и протестантские миссии, пользовавшиеся финансовой поддержкой правительства.

Наконец, школьное образование в Индонезии, несмотря на горячие рекомендации «этиков», в более слабой степени, чем системы просвещения других колониальных держав, охватывало девочек. Их удельный вес в начальных и средних школах не превышал $\frac{1}{7}$ и все более сокращался по мере подъема к вершине образовательной пирамиды.

Высшее образование. Если в первой четверти XX в. индонезийцы — выпускники средних школ и вузов без особого труда находили себе достойное их образования место в западном секторе плюралистического колониального общества, то в конце 20-х и в 30-х годах становится все более ощутимым «перепроизводство» интеллигенции с точки зрения колониального режима. «Подобно французам в Индокитае, голландцы не были горячими сторонниками того, чтобы давать туземцам образование, кроме начального,— отмечал Д. Холл.— Опасаясь, что просвещение может способствовать народному недовольству, они медлили с введением среднего и высшего образования» [4, 497—498]. Члены англо-американской исследовательской миссии также констатировали «мудрую медлительность» правительства в этом отношении, объясняя ее помимо приведенного выше довода еще и дороговизной школ европейского типа [7, 78]. Однако они указывали и на то, что давление снизу, вызванное массовой тягой к среднему западному образованию, было столь велико, что правительству приходилось шаг за шагом сдавать позиции.

Еще более медленно развивалась система высшего образования, где осуществлялось слияние воедино обоих секторов колониальной системы просвещения. Только в 1920 г. (намного позже, чем в других колониальных странах) в Индонезии был создан первый вуз — политехнический институт. В 1924 г. получил статус вуза юридический колледж в Батавии, основанный в 1908 г. В 1927 г. также на базе среднего медицинского учебного заведения (СТОВИА) был основан медицинский институт с семилетним курсом обучения. В 1938 г. правительство учредило Академию административного управления — вуз, предназначенный только для представителей самых высших слоев индонезийского общества. Наконец, в 1941 г. в результате долгих настояний индонезийской и прогрессивной голландской общественности в Батавии было объявлено об открытии филологического колледжа, который после присоединения к нему юридического и медицинского факультетов должен был стать университетом Нидерландской Индии. Однако японское вторжение помешало осуществлению этих замыслов. В том же, 1941 г. сельскохозяйственный техникум в Богоре был преобразован в институт.

Уже на рубеже XX столетия индонезийские аристократы начали посылать своих сыновей на учебу в средние и высшие учебные заведения Голландии. Получив в метрополии образование (преимущественно юри-

дическое и медицинское), дети прияи занимали видное место в жизни колониального общества, и их пример неудержимо увлекал другие, менее зажиточные слои, готовые идти на самые большие лишения ради того, чтобы пробыть хотя бы одному из сыновей «путь наверх». Если до начала первой мировой войны образование за границей получали в основном дети прияи «старого типа» — представители высшей феодально-бюрократической прослойки, то после 1919 г. это, как правило, не только выходцы из средних и низших слоев прияи (Сартоно, Сутомо), но и нередко представители нарождающейся буржуазии (Сукиман, Хатта) или разночинной интеллигенции (братья Мангункусумо).

Новые слои образованной элиты и национально-освободительное движение. Индонезийская средняя школа и голландские вузы в начале 20-х годов (за исключением некоторых, закрытых для разночинцев и низших прияи специальных учебных заведений), в сущности, начинают формировать новую, в отличие от старой элиты крови, менее изолированную социальными перегородками от масс элиту, чей авторитет и чье влияние определялись дипломами и профессиональной квалификацией.

Постепенно главным условием для получения образования становится не высокое происхождение, а состояние кошелька родителей.

Но особенно знаменательным было воздействие буржуазно-демократических свобод на выходцев из колоний, где царили бесправие и произвол. В Голландии они впервые осознавали себя как человеческие личности. Знакомство с политической жизнью страны, возможность более глубокого изучения истории французской революции и борьбы Нидерландов против испанского владычества способствовали зарождению вольнолюбивых идей в умах молодых представителей колониальной Индонезии.

Идеи научного социализма, имевшие последователей даже среди индонезийских студентов старой формации (например, таких в дальнейшем умеренно-либеральных деятелей, как Раджиман Вебьодининграт [19, 54]), после первой мировой войны оказали особенно большое влияние на студентов-разночинцев, бывших свидетелями создания первых национальных организаций в Индонезии и огромного размаха широкого демократического движения, возглавленного Сарекат Исламом⁹. Не удивительно поэтому, что основанное в 1908 г. землячество индонезийских студентов в Голландии (Индисе Ференигинг) под воздействием революционного подъема в Европе и экономического кризиса капитализма 1921—1922 гг. все более отчетливо преобразовывалось в политический союз (Перхимпунан Индонесиа — ПИ), открыто выдвинувший в 1922 г. лозунг несотрудничества с колониальными властями и требование полной независимости Индонезии. Для этого союза были характерны отчетливо выраженные «националистические обертоны» [19, 223] и тяготение к марксизму, ибо капитализм рассматривался его членами как система, абсолютно неприемлемая в будущей свободной Индонезии.

Необходимо отметить, что в последние 15 лет голландского владычества наблюдались постепенное сближение «старого» и «нового» слоев образованной элиты и в значительной степени их нивелировка. Этому в немалой степени способствовало изменение взглядов на индонезийскую культуру. Ее источником признается отныне не крaтoн — дворец крупного феодала, а деревня — деса. Способствует этому и появление новых, революционно-националистических политических организаций, выступивших вслед за Сарекат Исламом и КПИ с идеями объединения всего национального движения Индонезии — теперь на националистической основе.

⁹ Подробнее об этом см.: [2, 135—326].

Вместе с тем бурный приток «новых приями», получивших образование после первой мировой войны, быстро насытил потребности государственного аппарата и частнокапиталистических предприятий. В то же время государственные и частные школы, школы миссий, учебные заведения национальных союзов продолжали выпускать все новые и новые группы образованных юношей, претендовавших на заполнение вакансий, которых более не было.

Так, в 1928—1932 гг. в стране имелось 23 тыс. индонезийцев, получивших низшее образование, и около 600 — среднее, в то время как вакансии на низшие должности составляли 4872—6054 человека, а на средние и высшие — 190—270 человек [15, 49]. Начался период нараставшей «инфляции дипломов», «перепроизводства интеллектуальной элиты» и «рождения интеллектуального пролетариата». Этот процесс порождал озлобление и разочарование, что, в свою очередь, вело к объединению и борьбе против колониализма, препятствующего модернизации и развитию страны. Р. ван Нил приводит в своей монографии знаменательные статистические данные, неопровержимо доказывающие, что из 1000 человек, сосланных за участие (или содействие) в антиколониальном восстании 1926—1927 гг., 75% были грамотными (при уровне грамотности в стране, не превышающем 5%), а около 50% учились в начальных школах, не дававших выпускникам возможности получения мест на государственной службе и ставивших их в положение «интеллектуального пролетариата», страдающего от безработицы [19, 234—235].

Попытки голландских властей в конце 30-х годов сократить «производство элиты дипломов» путем урезывания расходов на образование (в 1929 г. на образование тратилось 9,2% бюджетных средств, в 1937 г. — 6%, а в 1938 г. — лишь 5%, т. е. затраты снизились до уровня 1911 г. [36, 215—216]) были безрезультатными: число выпускников увеличивалось за счет частных школ и школ националистических союзов.

Но, несмотря на «перепроизводство интеллектуальной элиты», к началу 40-х годов Индонезия страдала от почти поголовной неграмотности населения. Амри Ванденбос писал в 1942 г.: «Несмотря на все усилия в области просвещения с 1900 г., сегодня фактически неграмотных больше в абсолютных числах, чем их было в 1900 г. Население школьного возраста увеличивается более быстрыми темпами, чем население, посещающее школу» [36, 215—216].

Таким образом, потерпела крах официальная система образования, насаждаемая голландцами на протяжении полувека.

Общее состояние просвещения в Индонезии накануне начала второй мировой войны характеризуется данными табл. 1. В ней приведены сведения и о частной системе образования, к рассмотрению которой мы переходим.

Частная система образования

Второй обширной сферой просвещения в Индонезии была частная система образования: школы, основанные отдельными лицами голландского, арабского, китайского происхождения; школы индонезийских, мусульманских и либерально-националистических союзов и организаций.

Частные школы появились в колониальной Индонезии раньше, чем государственные, и существовали параллельно с ними на протяжении всего времени голландского хозяйничанья. К началу 40-х годов в «приватных» школах обучалось до 20% всех учащихся [32, 209].

Школы христианских миссий. Около $\frac{2}{3}$ частных школ составляли учебные заведения христианских миссий (до 2200 из 3500 частных школ

**Государственная и частная системы просвещения, а также система школ Таман Сисвы
(1938/39 учебный год)***

	Начальное образование		Неполные средние школы (МЮГО)		Полное среднее образование		Высшее образование		Итого	
	Число школ	Число учащихся	Число школ	Число учащихся	Число школ	Число учащихся	Число вузов	Число студентов	Число школ	Число учащихся
Государственное образование	429	85 526	32	7 523	9	3 960	4	1101	474	98 110
Государственное и муниципальное образование «туземного типа»**	17 229	1 865 941	1	37	6	939	—	—	17 236	1 866 917
Частные школы, получавшие субсидии	3 091	313 170	26	5 409	9	2 340	—	—	3 126	320 919
В том числе:										
нейтральные в вопросах религии	202	30 382	3	664	3	695	—	—	208	31 741
католические	748	86 647	11	1 841	4	792	—	—	763	89 280
протестантские	1 991	178 286	12	2 904	2	853	—	—	2 005	182 043
мусульманские	150	17 855	—	—	—	—	—	—	150	17 855
Всего государственных и частных школ и учащихся	20 749	2 264 637	59	12 969	24	7 239	4	1101	20 836***	2 285 946****
Таман Сисва *****	190	—	26	—	1	—	—	—	217 (207)	17 000 (20 000)

* Составлено по: [10, 94—95, 100—103, 116—117, 119—122].

** Включая схакедхолен (промежуточные школы).

*** Исключая специальные школы (профессионально-технические школы, учительские и другие техникумы и т. п.).

**** В Нидерландской Индии, по статистическим данным на 1939 г., насчитывалось 60 727 233 человека.

***** Данные о Таман Сисве приведены по состоянию на 1933 г.

В скобках указаны данные на конец 1941 г. При каждом отделении ТС существовал по крайней мере один детский сад.

в 1931 г.). Это же соотношение сохранялось и применительно к числу учащихся: 140,5 тыс. из 216,5 тыс. в частных школах [7, 67—68]. В XVII и XVIII вв. школы миссий (с обязательным преподаванием в них закона божьего) отождествлялись с государственными и пользовались государственной поддержкой. Районами распространения миссионерских школ были внеяванские территории — первоначально Молукки, Минахаса и Тимор, в XIX и XX вв. также Тапанули, Центральный Сулавеси, Центральный Калимантан и Западный Ириан. В 1865 г. была ликвидирована специальная государственная администрация для христианских школ. В 1874 г. преподавание религии было исключено из школьных программ. Таким образом, с этого времени школы миссий стали частными учебными заведениями.

Последующие годы (по крайней мере до 1890 г.), когда в Нидерландах к власти пришел блок католической и протестантской партий, историки квалифицируют как время «отчужденности» и даже «враждебности» государства к школам миссий [20, 118; 35, 208]. Затем (особенно после 1909 г.) развитию частных христианских школ был дан полный простор, о чем свидетельствует объем государственных субсидий этим школам: с 1910 по 1912 г. они выросли на 300% [19, 98].

Христианские школы делились на две основные категории. К первой относились «школы миссий» (зендингсхоол), соответствовавшие деревенским начальным школам и городским школам II класса, где преподавание велось на местных языках. Они, как и соответствующие государственные школы, ставили главной целью ликвидацию неграмотности и обучение простейшим профессиональным навыкам. Вторую категорию представляли собственно «христианские школы», соответствовавшие государственным школам западного типа (ЕЛС, ХИС, АМС, ХБС и МЮЛО). В первых классах таких школ образование велось на местных языках, в последующих вводился в качестве предмета голландский язык; наконец, в последних классах голландский становился средством обучения. Различные типы церковных школ отличались от государственных лишь дополнительными дисциплинами, каковыми были «история царства божьего» и история миссий, естественно выдвигавшиеся на первый план. В остальном их учебные планы с 1934 г. были полной копией программ государственных школ. В базовых школах преподавались чтение, счет, письмо и давались начатки профессионального обучения (полеводство, скотоводство, для девочек — рукоделие и поварское искусство), в начальной школе — история, география, зоология, ботаника, физика, арифметика, гигиена, физкультура, первая медицинская помощь и опять-таки ремесло. В неполных средних и средних школах преподавались те же предметы, но на более высоком уровне.

Необходимо отметить, что двери миссионерских школ были широко открыты для представителей всех социальных слоев, включая самые низшие¹⁰. Кроме того, в этих школах процент девочек был вдвое выше, чем в государственных школах соответствующего типа. И в этом нет ничего удивительного, так как такая политика позволяла «ловцам человеческих душ» легче обращать в христианство население района, где функционировала миссия. Автор интересной статьи о христианской системе просвещения Т. Паэмбонан приводит две любопытные цифры: в районе Посо (Центральный Сулавеси) было обращено в христианство 813 взрослых и 1134 ребенка; на о-вах Ментавэй (у западного побережья Суматры) среди 984 крещеных было 620 детей-школьников [20, 126].

¹⁰ Например, в 1907 г. 4000 учеников христианских школ на Яве из 4005 и 37 421 из 37 793 во Внешних владениях принадлежали к низшим слоям общества [20, 119].

подавляющее большинство христианских школ получало субсидии от колониального правительства. В 1931 г. из 50 млн. гульденов общих бюджетных ассигнований на нужды просвещения частным школам было выделено 11,4 млн. [7, 69]; свыше половины этой суммы получили христианские школы. Государственная поддержка и крупные ассигнования церкви позволяли миссиям в отличие от государства (которое только в 1931 г. получило свыше 6 млн. гульденов в виде платы за обучение) не взимать плату за обучение.

С конца XVIII в. деятельность школ при миссиях определялась миссионерским центром соответствующей ветви (или секты) христианской религии в Англии, Германии и Голландии. В первой трети XX в. был создан центральный координационный орган в самой колонии — Совет христианских школ Нидерландской Индии, работавший в тесном контакте с Департаментом просвещения колониального правительства.

Христианские школы в 30—40-х годах XX в., в сущности, мало отличались от государственных школ и ставили перед собой в основном те же учебные и идеологические задачи. Что касается их отношения к развивавшемуся индонезийскому национализму, то об этом достаточно красноречиво пишет в своей статье христианин Паэмбонан: «Мы предполагаем, что чувство национализма, живущее в индонезийской христианской общине, подвергалось преимущественно влиянию факторов *извне христианских школ* (курс. наш.— В. Ц.), например через посредство молодежных союзов — как христианских, так и нехристианских» [20, 130].

Кроме государственных и миссионерских школ в колониальной Индонезии существовало также несколько китайских, индийских и арабских школ, содержавшихся соответствующими общинами и придерживавшихся образовательных стандартов своих стран.

Все без исключения национальные союзы Индонезии — как религиозные, так и светские, — понимая важность образования, как правило, имели в своих программах параграф, требующий от правительства расширения системы просвещения и большей ее доступности для народа¹¹. Большинство из них, не довольствуясь этим, создавало и свою школьную сеть.

Исламские союзы Индонезии и мусульманские школы. Весьма значительной была сеть мусульманских школ, созданная исламскими союзами Индонезии, встревоженными быстрым ростом сети миссионерских христианских школ. Националистические настроения проявлялись в разной степени в школах этих мусульманских организаций. Большинство из них было против «власти кафиров» («неверных», т. е. немусульман), хотя официально заявляли о своей нейтральности в политических вопросах.

В наименьшей степени эти антиголландские настроения прослеживались в школах консервативной ортодоксально-мусульманской партии Нахдатул Улама (НУ), созданной в январе 1926 г. Руководство НУ состояло из сельских мусульманских наставников. Яростно выступая против модернизистского ислама, исповедовавшегося Сарекат Исламом и близкими к нему союзами, НУ вносила раскол в исламское националистическое движение и более вредила, чем способствовала ему. Эта ор-

---

¹¹ Так, II национальный конгресс Сарекат Ислама (октябрь 1917 г.) потребовал от колониального правительства увеличить ассигнования на просвещение, ввести обязательное начальное образование, создать в Индонезии университет и т. п. Политическая сущность этих настояний становится очевидной, если учесть требование конгресса предоставить активное и пассивное избирательное право всем взрослым индонезийцам, умеющим читать и писать на одном из языков Индонезии [подробнее об этом см.: 2, 310, 321—322].

ганизация была особенно влиятельна на Восточной Яве. В Минангкабау духовно близкой ей организацией был Союз исламских религиозных наставников (ПГАИ).

Наиболее мощная, разветвленная и влиятельная сеть мусульманских школ была создана основанной в Джокьякарте в 1912 г. сторонником реформации и обновления ислама (на египетский лад) Къяи Хаджи Ахмад Дахланом новой модернистской организацией — Мухаммадья. Эта организация провозгласила своей целью дальнейшее распространение мусульманской религии, создание исламских (но дающих и хорошую общеобразовательную подготовку) школ, издание литературы по мусульманскому вероучению, основание поликлиник, домов призрения и т. п.¹².

В сущности, это была разновидность исламского миссионерства, стремившаяся воздвигнуть над современным западным образованием надстройку идеологии модернизированного ислама.

К 1920 г. Мухаммадья распространила свои отделения и свои школы по всей Яве, а к 1930 г.— и по всем крупным островам архипелага. Единственная из всех организаций, она имела отделения в Аче. В Минангкабау близкая к ней модернистская организация, созданная Хамкой и названная Суматра Тавалиб, насчитывала в своих школах не менее 17 тыс. учащихся.

В 1935 г. Мухаммадья, став крупнейшим национальным союзом Индонезии, насчитывавшим 43 тыс. членов (в 1931 г.—24,5 тыс.) и 710 отделений, имела несколько сот школ с десятками тысяч учеников [17, 196].

Особые школы под названием Айшия были созданы для девочек.

Явный крен в сторону просветительства в деятельности Мухаммадья был обусловлен «верой в образованность населения как базу политического развития» [17, 196]. Подобная позиция, естественно, вела к официально провозглашенному «нейтрализму в политике».

Тем не менее Мухаммадья по всем основным вопросам поддерживала Сарекат Ислам, превратив, по существу, свою школьную систему (наряду с его собственными школами) в кузницу кадров для этой организации. Как и лидеры Сарекат Ислама, руководство Мухаммадья вело борьбу с левыми элементами в своей организации (особенно в 1923—1925 гг.). Для ее идеологии наряду с естественным антихристианством был характерен и антикоммунизм [см. 17, 196]. Тем не менее многие учащиеся школ Мухаммадья, несмотря на противодействие ее руководства, приняли участие в руководимом коммунистами восстании 1927 г. на Суматре.

Колониальные власти, заинтересованные «в направлении энергии мусульман в неполитическое русло» [16, 132], в принципе благосклонно относились к просветительской деятельности Мухаммадья. Последняя, в свою очередь, с 1915 г. согласилась на получение государственных субсидий¹³ и, следовательно, на государственный контроль за деятельностью своих школ и на введение в них унифицированных государственных программ.

Откровенно буржуазный характер Мухаммадья (даже «в большей степени, чем Сарекат Ислама» [19, 167]) и ее соглашательская линия в отношении колониальных властей вызывали антипатию радикально-националистических союзов страны [см. 25, 109].

¹² Полностью программу и устав Мухаммадья см. в приложениях к книге Солихин Салама [34, 109—122].

¹³ Статистика, приведенная в работе Рут Маквэй, свидетельствует, что в 1929 г., например, более чем половину бюджета Мухаммадья составила щедрая субсидия колониальных властей в размере 83 252 гульденов [16, 132].

Против секулярной государственной системы просвещения и бурной активности христианских миссий выступало и миссионерское исламское течение Ахмадья, ведущее свое происхождение из Индии.

Одна из сект Ахмадьи оформилась в 1925 г. на Суматре. Вторая в следующем году обосновалась на Яве. Обе вскоре развернули интенсивную деятельность в религиозной и просветительской сферах. Их заявления о нейтральности в политике не могли успокоить колониальные власти, ибо в идеологические постулаты Ахмадьи входили всемерно обосновываемое утверждение о религиозном превосходстве ислама над христианством и мысль о неправомерности и нетерпимости положения, при котором исламской страной правят «неверные» [17, 203]. При этом, если суматранская секта в значительной степени углубилась в вопросы религиозного вероучения и вступила в конфликт с модернистами, то лажорская ветвь Ахмадьи, действовавшая на Яве, не ограничиваясь религиозными дискуссиями, вступила в контакт с национально-освободительным движением, прежде всего с Сарекат Исламом и его молодежным филиалом — Союзом молодых исламистов, активно вовлекала в свои ряды молодежь и действительно создавала школы, где западное образование своеобразно сочеталось с воинствующим исламом. Не удивительно, что этой секте не раз приходилось подвергаться тяжелым репрессиям.

Светская частная система просвещения

Светские женские школы. Одну из первых светских национальных школ создала в 1903 г. с помощью своих сестер в г. Джапаре знаменитая Картини. В 1904 г. там обучались 22 ученицы. Помимо чтения, письма и начал арифметики девочек, дочерей яванских прияти (в том числе и самых бедных), обучали рукоделию и кулинарии [2, 111]. Переехав в другой городок — Рембанг, Картини организовала там небольшую школу для девочек.

В школах, созданных Картини, девочкам прививалась любовь к древней яванской культуре и фольклору, изучались и поощрялись ремесла. В ученицах воспитывались чувства патриотизма и национального достоинства [подробнее см.: 2, 103—134, а также 1]. После смерти просветительницы в 1913 г. ван Девентером был создан фонд Картини, и ряд школ, носивших ее имя, возник в крупных городах (например, в Семаранге, Батавии).

Деятельность Картини, представлявшую собой синтез борьбы за женскую эмансипацию, за развитие индонезийского просвещения и за национальное пробуждение, продолжила другая индонезийка — Деви Сартика, дочь репрессированного голландскими властями патиха (вице-регента) Бандунга и в дальнейшем (с 1906 г.) супруга прияти Радена Сурьявината, который сам был учителем в одной из бандунгских школ. 16 января 1904 г. ей удалось открыть в Бандунге школу для девочек¹⁴, названную Секолах Истри (Женская школа). Помимо общеобразовательных дисциплин в Секолах Истри преподавались также предметы, знание которых, как предполагалось, обеспечит женщине заработок: батикование, умение кроить, шить, вышивать, готовить пищу, стирать и гладить. В школе первоначально было 60 учениц, «преимущественно из простолюдинок» [35, 822—823]. Эта школа просуществовала до самой японской оккупации.

---

¹⁴ В официальной биографии Деви Сартика, изданной министерством информации Индонезии в 1967 г., эта школа ошибочно называется «первой школой для девочек в Индонезии» [9, 8]. Картини основала свою школу раньше.

Дух пробуждающегося национального самосознания и патриотизма в Секолах Истри ощущался слабее, чем в школах Картини. Показательным в этом смысле является то, что голландские власти к десятилетнему юбилею школы даже наградили Деви Сартiku медалью, а к 35-летнему — второй¹⁵. Выпускницы этой школы, возвращаясь домой, также открывали подобные учебные заведения и преподавали в них [9, 9]. Так, к 1912 г. в Приангане насчитывалось восемь таких школ [35, 825].

Школы, созданные Картини и Сартикой, были основаны как базовые трехлетние учебные заведения, и лишь немногие из них выросли потом до уровня полной начальной (шестилетней) школы.

Вне Явы несколько женских школ было открыто на Западной Суматре женским союзом Кеутаман Истри минангкабау (1915 г.). Помимо общеобразовательных этот союз создал и женские профессиональные школы [2, 163].

Школы и курсы союзов революционного национализма. Однако наиболее мощный толчок национальное образование получило с рождением первых националистических союзов. Так, Буди Утомо, бывший в начале своей деятельности социально-просветительской организацией, основал Союз по распространению начального образования среди туземцев (создавший ряд школ в Джокьякартском султанате), открыл интернаты для иногородних учащихся и курсы для взрослых, желающих изучать голландский язык, издавал журнал «Гуру деса» («Сельский учитель»), пропагандировавший педагогическую науку, сельскохозяйственные и медицинские знания [2, 156]. Для финансирования мер по просвещению народа был создан учебный фонд Дармо Воро при финансовой поддержке джокьякартского султана.

Созванный в 1910 г. Конгресс за культурное развитие яванцев, в котором активно участвовал Буди Утомо, обсуждая пути развития яванской культуры, высказался «за разумное сочетание... яванского культурного наследия с западными знаниями, но без „ассоциации“ с Западом и слепого подражания ему» [2, 156]. Это было очень важным шагом вперед, хотя под «яванским культурным наследием» в начале XX в., несомненно, подразумевалось наследие, культивируемое в феодальных дворцах-кратонах.

Новый импульс рождающаяся система национального просвещения Индонезии получила после Великой Октябрьской революции и вызванного ею мирового революционного подъема¹⁶.

Создание этой системы связано с именами двух видных деятелей национально-освободительной борьбы Индонезии, соратников и друзей — внучатого племянника знаменитого Мультатули индоевропейца Э. Ф. Э. Дауэса Деккера (1879—1950) и яванского аристократа Раден Мас Суварди Сурьянинграта (1889—1959). Вместе с яванским революционером-разночинцем Чипто Мангункусумо они создали первую политическую революционно-демократическую партию общендонезийского национализма — «Индийскую партию», вместе были репрессированы голландскими властями. На их взгляды оказали немалое влияние социалистические идеи.

---

¹⁵ После первой мировой войны правительство, используя опыт школ Картини и Сартики, начало открывать для индонезийцев ремесленные школы (обычного типа и интернаты), в том числе женские.

¹⁶ Даже такие реакционные буржуазные авторы, как американец Р. ван Нил, признают, что «русская революция... нашла определенный отклик в индонезийском обществе» [19, 105]. Правда, он ставит в один ряд воздействие Октябрьской революции и известных «14 пунктов» президента Вильсона.

Индийская партия так и осталась «интеллигентской организацией», не сумевшей разбудить и повести за собой народные массы Индонезии. Вероятно, именно это заставило «триумvirат», как называли лидеров партии, обратить самое серьезное внимание на развитие народного образования, искоренение неграмотности и сопутствующего ей невежества. Один из основателей Коммунистической партии Индонезии, Семаун, хорошо знавший «триумvиров», отмечал, что в те годы лидеры национально-освободительного движения Индонезии оценивали работу в сфере народного просвещения, как следующую по степени важности за собственно политической деятельностью и работой в профсоюзах¹⁷.

И действительно, едва колониальное правительство лишило «триумvirат» возможности работать в национально-революционной партии, его члены немедленно переключили свою деятельность на сферу просвещения. Чипто Мангункусумо избрал область политического просвещения, сотрудничая в нескольких национальных газетах. Дауэс Деккер же предпочел область народного образования.

Школа Ксатриа-Институт. В 1922 г. Дауэс Деккер перекупил обанкротившуюся частную школу на окраине Бандунга и приступил к осуществлению своего плана подготовки молодых националистических кадров. Школа скоро разрослась в систему, получившую название Ксатриа-Институт (т. е. «Институт рыцарей») и состоявшую из пяти начальных школ, техникума для подготовки учителей и «средней школы современной торговли», где, однако, кроме экономического факультета имелись также отделения журналистики, литературоведения и отделение по рабочему вопросу [31, 182]¹⁸. Школ типа МЮЛО не создавалось преднамеренно: Дауэс Деккер объяснял, что он готовит людей свободных профессий, а не «правительственных слуг» — чиновников. Уровень преподавания был высоким. Оно велось на голландском языке, но было националистическим по содержанию. Много внимания уделялось прошлому Индонезии, ученикам рассказывалось об антиколониальных восстаниях как о примерах, достойных уважения и подражания. О смелости Деккера говорит тот факт, что в 1934 г. он запретил своим школам отмечать годовщину покорения голландцами о-ва Ломбок, праздновавшуюся всеми государственными и частными школами, зато годом позже предоставил ученикам Ксатриа-Института свободный день в связи с юбилеем Дипонегоро. Это положило начало яростным атакам реакции на Деккера и его школы. Надзор властей над школами Деккера стал еще более пристальным. Реакционные газеты обвиняли его в «сеянии семян ненависти», «оскорблении правительства и королевской семьи», требовали закрыть Ксатриа-Институт. До этого не дошло, но все же в 1936 г. под давлением реакции Деккеру пришлось принять государственную субсидию, что привело к частичной утрате его школами своей независимости [31, 183].

В 1940 г. Д. Деккер оставил сферу просвещения. Угроза японского вторжения уже витала в воздухе. Д. Деккер искренне верил, что японцы «придут, чтобы освободить Индонезию от белых». Как обычно, своих убеждений он не скрывал. В результате в 1941 г. он был арестован голландцами и сослан в Суринам. Так печально завершилась одна из попыток создать национальную (и националистическую) систему просвещения.

¹⁷ Из беседы автора с Семауном в ноябре 1968 г. Характерно, что Семаун, Тан Малака и ряд других руководителей ранней КПИ сами в прошлом были школьными учителями.

¹⁸ Дауэс Деккер был известен и как писатель, опытный журналист. Занимался он и бизнесом, но с меньшим успехом.

Суварди и индонезийские национальные школы Таман Сисвы. Успех пришел наконец с рождением сети индонезийских национальных школ Таман Сисвы («Сад наук»), созданной Суварди Сурьянингра-том¹⁹, сыном князя Паку Алама.

В 1903 г. Суварди поступил в СТОВИА, но в 1909 г. из-за матери-альных трудностей был вынужден оставить ее и зарабатывать себе на жизнь журналистикой [2, 222]. Подобно старшему брату, он сочетал ра-боту с политической деятельностью. С 1912 г. он руководил бандунг-ским отделением Сарекат Ислама и не порвал связей с этим союзом даже после того, как «триумвират» создал Индийскую партию, а затем Комитет Бумипутра²⁰.

В сентябре 1913 г. весь «триумвират» был выслан колониальными властями в Голландию. Поводом послужили два выступления Суварди в печати — язвительный памфлет «Если бы я был голландцем» и статья, где он призывал собратьев-яванцев «освободиться от рабства». Уже в начале своей деятельности Суварди был по убеждениям демократом, революционным националистом, непримиримым борцом против коло-ниальной системы. Ссылка в Голландию завершила формирование его как политического деятеля. Суварди основал в Гааге «Индонезийское пресс-бюро», служившее посредником в обмене материалами между прогрессивной прессой Голландии и националистическими газетами Ин-донезии. А. Б. Беленький характеризует это Бюро как истинный «про-пагандистский центр» [2, 292—293].

Лишь в сентябре 1918 г. Суварди получил возможность возвратиться на родину. Поначалу он пытался возобновить политическую и журна-листскую деятельность, но тщетно, трижды он подвергался арестам и кратковременному тюремному заключению за «оскорбление властей» [28, 9]. Полиция не спускала с него глаз. Было очевидно, что возмож-ности работы Суварди в политической области исчерпаны. Поэтому в 1921 г. он поступает учителем в одну из основанных братом школ Ади Дармо. Хорошая профессиональная подготовка (во время пребывания в ссылке в Голландии он получил квалификацию и диплом педагога) де-лает его очень полезным руководителем школы. Он изучает книги по педагогике, детской психологии. Особенно большое влияние оказывают на него педагогические системы Фребеля, Марии Монтессори и нацио-нальная система просвещения, основанная Р. Тагором в Индии. В самой Индонезии, как подчеркивает Рут Маквэй, на формирование взглядов Суварди некоторое воздействие оказал яванский мистический кружок Пагуюбан Селаса-Клифон, руководимый князем Сурьяматарамом и мно-

---

¹⁹ Его старшим братом был знаменитый Сурьопраното, одно время лидер Буди Утомо и Сарекат Ислама, создавший к началу 20-х годов мощный профсоюз рабочих сахарных заводов (Персонел фабрик бонд) и получивший прозвище «короля стачек». Для молодых аристократов из рода Паку Алам вообще была характерна тяга к про-свещению. Сурьопраното не представлял исключения. Получив хорошее образование и дополнив его продуманным самообразованием (он был знаком, например, с работа-ми К. Маркса), он сочетал руководящую работу в Буди Утомо с просветительской деятельностью. Так, в 1915 г. он создал в Джокьякарте насчитывавший тысячи чле-нов союз Ади Дармо (подробнее о целях Ади Дармо см. статью Сурьопраното «Борь-ба простого народа за защиту своего жизненного уровня» [12, 148—154]), одной из главных задач которого было распространение современного образования среди индо-незийского народа, не допуская при этом его отрыва от национальной культуры. Это была первая национальная школа на уровне ХИС. Сурьопраното был сторонником не-сотрудничества с правительством [см. 35, 685] и воспитывал учеников в духе, близком к идеям Ксатриа-Института Д. Деккера. По свидетельству Тамар Джайя, многие яванцы, окончившие школы Ади Дармо, стали видными журналистами и лидерами национального движения [35, 684]. Однако финансовые трудности, многообразие инте-ресов и сфер деятельности Сурьопраното обусловили недолговечность Ади Дармо.

²⁰ О нем см. [2, 230—233].

го внимания уделявший вопросам национальной культуры [см. 16, 130, а также 28, 13—14]. Все более властным становится желание развить, усовершенствовать школы Ади Дармо в соответствии с вновь обретенными убеждениями.

Однако Суварди избрал иное решение. 3 июля 1922 г. Суварди Сурьянинграт закладывает основу принципиально новой системы просвещения в Индонезии — он создает первую из школ Таман Сисвы (ТС). В сущности, этим он начал борьбу за культурную независимость своего народа, ведя ее параллельно с борьбой национальных союзов за политическую независимость [см. 38, 303—305]. Характерно, что из шести лидеров Таман Сисвы четверо, в том числе председатель и вице-председатель, принадлежали к кружку Пагуюбан Селаса-Кливон, который с организацией ТС прекратил свою деятельность, подчеркивая этим, что поставленная им перед собой цель отныне достигнута. Сам Суварди был в правлении ТС генеральным секретарем [28, 13—15].

Руководители Таман Сисвы рассматривали (совершенно справедливо, с нашей точки зрения) создаваемую ими систему национального образования как альтернативу и антагониста государственной и частной сфер просвещения. Открыто высказывалась мысль, что «просвещение, отдающее колониальным духом, должно быть искоренено в Таман Сисве» [28, 36]. Новые школы, способные одновременно с пропагандой национализма обеспечить высокие стандарты образования, поначалу вызвали скептическое отношение со стороны части индонезийского общества (в частности, прияти, учителей государственных школ и т. п.).

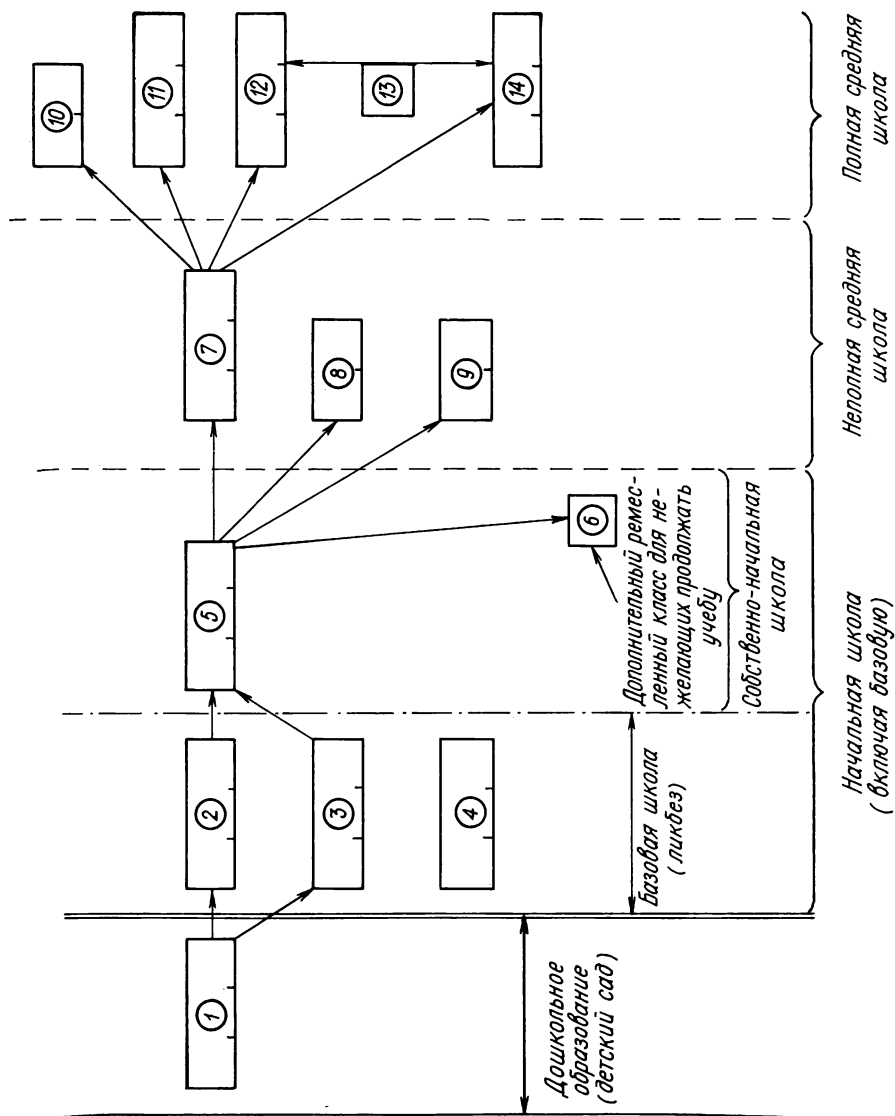
Что касается некоторых государственных чиновников, они даже объявили ТС «коммунистической школой» [28, 13]. Поэтому школы и детские сады ТС, следуя призыву Суварди, первые восемь лет вели «молчаливую работу» по налаживанию, совершенствованию принципиальных и организационных установок, национальной системы просвещения, подготовке квалифицированных учительских кадров. Жизнеспособность и достаточно высокий образовательный стандарт ТС были продемонстрированы в июне 1928 г., когда из девяти выпускников МЮЛО Таман Сисвы пятеро выдержали экзамены в государственную полную среднюю школу (АМС); примерно такой же процент поступивших в АМС представила государственная система просвещения [28, 21—22]. Но уже задолго до этого предубеждение было преодолено, и школы Таман Сисвы начали появляться в каждом уездном городке Явы, а к началу 30-х годов национальная система просвещения начала свое победное шествие по другим островам архипелага. Организационная структура ТС показана на схеме 2.

Первыми учителями Таман Сисвы были националистически настроенные выпускники АМС, ХБС, НИАС, СТОВИА и т. п., прошедшие дополнительные годичные учительские курсы ТС. Были среди них и выпускники государственных учительских техникумов, технических и сельскохозяйственных школ. Некоторые из них окончили зарубежные учебные заведения, например школу Р. Тагора в Болпуре (Индия). В дальнейшем, однако, подавляющее большинство учителей поставляла Таман Сисве ее собственная разветвленная система подготовки учительских кадров.

«Поскольку ТС не следовала в своем преподавании какому бы то ни было религиозному течению, она оказалась способной к распространению по всему архипелагу», — замечает «Индонезийская энциклопедия» [8, 1313]. Действительно, Суварди Сурьянинграт прямо заявлял, что «Таман Сисва не желала быть связанной исламскими религиозными догмами» [13, 165].

Схема 2. Система национальных школ Таман Сисвы (конец 30-х — начало 40-х годов) *

1. Таман Индрия (детский сад)
2. Таман Анак (с 1923 г.)
3. Таман Керти (начальная ремесленная школа) **
4. Школа для взрослых (ликбез) **
5. Таман Муда (с 1923 г.)
6. Таман Машаракат (дополнительный ремесленный класс для не желающих учебу) **
7. Таман Деваса (с 1924 г.) — МЮЛО
8. Таман Гуру Индрия (училище, выпускшее воспитателей детских садов)
9. Таман Тани (сельскохозяйственное училище) **
10. Таман Гуру (с 1930 г.) **
11. Таман Мадья (социальные науки); в них помимо общеобразовательных дисциплин в качестве предметов преподавались журналистика, коммерция, руководство общественными организациями, руководство народными юридическими консультационными пунктами
12. Таман Мадья (академические дисциплины); в них особое внимание уделялось преподаванию искусства и литературы
13. Дополнительный год обучения **
14. Таман Деваса Райя (учительский техникум для Таман Девасы) **

1 см = 1 году обучения

* Составлена по: [8; 9; 13; 15; 18; 24; 26; 28]

** Такие школы существовали лишь при некоторых отделениях ТС.

Главным принципом просвещения Таман Сисвы стал сформулированный Суварди принцип «амонг». Он предусматривал максимальную свободу и самостоятельность учащегося — духовную и физическую — как залог его самостоятельности в будущем и включал руссоистское требование «следования природе» подростка как условие его быстрого развития. Суварди подчеркивал неправомочность коверканья духовного мира ученика системой «приказание — дисциплина — достижение порядка», т. е. муштрой. Воспитание добровольной тяги к знаниям, формирование личности ученика без нажима со стороны учителя были важными элементами этого принципа. Долг учителя состоял в том, чтобы не только учить подростка, но и одновременно приучать его самостоятельно искать другие источники знаний. Наконец (вероятно, чтобы предотвратить возможные нападки голландцев), подчеркивалось, что составными частями принципа «амонг» являются «спокойствие и мир» в достижении цели.

Первоначальный лозунг Таман Сисвы — «Через образование к превосходству» — был затем изменен на менее вызывающий (с точки зрения властей): «Через образование к совершенству».

В статутах ТС содержалась критика «погоны за интеллектуализмом», приводящей к экономической зависимости от «другой нации» (т. е. учебы в голландских школах с целью получить место на государственной службе) и отдаляющей выпускников от собственного народа²¹. Национализм, который на базе гуманизма, на базе прогрессивной и развиваемой далее национальной культуры один лишь может двинуть нацию вперед, объявлялся основой Таман Сисвы. Вместе с тем подчеркивалась неправомочность обособления от других национальных культур, включая голландскую, защищался принцип взаимопроникновения и взаимообогащения культур.

Подобные задачи, как справедливо отмечалось в этих документах, невыполнимы без полной самостоятельности системы Таман Сисвы во всех, и в первую очередь в финансово-экономических, вопросах. ТС изъявляла готовность принять только такую помощь, которая не ограничивает ее независимость²².

Важным параграфом статуты, говорившим о демократизме системы Таман Сисвы, было положение, гласившее, что распространению системы «вширь», охвату ею все более широких масс должно отдаваться предпочтение перед ее ростом «ввысь». Начальное образование для всех важнее высшего образования для одиночек. В заключение стату-ты призывали к «защите духовного мира ребенка и служению ему» [см. 28, 12—13, 15—18, 28—32; 12, 263—270; 8, 1312—1314; 16, 150—168; 26, 803—804].

Анализируя характер первых национальных учебных заведений —

---

²¹ Под давлением родителей учащихся руководству Таман Сисвы, однако, пришлось скрепя сердце приблизить обучение в средней школе ТС к голландским стандартам и увеличить учебные часы на изучение голландского языка [см., например, 28, 18].

²² В соответствии со своими принципами ТС отказывалась принимать государственные субсидии, несмотря на многократные предложения властей. Ее школы существовали исключительно на плату за обучение (очень скромную по сравнению с государственной) и пожертвования сочувствующих лиц и национальных организаций.

Распределение гонораров между учителями и их ассистентами (чантриками) проводилось не руководством отделения ТС, а общим собранием. Питался весь педагогический персонал из общего котла. Таким образом, как с полным основанием указывал Суварди, системе Таман Сисвы были свойственны взаимоотношения не нанимателя и наемных служащих, а скорее членов кооператива [13, 167]. Состарившимся учителям выплачивалось пособие — пенсия из специального фонда.

от школ Буди Утомо до школ Мухаммады,— Ки Хаджар Деванторо²³ подчеркивал их общие черты: стремление покрыть те огромные потребности в западном образовании, которые обнаружило городское население страны, осознавшее, что «хорошая жизнь достижима только через западное образование» [13, 152], количественное и качественное соответствие их программ учебному плану государственных школ и получение государственных субсидий. Руководители этих школ, указывая Суварди, ощущали, что существующая система просвещения «слишком непрактична, носит слишком теоретический характер и слишком мало приспособлена к жизни народа; однако каждое требование перемен направлялось социальными... или, точнее, материалистическими интересами» [13, 157]. Тем не менее никто не решился создать общую национальную (школьную) программу. Впервые это сделала Таман Сисва, внося в программу количественные и качественные изменения, отвечавшие национальному и более практическому характеру просвещения.

В школах Таман Сисвы преподавались те же предметы, что и в государственных учебных заведениях. «Пока мы не имеем национального университетского обучения, наши средние школы должны служить и делу подготовки в университеты западного типа»,— отмечал Суварди [13, 161].

Однако помимо этого огромное внимание — больше, чем любая другая организация,— Таман Сисва уделяла национальной культуре. Что касается языка — средства обучения, то начальное образование давалось на родном языке (или индонезийском — там, где существовала языковая чересполосица, как, например, в Батави). В Таман Девасе (неполной средней школе, соответствующей МЮЛО) преподавание велось уже на индонезийском, а некоторые естественные науки, требующие развитой научной терминологии,— на голландском. Наконец, языком обучения в Таман Мадья был английский [см. 13, 162; 28, 61—62].

Таман Сисва стремилась исправить недостатки официальной системы образования и в другом плане, рассматривая свои школы не только как место обучения, но и как место воспитания характера учащегося [см., например: 16, 142—143; 13, 158—159]. При этом огромное внимание уделялось личности учителя, который в обязательном порядке жил при школе. Будучи все время рядом с учениками, находившимися в интернатах, он должен был быть для них всегда живым примером.

Взаимоотношения в школах Таман Сисвы в соответствии с древней индо-яванской традицией носили патриархальный характер, свойственный индонезийской деревенской общине. Ученики именовали учителя «пак» (отец). В свою очередь, «отцом» всей системы был Ки Хаджар Деванторо, наделенный диктаторскими полномочиями на случай исключительных обстоятельств, которые могут потребовать немедленных ответственных решений. Однако, как правило, между съездами решения принимал Маджелис Лухур (Центральный исполнительный комитет) при (или без) консультации с совещательным советом и союзом «Женщины Таман Сисвы», представлявшим собой объединение учительниц и жен учителей. Положение женщин в Таман Сисве было абсолютно равноправным, а процент учениц среди учащихся колебался между 20

---

²³ Накануне Первого общенационального съезда ТС в 1930 г. Суварди Сурьянин-гат официально изменил свое имя на Ки Хаджар Деванторо («Тот, кто учит богов»). Этот акт знаменовал окончательный переход Суварди из сферы политики в область образования.

и 25 (значительно больше, чем в государственных школах, но меньше, чем в школах миссий)²⁴.

Рут Маквэй абсолютно правильно подчеркивает, что первые годы своего существования Таман Сисва была довольно аморфным конгломератом школ, которую соединяли лишь узы авторитета и опыта Ки Хаджар Деванторо [6, 143]. Будучи в сущности совершенно автономными, провинциальные отделения ТС порой далеко отступали от принципов ее основателя, а характер их деятельности нередко ставил всю систему под удар властей.

Вот почему в начале августа 1930 г. был созван первый общенациональный съезд ТС, представлявший 52 отделения с 6,5 тыс. учеников. Съезд зафиксировал единые для всех принципы (изложенные выше) и в значительной степени способствовал пропаганде идей Суварди. Наконец, на съезде был избран президиум организации, ее секретариат и совещательный совет. С этих пор организация стала более монолитной. Руководители отделений, искажавшие воспитательные принципы ТС, исключались из организации.

Позиция колониального правительства в отношении Таман Сисвы, вопреки мнению многих западных исследователей (например, англо-американской группы специалистов по просвещению), была не «симпатизирующей» [7, 92] и даже не «колеблющейся» [19, 221], а враждебной, причем эта враждебность была плохо замаскированной. С момента рождения первой школы ТС в Джокьякарте голландский резидент предупреждал местных мусульман, что эта организация является «атеистической» и «антиисламской» [16, 131]. В области Кеду именем резидента государственным чиновникам было запрещено обмениваться рукопожатием с учителями Таман Сисвы, тогда как это не возбранялось, например, по отношению к учителям школ Мухаммады [см. 28, 35].

Уже в 1922 г. был издан правительственный Ордонанс²⁵, определивший отношение властей к частным школам, отказывающимся от государственных субсидий и, следовательно, уклоняющимся от государственного контроля. Такие школы впервые были названы «дикими». Их руководители предупреждались, что в случае, если эти школы станут распространять «подрывные идеи», они будут без колебания закрыты, а их руководство и учителя будут подвергнуты аресту. Вряд ли случаен момент издания Ордонанса: в 1922 г. на национально-революционные рельсы перешел в Голландии индонезийский союз Перхимпу-

---

²⁴ Единственным учебным заведением в Индонезии, подобным Таман Сисве, была основанная в 1926 г. в Кайю-Танаме (Западная Суматра) Индонезийская национальная школа (Индонесисе Насионале Схоол — ИНС). Основатель школы Мохаммад Шафен, в прошлом учитель в школе им. Картины, организовал ее после поездки в Голландию (где он, подобно Суварди, получил диплом учителя). Созданию этой школы было своего рода протестом против господствовавшего уже полтора десятилетия стремления суматранской молодежи к чисто западному образованию как средству получить государственную должность. Борясь с насаждаемым голландцами среди индонезийской интеллигенции комплексом неполноценности, Шафен проповедовал полную независимость учеников своей школы от колониального государства, побуждая их создавать частные национальные предприятия и учреждения, всячески поощрял «самоактивность». В соответствии с этим принципом все в ИНС — от школьного здания до самого маленького пособия — было сделано руками воспитанников школы. Разумеется, ИНС категорически отказалась от государственных субсидий. Все это очень сближало ИНС и ТС, служило делу их сотрудничества и взаимной поддержки.

ИНС, однако, отличалась от ТС, во-первых, своим буржуазным характером, во-вторых, тем, что Шафен не стремился создать сеть школ ИНС хотя бы на Суматре. Его школа была явлением уникальным.

Напротив, учебные заведения Таман Сисвы к началу 40-х годов представляли собой сложную и развитую систему (см. схему 2).

²⁵ Ор д о н а н с — постановление колониального правительства, которое не нашло утверждения колониальным «парламентом» — фольксрадом.

нан Индонезия; в том же году были созданы Ксатриа-Институт Д. Деккера и Таман Сисва.

Правительство, однако, не имело формального повода запретить школы ТС, так как это были не единственные частные школы, отказывающиеся от субсидий. Кроме того, к концу 20-х — началу 30-х годов голландские власти официально признают сформулированную Буке и ван Волленховеном концепцию дуализма индонезийского колониального общества: «Голландский и индонезийский народы — различны: не выше и не ниже один другого, а просто различны. Ввиду этого различны и их потребности и нужды» [21, 247—249]. Суварди и другие создатели «диких школ» умело использовали этот тезис в интересах развития национальной системы просвещения.

Не имея возможности запретить систему ТС, голландские власти стремились всячески препятствовать ее деятельности. Одних учителей ТС наряду с крестьянами заставляли отбывать государственную барщину во время учебного года. Других арестовывали за то, что в классе вывешивался портрет Дипонегоро. Третьих сажали в тюрьму за составление национального календаря, в котором упоминались имена героев освободительной антиголландской борьбы. С 1934 по 1936 г. ряд отделений ТС был на год закрыт властями за «сотрудничество» с «радикально-националистическими» союзами (например, с сукарновской Партиндо и с Педидикан Насионал Индонезия Хатты — Шарипа), до 60 учителей были арестованы и лишены права преподавания. В 1935 г. правительство предприняло попытку расколоть систему Таман Сисвы. Часть ее школ была признана удовлетворяющей стандартам официального просвещения; соответственно родители школьников, если они были государственными служащими, получали от властей школьное (или детсадовское) пособие; другая часть была «забракована», и родители учащихся лишались этой привилегии. Деятели ТС отмечали, что удовлетворяющими стандарту были признаны как раз худшие школы Таман Сисвы. Предотвращая раскол, Маджелис Лухур запретил всем без исключения школам ТС выдавать справки родителям для получения пособия. Суварди требовал, чтобы правительство признало всю систему в целом равноценной государственным школам, и в 1938 г. добился этого.

Свыше пяти лет длилась и борьба ТС против попыток правительства обязать ее учителей выплачивать государству налог на заработную плату. Данный вопрос для Таман Сисвы, отвергавшей отношения найма применительно к своей организации, был принципиальным. Суварди в 1940 г. пришлось дойти до генерал-губернатора, чтобы настоять на отмене этого абсурдного решения [28, 49—52]. Глава колониального правительства, по-видимому, считал опасным игнорировать требования националистов в условиях, когда метрополия пала под натиском гитлеровских войск.

Самой же серьезной атакой на Таман Сисву был принятый 17 сентября 1932 г. колониальными властями Ордонанс о «диких школах». В отличие от аналогичного документа 1922 г., грозившего репрессиями в случае тех или иных «нарушений», новый носил превентивный характер. С 1 октября 1932 г. правительство присваивало себе право определять характер и содержание преподавания в «диких школах». Для основания школ такого типа, так же как и для преподавания в них, требовалось особое разрешение. Содержание изучаемых предметов должно было «не нарушать законоположений страны» и соответствовать (что объявлялось неременным условием) программам официальных школ.

Таким образом, данное постановление было направлено на фактическую ликвидацию Таман Сисвы, ИНС и школ национальных союзов.

Суварди отреагировал немедленно, послав генерал-губернатору телеграмму, обвинявшую правительство в произволе, неуместной поспешности и пренебрежении отрицательным мнением фольксраада по этому поводу. Телеграмма заканчивалась изъявлением готовности бороться против Ордонанса всеми мерами, вплоть до кампании гражданского неповиновения. Это решение было закреплено в середине октября и съездом ТС. Учебный процесс продолжался.

Ордонанс вызвал возмущение в националистических кругах. Правительство обвиняли в том, что его целью является держать народ в темноте, так как, не предоставляя достаточно возможностей для развития народного образования, оно препятствует народным союзам выполнять эту работу [23, 54].

Даже индо-арабский и китайский союзы поддерживали кампанию против Ордонанса. Партиндо устроила массовый митинг протеста, Мухаммадья провела конференцию в Джокьякарте. В Минангкабау ситуация грозила религиозным восстанием: уламы обвиняли правительство в потворстве христианским миссиям и подавлении мероприятий мусульманских союзов. Буди Утомо заявил, что если к 31 марта 1933 г. правительство не отменит Ордонанс, то он покинет фольксраад и призовет своих членов к гражданскому неповиновению. Даже Пендидикан Насионал Индонесиа, обычно довольно пассивный, деятельно подключился к кампании: ведь была затронута «святая святых» этого союза — национальное воспитание. Несмотря на внутренние разногласия и соперничество с Таман Сисвой, кампания была поддержана и руководимым доктором Сутомо Союзом индонезийской нации (ПБИ).

В сущности, это был первый случай, когда все направления национального движения сплоченно, единым фронтом выступили против нажима властей. И очень показательно, что этого сплочения удалось добиться именно на базе вопроса о народном образовании. Сплоченность и стойкость принесли положительные результаты. Правительству пришлось сначала отложить вступление Ордонанса в силу, а потом и вовсе заменить его новым, который являлся простым дополнением к постановлению 1922 г. [подробнее см.: 23, 53—57; 28, 37—45]. Победа высоко подняла престиж ТС, а Ки Хаджар Деванторо стал фигурой общенационального масштаба.

Политическая ориентация Таман Сисвы. Чем же объяснялась столь суровая политика колониального правительства в отношении Таман Сисвы? Ряд исследователей считают, что причиной тому являются тесные связи организации с революционно-националистическими союзами и довольно сильными левыми тенденциями внутри нее. Так, Сайога, долгое время бывший членом руководства Таман Сисвы, пишет по этому поводу: «Хотя члены Таман Сисвы были свободны от политических или религиозных убеждений, те из них, кто вступал в партии, можно сказать, целиком (или по крайней мере 95%) вливались в националистические и в левые политические партии (в то время — НПИ или Пендидикан Насионал Индонесиа.— В. Ц.). Если же они вступали в религиозные партии, то из них также отдавалось предпочтение левым» [28, 36; 16, 142—143].

Рут Маквэй считает, что сочетание «национализма в области культуры, современного воспитания и работы в системе ТС преподавателей, являющихся радикальными националистами... неизбежно рождает революционный национализм» [16, 146—147], который подрывает устой колониального государства. Эта в целом правильная мысль не является, однако, на наш взгляд, исчерпывающей. Необходимо отметить также, что Таман Сисва возникла в тот исторический период, когда в национально-освободительном движении страны под воздействием Октябрь-

ской революции, возникновения и роста КПИ произошло размежевание между революционным и реформистским крылом, закрепленное выходом КПИ из Сарекат Ислама. С 1920 г. намечается поворот национального движения к «радикализму». В 1922 г. в Голландии возникает революционно-националистическое течение — Перхимпунан Индонезия (ПИ), к которому Суварди был идейно близок. В 1921—1923 гг. ставший реформистским Сарекат Ислам и даже представлявший высших и средних приян Буди Утомо обнаруживают стремление перейти к тактике несотрудничества с правительством [19, 206—208].

Незадолго до I национального конгресса ТС в Индонезии появилась первая революционно-националистическая партия, потребовавшая немедленного предоставления Индонезии независимости. Это была возглавляемая Сукарно НПИ, духовно близкая к ПИ, а если взять несколько более ранний период — то к Индийской партии, лидером которой был Суварди.

В той же мере, в какой Мухаммадья представляла буржуазные слои движения, Таман Сисва являлась представителем и глашатаем мелкобуржуазной и разночинной революционной демократии. «Клиентура Таман Сисвы,— пишет Р. Маквэй,— по преимуществу состояла из движущихся вверх людей из народа, клерков и представителей мелкой бюрократии, которые были не в состоянии определить своих детей в ограниченное количество государственных школ» [16, 146]. Таким образом, возникает категория получивших западное образование индонезийцев-разночинцев, которые не находят себе места в государственной иерархии и не стремятся к этому. Их цель — изменение существующей социально-политической структуры, чтобы таким путем пробить себе и себе подобным «путь вверх». «Это была группа,— с полным основанием отмечает Дж. Кейн,— которая выступила как главная сила индонезийского национального движения и которая вскоре выдвинула значительно более многочисленных лидеров, чем те, что вышли из рядов слабого модернистско-исламского направления национального движения» [15, 49]. Они-то и становятся во главе революционно-националистических союзов, формируют учительские кадры в дискуссионных клубах и школах последних, становятся пропагандистами партийных идей. Они же составляли большинство преподавателей ИНС и Таман Сисвы.

Таман Сисва заботилась о будущих лидерах национальных союзов: не случайно одно из ответвлений ее полной средней школы — Таман Мадья Сосиал готовила наряду с «несотрудническими» журналистами и торговцами также «руководителей народных организаций».

Неудивительна поэтому близость ряда принципов и установок ТС и революционных национальных союзов НПИ и Партиндо: уважение к демократической национальной культуре (в противовес салонному искусству султанских кратонов), несотрудничество с правительством и самостоятельность, национализм, сочетающийся с уважением к другим нациям, гуманизм и демократизм, привлечение широких масс народа и работа с ними, предпочтение национальным языкам перед голландским.

Генезис системы ТС также сыграл немалую роль в формировании ее облика. После создания ее джокьякартского центра свои школы передал ей не только Буди Утомо, но и ряд других национальных союзов (в частности, сукарновская НПИ, решившая, что ей не под силу содержать свою систему школ, и не видевшая в этом необходимости после создания ТС²⁶). Между тем школ НПИ было немало — начиная от ячеек ликбеза до ХИС, схакедсхоол и даже МЮЛО [22, № 60—61], при-

---

²⁶ Таман Сисва в дальнейшем получала поддержку из партийных фондов НПИ [см. 22, № 58].

чем не только на Западной Яве, но также и в Семаранге и Джокьякарте. Таман Сисве же была передана сеть школ по ликвидации неграмотности под названием Чахья («Свет»), созданная молодежным союзом НПИ — Пемуда Индонесиа [22, № 62—63 и № 65—66]. Когда правительство обрушило репрессии на КПИ в связи с восстанием 1926—1927 гг., ее массовая организация — Сарекат Ракьят — передала свои школы НПИ, а та — Таман Сисве [28, 14; 16, 143—144].

Наконец, немаловажную роль в левизне курса ТС сыграла личность ее основателя и партийная принадлежность ее преподавательского состава. В школах ТС преподавали руководители НПИ Сукарно, Али Састроамиджойо, Вилопо, С. Мангунсаркоро, Сартано, Гатот Мангкупраджа, пропагандисты и руководители дискуссионного клуба НПИ Сукеми и Манади. Сукеми в течение длительного времени был членом Маджелис Лухур ТС [см., например: 16, 147; 28, 154; 32; 22, № 58]. Активно работали в Таман Сисве коммунисты Ньюно, Викана, Ахмад Сумади и Судибьо [см. 16, 147]. Преподавали в ее школах Шамсу Харья Удайя и Судийоно (впоследствии мурбисты) и М. Таухид, ставший членом ПСИ.

В свете сказанного выше совершенно необъяснимы попытки Р. ван Нила противопоставить Сукарно и Суварди [19, 21, 240]. Известно, что вскоре после освобождения из тюрьмы Сукарно посетил Суварди, который в ходе беседы подробно осветил ход национального движения и национального просвещения за те два года, что Сукарно пробыл в заключении. Последний затем, в мае 1932 г., участвовал в работе конференции западнояванских отделений ТС и выступал перед ее участниками [28, 37]. Во второй половине 30-х годов Сукарно, находясь в ссылке, написал посвященную Таман Сисве статью «Быть учителем во время подъема», где ориентировал ее учителей на «воспитание национального духа и национальной динамики» [33, 616], призывал их проповедовать «свободу и мужество» (однако в замаскированном виде, чтобы не навлечь на ТС преследования властей) [33, 617—618]. Сукарно был уверен, что ученики ТС и без конкретного упоминания этих слов поймут своих наставников. «У красных учителей и ученики будут красные», — писал он [33, 614]. Это вполне согласовалось с установками руководства ТС, объявившего ее нейтральной в вопросах политики и предосторожности ради запретившего в 1930 г. ее учителям находиться в составе руководства любых политических союзов.

Таким образом, дело не в «присутствии учителей — радикальных националистов», а в революционно-националистическом, несотрудническом характере всей системы Таман Сисвы. Нет сомнений, что именно так рассматривало ее колониальное правительство. Не случайно с 1926 г. репрессии против ТС носят эпизодический характер в соответствии с провозглашенной правительством доктриной, что преследоваться будут только «экстремистские союзы», подобные КПИ, а не националисты, пусть даже левые. Зато в 1931—1932 гг., когда революционно-национальные союзы (НПИ) вслед за КПИ объявляются врагами правительства, развязывается серия репрессий и против ТС. Наконец, с 1935—1936 гг. правительство переходит в отношении союзов, придерживающихся несотрудничества с правительством (Партиндо, Пендидикан Насионал Индонесиа, Сарекат Ислама, ПЕРМИ), а также Таман Сисвы к новой тактике: максимально затруднить и осложнить их деятельность и, не прибегая к открытым репрессиям, попытаться принудить их к самороспуску. В то же время деятельность «сотруднических» союзов (ПБИ, а затем Париндры д-ра Сутомо, Каум Бетави Тамрина, Буди Утомо) даже поощрялась. Индонезийский историк Ситорус, объясняя этот факт, пишет: «Правительство Нидерландской Индии не хоте-

ло умерщвлять национальное движение... Оно хотело лишь ослабить его. Оно ненавидело лишь радикально-националистическое движение. Ему был нужен различного вида „умеренный“ национализм, который мог бы быть использован... чтобы сдерживать чувства народа, и одновременно не представлял бы опасности для властей Голландской Индии» [30, 50].

Таковыми «умеренными» организациями, сотрудничающими с властями, были либерально-буржуазные союзы, созданные д-ром Сутомо (Сурабайский клуб, ПБИ, Париндра). Они, подобно Мухаммадзе, старались «улучшить положение народа» своей «конструктивной деятельностью»: созданием национальных поликлиник, юридических консультаций, банков и школ (разумеется, субсидируемых правительством). Деятель ТС Сайога прямо говорит о «неприязни и зависти» этой организации к левонационалистической системе просвещения Таман Сисвы [28, 35].

Можно утверждать, что из двух несотруднических союзов — НПИ Сукарно и Пендидикан, возглавляемого Хаттой и Шариром, — Таман Сисва в большей степени тяготела к Национальной партии. Действительно, среди активных работников ТС мы встречаем множество лидеров НПИ, но не находим имен руководителей Пендидикан; Таман Сисва поддерживала кампанию свадеши (борьбу за поощрение национального производства, развернутую сподвижником Сукарно — Раденом Сартоно) [28, 36], тогда как Пендидикан выступал против нее; Суварди участвовал в работе ПППКИ — созданной Сукарно федерации национальных политических союзов, которую Хатта и Шарир осыпали насмешками, и выступал с докладом на ее конференциях [28, 23—26]; по своей политической ориентации многие выпускники ТС, как было показано выше, обрели известность как лидеры НПИ, и лишь единицы вступили в «наследницу Пендидикан» — Социалистическую партию Индонезии, созданную после революции Шариром; наконец, общественные организации, созданные ТС или ее выпускниками (ППТС — «Учащаяся молодежь Таман Сисвы», ПБМТС — Союз выпускников Таман Сисвы), тяготели к союзам, основанным Национальной партией (Пемуда Индонезия — «Молодежь Индонезии» и т. п.).

Можно предположить, что в организации Хатты — Шарира Таман Сисву отталкивал холодный интеллектуализм, тяга ко всему западному, преклонение перед западной буржуазной демократией, наконец, ее узкоинтеллигентский состав и ее бездеятельность. И хотя § 3 устава Пендидикан гласил: «Цель союза — работать ради внедрения сознательности и просвещения в народ Индонезии в целом, дабы он оказался готовым потребовать независимости Индонезии» [22, № 119], на самом деле его деятельность ограничивалась интеллектуальной политической подготовкой кучки интеллигентов — «будущих лидеров движения». Это была своего рода партийная учеба. И хотя сукарновская НПИ также уделила этому вопросу внимание в своем дискуссионном клубе (где занимались 500—800 человек), однако она дополняла систему партийной учебы массовыми пропагандистскими курсами, охватывающими практически всех членов шеститысячной НПИ, в основном крестьян [22, 1930, № 62—63].

Таким образом, историческое значение Таман Сисвы определяется тем, что она была одной из организаций несотруднического «интеллектуального пролетариата», апеллировавшей к широким массам и идущей в ногу с наиболее боевыми революционно-националистическими союзами (НПИ, Партиндо и Гериндо), бывшими вслед за КПИ самыми последовательными борцами за немедленное и полное освобождение Индонезии от колониального гнета. Без преувеличения можно сказать, что ТС

была кузницей кадров этих революционных союзов еще в большей мере, чем Мухаммадья — для Сарекат Ислама.

Государственные и частные школы не порождали и не могли породить в индонезийских выпускниках, не принадлежавших к высшей аристократии, ничего, кроме разочарования и чувства безысходности. Национальные же и вместе с тем националистические (точнее, левонационалистические) школы Таман Сисвы открывали перед индонезийскими юношами перспективу политической борьбы за освобождение страны и создание суверенного государства. В 30-х и начале 40-х годов сложилась ситуация, характеризующаяся «взаимоподстегиванием» националистических чувств, пропагандируемых левыми союзами, и национального образования. Отсюда неуклонный рост и укрепление системы Таман Сисвы.

Не случайно новые колонизаторы, японцы, вместе с запретом левонационалистических союзов в значительной степени разрушили и сеть школ Таман Сисвы, не тронув, однако, школы Мухаммадья [26, 817]. Почти в пять раз сократилось при них число школьников ТС.

В независимой Индонезии движение Таман Сисвы не прекратилось. Государственные школы в стране никогда не охватывали всех учащихся, и определенный простор для деятельности частных школ оставался постоянно. Аттестаты окончивших школы Таман Сисвы в Республике Индонезии признаются наравне с аттестатами государственных учебных заведений того же уровня. В системе ТС долгие годы после завоевания независимости продолжали работать крупнейшие индонезийские просветители Ки'Хаджар Деванторо и его жена Ньи Хаджар Деванторо, а это увеличивало притягательную силу и повышало авторитет частной системы ТС. В 1951—1952 гг., к своему тридцатилетию, ТС располагала внушительной сетью в 149 школ с 43,5 тыс. учащихся и 1 тыс. педагогов [28, 90].

Кроме того, многолетние традиции ТС и ее просветительские принципы оказали определяющее воздействие на государственную систему просвещения Республики Индонезии, ее программы и принципы воспитания молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленький А. Б. Картины — дочь Индонезии, М., 1966.
2. Беленький А. Б. Национальное пробуждение Индонезии, 1965.
3. Муис Абдул. Неправильное воспитание, М., 1960.
4. Холл Д. Дж. Е. История Юго-Восточной Азии, М., 1958.
5. Balfas M. Dr. Tjipto Mangoenkoesoemo — demokrat sedjati, Djakarta, 1957.
6. Coolhaas W. Ph. Insulinde: mensch en maatschappij, Deventer, [6. r.].
7. Embree E., Simon M. S., Mumford W. B. Island India Goes to School, Chicago, 1934.
8. Encyclopedia Indonesia, t. III, Bandung — 's-Gravenhage, [6. r.].
9. Ibu Dewi Sartika Champion of Women's Emancipation, [6. m.], 1967.
10. Indisch Verslag 1936, Batavia, 1937.
11. Indisch Verslag 1940, Batavia, 1941.
12. Ki Hadjar Devantara. Dari kebangunan nasional sampai proklamasi kemerdekaan, Djakarta, 1952.
13. Ki Hadjar Devantara, Some Aspects of National Education and the Taman Siswa Institute of Jogjakarta, — «Indonesia», Ithaca, 1967, № 4.
14. Koch D. M. G. Menudju kemerdekaan, Djakarta, 1951.
15. McTurnan Kahin G. Nationalism and Revolution in Indonesia, Ithaca, 1955.
16. McVey Ruth. Taman Siswa and the Indonesian National Awakening, — «Indonesia», Ithaca, 1967, № 4.
17. Mehden F. R. von der. Religion and Nationalism in Southeast Asia, Madison, 1963.
18. Neerlands Indië Land en volk, geschiedenis en bestuur, bedrijf en samenleving, 3de geheel herz. druk onder leiding van prof. D. G. Stibbe, Amsterdam, 1929.

19. Niel R. van. The Emergence of the Modern Indonesian Elite, The Hague and Bandung, 1960.
20. Paembonan T. Partisipasi Kristen dalam revolusi dibidang pendidikan,— «Partisipasi Kristen dalam national building di Indonesia», Djakarta, 1968.
21. Pane Sanusi. Sedjarah Indonesia, t. II, Djakarta, 1956.
22. Persatoean Indonesia (Surat kabar PNI dan Partindo), Djakarta, 1930—1933.
23. Pluvier J. M. Overzicht van de ontwikkeling der nationalistische beweging in Indonesië in den jaren 1930 tot 1942. Bandung, 1953.
24. Pranata S. S. P. Ki Hadjar Devantara, Djakarta, 1959.
25. Pringgodigdo A. K. Sedjarah pergerakan rakyat Indonesia, Djakarta, 1950.
26. Republik Indonesia. Daerah Istimewa Jogjakarta, [6. m.], [6. r.].
27. Robequain Ch. Malaya, Indonesia, Borneo and the Philippines, London — New York — Toronto, 1954.
28. Sajoga. Riwayat perjuangan Taman Siswa 30 tahun (1922—1952), Jogjakarta, 1952.
29. Selosumardjan. Social Changes in Jogjakarta, Ithaca, 1962.
30. Sitorus L. M. Sedjarah pergerakan kebangsaan Indonesia, Djakarta, 1951.
31. Slametmuljana. Nasionalisme sebagai modal perjuangan bangsa Indonesia, Djakarta, 1969.
32. Soegarda Poerbakawatja. Pendidikan dalam alam Indonesia merdeka, Djakarta, 1970.
33. Soekarno. Mendjadi goeroe dimasa kemerdekaan,—ero же, Dibawah bendera Revolusi, t. I, [6. m.], 1964.
34. Solichin Salam K. H. Ahmad Dahlan — reformer Islam Indonesia, Djakarta, 1963.
35. Tamar Djaja. Pusaka Indonesia, Djakarta, 1966.
36. Vandenbosch A. The Dutch East-Indies: Its Government, Problems and Politics, 3rd ed., Berkeley and Los Angeles, 1942.
37. Wertheim W. F. East-West Parallels: Sociological Approaches to Modern Asia, The Hague, 1964.
38. Wertheim W. F. Indonesian Society in Transition: A Study of Social Change, 2nd rev. ed., The Hague and Bandung, 1959.
39. Woodman Dorothy. The Republic of Indonesia, London, 1955.

И. К. Федорова

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РАПАНУЙСКОГО ПИСЬМА

В ряде своих работ Ф. Энгельс [1, 442—494; 2, 23—178] высказал положения, которые помогают исследователям решать проблемы происхождения языка и различных типов письма. Основываясь на известных науке XIX в. материалах, Ф. Энгельс отмечал, что переход к цивилизации идет «в результате изобретения буквенного письма и применения его для записывания словесного творчества» [2, 32]. У народов на первобытнообщинной стадии развития не может быть развитого письма. «Рунические письмена (подражание греческим или латинским буквам) были известны лишь как тайнопись и служили только для религиозно-магических целей. Еще было в обычае принесение в жертву людей. Одним словом, здесь перед нами народ, только что поднявшийся со средней ступени варварства на высшую» [2, 141]. Лишь с возникновением классов и государства германцы отбросили руны и перешли к буквенному письму. В раннеклассовом обществе, когда стали складываться первые государства, возникли такие древние системы письма, как египетская, шумерская, китайская и др.

Положение Ф. Энгельса применимо ко всем возникшим в тех или иных районах земного шара системам письма, многие из которых пока не поддаются дешифровке. Проблема происхождения рапануйского письма кохау ронгоронго, не решенная еще, несмотря на усилия многих исследователей, усложняется тем, что пока в Полинезии нигде, кроме о-ва Пасхи, не обнаружено подобное (или иное) письмо. Что касается остальной Океании, то только на одном из Каролинских островов (о-ва Волеа) М. Брауном в 1913 г. было обнаружено слоговое письмо, знаки которого не имеют ничего общего со знаками кохау ронгоронго [10].

Относительно происхождения рапануйского письма ученые высказывали разные точки зрения. П. Бак и А. Метро (1940 г.) отмечали, что кохау ронгоронго — это не письмо, а лишь мнемоническая система знаков. Но в 1957 г. Метро пришел к выводу, что кохау ронгоронго представляет собой определенную систему письма. Э. Хорнбостель (1930 г.) связывал рапануйское письмо с письмом индейцев *куна* в Панаме. Г. Хевеши (1932 г.) пытался сопоставить рапануйские знаки со знаками протоиндийского письма, образцы которого (печати) были обнаружены в Хараппе и Мохенджо-даро. Р. Гейне-Гельдерн выдвинул еще одну гипотезу, согласно которой протоиндийское письмо распространилось по разным регионам и положило начало китайскому письму, а также письму о-ва Пасхи, Панамы и даже Мексики. По мнению Т. Хейердала, на о-в Пасхи письмо было принесено из Южной Америки древними перуанцами [см. 15а, 368—385].

Хейердал полагает, что 16 основных знаков-элементов на Вратах Солнца в Тиахуанако сходны со знаками кохау ронгоронго (правда, в этом случае Хейердал не ссылается на источники) [15а, 385]¹. Если сравнить, однако, знаки кохау ронгоронго с древнеперуанскими в прописовке А. Познанского (Врата Солнца в Калассасайя и Тиахуанако [23, т. I—II]), то можно убедиться в том, что в стиле тех и других нет ничего общего (даже если они обозначают сходные предметы).

Некоторые советские исследователи также отказывают рапануццам в праве иметь развитую систему письма. «При том уровне развития, на котором застали население о-ва Пасхи европейцы,— утверждает В. И. Истрин,— самостоятельное создание столь близкого к логографии письма, да и всей культуры острова — маловероятно» [5, 126].

С этим утверждением, как и со всеми теориями и гипотезами, связывающими происхождение рапануцкого письма с внешними влияниями, невозможно согласиться. Во всяком случае, имеется большое количество фактов, свидетельствующих о возникновении кохау ронгоронго на рапануцкой почве.

В самом деле, здесь складывались и те общественно-исторические предпосылки возникновения письма, на которые указывал Ф. Энгельс. В период открытия о-ва Пасхи европейцами рапануццы находились на стадии разложения первобытнообщинного строя и сложения раннеклассового общества. Все население острова в XVIII — начале XIX в. делилось на 10—12 *мата*². Мнения зарубежных ученых о сущности мата далеко не одинаковы: одни (К. Раутледж, Р. Гейне-Гельдерн) считают мата родом, другие (С. Энглерт, А. Метро) — племенем [см. 24, 221—223; 13; 11, 50—52; 20, 120—126]. Впрочем, Раутледж в письме к Р. Уильямсону называла мата семейными группами, подчеркивая, что это не территориальные единицы [26, т. II, 55]. Значение указанного термина, очевидно, претерпело определенную эволюцию. Первоначально, видимо, мата обозначало родовую группу, а со временем — территориальную общину. Каждое мата имело некогда свою территорию, позднее (после появления европейцев) некоторые из них утратили свою обособленность. Такие мата, как *хамеа* и *раа*, например, жили на территории могущественных *миру*. *Хитиура* (*уре о хеи*), *коро о ронго* также не имели своей территории и жили попеременно в той части острова, которую занимали *тупахоту*. Мата объединяло несколько селений, в которых жили большие и малые семьи. Судя по легендам, малая семья представляла собой уже относительно самостоятельный хозяйственный коллектив; имела усадебный участок, свою тайную пещеру, огород, сад, участок для рыбной ловли. Общественный труд использовался лишь при постройке больших домов (например, для празднеств), лодок и т. п.

По своему общественному положению мата не были равны. Наибольшими правами, особым авторитетом и влиянием пользовались *миру*, считавшие себя прямыми потомками легендарного Хоту Матуа. Верховный вождь острова был представителем *миру*, знатные *миру* играли ведущую роль в религиозной жизни рапануцкого общества. Правда, положение рядовых *миру* мало чем отличалось от положения *уру ману* (или *хуру ману*)³, т. е. представителей остальных мата.

¹ Попытка «вывести» культуру о-ва Пасхи и рапануцское письмо из Перу была сделана в 30-х годах немецкой исследовательницей К. Мёллер [22, 7—22].

² В маорийском и таитянском языках «мата» означает «начало, источник, происхождение», в гавайском языке «такаатака», — «друг, близкий человек».

³ Ср. маорийское и таитянское «*huhu*» — «пух, шерсть, перья», рапануцское и маорийское «*huhuhuhu*» — «пух, шерсть, перья». Возможно, что в представлении рапануццев *миру* — главное мата острова — было птицей, а остальные мата — лишь ее оперением (*хуру о те ману*).

В конце XVIII — начале XIX в. мата объединялись в два союза: в первый — *туу* (Ко Туу Аро) входили мата, занимавшие запад и северо-запад острова (*миру, марама, хаумоана, нгатимо, хаумеа* и *раа*), во второй — *хоту ити* (Ко Туа Хоту — Ити) юго-восточные мата (*тупахоту, коро о ронго, нгауре, уре о хей, или хитиуира*) [24, 221—223]. По мнению А. М. Золотарева, деление на два союза является указанием на прежнюю дуально-родовую организацию [4, 120—121]. Гейне-Гельдерн видел в туу и хоту ити (или, как их иногда называют, мата нуи и мата ити) легендарных *ханау момоко* и *ханау еепе* [13, 250]⁴. По мнению Метро, деление на два союза носило политический характер [20, 124] и прослеживалось во всех деталях религиозной церемонии избрания человека-птицы (*тангата ману*), которая в XIX в. тоже носила социально-политический характер (знать и воины мата, к которому принадлежал новый тангата ману, становились фактически правителями острова) [11, 176; 20, 333].

В рамках каждого мата шло имущественное расслоение, которое привело к образованию четырех общественных групп — каст: знатных (*арики*); жрецов (*иви атуа*) и исполнителей религиозных церемоний; свободных общинников; зависимых общинников *кио* (слуги и рабы).

Во главе острова стоял верховный вождь — *арики хенуа* (или *арики мау*), особа которого считалась священной. Согласно религиозным воззрениям островитян, он обладал особой таинственной силой (*мана*). Его взаимоотношения с рапануйцами сопровождались различными ограничениями и табу. Власть верховного арики была наследственной. И хотя уже в XVIII—XIX вв. верховный арики не имел большой политической силы [см. 21], однако в какой-то период истории острова (возможно, во время господства легендарных ханау еепе) положение было иным. Иными словами, до появления европейцев на о-ве Пасхи складывались начала государственности, воспоминанием о которой служат каменные статуи — *моаи*.

Большую роль в жизни островитян играли жрецы иви атуа, которые были посредниками между богами и смертными, лечили больных. Исполнителями некоторых религиозных церемоний были *арики пака*, считавшиеся потомками Хоту Матуа по боковой линии.

К свободным общинникам относились земледельцы (*тангата кеукеу хенуа*) и рыболовы (*тангата тере вака*), отдававшие часть своего урожая или улова верховному вождю, арики или *маори* (см. ниже). В эту группу входили, очевидно, также воины мата — *тоа* и стражи — *паоа*. Мата тоа играли большую роль не только во время военных столкновений, но и в мирное время: некоторые из них были фактически правителями мата и пользовались привилегиями арики.

Стражи *паоа* подчинялись мата тоа; они поддерживали порядок в мирное время и расправлялись с непокорными *кио* и общинниками, нарушавшими свои обязанности.

Бедные слои рапануйцев, а также побежденные во время войн, которые вынуждены были платить дань арики, входили в группу *кио*.

Большую роль в жизни острова играли маори — специалисты в той или иной профессии: *маори харе* (*маори анга харе*) — строители домов; *маори анга аху* — строители *аху* (каменных погребальных платформ); *маори анга моаи* — ваятели статуй; *маори ика* — знатоки врачевания; *маори ронгоронго* (или тангата ронгоронго) — знатоки текстов, записанных на дощечках. Возможно, что маори, как и подобные им таитянские *тахуа*, входили в группу жрецов [14, 153—154].

Большим авторитетом среди рапануйцев пользовались маори ронго-

⁴ Об этих племенах см. подробнее [20, 124—125].

ронго. В каждом мата было по несколько ученых маори, которые владели письмом и передавали в школах свои знания молодым островитянам. Конец XVIII — первая половина XIX в. (особенно период правления арики Нгаара) были, видимо, периодом расцвета рапануйского иероглифического письма. По мнению У. Томсона, дощечки, которые были обнаружены в хорошем состоянии, датируются тем же периодом, что и незаконченные статуи в каменоломне Рано-Параку [25, 513]. Вполне возможно, что после уничтожения своих врагов ханау еепе и прекращения работ в каменоломнях маори о-ва Пасхи направили свои усилия на изготовление новых и копий со старых таблиц, чтобы сохранить обрывки мифов и легенд.

В 60-е годы XIX в. был положен конец развитию самобытной культуры о-ва Пасхи, в том числе и рапануйского иероглифического письма. В 1862 г. перуанские работоторговцы увезли в Южную Америку на разработку гуано большую часть взрослого населения острова, включая семью верховного арики, маори ронгоронго и других рапануйских умельцев. В результате протеста епископа о-ва Таити несколько оставшихся в живых рапануйцев были возвращены на родину, но они занесли эпидемию оспы, что привело к сильному сокращению численности населения о-ва Пасхи.

Два года спустя, в 1864 г., миссионер Эйро обнаружил дощечки кохау ронгоронго и заставил рапануйцев сжечь их как языческие [18]. Так погибли сотни таблиц, содержавшие, вероятно, интересные сведения о прошлом рапануйцев. До нас дошло лишь небольшое количество кохау ронгоронго; в разных музеях мира хранится около 20 дощечек и фрагментов их.

Есть все основания предполагать, что рапануйское письмо возникло на основе пиктографии, от которой до нас дошли лишь петроглифы, весьма сходные с наскальными изображениями других районов Полинезии (острова Таити, Гавайские, Маркизские, Новая Зеландия). Исследователи Гейзелер, Томсон, Раутледж, Метро, Лавашери, Энглерт, Хейердал обнаружили в разных районах о-ва Пасхи довольно большое количество петроглифов и изображений, сделанных минеральной краской [12; 25, 24; 20; 19; 11; 15, 15a]. Большинство их, бесспорно, идентично некоторым знакам рапануйского письма (табл. 1).

Наиболее богаты интересными петроглифами, связанными (так или иначе) с рапануйским фольклором, те районы о-ва Пасхи, которые были заселены миру. Как отмечает Лавашери, именно из среды миру выходили знатоки по кохау ронгоронго [19, 59]. Вполне возможно, что миру и их ближайшие соседи — раа и хамеа были создателями известных наскальных изображений, а также дощечек кохау ронгоронго. Петроглифы, встречающиеся на территории Поике, Рано Параку, Пунапау (район, населенный восточными мата, а некогда, вероятно, и поздними переселенцами ханау еепе), отличаются от петроглифов миру нечеткостью своих линий и неясным значением (обычно даже трудно понять, что они изображают).

Начало изучению рапануйского письма было положено 100 лет тому назад Т. Жоссаном, который получил от миссионера Русселя первые пять дощечек кохау ронгоронго. Жоссан указал на то, что знаки рапануйского письма представляют собой идеограммы, и отметил также, что тексты записаны методом бустрофедона (точнее, перевернутого бустрофедона) [18, 14—15]. Ныне известно, что таким же методом пользуются в некоторых текстах перуанцы [16, 23—24; 17]. Знаки, записанные на дощечках кохау ронгоронго, идут сплошь, без деления на какие-либо блоки (группы знаков), что весьма затрудняет изучение текстов. Но вместе с тем большинство рапануйских знаков легко опознать, так

<i>Петроглифы</i>	<i>Знаки</i>	<i>Петроглифы</i>	<i>Знаки</i>
			
			
			
			
			
			
			
			

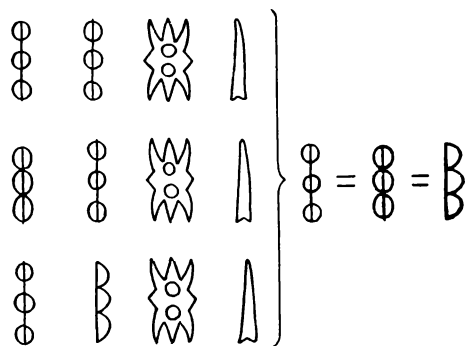
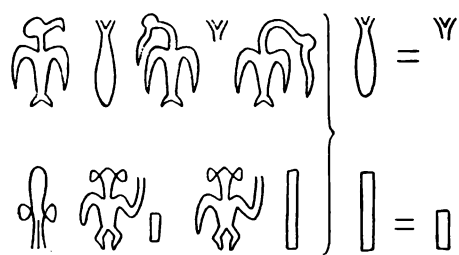
Таблица 1. Соответствия между петроглифами и рапануйскими знаками

как они изображают, хотя и в стилизованном виде, растения, животных, рыб, птиц о-ва Пасхи, предметы, окружающие рапануйца. На дощечках мы находим знаки, изображающие ямс, сахарный тростник, пальму, акулу, маленькую рыбу дораду, ящерицу, черепаху, осьминога, крысу, бабочку, муху, птицу фрегата, крачку, петуха, сеть, лодку, крючок и т. д. Любопытно, что не зарегистрирован пока знак, изображающий батат (кумара), который был основной пищей на острове. Каталог знаков был составлен тем же Жоссаном на основе чтений рапануйца Меторо Тау а Уре.

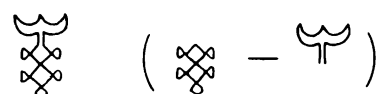
Советские ученые (Д. А. Ольдерогге, Ю. В. Кнорозов, Н. А. Бутинов) отметили, что рапануйское письмо представляет собой иероглифическую систему письма с характерными для нее показателями, где знак равен морфеме или слогу [см. 7; 8; 3].

Особенности рапануйского языка, относящегося к аналитическим агглютинативным языкам (отсутствие внутренней флексии, однозначность аффиксов, адекватность большинства слогов и морфем, большое число удвоений, твердый порядок слов), оказали влияние на характер иероглифики (большое количество слоговых и сдвоенных знаков, циркумфиксальные конструкции и т. д.). Кроме того, отличительной его чертой является пропуск передающих служебные слова знаков (так называемых переменных) в силу их «избыточности».

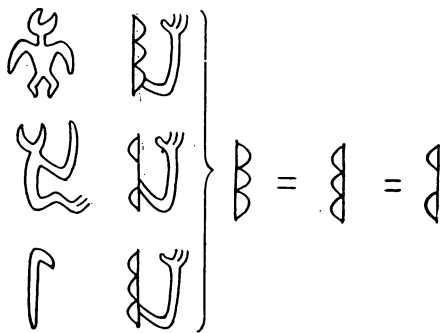
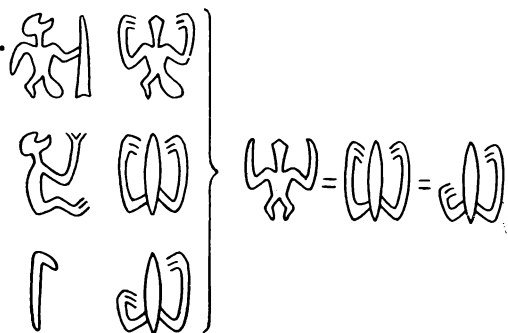
I.

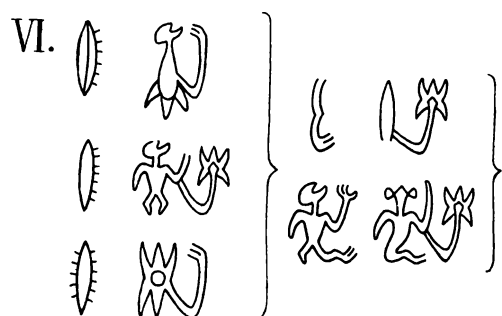
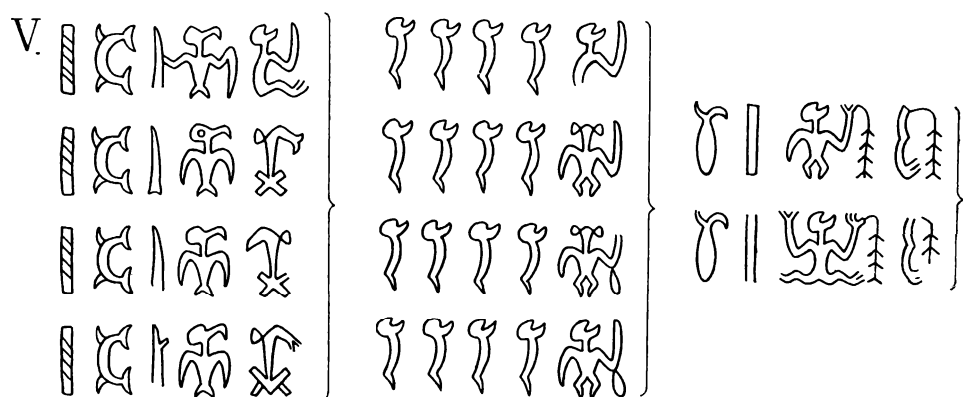
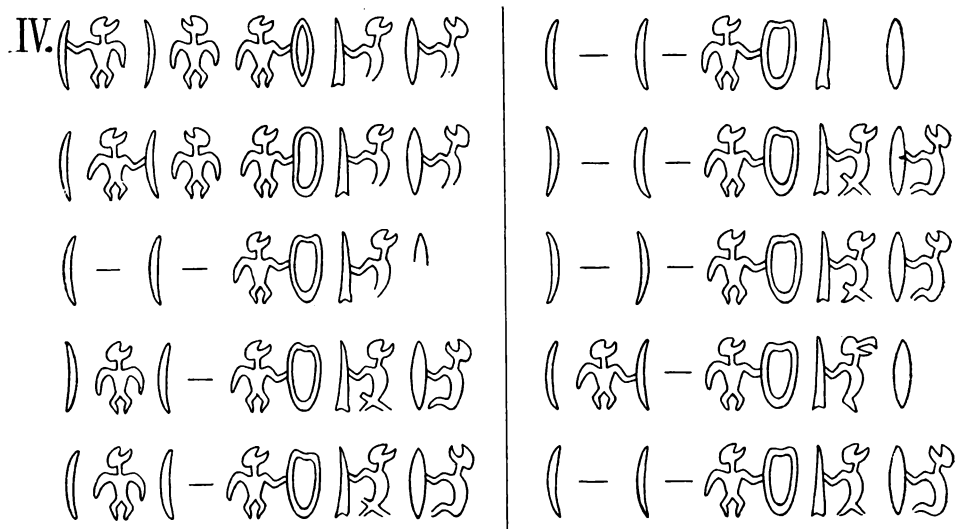

II.

III.

Сходство рапануйской иероглифики и андского письма (перевернутый бустрофедон) объясняется, возможно, знакомством рапануйцев с письмом перуанцев в результате взаимных контактов. Следует, однако, заметить, что андское письмо в своем развитии не дошло еще до регулярной передачи переменных знаков.

Можно отметить еще некоторые (помимо уже указанных) особенности кохау ронгоронго.

Сопоставление иероглифических текстов показывает, что на о-ве Пасхи не было еще окончательно выработанной, твердо установившейся системы знаков.

1. Каждый маори ронгоронго и даже переписчик мог менять величину и очертания знаков в целях экономии места или времени, придавая им упрощенный вид, вносить поправки и добавления, объединять знаки в лигатуры. Это ясно видно из сопоставления нескольких блоков (см. стр. 279, I).

2. Рапануйскому письму свойственно большое количество лигатур разной степени сложности. Составители каталогов знаков (Жоссан, Бартель) выделяют сложные лигатуры в самостоятельные знаки, принимая даже некоторые из них за мифологические персонажи (пожалуй, без особых оснований).

Сложные знаки можно легко расчленить на простые, причем последние являются, видимо, неодинаковыми по своей значимости (см. стр. 279, II).

Одни знаки часто встречаются в лигатурах, другие — много реже.

3. Один и тот же знак может иметь разное начертание. Так, например, сопоставление параллельных блоков из текста Аруку Куренга выявляет равенство ряда знаков (см. стр. 279, III).

Параллели, установленные Б. Г. Кудрявцевым, показывают, на-

пример, что знаки и знаки являются аллографами одного и того же знака [6, 225].

4. Один и тот же знак может иметь разное направление в строке. В параллельных рядах, отмеченных Кудрявцевым, знаки *моа* (петух)

, *ухи* (ямс) и человека могут быть направ-

лены то влево, то вправо.

5. Палеографический анализ показывает, что некоторые знаки рапануйского письма не несут, видимо, никакой смысловой нагрузки, а выступают в качестве «знаконосцев». К числу их относятся, например, знаки человека, птицы (иногда эти знаки могли выступать и в роли детерминативов).

Такой вывод вытекает из следующих примеров:

а) при повторении одного и того же блока знак человека опускается (см. стр. 280, IV⁵);

б) поза человека, форма и положение головы, а также рук, ног (как и начертание других знаков) зачастую не играют никакой роли (см. стр. 280, V);

---

⁵ Черточка в изображении блока означает пропуск переписчиком-рапануйцем знака человека. Обращает на себя внимание упрощенное написание в некоторых случаях двух последних знаков.

в) в некоторых блоках, как показывают параллельные отрывки, знак равен части знака. Сравним блоки, в которых знак человека исчез, дана только рука или нога (см. стр. 280, VI).

Итак, все отмеченные выше особенности рапануйских иероглифических текстов свидетельствуют, что перед нами еще не установившаяся окончательно система письма.

Такое состояние письменности полностью соответствует уровню развития рапануйского общества — периоду становления государственности. В то же время указанные особенности рапануйского письма вряд ли можно объяснить заимствованиями извне.

Остановимся еще на одном, последнем вопросе: когда могло возникнуть рапануйское письмо? Как уже отмечалось ранее, многие знаки письма совпадают с наскальными изображениями и рисунками о-ва Пасхи. Однако рисунки, выполненные краской на стенах и потолках каменных хижин Оронго, не имеют параллелей среди знаков письма. Так, в письме не представлен хорошо известный по фольклорным памятникам полинезийский бог дождя Хиро, колоритные изображения которого часто встречаются на Оронго. В письме нет знака, который изображал бы трехмачтовый парусник с фресок хижин Оронго (Хейердал считает его изображением древнеперуанского судна) [15, 237].

Еще в 1940 г. Метро отмечал, что каменные постройки Оронго датируются более поздним временем, чем петроглифы близлежащих скал. Археологи Норвежской экспедиции относят строительство этих хижин к 1540—1576 гг. Можно предполагать, следовательно, что в этот период существовало уже вполне сложившееся рапануйское письмо.

Хейердал отмечает, что мотив плачущего бога, изображение трехмачтового парусника, как и многие элементы рапануйской культуры, — это результат американских влияний, которые имели место по крайней мере дважды на протяжении истории о-ва Пасхи [15, 536]. Объем археологических работ не позволяет пока со всей определенностью подтвердить или опровергнуть это положение норвежского ученого. Но даже если Хейердал прав относительно генезиса ряда наскальных изображений, то с его точкой зрения на происхождение рапануйского письма согласиться нельзя.

Суммируя сказанное выше, приходим к следующим выводам:

1. Рапануйское иероглифическое письмо возникло на основе пиктографии, от которой до нашего времени сохранились лишь петроглифы. Влияние древних перуанцев (метод перевернутого бустрофедона) вполне возможно.

2. Рапануйская иероглифика, возникшая в период становления классов и возникновения государственности, представляет собой недостаточно развитую систему письма.

3. Рапануйское письмо возникло задолго до появления на о-ве Пасхи европейцев (во всяком случае, не позже XVI в.). Следовательно, тексты кохау ронгоронго отражают особенности старорапануйского языка, весьма отличного от языка XIX — начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Ф. К истории древних германцев, — К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 19.
2. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана, — К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21.
3. Бутинов Н. А. и Кнорозов Ю. В. Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи, — СЭ, 1956, № 4.

4. Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964.
5. Истрин В. И. Возникновение и развитие письма, М., 1965.
6. Кудрявцев Б. Г. Письменность острова Пасхи,— сб. МАЭ, т. XI, 1949.
7. Ольдерогге Д. А. Параллельные тексты некоторых иероглифических таблиц с острова Пасхи (по неопубликованным данным Б. Г. Кудрявцева),— СЭ, № 4, 1947.
8. Ольдерогге Д. А. Параллельные тексты таблиц острова Пасхи «Кохау ронгоронго»,— сб. МАЭ, т. XI, 1949.
9. Barthel Th. Grundlagen zur Entzifferungen der Osterinselschrift, Hamburg, 1958.
10. Brown J. M. A New Pacific Ocean Script,— «Man», т. XIV, 1914, № 6.
11. Engler S. La tierra de Hotu Matu'a. Historia, etnología y lengua de la isla de Pascua, Padre Las Casas (Chile), 1948.
12. Geiseler W. Die Oster-Insel, Berlin, 1883.
13. Heine-Geldern R. Politische Zerteilung, Exogamie und Kriegsursachen auf der Osterinsel,— «Ethnologica», т. 2, 1960.
14. Henry T. Ancient Tahiti, Bernice P. Bishop Museum, Honolulu, 1928, № 48.
15. Heyerdahl Th., Ferdon Ed. (eds.). Reports of the Norwegian Archaeological Expedition to Easter Islands and the East Pacific, т. 1, Archaeology of Easter Island (eds.), Chicago — New York — San Francisco, 1961.
- 15a. Heyerdahl Th., Ferdon Ed.— «Monographs of the School of American Research and the Museum of New Mexico», № 24, т. 1, Reports of the Norwegian Archaeological Expedition to Easter Islands and the East Pacific, т. 2, Miscellaneous Papers,— «Monographs of the School of American Research and the Kon-Tiki Museum», № 24, т. 2, Stockholm, 1965.
16. Ibarra Grasso D. La escritura indigena Andina, [б. м.], 1953.
17. Ibarra Grasso D. La escritura pascuense,— «Revista Geografica Americana», т. XLI, 1957, № 245.
18. Jaussen T. L'île de Pâques. Historique et écriture, Paris, 1893.
19. Lavachery H. Les Pétroglyphes de l'île de Pâques, т. 1—2, Anvers, 1930.
20. Métraux A. Ethnology of Easter Island, Honolulu, 1940.
21. Métraux A. The Kings of Easter Island,— «The Journal of the Polynesian Society», т. 46, 1937.
22. Moeller C. Die Osterinsel und Peru, Zeitschrift für Ethnologie, 1937, Berlin, т. 1/3.
23. Posnansky A. Tihuanacu. La cuna del Hombre americano, т. I—II, New York, 1945.
24. Routledge C. S. The Mystery of the Easter Island, London, 1919.
25. Thomson W. Te Pito te Henua or Easter Island,— «Annual Reports of the Smithsonian Institution for 1889», Washington, 1891.
26. Williamson R. W. The Social and Political Systems of Central Polynesia, т. II, Cambridge, 1924.

Y. V. Maretin

**VOREWORD. GEOGRAPHICAL AND ETNOGRAPHICAL
INVESTIGATIONS IN THE FAR EAST IN THE EPOCH
OF PETER I AND SUBSEQUENT STUDIES
OF THE PACIFIC BASIN COUNTRIES**

In the Foreword a brief characteristic is given of the scientific services of Peter the Great and the Russian Academy of Sciences, founded by the latter, in the investigation of the Far East. Following in the footsteps of Academician K. von Baer and a number of other scientists and scholars, the author affirms that Russia's advance to the East was impelled by the real necessities of the State and was connected with the solution of key problems of foreign and home policy. It was the emergence of the Russians on the Pacific shores in the mid-17th century and the scientific expeditions of the 1710's, 1740's that provided the basis for the subsequent intensive investigations in this region. After the October Revolution the Soviet scholars took up these traditions. They particularly intensified their activities from the middle of the 1950s.

A. Kh. Rafikov

**THE STUDY OF THE EAST IN THE TIME
OF PETER I**

The article describes the part by Peter I in establishing political and economic contacts with Oriental countries and his activities aimed at providing the foundation for these contacts: the training of interpreters, the opening of a print shop to set up manuscripts in Arabic, the establishment of a depository of Oriental books, the organisation of expeditions to study the cultural heritage of the peoples of the East.

B. P. Polevoi

**PETER I, NICOLAAS WITSEN AND THE PROBLEM
OF «WHETHER AMERICA MEETS ASIA»**

When Peter I set before the Russian navigators I. M. Yevreinov and F. F. Luzhin — and later before Vitus Bering — the task of finding out «whether America meets Asia», he actually introduced a fundamentally

new phase in the history of the North Pacific. It has been often claimed in the literature on the subject that Peter I turned to this problem under the influence of G. W. Leibniz. The author of this article believes that Leibniz had a forerunner — the Dutch geographer Nicolaas Witsen (1641—1717), whose early views Leibniz took up. In contradistinction to Leibniz, Witsen later made the erroneous conclusion that the American Continent came closest to Asian shores in the area of the Kuril Islands and Kamchatka. And this view to some extent was instrumental in Peter's decision to make Kamchatka the base in the search for the western shores of America in 1717-1725. The author examines in detail the reasons that account for the misinterpretation by some researchers of Peter's instructions to Yevreinov and Luzhin, and to Bering.

V. E. Vozgrin

VITUS BERING: GREAT SEAFARER

(Review of Literature Published Abroad)

No review of West European and American writings devoted to the great seafarer Vitus Bering had been ever compiled before (with the exception of the brief and somewhat outdated essay by E. Stensgård). The author of the present article examines and gives brief critical appraisals of 67 works devoted to Bering, which range from sizable monographs to articles. The first publication on the subject in undoubtedly a short report published in Denmark in 1730 — the first printed communication on Bering's First Kamchatka Expedition. The author then lists the works published in the 18th — 20th centuries, dwelling on the essays of the major students of Bering's life and work — the Danish scholar P. Lauridsen and the American scholar F. A. Golder, and also on the works of J. Petersen, the Danish writer and historian.

V. M. Pasetsky

THE PART PLAYED BY RUSSIAN NAVIGATORS OF THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY IN EXPLORING THE NORTH-WEST PASSAGE

Examined in the article is the question of Russia's participation in exploring the possibility of sailing from the Pacific into the Atlantic Ocean along the shores of North America. The author makes available to readers, for the first time, some documents of the first half of the 19th century, which shed light on the voyages of I. F. Krusenstern, O. E. Kotzebu, V. P. Romanov — the explorer of the North Pacific who was one of the Decembrists, the navigators F. P. Lütke and F. P. Wrangel, the activities of Chancellor N. P. Roumyantsev. These documents testify to the important contribution made by Russian navigators in proving conclusively the existence of a sea passage between the Arctic Ocean and the Pacific; the initial proof of this, as M. V. Lomonosov pointed out, had been furnished by Russian trappers and sailors as early as the 17th century. Russian explorations in the North Pacific are regarded by the author as the continuation of explorations devised by Peter I in order to solve the problem of «whether America meets Asia» and to find a sea route from Arkhangelsk to the Pacific.

I. S. Vdovin

THE ITELMEN AND THE KORYAKS IN THE EARLY DECADES OF THE 18th CENTURY

*(Based on the Unpublished Records of A. P. Gorlanov,
Participant in the Kamchatka Expedition)*

The article introduces new material on the Itelmen and the Koryaks, collected by A. P. Gorlanov, member of the Academic Group of the Kamchatka Expedition. The new data pertains to the Itelmen's material culture and language, and to relations between the Itelmen and the Koryaks. It corroborates the genetic distinction between the Itelmen, on the one hand, and the Koryaks and Chukchi, on the other, and sheds some light on the penetration of the reindeer-breeding Koryaks to the south of Kamchatka and their sedentarisation among the Itelmen.

I. I. Ogryzko

TRADE IN KAMCHATKA IN THE 18th — EARLY 20th CENTURIES

Pelts were very nearly the single item to be exported from Kamchatka until the end of the 19th century — mostly sable (which accounted for 80 to 90 per cent of the total value of exported furs), fox, kalan (sea otter, or Kamchatka beaver — *Enhydra lutris*), bear, otter, etc. Imports included implements (knives, axes, saws, hemp for fishing gear), food (salt, flour, etc.), household items (specifically clothing), tobacco and alcohol (the latter was brought in contrary to government injunctions). The overall economic backwardness of the Russian Far East and the underdevelopment of capitalist relations there were utilised by the foreign trading firms and the local merchants who depended on them, in order to establish non-equivalent monopoly trade. Such trade, with barter and loan forms widely employed, caused the direct producers to fall into bondage. And yet trade in Kamchatka was an important factor in stimulating the territory's development. The high demand for Kamchatka's «soft gold» resulted in the rapid growth of the fur trade, and this determined the economic specialisation of the territory, its entry into the all-Russian market, the overcoming of age-old economic stagnation and the strengthening of ties between the Russian and the indigenous populations of Kamchatka.

B. N. Komissarov, T. K. Shafranovskaya

UNKNOWN MANUSCRIPT BY ACADEMICIAN G. I. LANGSDORF DEVOTED TO KAMCHATKA

(On the Occasion of 200 Years of His Birth)

The publication is devoted to an unknown manuscript by the famous Russian naturalist, ethnographer and traveller Academician Grigory Ivanovich (Georg Heinrich) Langsdorf (1774—1852), entitled «Political Portrayal of Kamshatka». In 1804—1807 G. I. Langsdorf repeatedly visited Kamchatka, studied the nature of the Peninsula and the conditions of its inhabitants life.

The published manuscript was written in 1807 during G. I. Langsdorf's stay in Irkutsk and sent to the well-known Russian statesman N. P. Roumyantsev. The manuscript, which is now deposited in the Archives of the Foreign Policy of Russia, contains many interesting observations concerning the natural resources of Kamchatka, its economy and population. It is a new important source for studying the history of the Peninsula.

S. V. Ivanov
THE EARLY IDEAS OF SOME SIBERIAN PEOPLES
ON WORD, THOUGHT AND IMAGE

The author's investigation of the essence and specific features of the Chukchis' and Dolgans' ideas on word and thought have led him to the conclusion that these ideas are not magical, but spontaneously materialistic, and should be regarded in the context of the prehistoric, pre-religious ideas on the links of thinking and the language with reality. Some other Eurasian peoples has similar ideas. The problem calls for further investigation.

E. P. Orlova
MATERIALS ON THE RELIGIOUS BELIEFS
OF NATIVE KAMCHADALS-ITELMEN

The author analyses data collected by the first researchers who studied the Itelmen (S. P. Krasheninnikov, G. W. Steller and others), supplements them with her own observations made during the expedition in 1926—1927 and after, and draws a picture of the religious beliefs of that people. This material makes it possible to draw very interesting conclusions also on the general world outlook of the Itelmen. They regarded their ancient legends as law (S. P. Krasheninnikov), held that a man's life depended above all on the man himself (G. W. Steller), and believed in a happy subterranean afterlife. They did not have any pious feeling for their chief deity — Kutkh (the Raven). Sacrifices were offered to «holy places» — e. g. mountains and volcanoes. Preserved to this day are numerous legends, tokens and taboos connected with the people's main occupations (gathering, fishing, hunting). The difference in the nomenclature of mythical beings in the vocabulary of different groups of Itelmen and some other facts warrant the conclusion that this people evolved from separate groups, which arrived in Kamchatka from different areas and in different periods. In the author's opinion, the Itelmen must have had links with the peoples of Oceania.

B. P. Polevoi, Ch. M. Taxami
THE EARLIEST RUSSIAN DATA
ON THE NIVKHS-GILYAKS
(Middle of 17th century)

The Nivkhs, one of the most mysterious peoples of the Far East, have held the interest of many researchers. The authors of the present article have compiled the first report of the main Russian sources on the

Nivkhs, basing themselves on both published and unpublished material; but their attention is focussed on the sources dated in the middle of the 17th century. The Russians originally learned about the existence of the Gilyaks (Nivkhs) in 1640, during the expedition of I. Y. Moskvitin — the first Russian expedition to the Pacific shores, when the question of joining all of the «Gilyak land» to Russia arose for the first time. In 1644—1645, during V. D. Poyarkov's expedition — the Russians' first advance along the Amur River — a tribute (*yasak*) was levied on the Nivkhs. The first Russian *ostrog* (stronghold) in «Gilyak land» was set up in 1652 by S. V. Polyakov and his associates. The authors of the article further examine the data on the Nivkhs communicated by I. A. Nagiba, Y. P. Khabarov, O. S. Kuznets, the Polish exile A. Kamensky-Dluzik, and, finally, the Russian diplomat N. G. Spaphary. They also consider the Amur Region *yasak* accounts for 1645—1656 and the data of the Dutch scholar N. Witsen. In the concluding part of the article, the authors cite the information on the Nivkhs from the writings of Ilya Skurikhin in the 1730's and Ivan Yakobi in the 1780's and, finally, of G. I. Nevelskoy and his associates in the 1849—1850 — the time when the Nivkhs appealed to the Russian authorities to protect them against the arbitrary actions of the Manchurians and of foreign (mostly American) whalers.

O. P. Petrova

INFORMATION ON JAPAN COMMUNICATED BY THE JAPANESE IN THE TIME OF PETER I

Russia initially learned about the existence of Japan in 1652—1653 from Siberian Cossacks. The information given by Vladimir Atlasov, who in 1697—1699 joined Kamchatka to Russia, further supplemented this data, so that the well-known cartographer Semyon Remezov was able to plot «the Island of Japan» on maps drawn in 1699 and 1701. The author of the article tells about the Japanese named Denbei, whom Atlasov found in Kamchatka and sent to Moscow. Denbei had landed on Kamchatka after the wreck of a Japanese merchant ship driven there by the storm. Upon a conversation with Denbei, Peter I gave orders that a school of the Japanese language be opened in St. Petersburg in 1705, with Denbei as teacher. He was the original source of authentic information on Japan. The second Japanese, Sanima (whose real name is reconstructed by the author of the article as Sanemon and whom she believes to have come from south-eastern Honshu) was shipwrecked near the shores of Kamchatka in 1710. We find an account of this in the writings of Ignaty Kozyrevsky, published for the first time by the Soviet researcher I. I. Ogryzko in 1953. Sanima and some of his mates who survived the shipwreck gave additional information on Japan. The author of the article points out, however, that information on the Kuril Islands reached Russia not through the Japanese (contrary to some reports, Sanima had no command of the Ainu language and had probably never visited the Kuril Islands) but through the first Russian travellers.

V. T. Dashkevich

**THE PROBLEM OF JAPAN'S CULTURAL
CONTACTS WITH EUROPE IN THE 16th — 18th CENTURIES**

(on the Basis of Material from the Hermitage Museum)

Japan's contacts with Europe in the 16th-19th centuries exerted both a direct and an indirect impact on Japanese applied art. This impact was manifested in different ways: first in the use of foreign subjects to ornament Japanese articles, which did not involve the foundations of national art; secondly, in the interaction of different elements belonging to alien cultures, which resulted in breaking the integrity of artistic principles in the shape or ornamentation of the articles. The character of the impact depended on whether the article was intended for the foreign market (e. g., lacquered «namban» articles or for the home market (decorative details of swords by gunsmith Kunisige). The artistic eclecticism of such articles accounts for their limited temporal existence.

Y. V. Ionova

**COMMUNAL RELATIONS IN 19th CENTURY
KOREAN VILLAGE**

The author poses the question of the place held by communal relations in the Korean village in the 19th century — at a time when new, commodity-money relations were developing in Korean economy. An analysis of the socio-economic relations in the Korean village shows the predominant part played by communal relations. During that period there existed: 1) communal forms of land tenure and land ownership; 2) collective forms of labour (*pkhumasi* and *ture* groups) in laying out rice fields, irrigation and water-distribution systems, etc.; 3) communal village self-government to regulate all inter-village relations and execute fiscal duties to the state; 4) communal buildings (*tochkhon*); 5) religious cults and holidays involving the entire village.

V. S. Starikov

**A CHINESE-KITAN BILINGUAL INSCRIPTION
OF THE CHURCHEN PERIOD DATED IN 1134**

The author offers detailed data on the collation of the non-Chinese text of the bilingual inscription dated in 1134, which is traced in Kitan characters but is believed to be in the Churchen language, with authentic Kitan texts of epitaphs on royal tombs. The collation was effected on the basis of a direct and an inverse dictionary, compiled in the process of investigation of the texts with the help of the positional-statistical method. The Kitan characters are reduced to the three-digital transcription, which the author of the article has used in deciphering the Lesser Kitan writing. Of the 72 monograms and polygrams of the basic text of the stele dated in 1134, 32 monograms and polygrams are analogous to those in the Kitan language. Their initial graphemes coincided with Kitan graphemes in 68 cases. Most striking is the full coincidence of all the combinations of variable signs, which are grammatical indicators, in the final and

initial positions in the polygrams; this points directly to the Kitan linguistic affiliation of the non-Chinese text of the stele and the untenability of the attempt to read it in Churchen.

M. F. Chigrinsky

**FROM THE HISTORY OF THE EUROPEAN
COLONISATION OF TAIWAN
(16th — middle of 17th Century)**

The appearance of Europeans in Taiwan was the result of the expansion of European merchant's capital — originally Portuguese (late 16th century) and later Dutch (from the early 17th century). The author uses obscure Dutch works and also Chinese writings to examine the full course of the struggle over Taiwan, giving special attention to the «Dutch period» in the island's history. He convincingly traces the stages of Dutch expansion, beginning with the early expedition of the Dutch East India Company in the early 17th century. According to the Treaty of August 1642, China recognised the Company's right to set up a colony in Taiwan. The course of negotiations and the documents of the period testify that the Chinese did not then regard Taiwan as belonging to China. The author describes the Dutch-Japanese rivalry in Taiwan and the struggle waged by the Dutch East India Company against the Spaniards, which led to the 1637 treaty with Japan on the monopoly right to trade with Taiwan and was terminated in 1642 when the Spaniards were expelled from the island. In 1662 the Chinese general Ch'en Cheng-gung seized Taiwan and put an end to the Dutch colony.

S. A. Maretina

**«BACHELORS' HOUSE» AMONG THE PEOPLES
OF SOUTHEAST ASIA**

«Bachelors' house» («men's house»), an institution of the communal-clan system, used to be wide spread among many peoples of Southeast Asia and Oceania. In traditional society the bachelors' house played a prominent social role, for the younger generation was brought up in this house. Not only did the young men sleep there, but they also imbibed the clan and communal traditions, took part in collective works and were given instruction in military skill. This house was the natural centre of a village, where general meetings were held and where the young men prepared to join the social life of the community. It also played an important part in regulating sexual relations among the young people. The fact that all the youths stayed under the same roof enhanced the social positions of the community, which thus shared with the family one of the latter's most important functions — that of education — and in this way precluded the family's total isolation. Today when the community as a single collective group is giving way to class society, the bachelors' house, that bastion of communal collectivism, is also losing ground.

L. M. Dyomin
THE JAVANESE MADJAPAHIT EMPIRE
AND THE SUMATRAN STATE OF MALAYA

*(From the History of Indonesia
in the 13th and 14th Centuries)*

The author describes the relations between the Madjapahit Empire, which took shape in Java at the end of the 13th century and by the middle of the 14th century came to predominate in the Indonesian Archipelago, and the Sumatran state of Malaya. By 1369 the Sumatran Prince Adityawarman who had been brought up in Java, returned to Sumatra to rule over the state of Malaya. He expanded the territory of Malaya by joining to it the inner regions of Central Sumatra, populated by the Minangkabau, and moved the political centre of his state to these regions. It is there that inscriptions and archeological materials connected with Adityavarman have been discovered. In all probability his state was a despotic monarchy, in which feudal relations were less developed than in neighbouring Java. The feudalised areas wedged into the territories where pre-feudal relations still prevailed. The article sheds light on a little-studied period in Indonesia's history.

E. I. Gnevusheva, V. A. Zharov

S. G. NAVASHIN: FIRST RECIPIENT
OF THE «BUITENZORG GRANT» OF THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES VISITS JAVA IN 1898—1899

(Based on Navashin's Unpublished Diary)

S. G. Navashin, Professor of Kiev University, was the first recipient (in 1898) of the grant established by the Russian Academy of Sciences for research at the Buitenzorg (Bogor) Botanical Gardens. The authors of the article analyse the scientist's unpublished diary, which contains interesting ethnographic and geographic material: scenes of urban and rural life in Java, descriptions of the Javan peasant dwelling, work in the rice fields, and so on. Quite interesting are Navashin's observations concerning the survival of some feudal features among the Javanese. He also noted some features of colonial policy characteristic of the imperialist period (the penetration of foreign and private Dutch capital in Indonesia, the role played by the banks in the country's economic life, etc.), which makes his diary an interesting historical source. The cordial relations between Navashin and the Dutchman Treub, director of the Botanical Gardens, are a good illustration of the beneficial effect which friendship between scientists has for their research.

V. A. Tsyganov

EDUCATION IN COLONIAL INDONESIA
AND THE NATIONAL-LIBERATION MOVEMENT

(1900—1942)

In the middle of the 1920's three educational systems emerged in Indonesia: the government system with overt colonialist segregation and qualifications based on property and social origin; the network of private

schools of individual entrepreneurs, Christian missions and also of the national-liberation Indonesian Unions (mostly Muslim), which adopted the programs of government schools, subsidised and controlled by the colonial administration; and, finally, the national system (Taman Siswa).

Taman Siswa was formed in protest against European education, which served the purpose of supplying the capitalist companies with underpaid clerks, did not take into account the country's national traditions and culture and fostered a stratum of «brown Dutchmen» isolated from their own people. The refusal to collaborate with the colonialists, the stimulation of national self-awareness, of national dignity and patriotism, the inculcation of the conviction that independence alone could open the path to progress and bring about a just social system — all this enabled the Taman Siswa schools to train the cadres for the revolutionary-nationalist unions (Indonesian National Party, Partindo, Gerindo, etc.). That is why Taman Siswa was repeatedly persecuted by the colonial authorities. Taman Siswa, which in 1972 marked its 50th anniversary, was the prototype of the educational system which was built up in the Indonesian Republic.

I. K. Fyodorova

ON THE ORIGIN OF THE RAPANUI SCRIPT

Easter Island is the only Polynesian island whose inhabitants had in the past created an hieroglyphic script. Researchers have expressed different, sometimes incompatible, views concerning the origin and character of the Rapanui script. Some of them deny the Rapanui people's claim to a developed writing system. The facts, however, indicate that the Rapanui script arose on Rapanui soil. When Easter Island was discovered by Europeans, its inhabitants were in the stage of the disintegration of the primitive communal system and the emergence of early class society. Accordingly, Easter Island had the necessary socio-historical prerequisites for the origin of a writing system. There is every reason to believe that the Kohau Rongorongo script was developed by the Miru (the descendants of the companions of the legendary Hotu Matu'a) long before the arrival of the Europeans on the basis of pictographic writing, of which only some petroglyphs are extant. Most of them are identical with certain characters of the hieroglyphic script. Paleographic analysis shows that Kohau Rongorongo exemplifies primitive hieroglyphic writing. A collation of hieroglyphic texts has revealed certain specific traits of the Easter Island hieroglyphic script. Emerging as it did when the social classes were just being formed and the state had not yet come into being, this script, too, was in the process of formation, and reflected the features of the transitional period.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН СССР — Архив Академии наук СССР.
АВПР — Архив внешней политики России.
АИЭАН СССР — Архив Института этнографии Академии наук СССР. Л.
ВИРГО — «Вестник имп. Русского географического общества», СПб.
ГАИО — Государственный архив Иркутской области.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», СПб., Пг.
ЗГАД — «Записки Государственного Адмиралтейского департамента», СПб.
ЗЗСОРГО — «Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», Омск.
ЗИРГО — «Записки имп. Русского географического общества», СПб.
ЗРГО — «Записки Русского географического общества», СПб.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ИАН БССР — «Известия Академии наук Белорусской ССР», Минск.
ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР», М.—Л.
ИВГО — «Известия Всесоюзного географического общества», Л.
ИРГО — «Известия Русского географического общества», СПб.
ИСОАН СССР — «Известия Сибирского отделения Академии наук СССР».
ЛОААН СССР — Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР.
МАЗ — Музей антропологии и этнографии.
НАА — «Народы Азии и Африки», М.
РВ — «Русский вестник», СПб.
СЭ — «Советская этнография», М.—Л., М.
ТИЭ — «Труды Института этнографии Академии наук СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая», Л.
ЦГАВМФ — Центральный государственный архив военно-морского флота, Л.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов, М.
ЦГАДВ — Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока, Томск.
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР, Л.
ЦГИА ЭССР — Центральный государственный архив Эстонской ССР.
ЭВ — «Эпиграфика Востока», М.—Л.
BEFEO — «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», Hanoi — Paris — Saigon.
JASB — «Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal», Calcutta.
JRAI — «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», London.
OZ — «Ostasiatische Zeitschrift, Beiträge zur Kenntnis der Kunst und Kultur des Fernen Ostens», hrsg. von der Gesellschaft für Ostasiatische Kunst, Berlin.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. В. Маретин. Предисловие. Географо-этнографические исследования на Дальнем Востоке в эпоху Петра Первого и дальнейшее изучение стран Тихоокеанского бассейна	5
А. Х. Рафиков. Изучение Востока в Петровскую эпоху	9
Б. П. Полевой. Петр Первый, Николай Витсен и проблема «сошлася ли Америка с Азией»	19
В. Е. Возгрин. Витус Ионассен Беринг. (Обзор зарубежной литературы)	34
В. М. Пасецкий. Роль российских мореплавателей первой половины XIX в. в исследовании Северо-Западного прохода	41
И. С. Вдовин. Ительмены и коряки в первые десятилетия XVIII в. (По неопубликованным материалам участника Камчатской экспедиции А. П. Горланова)	57
И. И. Огрызко. Торговля на Камчатке в XVIII — начале XIX в.	67
Б. Н. Комиссаров, Т. К. Шафранская. Неизвестная рукопись академика Г. И. Лангсдорфа о Камчатке (К 200-летию со дня рождения ученого)	86
С. В. Иванов. Древние представления некоторых народов Сибири о слове, мысли и образе	119
Е. П. Орлова. Верования камчадалов-ительменов (Материалы)	127
Б. П. Полевой, Ч. М. Таксами. Первые русские сведения о нивхах-гиляках	138
О. П. Петрова. Сведения о Японии, полученные от японцев в петровское время	158
В. Т. Дашкевич. К вопросу о культурных связях Японии с Европой в XVI—XVIII вв. (По материалам Эрмитажа)	167
Ю. В. Ионова. Характерные черты сельскохозяйственного производства и общинные отношения в корейской деревне XIX в.	182
В. С. Стариков. Киданьско-китайская билингва чжурчжэньского времени (1134 г.). (Определение киданьской языковой принадлежности текста стелы из Шэньси при помощи позиционно-статистического метода)	191
М. Ф. Чигринский. К истории европейской колонизации Тайваня	196
С. А. Маретина. «Дом холостяков» у народов Юго-Восточной Азии	207
Л. М. Демин. Яванская империя Маджапахит и суматранское княжество Малайю (Из истории Индонезии XIII—XIV вв.)	217
Е. И. Гневушева, В. А. Жаров. Первый «бейтензоргский» стипендиат Российской академии наук С. Г. Навашин на Яве в 1898—1899 гг. (По материалам неопубликованного дневника)	229
В. А. Цыганов. Система просвещения в колониальной Индонезии и национально-освободительное движение (1900—1942 гг.)	241
И. К. Федорова. О происхождении рапануйского письма	274
Резюме статей на английском языке	284
Список сокращений	293

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

выпуск XVII

*Утверждено к печати
Восточной комиссией
Географического общества
Академии наук СССР*

Редакторы *Н. П. Дмитриевская, В. Б. Меньшиков*
Младший редактор *Н. В. Беришвили*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректоры *Г. В. Стругова и М. З. Шафранская*

Сдано в набор 14/X 1974 г.
Подписано к печати 2/XII 1975 г.
А-12662. Формат 70×108^{1/16}. Бум. № 2.
Печ. л. 18,5. Усл. печ. л. 25,9. Уч.-изд. л. 25,25.
Тираж 2500 экз. Изд. № 3434. Заказ № 3158.
Цена 2 р. 88 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Тип. изд-ва «Коммунар»,
г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 150.

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

В ы й д у т :

Лебедев И. А.

Внешняя политика Австралии (1939—1979 гг.).
160 стр.

На берегу Маклая. 328 стр.

Резников В. Л.

Политика кайзеровской Германии в Океании.
128 стр.

*Заказы на книги принимаются всеми магазинами книго-
торгов и «Академкнига», а также по адресу: 117464, Москва,
В-464, Мичуринский проспект. 12, магазин № 3 («Книга—
почтой») «Академкнига».*

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
131	15 св.	умахчу	ушахчу
157	2 сн.	1962	1692
158	1 св.	П. О. Паврет	О. П. Петрова
162	2 св.	перской	гирской
283	18 св.	Islanc	Islands, — «Monographs of the School of American Research and the Museum of New Mexico», N 24, 1, 15a. Heyerdahl Th., Ferdon Ed. (eds), Reports of the Norwegian
	19—20 св.		
294	15 св.	Шафранская	Шафрановская

